МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 2 2020

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 2 2020

Редакционный совет

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
Тетенькин А.В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 2 2020

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 2 2020

Editorial council

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (USA)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Teten'kin A.V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Irkutsk National Research Technical University”
Subscription index in the catalog of JSC “Economic Newspaper” Publishing House
“The united catalog. Russian press. Newspapers and journals” – 41510 (OK+EC)
Address of JSC “Economic Newspaper” Publishing House: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2020

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 2 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Уланов А.А., Канева Е.В., Поплевко Г.Н., Тетенькин А.В. Первые результаты трасологического исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова I на Нижнем Витиме 9

Цыбиктаров А.Д. Реконструкция дипломатии древних кочевников культуры плиточных могил и культуры херексуров эпохи поздней бронзы (Часть II, к постановке проблемы) 29

Номоконов А.А. Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв. 40

Ханов С.А., Боталов С.Г. Орнитоморфные изобразительные образы в оформлении нескольких китайских бронзовых зеркал из музейных собраний и случайных сборов Сибири и Приморья 52

ЭТНОЛОГИЯ

Содномпилова М.М. Лекари-близнецы в культуре тюрко-монгольских народов: круг целительских практик, атрибуты, приемы 67

Болхосоев С.Б. Семантика названия монгольского музыкального инструмента «морин хур» 81

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) 90

Копалкина Е.Г., Илтакова Н.В. Генезис форм трудовой помощи в дореволюционной России 120

Бакшеев А.И. Теория фронтира и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков 130

Гагкуев Р.Г., Миргородский А.В. Генерал П.К. фон Ренненкампф на фронте Русско-японской войны глазами иностранцев 141

Синиченко В.В., Токарева Г.С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны 153

Звягин С.П., Макарчук С.В., Тимербулатов Д.Р. Структура управления и состав служащих пенитенциарной системы Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) 164

Шахеров В.П. Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г. 178

Васенкин А.В. Из истории психоаналитического движения в России, 1904–1932 гг. 192

Оболкин Е.С. Историография причин распада СССР 201

Куклина А.С. Этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии 211

Другова Е.С., Желновакова М.Ф. Становление немедийных коммуникаций религиозных организаций в России в 1990–2010 гг. 222

Черных В.В. Становление и развитие системы профессионального образования правоохранительных учебных заведений Иркутской области 232

РЕЦЕНЗИЯ

Новиков П.А., Петрушин Ю.А. Сохранение исторической памяти: рецензия на сборник документов «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946)» 241

Скорикова Н.А. Дискурс как инструмент формирования социальной реальности: рецензия на монографию «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка…»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России» Д.Н. Шевелева 246

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 2 2020

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Ulanov A.A., Kaneva E.V., Poplevko G.N., Tetenkin A.V. The first results of a traceological study of the Early Holocene blade industry of the Pavlova I site on lower Vitim River 9

Tsybiktarov A.D. Reconstruction of the diplomacy of the ancient nomads of the culture of slab graves and the culture of khereksurs of the Late Bronze Age (Part II, to the statement of the problem) 29

Nomokonov A.A. Horse ammunition in the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries 40

Khanov S.A., Botalov S.G. Ornithomorphic graphic images in the design of several Chinese bronze mirrors from museum collections and random collections of Siberia and Primorye 52

ETHNOLOGY

Sodnompilova M.M. Twin healers in the culture of the Turko-Mongolian peoples: a circle of healing practices, attributes, techniques 67

Bolkhosoev S.B. Semantics of the name of the Mongolian musical instrument “Morin Khur” 81

HISTORY

Bagrin E.A. Siberian “vybornye” troops in the regiment headed by F. Golovin in the period 1686–1690: number and membership (including list of names) 90

Kopalkina E.G., Iltakova N.V. The genesis of forms of labor assistance in pre-revolutionary Russia 120

Baksheev A.I. Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries 130

Gagkuev R.G., Mirgorodsky A.V. General Paul von Rennenkampf on the frontline of Russo-Japanese War through foreigners’ eyes 141

Sinichenko V.V., Tokareva G.S. Work of law enforcement bodies of Russia to counter the suggested diversions on Transsib in the years of the First World War 153

Zvyagin S.P., Makarchuk S.V., Timerbulatov D.R. Management structure and composition of employees of the penitentiary system of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919) 164

Shakherov V.P. Emission activity in Irkutsk after the restoration of Soviet power in 1920 178

Vasenkin A.V. From the history of psychoanalysis in Russia, 1904–1932 192

Obolkin E.S. Historiography of the causes of the collapse of the USSR 201

Kuklina A.S. The stages of formation of the Northeast Asian regional environmental cooperation 211

Drugova E.S., Zhelnovakova M.F. The formation of non-media communications of religious organizations in Russia in 1990–2010 222

Chernykh V.V. Origin and development of professional education system of law enforcement educational institutions of Irkutsk region 232

REVIEW

Novikov P.A., Petrushin Yu.A. Preserving historical memory: review of the collection of documents “Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946)” 241

Skorikova N.A. Discourse as an instrument of forming social reality: review of the monograph of Dmitriy N. Shevelyov: ”Printed word in modern war as bullet and bayonet…”: Ideology, informant work and political propaganda of anti-Bolshevik governments in the east of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920)” 246

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 2 2020

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 2 2020

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-9-28

Первые результаты трасологического исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова I на Нижнем Витиме

© А.А. Уланов[a], Е.В. Канева[a,b], Г.Н. Поплевко[c], А.В. Тетенькин[a]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН, г. Иркутск, Россия
[c] Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье представлены результаты трасологического анализа артефактов пластинчатой индустрии мезолитического облика раннеголоценового возраста со стоянки Павлова I на р. Витим, в Байкало-Патомском нагорье. Стоянка Павлова I открыта в 2012 г. Выделено два культурных горизонта, датируемых около 11–10 тыс. кален. л. н. Оба комплекса хронологически близки и культурно-типологически идентичны друг другу. Они входят в группу стоянок типа Большой Северной на Нижнем Витиме, характеризующихся экстенсивным микропластинчатым расщеплением призматических нуклеусов в основном из кремня. В этой группе стоянка Павлова I на сегодня имеет самый ранний возраст. В результате трасологических исследований установлено, что продукты микропластинчатого расщепления на Павловой I функционально разнообразны. Выделены ножи для мяса, резчики, строгальные ножи, проколки, микроскребки и т. д. Всего 39 орудий в 1-м к. г. и 17 орудий во 2-м к. г. Микропластины применялись как составная часть композитных орудий для обработки материалов различной абразивности и твердости: мясо, шкуры, кость, рог, древесина, минеральное сырье. В то же время следов использования как вкладышей охотничьего вооружения, т. е. следов метания на микропластинах в коллекции Павлова I не обнаружено. Впервые для района Нижнего Витима продемонстрировано многоцелевое использование вкладышевых орудий и пластин-лезвий не в охотничьем оружии, а в инструментальной работе с разнообразными материалами от мяса до мягкого камня. Морфологически однородный инвентарь, в результате проведенного исследования, предоставил информацию о множестве вариантов активности древнего населения.

Ключевые слова: Витим, Байкало-Патомское нагорье, ранний голоцен, мезолит, трасологический анализ, микропластины, призматическое микрорасщепление, вкладыш, составные композитные орудия, технический скол, стоянка типа Большой Северной, стоянка Павлова

Благодарности: Аналитические работы выполнены в Институте Геохимии им. Виноградова СО РАН при поддержке гранта РНФ 19-78-10084. Археологические исследования выполнены по проекту РФФИ № 18-59-22003\18. Авторы выражают благодарность за помощь в проведении исследований П.П. Быкову, Е.И. Демонтеровой, Е. Говри Ру.

Информация о статье: Дата поступления 27 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Уланов А.А., Канева Е.В., Поплевко Г.Н., Тетенькин А.В. Первые результаты трасологического исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова I на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 9–28. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-9-28

The first results of a traceological study of the Early Holocene blade industry of the Pavlova I site on lower Vitim River

© Aleksandr A. Ulanov[a], Ekaterina V. Kaneva[a,b], Galina N. Poplevko[c], Aleksei V. Tetenkin[a]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Institute of Geochemistry named after A.P. Vinogradov, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia

[c] Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article presents the results of a traceological analysis of artifacts of the blade industry of the Mesolithic Type of the Early Holocene age from Pavlova I site on the River Vitim, in the Baikal-Patom Highlands. Pavlova I site was opened in 2012. Two cultural horizons dating to about 11–10 Kyr cal BP were identified. Both cultural components are chronologically close and culturally typologically identical to each other. They are supposed to be a part of a group of sites of the Bolshaya Severnaya Type on lower Vitim River, characterized by extensive micro-blade splitting of prismatic cores, mainly from chert. In this group, the Pavlova I site is at an early age today. As a result of traceological studies it was found that the products of microblade splitting on Pavlova I site are functionally diverse. There are identified meat knives, carvers, planing knives, perforators, microscrapers, etc. A total of 39 tools in the 1st cultural horizon and 17 tools in the 2nd cultural horizon was scored. Microblades were used as an inserts of composite tools for processing materials of various abrasiveness and hardness: meat, skins, bone, horn, wood, soft mineral raw materials. At the same time, traces of the use of hunting weapons as inserts, i.e. traces of throwing on microblades in the collection of Pavlova I site were not found. For the first time for the Lower Vitim district, the multipurpose use of insert tools and bladelets was demonstrated not in hunting weapons, but in instrumental work with a variety of materials from meat to soft stone. A morphologically homogeneous inventory, as a result of the study, provided information on many options for the activity of the ancient population.

Keywords: Vitim River, Baikal-Patom Highlands, Early Holocene, Mesolithic, traceological analysis, microblades, prismatic microsplitting, insert, slotted composite tools, technical spall, site of the Bolshaya Severnaya Type, Pavlova site

Acknowledgements: Analytical work was carried out in the Vinogradov Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant RSF 19-78-10084. Archaeological research was carried out according to the project of the RFBR No. 18-59-22003\18. The authors are grateful for the help to P.P. Bykov, E.I. Demonterova, and E. Gauvrit Roux.

Article info: Received April 27, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Ulanov A.A., Kaneva E.V., Poplevko G.N., Tetenkin A.V. (2020) The first results of a traceological study of the Early Holocene blade industry of the Pavlova I site on lower Vitim River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 9–28. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-9-28

Введение

В 2012 г. одним из авторов этой статьи на Витиме была открыта стоянка Павлова. Разведка нового местонахождения, проводимая в 2014, 2017, 2018 гг., показала два уровня залегания артефактов мезолитического облика, без керамики. Полученные две радиоуглеродные даты позволили отнести материал к началу голоцена. В группе памятников мезолитического, сумнагинского облика на Нижнем Витиме стоянка Павлова оказалась самой ранней. Масса найденных в раскопках призматических пластин побудила приступить к трасологическому анализу их.

Трасологическое направление исследований на Нижнем Витиме впервые начато Н.Н. Кононенко, работавшей на рубеже начала 1990-х гг. с материалами раскопок Е.М. Инешиным Большого Якоря I (Инешин, Тетенькин, 2010). В 2010-е гг. трасологией артефактов Коврижки IV стали заниматься Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция) и Э. Говри Ру (Университет Лазурного Берега, Ницца, Франция) (Тетенькин, Анри, Жакье, Клементьев, Уланов, 2016). При поддержке Э. Говри Ру и под общим руководством Г.Н. Поплевко (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург) начал трасологические работы А.А. Уланов, один из авторов данной статьи.

Трасологические исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии инициированы впервые в археологии Нижнего Витима. Однако актуальность интереса к функциональному анализу призматических пластин и микропластин может быть и шире рамок Витима, поскольку и в археологии Прибайкалья такие исследования ранее не проводились.

За пределами Восточной Сибири ряд исследователей касался функций составных орудий с микропластинами, многофункциональность таких ору-

дий отмечалась неоднократно. Существуют работы, в которых определение функций орудий основано на анализе контекста находок (Yi, Barton, Morgan et al. 2013), однако в большинстве случаев при интерпретации использовался экспериментально-трасологический метод. Для стоянки на о. Жохова выделены орудия для обработки мяса, шкуры, древесины, рога, кости и бивня (Гиря, Питулько, 2003). Анализ следов износа материалов стоянки Среднее озеро V (Западная Чукотка) позволил Н.Н. Кононенко выделить комплекс орудий на микропластинах и реберчатых сколах: четыре резца, два концевых микроскребка, три проколки, два ножа, микродолото, пилку и выемчатый инструмент (Федорченко, 2019). Использование микропластин как составной части вкладышевых наконечников метательного вооружения также подтверждается экспериментально-трасологическим методом (Wood, Fitzhugh, 2018; Elston, Brantingham, 2002). Тем не менее заметим, что в этих исследованиях микропластины не изучались как группа артефактов с особой археологической информативностью, не ставилась задача определить диапазон функций составных орудий с микропластинами. При том что также неоднократно разными авторами высказывалась точка зрения о важной роли изучения микропластинчатого расщепления для понимания адаптации и культурных процессов в финальном плейстоцене – раннем голоцене Сибири и Дальнего Востока.

Давно и широко известен сформулированный Г.И. Медведевым тезис о микропластине как эквиваленте геометрического вкладыша мезолита (Медведев, 1978)[1]. Призматические микропластины как вкладыши охотничьего оружия, начиная с появления микропластинчатого производства на Красном Яру I и др. и заканчивая вкладышевыми орудиями в могильниках неолита, т. е. около 19–5 тыс. некал. л. н., также являются устоявшимся стереотипом восприятия (Медведев, 1966. С. 11. Рис. 8. 1–5, 9. 15–22; Медведев, 1978[2]; Лынша, 1980. С. 5[3]; Базалийский, 2012). Однако научные шаблоны не только не отрицают, а, пожалуй, усиливают стремление к инструментальному – трасологическому исследованию пластин и, в конечном итоге, к верификации самих стереотипов.

Поэтому, несмотря на начальный еще, по сути, этап изучения стоянки Павлова, она интересна как самый ранний и становящийся одним из самых выразительных раннеголоценовых комплексов мезолитического облика на Нижнем Витиме, а трасологические исследования пластин и других продуктов пластинчатой индустрии этого круга стали первыми в региональной практике. Этим результатам посвящена данная статья.

К истории изучения раннеголоценовых археологических комплексов Нижнего Витима

В начальный период археологических исследований Нижнего Витима в 1970-е гг. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой была открыта стоянка Большая Северная, отнесенная к докерамическому времени – сумнагинской культуре, возрастом около 9–6 тыс. некал. л. н. (Мочанов, 1977). В 1990–2000-е гг. Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин открыли и начали изучение раннеголоценовых докерамических комплексов Инвалидный III – пункт 1–1 к. г., пункт 2–3 к. г., пункт 3–2 и 3 к. г., Коврижка II–1–4А к. г., Коврижка III–1–1А к. г. Этот задел был осмыслен как появившееся в археологии Нижнего Витима самостоятельное направление (Инешин, Тетенькин, 2005). В какой-то мере оно оставалось в тени исследований выразительных позднепалеолитических объектов Большой Якорь I, Коврижка III и IV (Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, 2016; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017). Однако во все годы непрестанно осознавалась важность изучения этого периода в деле формирования общей культурно-хронологической схемы района Нижнего Витима (Тетенькин, 2011; Тетенькин, 2018).

Особенностью археологии раннего голоцена Нижнего Витима стало, с одной стороны, продол-

[1] Медведев Г.И. Некоторые замечания о докерамическом периоде Японии и некторые вопросы археологии палеолита и мезолита Северной Азии Археология и этнография Восточной Сибири : тез. докл. науч.-теор. конф. Иркутск, 1978. С. 16–24.

[2] Там же.

[3] Лынша В.А. Мезолит юга Средней Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1980. 28 с.

жение существования финальнопалеолитических традиций каменного производства в лице ассамбляжей палеолитического облика Коврижка II–1–4А к. г., Инвалидный III – пункт 1–1 к. г. С другой стороны, в раннем голоцене возникли комплексы мезолитического облика, впервые представленные стоянкой Большая Северная. Их отличает от первых массовое производство микропластин и пластинок с призматических нуклеусов вместо клиновидных, сужение набора формальных орудий до концевых скребков и галечных тесел с перехватом, расщепление кремня, вулканического стекла, халцедона вместо эффузивных пород дацита, диабаза, порфирита и др.

Комплексы палеолитического облика Коврижка II–1–4А к. г. продемонстрировали сохранение традиций производства т. н. коврижкинской техники подготовки клиновидного нуклеуса, встреченной в сартанское время на Коврижке IV, Авдеихе, Коврижке III (Тетенькин, 2017). При этом на Инвалидном III – пункте 1–1 к. г. представлена типичная для Большого Якоря I юбецоидная техника редуцирования бифаса и подготовки клиновидного нуклеуса снятием лыжевидных сколов (Инешин, Тетенькин, 2005).

Таким образом, в раннем голоцене оформились три группировки археологических комплексов – типа Большого Якоря, типа Авдеихи и типа Большой Северной. Отношение их друг к другу, происхождение обсуждались в ряде публикаций и в данной работе не рассматриваются (Инешин, Тетенькин, 2010. С. 208–213; Тетенькин, 2011; Тетенькин, 2016. С. 307–308; Тетенькин, 2018).

К группе стоянок типа Большой Северной помимо эпонима сегодня относятся Павлова I – 1, 2 к. г., Инвалидный III – пункт 2–3 к. г., Инвалидный III – пункт 3–2, 3 к. г., Коврижка III – 1А к. г. Радиоуглеродная хронология представлена в таблице 1.

Стоит упомянуть в связи со сложившейся проблемой культурной вариабельности спорность употребления на Нижнем Витиме термина мезолит ко времени раннего голоцена в целом. Ситуация осложняется и открытием на Верхнем Витиме

Таблица 1

Радиоуглеродные даты стоянок типа Большой Северной на Нижнем Витиме

Table 1

Radiocarbon data of the sites of Bol'shaya Severnaya Type on Lower Vitim

Археологический комплекс	^{14}C л. н.	Кал. л. н. (95,4 %)	Медиана, л. н.	Материал	Номер образца	Источник
Коврижка III						
Культурный горизонт 1А	8250±190	9549–8641	9202	уголь	СОАН-7965	Тетенькин, 2016
	8135±120	9436–8661	9084	уголь	СОАН-7027	
Павлова I						
Уголь из прослойки в кровле аллювия ниже 2 к. г.	10220±50	12133–11752	11932	уголь	Poz-106966	Уланов, Тетенькин, 2019
Культурный горизонт 2	9630±50	11040–10775	10955	уголь из кострища	Poz-106864	
Инвалидный III						
Пункт 2–3 к. г.	8925±110	10255–9659	10009	уголь из кострища	СОАН-4884	Инешин, Тетенькин, 2005
Пункт 3–3 к. г.	8665±85	9917–9491	9656	уголь	СОАН-5278	
Пункт 3–2 к. г.	8300±130	9528–9010	9278	уголь	СОАН-8840	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (Bronk Ramsey, 2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

древнейшей керамики финальноплейстоценового возраста в 7 культурном горизонте Усть-Каренги (Ветров, 1990[4]; Ветров, 1992[5]; Ветров, 1997; Ветров, 2007; Ветров, 2011).

Вопрос о верхней границе раннеголоценовой донеолитической эпохи на Нижнем Витиме долгое время был открыт и лишь в последнее время стал проясняться с находками в 1 к. г. Коврижки IV керамики с оттисками сетки-плетенки. Радиоуглеродное датирование и стратиграфические работы на Коврижке датируют ее около 7,5 тыс. рад. л. н., т. е. около 8,3 тыс. кал. л. н. Соответственно, в этих пределах оценивается возраст начала неолита на Нижнем Витиме.

Общие сведения

Первые артефакты на территории стоянки Павлова I были найдены А.В. Тетенькиным в борту оврага в июле 2012 г. В 2017 году им же был заложен разведочный шурф, выявивший культуросодержащий уровень в отложениях террасы. Памятник находится в 18 км ниже по течению от районного центра г. Бодайбо, на правом берегу р. Витим, на 8–9-метровой надпойменной аллювиальной террасе (рис. 1). Терраса имеет прирусловой вал с превышением около 1,0 метра над тыловой и прибровочной частью, тело террасы рассечено поперечными ложбинами – промоинами временных водотоков.

В 2018 году на стоянке Павлова I Витимским отрядом им. В.М. Ветрова Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ проведены шурфовочные работы по уточнению границ памятника, ситуации залегания культурных остатков (Уланов, Тетенькин, 2019).

В шурфах № 1–3 на прирусловом валу простиранием более 50 метров выявлено залегание культурных остатков в двух уровнях: 1 культурный горизонт в подпочвенной коричнево-желтой супеси на глубине 0,16–0,30 см и 2 культурный горизонт в зеленовато-светло-бурой супеси в подошве субаэральной пачки отложений на глубине 0,40–0,43 от дневной поверхности. На глубину до 2,10 м пройдены аллювиальные песчано-супесчаные отложения. Они представлены ритмичнослоистыми криогенно деформированными светло- и темно-серыми, оглеенными и ожелезненными прослойками с включениями углефицированных линз и слойков (рис. 2).

1-й культурный горизонт представлен находками 175 артефактов: 68 фрагментов микропластин и 8 пластинок из кремня, 21 кремневой отщеп, 59 кремневых чешуек, 2 фронтальных скола с нуклеусов, 1 реберчатый скол, 16 отщепов из крупнозернистой породы.

Во 2-м культурном горизонте выявлено углистое пятно – остатки кострища и выкладка из шести небольших камней в виде полукольца диаметром 7–8 см. К выкладке прилегали артефакты. В коллекцию артефактов входят два фронтальных скола с призматического нуклеуса из светло-розового кремня, оба с краевой ретушью по одному из продольных краев, 1 реберчатый скол, 32 микропластины, в основном сегментированные, также из кремня серого, розоватого и темно-серого цветов, а также 27 отщепов и сколов из кремня и эффузивных пород камня. Всего – 62 единицы.

По углю из кострища второго уровня получена AMS дата 9630±50 л. н. (Poz-106864), календарный возраст около 10955 л. н. По углю из подстилающей линзы углефицированной древесины в кровле аллювиальной пачки – дата 10220±50 л. н. (Poz-106966). По морфологии и петрографии артефактов оба уровня залегания культурных остатков идентичны друг другу. Возраст 1 культурного горизонта оценивается как близкий датировке 2 к. г.

Артефакты обоих горизонтов представлены призматическими пластинками и микропластинами, фронтальными сколами с призматических нуклеусов, отщепами и чешуйками из кремня и окремнелых пород. С нашей точки зрения, разделение пластинок и микропластин принципиально в

[4] Ветров В.М. Проблемы хронологии и периодизации раннеголоценовых комплексов Верхнего Витима // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археолог. студ. конф. Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. С. 118–120.

[5] Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 17 с.

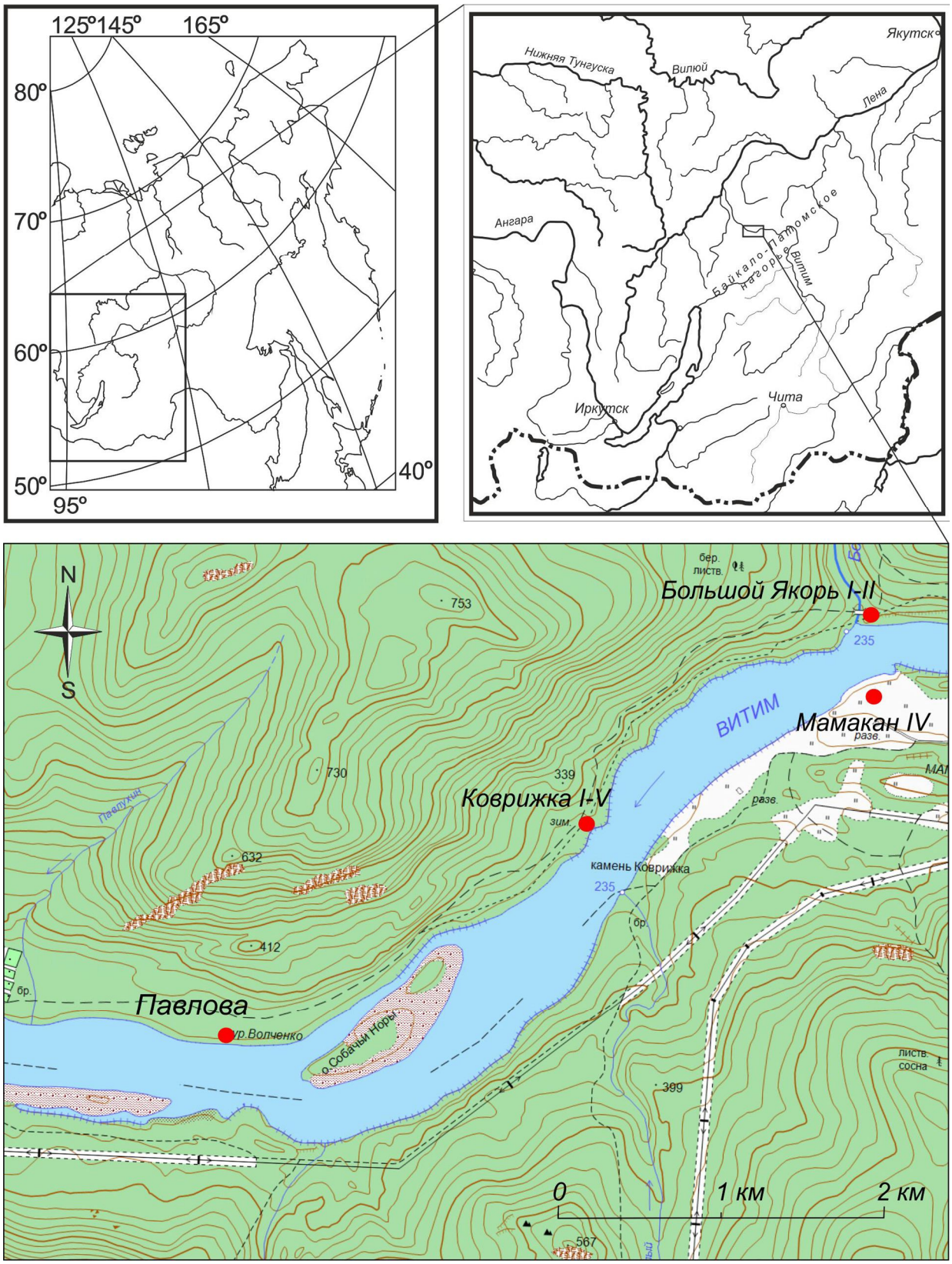


Рис. 1. Карты с указанием региона Прибайкалья, участка долины р. Витим и стоянок Павлова, Коврижка I–V, Большой Якорь I–II, Мамакан IV

Fig. 1. Maps showing the region of Baikal, a part of the valley of River Vitim and sites Pavlova I, Kovrizhka I–V, Bol'shoi Iakor' I–II, Mamakan IV

Рис. 2. Стоянка Павлова I: *1 – общий вид и страгирафия шурфа 2; 2 – стратиграфия шурфа 1*
Fig. 2. Site Pavlova I: *1 – general view and stratigraphy of the test-pit 2; 2 – stratigraphy of the test-pit 1*

рамках настоящего исследования. К микропластинам, в данном случае относятся снятия, размеры которых составляют не более 50 мм в длину, 7 мм в ширину и около 2 мм в толщину. Кроме того, микропластины характеризуются такими свойствами как стандартизация и регулярность снятий. Пластинки обладают большими размерами и меньшей регулярностью (Уланов, Тетенькин, 2019).

Выборка из четырех артефактов была отправлена на порошковый дифракционный анализ, проведенный к. г.-м. н. Е.В. Каневой (Институт геохимии СО РАН, г. Иркутск). Дано общее определение для образцов кремней – скрытокристаллический кварц, содержащий в различной степени примеси альбита, каолинита, кальцита, пирита (табл. 2).

Результаты трасологического анализа

Изучение коллекций комплексов проводилось в соответствии с основными положениями экспериментально-трасологической методики (Семенов, 1957; Семенов, 1963; Keeley, 1980; Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007; Поплевко, 2010; Поплевко, 2016). Для первичного осмотра, анализа следов работы и обработки были использованы стереоскопические бинокулярные микроскопы МБС-9 и МБС-10 с увеличением до 98 раз. Для изучения микрозаполировки использован металлографический поляризационный микроскоп Альтами ПОЛАР 3 с увеличением × 50-х 1200. Для фотофиксации при слабом увеличении использовался цифровой микроскоп Dino-Lite Digital Microscope AM7013MZT с увеличением × 20-х 50 и сопутствующее програмное обеспечение DinoCapture 2.0. Для очистки артефактов использовался технический этиловый спирт в концентрации 70 % и проточная вода. При описании амортизационной микроретуши используются такие параметры как форма фасеток, их расположение относительно друг друга, направление скола, сечение, начало, глубина, рельеф межфасеточных ребер и «зубцов» (Cloud, 2008). Функциональная типология приводится по С.А. Семенову и Г.Ф. Коробковой (Семенов, Коробкова, 1983).

В коллекции 1-го культурного горизонта следы использования обнаружены на 39 артефактах. 31 артефакт определен как ножи по мясу (рис. 3.1–8, 11, 13–17, 20–25, 27; рис. 4.8), 1 как нож по мясу с двумя рабочими лезвиями + микроскребок (рис. 3.18), 1 как микроскребок (рис. 3.9; рис. 4.3), 2 проколки (рис. 3.28; рис. 4.6), 1 резчик (рис. 3.19; рис. 4.5), резчик-скобель и резчик-строгальный нож (рис. 3.12; рис. 4.9) 10 ножей по мясу имеют следы на обоих лезвиях пластин.

В 1 к. г. оба фронтальных скола с призматических микронуклеусов имеют следы использования (рис. 3.9–10). На первом следы присутствуют в дистальной части на дорсальном фасе (рис. 3.9; рис. 4.3). Фасетки амортизационной микроретуши имеют трапециевидную, квадратную и треугольную формы. На левой половине рабочего лезвия фасетки изолированы, на правой – компактно примыкают друг к другу в один ярус. Направление фасеток перпендикулярное, сечение скалярное, реже отраженное. Глубина низкая, начало изогнутое, скругление межфасеточных ребер слабое. Внутри фасеток налегающая тусклая, пятнистая, контраст-

Таблица 2

Результаты порошкового дифракционного анализа артефактов стоянки Павлова I

Table 2

Results of the powder diffraction analysis of artifacts of the Pavlova I site

Образец	Фазовый состав
Павлова I–2 к. г.– обр. 1	Кварц – 98 %, альбит – 2 %
Павлова I–1 к. г. –обр. 2	Кварц – 92 %, каолинит – 6 %, кальцит – 2 %
Павлова I–1 к. г.– обр. 3	Кварц – 77 %, каолинит – 16 %, кальцит – 7 %
Павлова I–1 к. г.– обр. 4	Кварц – 45 %, альбит – 31 %, микроклин – 16 %, кальцит – 5 %, пирит – 3 %

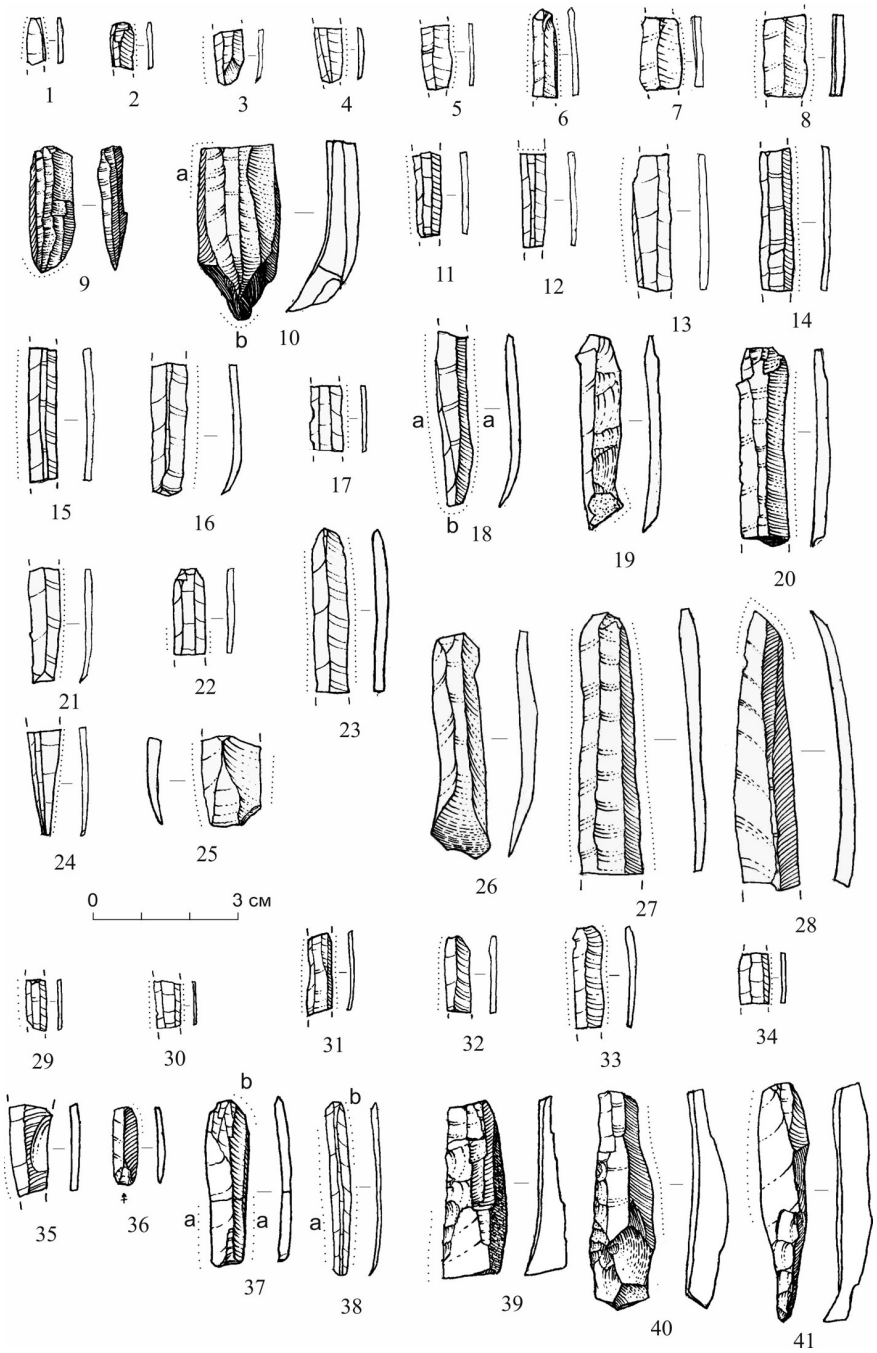


Рис. 3. Стоянка Павлова I. Изделия из камня. 1 культурный горизонт: *1–8, 11, 13–17, 20–25, 27 – ножи для мяса; 9 – микроскребок по кости и рогу; 12 – резчик–строгальный нож по кости и рогу; 18 – комбинированное орудие (a – нож для мяса; b – микроскребок по кости/рогу); 19 – резчик кости/рогу; 26 – без следов; 28 – проколка по шкуре; 10 – комбинированное орудие (a – резчик по минеральному материалу; b – проколка по шкуре);* ***2 культурный горизонт:*** *29–35, 39–40 – ножи для мяса; 36 – резчик-скобель по кости и рогу; 41 – скобель по дереву; 37 – комбинированное орудие (a – резчик по кости и рогу; b – резчик-строгальный нож по кости и рогу); 38 – комбинированное орудие (a – резчик-нож; b – пилка по минеральному сырью)*

Fig. 3. Site Pavlova I. Stone artifacts. cultural horizon 1: *1–8, 11, 13–17, 20–25, 27 – meat knives; 9 – a micro-scraper for the bone and horn; 12 – a carver – planer knife for the bone and horn; 18 – a combined tool (a – a knife for meat; b – a micro-scraper fora bone and horn); 19 – a bone and horn cutter; 26 – without traces; 28 – perforator for the skin; 10 – a combined tool (a – cutter for mineral material; b – perforator for the skin);* ***cultural horizon 2:*** *29–35, 39–40 – knives for meat; 36 – cutter for bone and horn; 41 – scraper for wood; 37 – combined tool (a – bone and horn cutter; b – planer cutter for bones and horn); 38 – a combined tool (a – a carver–knife; b – a saw for mineral raw materials)*

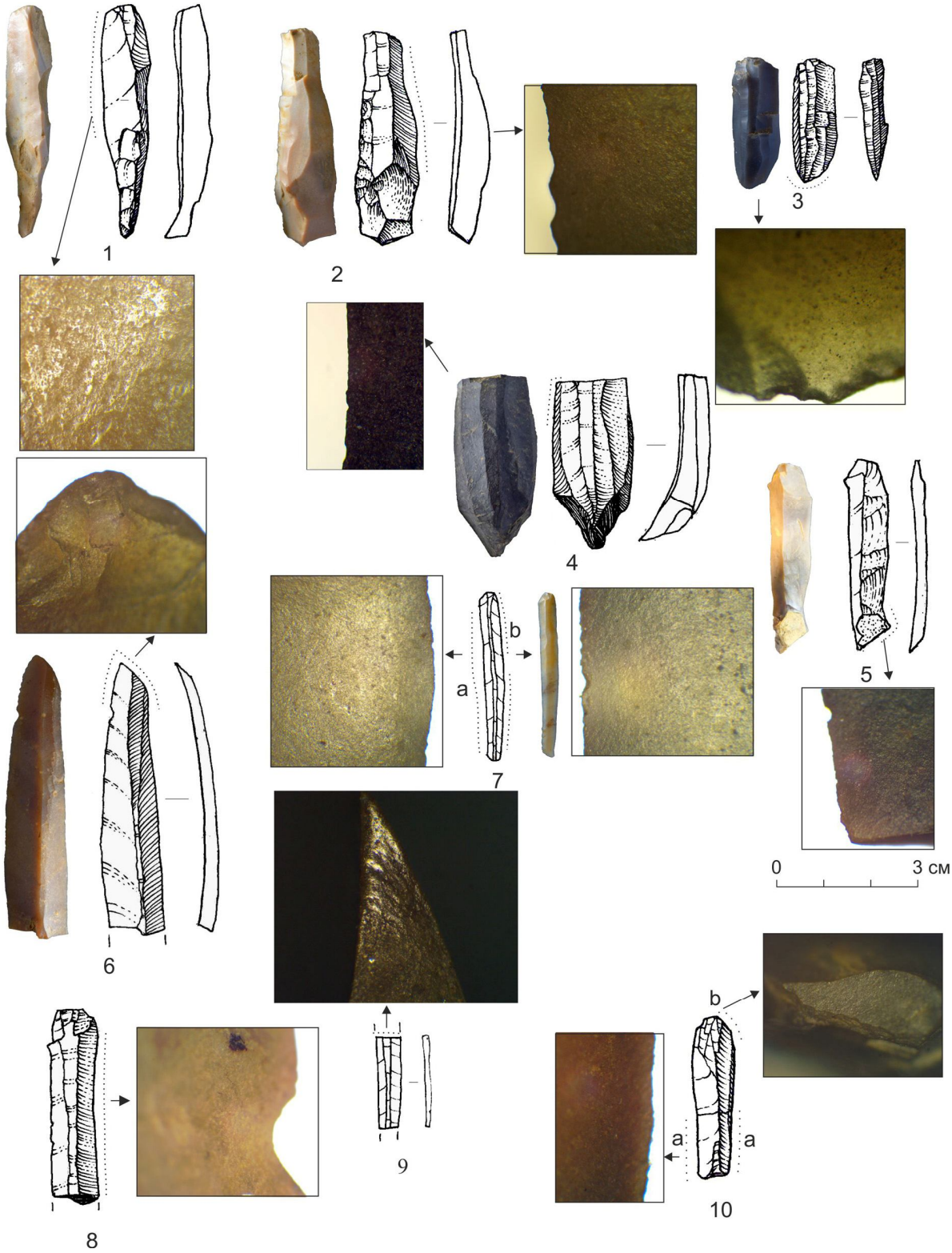


Рис. 4. Стоянка Павлова I, следы использования: *1 – строгание древесины; 2, 8 – ножи для мяса; 3 – микроскребки по кости и рогу; 4 – резчик по мягкому минеральному сырью; 5 – резчик по кости и рогу; 6 – проколка по шкуре; 7a – резчик-нож; b – пилка по мягкому минеральному сырью; 9 – резчик-строгальный нож; 10a – резчик; b – строгальный нож*

Fig. 4. Site Pavlova I, traces of use: *1 – planing wood; 2, 8 – knives for meat; 3 – micro-scrapers for bone and horn; 4 – cutter for soft mineral raw materials; 5 – cutter for bone and horn; 6 – perforator for skin; 7a – knife carver; b – soft mineral sawing saw; 9 – planer knife; 10a – cutter; b – planer knife*

ная микрозаполировка. Таким образом функция орудия интерпретируется как скребок по кости/рогу. Изогнутое начало фасеток и отсутствие следов на вентральном фасе позволяет определить угол работы ~90°.

Второй фронтальный скол представляет собой комбинированное орудие с двумя рабочими участками (рис. 3.10). Дистальный конец обломлен, грани скруглены, что позволяет определить функцию этого участка как проколку по шкурам. Второй рабочий участок локализован на углу схождения проксимальной части и левого маргинала. Следы представлены полулунными фасетками, перпендикулярными линейными следами и тусклой желобчатой заполировкой с глянцем (рис. 4.4). Таким образом, этот рабочий участок интерпретируется как резчик по мягкому минеральному сырью.

Орудия на пластинках представлены несколькими категориями. Категория ножей для мяса, самая массовая, имеет следы в виде полукруглых и полулунных изолированных фасеток (рис. 3.10; рис. 4.8). Направление фасеток перпендикулярное, сечение отраженное, начало коническое, глубина большая. Промежутки между изолированными микрофасетками образуют «зубцы», окончание которых скруглены. Присутствует характерная «мясная» заполировка – умеренно яркая, обволакивающая, бугристая.

К другой категории относится пластинка, интерпретируемая как резчик по кости/рогу (рис. 3.19; 4.5). Следы износа представлены изолированными полукруглыми, трапециевидными и треугольными фасетками. Направление фасеток диагональное. Сечение тонкое, в отдельных случаях скалярное, начало коническое, глубина крайне низкая. Заполировка распространяется не глубоко нитевидно вдоль рабочего лезвия.

Также на одной пластинке обнаружены следы использования в качестве проколки по шкурам (рис. 3.28; 4.6). Следы представлены на дистальном перовидном конце пластинки. Амортизационная микроретушь в виде полукруглых, полулунных, реже трапециевидных фасеток, прилегающих друг к другу в один ярус, распространяется на обоих фасах. Направление диагональное, сечение тонкое, начало коническое, глубина низкая. Заполировка матовая. Следы неутилитарного износа в виде плоской яркой заполировки на этом орудии обнаружены в медиальной части дорсального фаса, на ребре пластинки. С наибольшей вероятностью они связаны с креплением пластинки в рукояти.

Единственное орудие на микропластине, не связанное с обработкой мяса, это резчик-строгальный нож (рис. 3.12; 4.9). Следы использования локализуются на торце микропластины. Представлены тусклой пятнистой объемной микрозаполировкой и скруглением граней. Микрозаполировка распространяется от угла схождения боковых граней неглубоко. Таким образом, эта микропластина интерпретируется как орудие с продольной кинематикой для обработки кости/рога.

Кроме этого, присутствует комбинированное орудие на микропластине с тремя рабочими участками, оба маргинала которого имеют следы разрезания мяса, а на дистальной части присутствуют следы скобления кости/рога (рис. 3.18). Картина следов этого рабочего участка сходна со следами на фронтальном сколе, использовавшегося в качестве микроскребка по кости/рогу. Отличием является группировка фасеток микроретуши, в данном случае многоярусная.

В коллекции 2-го культурного горизонта следы использования обнаружены на 17 артефактах. Тринадцать из них определены как ножи для мяса, 5 из которых имеют два рабочих лезвия (рис. 3.29–35, 39–40). Орудия для обработки кости/рога представлены 1 резчиком-скобелем (рис. 3.36). Присутствует 2 комбинированных орудия на микропластинах (рис. 3.37–38; 4.7, 10). В коллекции 2 к. г. присутствует одна категория изделий, отсутствующая в 1 к. г. – строгальный нож по дереву на реберчатом сколе. Об использовании в качестве орудия именно скола, а не преформы нуклеуса говорит топография следов работы (рис. 3.41; 4.1). На вентральной поверхности они представлены амортизационной микроретушью. Фасетки имеют полулунную и полукруглую формы, расположены отдельно, нерегулярно выступающие грани фасеток сильно скруглены. На дорсальной поверхности от-

мечается глубоко распространяющаяся, плоская яркая заполировка, непрерывная на прикромочном участке. Яркость и глубина заполировки позволяют предположить ошкуривание свежей древесины в качестве функции.

Общее число артефактов со следами работы в 1 к. г. – 39, что составляет 22,41 % от общего числа предметов. Из них 30 (17,24 %) микропластины, 7 (4 %) пластинки, 2 (1 %) фронтальные сколы без ретуши. Во 2-м культурном горизонте следы обнаружены на 17 артефактах, 27,42 % от общего количества. Из них 1 реберчатый скол (1,61 %), 2 фронтальных скола с ретушью (3,33 %), 14 микропластин (22,58 %). Превалирующей категорией для обоих горизонтов являются ножи для мяса. Полные данные о соотношении форм, орудийных функций и обрабатываемого материала приведены в таблице № 3. Таким образом можно заключить, что микропластины использовались для обработки всех категорий материалов (мясо, кость/рог, шкуры, древесина, минеральное сырье). При этом пока определено только одно орудие, связанное с обработкой древесины.

Экспериментальная часть исследования

Для контроля и проверки результатов трасологического анализа была проведена серия экспериментов по обработке кости, древесины, мяса, мягких пород камня (рис. 5.1–2). Удержание производилось рукой без посредника и с помощью рукояти. Пазовые рукояти изготовлены из кости, для крепления использован клей на основе пчелиного воска и смол хвойных пород деревьев (канифоль). Компоненты смешаны при постоянном нагревании в пропорции 60/40 соответственно. В ходе экспериментов изменения рабочего лезвия орудия документировались каждые 15 минут. Описание операций, производимых орудием, учитывает такие критерии как: кинематика, направление, удержание, угол работы (при поперечной кинематике работы), обрабатываемый материал, время использования.

Наиболее интересны результаты экспериментов с категорией резчиков строгальных ножей. В качестве рабочего лезвия для этой категории орудий используется торец микропластины. Кинематика работы продольная, движение однонаправленное. С обрабатываемым материалом контактирует торец микропластины. Работа производилась в течение 3 часов по кости как с естественной поверхностью, так и по заранее прорезанному пазу V-образной формы сечения. Результаты эксперимента показали, что, вероятнее всего, при изготовлении U-образного паза вкладышевого орудия изначально пластиной-резчиком прорезался V-образный паз, а затем резчиком-строгальным ножом он углублялся до состояния U-образного сечения (рис. 5.5–6).

Обсуждение

Подавляющее большинство орудий из микропластин определено в функциях хозяйственной стояночной деятельности – работ по мясу, шкурам, кости, рогу, минеральному материалу (мягкому камню). Вероятный вопрос о том, что отнесенные к категории мясных ножей пластины могли быть вкладышами охотничьего метательного – ударного оружия, авторы допускают лишь частично, а частично снимают, ввиду того, что существуют достаточно разработанные методики опознания таких вкладышей ударных орудий, описаны их трасологические признаки (Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Lazuén, 2015). Трасологическими наблюдениями вкладыши-микропластины охотничьих ударных наконечников были выявлены Э. Говри Ру в 6 культурном горизонте Коврижки IV (ок. 19,0 тыс. кал. л. н.) и одним из авторов данной статьи в 3 к. г. пункта 2 – Инвалидного III (ок. 10,0 тыс. кал. л. н.) и в 1А к. г. Коврижки III (9,2 тыс. кал. л. н.). На стоянке Павлова пластины с такими признаками не обнаружены. Таким образом, микропластины со следами утилизации в материалах стоянки Павлова были не вкладышами охотничьего оружия, а лезвиями стояночного набора орудий. Они полноценно демонстрируют, что в индустриях сумнагинского микропластинчатого облика имел место расцвет вкладышевой техники. Такие орудия использовались, практически, в большинстве сфер производственной деятельности. В комплексах палеолитического облика сартанского или раннеголоценово-

Таблица 3

Результаты трасологического анализа артефактов стоянки Павлова I

Table 3

Tracological analysis of artifacts of the Pavlova I site

Кол-во	Функция	Обрабатываемый материал	Форма	Комбинированное
Культурный горизонт 1				
2	нож 1 рабочее лезвие	мясо	пластинка	–
3	нож 2 рабочих лезвия	мясо	пластинка	–
20	нож 1 рабочее лезвие	мясо	микропластина	–
6	нож 2 рабочих лезвия	мясо	микропластина	–
1	проколка	шкура	фронтальный скол	да
	резчик	камень		
1	проколка	шкура	пластинка	–
1	проколка	шкура	микропластина	–
1	резчик	Кость/рог	пластинка	–
1	микроскребок	Кость/ рог	фронтальный скол	–
1	микроскребок	Кость/ рог	микропластина	да
	нож 2 рабочих лезвия	мясо		
1	Резчик-скобель	Кость/ рог	пластинка	–
1	Резчик-строгальный нож	Кость/ рог	микропластина	–
Культурный горизонт 2				
2	нож 1 рабочее лезвие	мясо	Фронтальный скол	–
6	нож 1 рабочее лезвие	мясо	микропластина	–
5	нож 2 рабочих лезвия	мясо	микропластина	–
1	Резчик-нож	камень	микропластина	да
	пилка			
1	Строгальный нож	древесина	Реберчатый скол	–
1	Резчик-скобель	Кость/ рог	микропластина	
1	Резчик-строгальный нож	Кость/ рог	микропластина	да
	резчик			

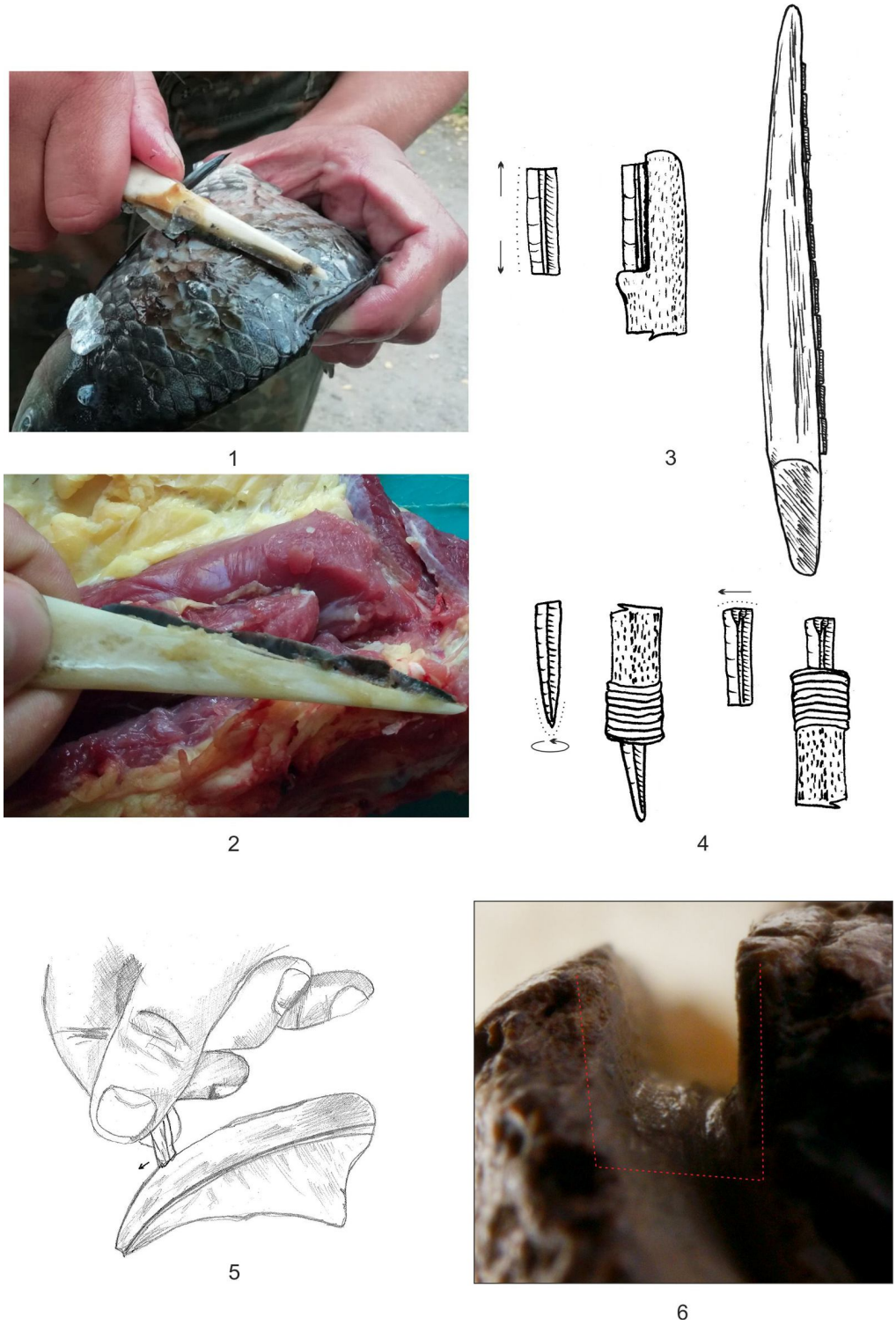


Рис. 5. Эксперименты: *1 – рабочий момент, очистка рыбы; 2 – рабочий момент, обвалка мяса; 3, 4 – варианты крепления микропластин в рукоятях в соответствии со следами использования: 3 – параллельное крепление; 4 – концевое крепление; 5 – кинематика работы резчиком-строгальным ножом (рисунок Е.Р. Хритоненкова); 6 – форма паза, образующегося в результате работы резчиком-строгальным ножом*

Fig. 5. Experiments: *1 – working moment, fish cleaning; 2 – working moment, meat deboning; 3, 4 – mounting options for microblades in the handles in accordance with the traces of use: 3 – parallel mounting; 4 – end mounting; 5 – kinematics of work with a cutter-planing knife (drawing by E.R. Khritonenkov); 6 – the shape of the groove formed as a result of work with a cutting-planing knife*

го возраста эти «домашние» производственные задачи решались морфологически разнообразными сколами с унифасиальной или бифасиальной обработкой и без таковой. На стоянках типа Большой Северной и на Павловой, в частности, это разнообразие орудий исчезает. Следует отметить, что здесь, на Павловой, были утилизированы в роли случайных орудий фронтальные и краевые реберчатые сколы с призматических микронуклеусов (рис. 3. 9–10, 39–41). Сам ресурс (кремень, скрытокристаллический кварц) является приносным для Мамаканского участка долины Нижнего Витима. Можно предположить, что в условиях техники пластинчатого расщепления призматического микронуклеуса материал транспортировался в виде обработанных (пре)-нуклеусов, или галек и кусков кремня, которые были невелики в размерах. Ресурс расходовался экономно и, с этой точки зрения, микропластинчатое расщепление было оптимальным. На ту же экономию указывает то, что в ряде случаев отмечены следы работы на обоих маргиналах микропластин, присутствуют комбинированные орудия, имеющие два и три рабочих лезвия.

Локализация рабочих участков позволяет выделить два варианта крепления микропластин в рукояти. Первый вариант – параллельный, предполагает наличие паза, в который погружается часть микропластины (рис. 5.3). В качестве рабочего участка используется маргинал микропластины или пластинки. Второй вариант крепления – концевой, используется в случае, если в роли рабочего лезвия выступает дистальный или проксимальный конец микропластины (рис. 5.4). Микропластина находится на центральной оси составного орудия, служит его окончанием. Противолежащий рабочему лезвию конец погружается в рукоять, фиксируется в полный обхват. В случае смещения микропластины с центральной линии составного орудия или неполного захвата противолежащего рабочему лезвию конца орудие не сможет осуществлять работу в поперечной кинематике. В особенности это касается орудий для сверления. Микропластины связаны, в том числе, и с охотничьим вооружением, однако на данный момент невозможно утверждать, что эта функция является основной.

Категорию резчиков строгальных ножей с нашей точки зрения можно связать с изготовлением/обслуживанием пазовых вкладышевых орудий, поскольку значительная часть обнаруженных на территории Байкало-Патомского нагорья таких орудий (стоянка Большой Якорь I, к. г. 5, 6, 7) имеет паз U-образоного сечения (Инешин, Тетенькин, 2010).

О форме пазовых обойм можно судить лишь предположительно, экстраполируя знания об имеющихся в распоряжении археологов вкладышевых основ близкого, раннеголоценового возраста. Таковыми, например, являются стержневидные одно- и двухпазовые обоймы стоянки Белькачи I – слоя XX, пещеры Хайыргас, уплощенный однопазовый нож с рукоятью из 9А к. г. Усть-Хайты, разнообразные вкладышевые обоймы «объединенного» и V-го мезолитических горизонтов Усть-Белой (Мочанов, 1977. Табл. 50. *27*; Степанов, Кириллин, Воробьев и др., 2003. Рис. 5. 12, 6. 8–12; Медведев, Слагода, Липнина и др., 2001. Рис. 57. 18. Рис. 60. 22, 30).

Заключение

Трасологическим изучением пластинчатой призматической индустрии стоянки Павлова впервые для района Нижнего Витима было продемонстрировано многоцелевое использование вкладышевых орудий и пластин-лезвий, причем не в охотничьем оружии, а в инструментальной работе с разнообразными материалами от мяса до мягкого камня. Важно отметить, что морфологически однообразные сегменты пластин дали весьма разнообразную информацию о деятельности с ними и в этом смысле «заговорили». Представляется перспективным продолжение таких исследований комплексов типа Большой Северной на Витиме. Можно ожидать, что трасологический анализ позволит выявить функциональную вариабельность применения пластинок и микропластин, а за ними хозяйственную специфику стоянок этой, внешне морфологически однообразной, группы.

Библиографический список

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Ветров В.М. Усть-Каренгская культура и ее место в системе археологических памятников сопредельных территорий // Взаимоотношения народов России, Сибири, и стран Дальнего Востока / Докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф. Кн. 2. Иркутск–Тэгу, 1997. С. 176–180.

Ветров В.М. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2007. С. 29–34.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: Усть-каренгская культура (13000–5000 л. н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 173–187.

Гиря Е.Ю., Питулько В.В. Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: Технолого-трасологический аспект // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Изд-во Геологического института РАН. 2003. С. 74–84.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. под ред. А.В.Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 96–104.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 267 с.

Коробкова Г.Ф. Щелинский В.Е. Методика микромакроанализа древних орудий труда (часть 1). СПб. : 1996. 80 с.

Медведев Г.И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы: (мат-лы и докл. на науч. сессии Ин-та археологии АН СССР). Иркутск: Иркут. обл. краевед. музей, 1966. С. 5–25.

References

Bazaliiskii V.I. (2012) Funeral complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologyes. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1997) Ust-Karenga Culture and its place in the system of archaeological sites of adjacent territories. *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri, i stran Dal'nego Vostoka. Dokl. Vtoroi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kn. 2* = Relations between the peoples of Russia, Siberia, and the countries of the Far East. Proceedings pf the Second International Scientific-Practical Conference. Book 2. Irkutsk – Tegu. P. 176–180. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2007) The oldest traces of ceramic production in East Asia (problems of origin, periodization, terminology). *Antropogen. Paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii* = Anthropogen. Paleoanthropology, Geoarchaeology, Ethnology of Asia. Irkutsk: Ottisk. P. 29–34. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2011) Archaeology of the Vitim Plateau: Ust-Karenga Culture (13000–5000 BP). *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Sb. nauch. st.* = Actual problems of archeology of Siberia and the Far East. Collection of scientific articles. Ussuriisk: Publishing House of the Ussuriisk State Pedagogical Institute. P. 173–187. (In Russ.)

Girya E.Yu., Pitul'ko V.V. (2003) Preliminary results and prospects for the new research on the site of Zhokhov Island: Technological and traceological aspect. *Estestvennaya istoriya rossiiskoi vostochnoi Arktiki v pleistotsene i golotsene* = The natural history of the Russian Eastern Arctic in the Pleistocene and Holocene. Moscow: Geologicheskii instituta RAN. P. 74–84. (In Russ.)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2005) Problems of studying of archaeological sites of the Early Holocene in the Lower Vitim River. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: sb. nauch. tr. pod red. A.V.Kharinskogo* = Sociogenesis in North Asia. Collection of scientific articles. Edited by A.V. Kharinsky. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Pt. 1. P. 96–104. (In Russ.)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2010) Man and the natural environment of the north of Baikal Siberia in the Late Pleistocene. The Bol'shoy Yakor' I site. Novosibirsk: Nauka. 267 p. (In Russ.)

Korobkova G.F. Shchelinskii V.E. (1996) The technique of micro-macroanalysis of ancient tools. St. Petersburg. Pt. 1. 80 p. (In Russ.)

Medvedev G.I. (1966) Archaeological studies of the multi-layered Paleolithic site of Krasny Yar on the Angara in 1964–1965. *Otchety arkheologicheskikh ekspeditsii za 1963–1965 gody: (mat-ly i dokl. na nauch. sessii In-ta arkheologii AN SSSR)* = Reports of Archaeological Expeditions for 1963–1965. Materials and Articles at a Scientific Session of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sci-

Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов А.Г., Роговской Е.О., Ошепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е. Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район / Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии», 1–9 августа 2001 г., г. Иркутск / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: изд-во Иркутского государственного университета, 2001. Т. 2. 242 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 200 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2007. 388 с.

Поплевко Г.Н. Комплексный подход в изучении каменных индустрий (задачи и методика исследований) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. 2010. С. 242–246.

Поплевко Г.Н. Хозяйственные комплексы поселений мезолита-неолита (по данным трасологического анализа) // Седьмые Берсовские чтения. 2016. С. 113–143.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Семенов С.А. Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 191–214.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств: Мезолит – Энеолит. Л. : Наука : Ленингр. отделение, 1983. 255 с.

Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А., Соловьева Е.Н., Ефимов Н.Н. Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 2003. С. 98–113.

Тетенькин А.В. Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2. С. 182–186.

Тетенькин А.В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // Stratum plus. 2016. № 1. С. 265–315.

ences. Irkutsk: Irkutsk Regional Museum of Local Lore. P. 5–25. (In Russ.)

Medvedev G.I., Slagoda E.A., Lipnina E.A., Berdnikova N.E., Generalov A.G., Rogovskoi E.O., Oshepkova E.B., Vorob'eva G.A., Shmygun P.E. (2001) Stone Age of the Southern Angara. Bel'sky Geoarchaeological Area. Guidebook of the International Symposium "Modern Problems of Paleolithic Studies of Eurasia", August 1–9, 2001, Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 2. 242 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A. (1977) The oldest stages of human settlement in Northeast Asia. Novosibirsk: Nauka. 200 p. (In Russ.)

Poplevko G.N. (2007) Methodology for a comprehensive study of stone industries. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. 388 p. (In Russ

Poplevko G.N.(2010) A comprehensive approach to the study of stone industries (tasks and research methods). *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii* = Culture as a system in a historical context: the experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings. P. 242–246. (In Russ.)

Poplevko G.N. (2016) Economic complexes of the Mesolithic-Neolithic settlements (according to the traceological analysis). *Sed'mye Bersovskie chteniya* = Seventh Bersov Readings. P. 113–143. (In Russ.)

Semenov S.A. (1957) Prehistoric technique (the experience of studying the oldest tools and products by the traces of work). Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 240 p. (In Russ.)

Semenov S.A. (1963) The study of primitive technique by experiment. *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* = New methods in archaeological research. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. P. 191–214. (In Russ.)

Semenov S.A., Korobkova G.F. (1983) Technology of the oldest productions: Mesolithic – Eneolithic. Leningrad : Nauka. 255 p. (In Russ.)

Stepanov A.D., Kirillin A.S., Vorob'ev S.A., Solov'eva E.N., Efimov N.N. (2003) Khayyrgas Cave on the Middle Lena (1998–1999 research results). *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Astroarkheologiya. Paleoinformatika. Sb. nauch. tr.* = Ancient cultures of Northeast Asia. Astroarchaeology. Paleoinformatics: Collection of scientific articles. Novosibirsk: Nauka. P. 98–113. (In Russ.)

Teten'kin A.V. (2018) Archeology of the Late Upper Paleolithic and Mesolithic of the Lower Vitim River and the Baikal-Patom Highlands. *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologiya* = News of AltSU. Historical Sciences and Archeology. No. 2. P. 182–186. (In Russ.)

Teten'kin A.V. (2016) Multilayered site Kovrizhka III on Lower Vitim River. Stratum plus. No. 1. P. 265–315. (In Russ.)

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. – М.– Великий Новгород, 2011. С. 94–95.

Тетенькин А.В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 21. С. 107–135.

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. 2017. Вып. 23. СПб., 2017. С. 33–55.

Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А.В., Уланов А.А. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015–2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. № 4 (21). С. 9–18.

Уланов А.А. Тетенькин А.В. Новые данные о местонахождении Павлова I. Технологический контекст каменного производства // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хейхэ. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 310–312.

Федорченко А.Ю. Трасологические исследования комплексов позднего плейстоцена и раннего голоцена Северо-Восточной Азии. История и современное состояние // Вестник Томского госудрственного университета. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. № 60. С. 175–185.

Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon. 59(2). 2017. P. 1809–1833.

Cloud Le statut fonctionnel des bifaces au Paléolithique moyen récent dans le Sud-Ouest de la France. Étude tracéologique intégrée des outillages des sites de La Graulet, La Conne de Bergerac, Combe Brune 2, Fonseigner et Chez-Pinaud / Jonzac, PhD thesis, Université de Bordeaux I. 2008. 546 p.

Elston, R.G. and Brantingham, P.J. (2002), Microlithic Technology in Northern Asia: A Risk-Minimizing Strategy of the Late Paleolithic and Early Holocene. Archeological Papers of the American Anthropological Association, 12: 103-116. doi:10.1525/ap3a.2002.12.1.103

Teten'kin A.V. (2011) The problem of determining the archaeological specificity of the Baikal-Patom Highlands at the end of the Pleistocene – the first half of the Holocene. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. I.* = Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. I. St. Petersburg – Moscow – Velikii Novgorod. P. 94–95. (In Russ.)

Teten'kin A.V. (2017) Technological context of the production and microblade splitting of the cores based on data from cultural horizons 2B and 6 of the Kovrizhka IV site (Vitim River, Baikal-Patom Highlands). *Izvestiya IGU. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* = News of the ISU. Series “Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology”. Vol. 21.P. 107–135. (In Russ.)

Teten'kin A.V., Anri A., Klement'ev A.M. (2017) Kovrizhka IV: Late Paleolithic complex of the 6th cultural horizon. *Arkheologicheskie vesti, In-t istorii material'noi kul'tury RAN* = Archaeological News, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Iss. 23. St. Petersburg. P. 33–55. (In Russ.)

Teten'kin A.V., Anri O., Zhak'e Dzh., Klement'ev A.V., Ulanov A.A. (2016) Studies of the new Paleolithic complex of the cultural horizon 2B of the Kovrizhka IV site on Vitim River in 2015–2016 (preliminary report). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laborotory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. No. 4(21). P. 9–18. (In Russ.)

Ulanov A.A. Teten'kin A.V. (2019) New data of the Pavlova I site. The technological context of stone production. *Materialy LIX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. *Blagoveshchensk – Kheikhe* = Proceedings of the LIX Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists. Blagoveshchensk – Heihe. Blagoveshchensk: BGPU. P. 310–312. (In Russ.)

Fedorchenko A.Yu. (2019) Traceological studies of complexes of the Late Pleistocene and Early Holocene of Northeast Asia. History and current status. *Vestnik Tomskogo gosudrstvennogo universiteta* = Bulletin of the Tomsk State University. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. No. 60. P. 175–185. (In Russ.)

Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon. 59(2). 2017. P. 1809–1833.

Cloud Le statut fonctionnel des bifaces au Paléolithique moyen récent dans le Sud-Ouest de la France. Étude tracéologique intégrée des outillages des sites de La Graulet, La Conne de Bergerac, Combe Brune 2, Fonseigner et Chez-Pinaud / Jonzac, PhD thesis, Université de Bordeaux I. 2008. 546 p.

Elston, R.G. and Brantingham, P.J. (2002), Microlithic Technology in Northern Asia: A Risk-Minimizing Strategy of the Late Paleolithic and Early Holocene. Archeological Papers of the American Anthropological Association, 12: 103-116. doi:10.1525/ap3a.2002.12.1.103

Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points. Experimental results and prehistoric samples // Journal of Danish Archaeology (3). 1984. P. 19–46.

Keeley L. H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis // L. H. Keeley; – University of Chicago Pres. 1980. 213 p.

Lazuén T. Please do not shoot the pianist. Criteria for recognizing ancient lithic weapon use // Journal of Archaeological Science, 2015. V. 46. P. 1–5.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E. M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. 2013. Vol. 55 (4). P. 1869–1887.

Wood J., Fitzhugh B. Wound ballistics: The prey specific implications of penetrating trauma injuries from osseous, flaked stone, and composite inset microblade projectiles during the Pleistocene/Holocene transition, Alaska U.S.A. // Journal of Archaeological Science. V. 91, 2018, P. 104-11.

Yi M., Barton L., Morgan C., Liu D., Chen F., Zhang Y., Pei S., Guan Y., Wang H., Gao Xi., Bettingerf R. L. Microblade technology and the rise of serial specialists in north-central China // Journal of Anthropological Archaeology V. 32, I. 2, 2013, P. 212–223.

Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points. Experimental results and prehistoric samples // Journal of Danish Archaeology (3). 1984. P. 19–46.

Keeley L. H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis // L. H. Keeley; – University of Chicago Pres. 1980. 213 p.

Lazuén T. Please do not shoot the pianist. Criteria for recognizing ancient lithic weapon use // Journal of Archaeological Science, 2015. V. 46. P. 1–5.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E. M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. 2013. Vol. 55 (4). P. 1869–1887.

Wood J., Fitzhugh B. Wound ballistics: The prey specific implications of penetrating trauma injuries from osseous, flaked stone, and composite inset microblade projectiles during the Pleistocene/Holocene transition, Alaska U.S.A. // Journal of Archaeological Science. V. 91, 2018, P. 104-11.

Yi M., Barton L., Morgan C., Liu D., Chen F., Zhang Y., Pei S., Guan Y., Wang H., Gao Xi., Bettingerf R. L. Microblade technology and the rise of serial specialists in north-central China // Journal of Anthropological Archaeology V. 32, I. 2, 2013, P. 212–223.

Критерии авторства

А.В. Тетенькин, А.А. Уланов провели полевые исследования. Е.В. Канева сделала дифракционный анализ образцов каменных артефактов. А.А. Уланов и Г.Н. Поплевко сделали трасологический анализ коллекции. А.А. Уланов, Е.В. Канева, Г.Н. Поплевко, А.В. Тетенькин, написали текст статьи.

Attribution criteria

A.V. Tetenkin, A.A. Ulanov carried out the field work. E.V. Kaneva made diffraction analysis of the samples of stone artifacts. A.A. Ulanov and G.N. Poplevko got the traceological analysis of collection. A.A. Ulanov, E.V. Kaneva, G.N. Poplevko and A.V. Tetenkin wrote the manuscript of the article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Уланов Александр Андреевич,
лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83, Россия,
✉ e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr A. Ulanov,
research assistant of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology, and Life Systems of Peoples of North Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

Канева Екатерина Владимировна,
кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник,
Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Фаворского, 1А, Россия,
руководитель НИЛ «Прикладной геохимии и аналитических методов исследования» кафедры прикладной геологии, геофизики и геоинформационных систем института недропользования,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83, Россия,
✉ e-mail: kaneva@igc.irk.ru

Поплевко Галина Николаевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН,
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Россия,
✉ e-mail: poplevko@yandex.ru

Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83, Россия,
✉ e-mail: altet@list.ru

Ekaterina V. Kaneva,
Cand. Sci. (Geological and Mineralogical Sciences), senior scientific staff,
Institute of Geochemistry named after A.P. Vinogradov, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1A, Favorskogo street, Irkutsk 664033, Russia,
Head of the Research Laboratory of Applied Geochemistry and Analytical Research Methods, Department of Applied Geology, Geophysics and Geoinformation Systems, Institute of Subsoil Use,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kaneva@igc.irk.ru

Galina N. Poplevko,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint Petersburg 191186, Russia,
✉ e-mail: poplevko@yandex.ru

Aleksei V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology, and Life Systems of Peoples of North Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: altet@list.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904(571.54+571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-29-39

Реконструкция дипломатии древних кочевников культуры плиточных могил и культуры херексуров эпохи поздней бронзы (Часть II, к постановке проблемы)

© А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье на основании анализа разнообразных материалов с контактной зоны расселения носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров, которая охватывала степные районы Юго-Западного Забайкалья, Северной, Центральной и часть Восточной Монголии, реконструируются приемы ведения «древней первобытной дипломатии» скотоводов-кочевников Монголии и Забайкалья в эпоху поздней бронзы, в конце II – начале I тыс. до н. э. Источниками информации по рассматриваемой проблеме послужили сведения о территориальном расселении племен этих культур в пределах контактной зоны, хронологическому соотношению их памятников на контактной территории, сведения по палеогеографии региона, особенности палеоэкономики населения обеих культур, формы собственности на землю в традиционных первобытных общностях, материалы планиграфического и стратиграфического характера на могильниках с совместным размещением погребальных объектов культур плиточных могил и херексуров, особенности использования оленных камней в конструкции плиточных могил. На основании анализа указанных групп источников, полученной из них информации реконструированы приемы «древней дипломатической практики» кочевников позднего бронзового века Центральной Азии. Они включали проведение следующих направлений дипломатической практики: переговорные процессы с целью разрешения конфликта на межэтническом уровне мирным путем; экспансию, прямое вторжение на чужую территорию; военный вариант решения конфликта, который сопровождался открытым враждебным противостоянием участников конфликта; возвращение к переговорным процессам с целью определения условий заключения мирного соглашения; установление отношений мирного сосуществования. Они были направлены на урегулирование возникавших межэтнических проблем. В их числе имелись как мирные, так и силовые средства достижения целей. Эти средства нашли материализованное отражение в археологических памятниках – погребениях, культовых стелах, жертвенниках, которые имели сакрализованный характер.

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха поздней бронзы, культура плиточных могил, культура херексуров, палеогеография, миграция, контакты, конфликтная ситуация, реконструкция, дипломатическая практика, переговорные процессы, мирное сосуществование

Информация о статье: Дата поступления 22 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 18 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Цыбиктаров А.Д. Реконструкция дипломатии древних кочевников культуры плиточных могил и культуры херексуров эпохи поздней бронзы (Часть II, к постановке проблемы) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 29–39. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-29-39

Reconstruction of the diplomacy of the ancient nomads of the culture of slab graves and the culture of khereksurs of the Late Bronze Age (Part II, to the statement of the problem)

© Alexander D. Tsybiktarov

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Abstract: Based on an analysis of a variety of materials from the contact zone of the settlement of carriers of the culture of slab graves and the culture of khereksur, which covered the steppe regions of South-Western Transbaikalia, Northern, Central and part of Eastern Mongolia, the methods of conducting “ancient primal diplomacy” of nomadic cattle breeders of Mongolia and Transbaikalia are reconstructed in the Late Bronze Age, at the end of II – beginning of I millennium BC. The sources of information for this problem is the information on the territorial settlement of the tribes of these cultures within the contact zone, the chronological correlation of their sites in the contact territory, paleogeographic information of the region, the paleo-economics of the population of both cultures, land ownership in traditional primitive communities, materials of planigraphic and stratigraphic feature at burial grounds with the joint placement of funeral objects of the culture of slab graves and khereksurs, the features of using deer stones in the construction of slab graves. Based on the analysis of these groups of information sources, the techniques of the "ancient diplomatic practice" of the nomads of the late Bronze Age of Central Asia were reconstructed. They included the following areas of diplomatic practice: negotiations to resolve the conflict at the interethnic level peacefully; expansion, direct invasion of foreign territory; a military solution of the conflict, which was accompanied by an open hostile confrontation between the participants of the conflict; a return to the negotiation processes in order to determine the conditions for concluding a peace agreement; establishing peaceful coexistence relations. They were aimed at resolving inter-ethnic problems. Among them were both peaceful and coercive means of achieving goals. This means of achieving goals found materialized reflection in archaeological sites – burials, religious stelae, altars, which were sacred.

Keywords: Central Asia, Late Bronze Age, the culture of slab graves, the culture of khereksur, conflict situation, paleogeographic, migration, contacts, reconstruction, diplomatic practice, negotiation processes, peaceful coexistence

Article info: Received April 22, 2020; accepted for publication May 18, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Tsybiktarov A.D. (2020) Reconstruction of the diplomacy of the ancient nomads of the culture of slab graves and the culture of khereksurs of the Late Bronze Age (Part II, to the statement of the problem). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 29–39. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-29-39

Введение

Одна из задач археологической науки заключается в реконструкции исторических процессов, происходивших в различных регионах Земного шара в древности. К числу их относится и изучение взаимоотношений между различными этническими общностями, оставившими после себя археологические культуры. Внутри этой проблемы одним из ее аспектов является восстановление приемов, которыми пользовались эти «древние народы» в процессе происходивших между ними контактов как мирного, так и немирного характера. Но, в любом случае, в процессе решения возникавших проблем в конечном итоге вырабатывались механизмы ведения переговорных процессов. В результате постепенно вырабатывалась, выражаясь современным языком, своеобразная «первобытная дипломатия».

Восстановление этой, «первобытной дипломатии», в силу специфики ее развития в условиях «бесписьменной истории» человечества представляет достаточно сложную задачу. Археологические вещественные источники дают достаточно большой объем разнообразной и вполне репрезентативной информации по различным сторонам жизни и быта носителей археологических культур: палеоэкономике, социальной структуре, общественному строю и другим аспектам их истории. Но в силу «бессловесности» вещественных источников в них большей частью не содержится информация по поднимаемой в статье проблеме, ее приходится собирать буквально по крупицам. По вполне понятным объективным причинам исследователям приходится ждать появления источников и информации в рассматриваемом отношении в течение длительного времени. Но тем не менее они постепенно выявляются и по ним понемногу можно восстанавливать приемы ведения переговорных процессов между древними этническими общностями.

Первая часть нашей работы была посвящена характеристике собранной нами источниковой базы по поднимаемой проблеме относительно взаимоотношений носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров позднебронзового времени их существования, конца II – начала I тыс. до н. э. При этом было отмечено, что для ее изучения

сформировалась пусть не слишком большая по объему, но достаточно представительная по разнообразию материалов источниковая база. По нашему мнению, она вполне достаточна для предварительного решения поставленной проблемы. Выявленные источники включают информацию по территориальному распространению этих культур в пределах Монголии и Южного Забайкалья, хронологическому соотношению их памятников на контактной территории, сведения по палеогеографии региона, позволяющие понять причины миграции их населения на территорию друг друга, особенности палеоэкономики населения обеих культур, исходя из которых можно смоделировать возможные варианты развития их взаимоотношений в пределах контактной зоны расселения. Источниками по рассматриваемой проблеме могут являться и материалы планиграфического и стратиграфического характера на могильниках с совместным размещением погребальных объектов культур плиточных могил и херексуров, а также случаи не совсем обычного их расположения на местности. Информацию по поднимаемой теме можно почерпнуть и из изучения характера распространения памятников сакрального характера пришлого населения на новых для него землях – наскальных рисунков, оленных камней. Сведения в рассматриваемом отношении несут в себе антропологические материалы из погребений обеих культур (Цыбиктаров, 2017. С. 352–357).

Обсуждение материалов

Из специальных работ по рассматриваемой проблеме можно отметить главу «Внешнеполитические отношения в кочевом мире Центральной Азии в эпоху бронзы» в учебном пособии Ю.С. Худякова (Худяков, 2003. С. 24–34)[1]. Однако значительная часть главы основана автором пособия на материалах из письменных источников, касающихся других эпох – хуннской и средневековой (Там же. С. 24–29, 34). Но это позволило исследователю обосновать методические подходы к разработке темы дипломатии кочевников Центральной Азии последующих эпох, рассмотренной в других главах работы. Также нельзя не отметить плодотворную попытку Ю.С. Худякова выделить информацию для разработки темы из публикаций исследователей региона и представить свое видение данной проблемы (Там же. С. 29–33).

В качестве источников для разработки дипломатии племен культуры херексуров и культуры плиточных могил Ю.С. Худяков использовал разработанные им классификацию оленных камней, трактовку символики планиграфической организации херексуров, а также случаи вторичного использования оленных камней в плиточных могилах и раскопанные автором данной статьи факты перекрытия кладками плиточных могил оград херексуров на территории Южной Бурятии. Их анализ позволил исследователю прийти к следующим выводам.

По мнению Ю.С. Худякова европеоидное население культуры херексуров совершило экспансию из Западной Монголии на территорию Центральной, Восточной Монголии и Забайкалья с целью, как можно понять из текста главы учебного пособия, завоевания этих земель и подчинения их населения. Пришельцы выражали свое отношение к внешнему миру и инокультурному окружению через нарочитое демонстрирование своей военной мощи посредством повсеместного сооружения своих грандиозных, монументальных погребальных и поминальных памятников – херексуров и оленных камней. Первые, по мнению ученого, своей планиграфией воспроизводили солнце и модель колесницы – ударной мощи войска завоевателей, а оленные камни символизировали воинов-колесничих, героев, обеспечивших захват всех степных пространств Центральной Азии вплоть до самых ее восточных окраин (Там же. С. 30–31). В то же время херексуры и оленные камни представляли собой своеобразную «монументальную пропаганду», рассчитанную на поднятие боевого духа и осознание собственной непобедимости, а также на устрашение враждебных племен (Там же. С. 31), видимо, имеются в виду культуры плиточных могил. При этом взаимоотношения завоевателей и

[1] Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии: учеб. пособие. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 240 с.

местного населения характеризовались отношениями господства и подчинения, исключавшего мирное сосуществование (Худяков, 2003. С. 32)[2]. Но позже, по мнению Ю.С. Худякова, монголоидные племена культуры плиточных могил, освоив совершенное защитное вооружение и научившись успешно противостоять боевым колесницам, в свою очередь завоевали территорию Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии и «развернули настоящую войну против монументальных погребальных и поминальных памятников своих предшественников» со «… стремлением уничтожить не только реального врага, но и память о нем». Эти акты сопровождались истреблением, вытеснением и ассимиляцией завоевателей (Там же. С. 31, 32).

Таким образом, исходя из логики изложения материалов Ю.С. Худякова, одно из направлений древней дипломатии кочевников населения культур херексуров и плиточных могил Монголии и Забайкалья эпохи поздней бронзы проявлялось в политике экспансии и диктата по отношению к инокультурному окружению. У населения культуры херексуров она подкреплялась монументальной архитектурой погребальных и поминальных сооружений, а также воздвижением статуарных памятников в виде оленных камней. У носителей культуры плиточных могил та же политика дополнялась разрушением монументальных погребальных и поминальных сооружений своих врагов.

Другие исследователи бронзового века Монголии и сопредельных с ней областей Южной Сибири отмечали отдельные факты, которые в той или иной мере характеризовали взаимоотношения разных групп населения или археологических культур региона. В частности А.Д. Грач, раскопав в Туве несколько случаев перекрытия алды-бельскими курганами насыпей монгун-тайгинского типа, трактовал их как факты проявления военной победы алды-бельцев над монгун-тайгинцами и завоевания ими территории последних (Грач, 1980. С. 60–61, 93). Мной также рассматривались вопросы взаимоотношения населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в пределах контактной зоны на территории Монголии и Южного Забайкалья с использованием материалов серии взаимного перекрытия конструкций памятников этих культур на нескольких памятниках Южной Бурятии и вторичного использования оленных камней в плиточных могилах в указанных выше регионах (Цыбиктаров, 1999; Цыбиктаров, 2000; Цыбиктаров, 2013 и др.). Однако на результатах проведенной работы здесь останавливаться не будем, поскольку они в той или иной мере будут использованы в настоящей статье.

В целом относительно выявленной в результате анализа материалов раскопок плиточных могил и херексуров на рассматриваемой части территории Монголии и Южного Забайкалья информации можно отметить следующие установленные на настоящее время факты. Причиной взаимных миграций групп населения культур плиточных могил и херексуров на территорию друг друга в конце II – начале I тыс. до н. э., завершившихся образованием громадной по территории зоны совместного расселения, были изменения климата в пределах их проживания в сторону аридизации. Они сократили кормовые возможности пастбищ и заставили скотоводов-кочевников бронзового века оставлять обжитые места и мигрировать на территорию соседних культурных образований, нарушая сложившиеся границы расселения родоплеменных объединений (Цыбиктаров, 2012; Цыбиктаров, 2013). Падение продуктивности степных пастбищ сопровождалось, следует полагать, понижением материального уровня жизни, ростом социальной напряженности в среде степного населения из-за нехватки корма для скота, возможного сокращения его поголовья и уменьшения в целом разнообразной скотоводческой продукции (мясо-молочной, сырьевой для изготовления различных изделий). Эти обстоятельства порождали дополнительный стимул для ухода части населения на новые земли.

Размещение большого количества погребальных насыпей обеих археологических культур херексуров и плиточных могил повсеместно в пределах контактной зоны на одних и тех же памятниках, включая случаи стратиграфического наложения их

[2] Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии: учеб. пособие. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 240 с.

конструкций друг на друга в разных вариациях, свидетельствует о достаточно длительном совместном проживании инокультурных групп населения на одной и той же территории. Вместе с тем пришлое население культуры херексуров при расселении по землям носителей культуры плиточных могил, с учетом занятия племен обеих культур кочевым и полукочевым скотоводством, по объективным причинам должно было вступить в конфликтные отношения с местным населением, т. к. оно затрагивало его жизненно важные хозяйственные интересы. Освоение пришельцами пастбищных угодий автохтонного населения фактически означало сокращение кормовых ресурсов для поголовья скота местных жителей. Антагонизм между пришлыми и местными группами населения усиливался фактором усыхания климата. Данное обстоятельство ставит проблему выяснения характера взаимоотношений между разноэтничными группами населения и урегулирования возникавших между ними проблем.

В первобытных обществах хозяйственно-промысловые угодья всегда рассматривались в качестве жизненно важной неотъемлемой составляющей для обеспечения жизнедеятельности того или иного социума – общины, рода, племени. В результате территория расселения общинных, родовых и племенных объединений рассматривалась их членами в качестве потомственных земельных угодий. По этой причине не допускались хоть какие-либо посягательства на них со стороны не только иноэтничного населения, но и этнически близкой соседней общины, рода или племени. Появление и любая форма расселения в регионе пришельцев, тем более другой этнической принадлежности, могли быть восприняты как акты проявления с их стороны намерений на освоение территории традиционного проживания местной общины, рода или племени.

Уже сам факт появления на территории местного населения культуры плиточных могил пришельцев в лице людей культуры херексуров должен был привести к прямым контактам носителей обеих культур и переговорным процессам между ними по разным вопросам – причинам пришествия населения другой этнической принадлежности на территорию автохтонного населения, характер и продолжительность времени пребывания пришельцев на ней и т. д. Но каким образом, в какой форме такие контакты могли происходить, для нас останется неизвестным в силу отсутствия у населения обеих культур письменности, способной зафиксировать переговорные процессы. Но, исходя из особенностей палеоэкономики населения обеих культур и первобытных представлений родоплеменных объединений о собственности на земельные угодья в пределах зоны своего проживания и осуществления хозяйственной деятельности, можно гипотетически смоделировать развитие отношений местного населения с пришельцами.

Базовой основой палеоэкономики населения обеих культур плиточных могил и херексуров являлось кочевое и полукочевое скотоводство (Сосновский, 1941. С. 308; Окладников, 1954. С. 23; Киселев, 1954. С. 50; Диков, 1958. С. 58; Волков, 1967. С. 92; История Сибири, 1968. С. 214; Наваан, 1973. С. 18–19[3]; Наваан, 1975. С. 152–153; Гришин, 1975. С. 99–100; Гришин, 1981. С. 194–195; Новгородова, 1989. С. 281–283; Членова, 1992. С. 252–253; Цыбиктаров, 2003. С. 33–36[4]; Цыбиктаров, 2018; Цэвэ-эндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008. С. 123; История Бурятии, 2011. С. 134). Поэтому по своему хозяйственно-культурному типу и бытовому укладу и те и другие были привязаны в первую очередь к экологической нише степей и лесостепей, являвшихся пастбищными угодьями для стад скота – основного источника жизнеобеспечения населения рассматриваемых культур. При ухудшении экологической ситуации, связанной с аридизацией климата (Цыбиктаров, 2012), при занятиях кочевым скотоводством миграция населения культуры херексуров из Западной Монголии, мест своего проживания, на восток до Забайкалья и предгорий Хэнтэя в Монголии, где жили носители культуры плиточных могил, должна была преследовать,

[3] Наваан Д. Бронзовый век Восточной Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор, 1973. 27 с.

[4] Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.

прежде всего, поиски и освоение новых пастбищных угодий для той части населения, которая попадала в разряд избыточного и вынуждена была покидать свои традиционные кочевые угодья. В результате приток нового населения при схожем типе экономики затрагивал жизненно важные хозяйственные интересы местного населения культуры плиточных могил. Это обстоятельство неизбежно должно было привести в условиях аридизации климата, сопровождавшейся падением травостоя в степях и снижением продуктивности пастбищ, к возникновению конфликта хозяйственных интересов местного и пришлого населения.

Из описанной выше ситуации можно сделать вывод о том, что кочевники-скотоводы культуры херексуров степей Западной Монголии при невозможности решения возникшего у них экологического и своеобразного продуктового кризиса за счет внутренних ресурсов выход нашли в миграции на земли соседей культуры плиточных могил. Можно предположить, что такое решение принималось, несмотря на сходство базовой основы их экономик (кочевое и полукочевое скотоводство), которое изначально, вне всяких сомнений, прогнозировало военный конфликт с носителями культуры плиточных могил. Вероятно, это была вынужденная мера. Но тем не менее такое принудительное решение позволяет заключить в свою очередь, что одним из направлений дипломатии кочевников-скотоводов позднего бронзового века Центральной Азии было проведение политики военной экспансии по отношению к соседним этническим общностям при отсутствии внутренних ресурсов для решения возникшей проблемы и невозможности ее мирного разрешения при обращении к иноэтничным соседям, в данном случае имеются в виду носители культуры плиточных могил.

Опыт мировой истории на разных этапах ее развития показывает, что любые конфликты, в том числе связанные с вторжением иноэтничного населения, люди пытались, за редким исключением, разрешать сначала путем их мирного урегулирования. Исходя из этого посыла, можно предположить, что и в позднебронзовое время носители культуры херексуров и культуры плиточных могил могли предпринять попытки мирного разрешения предсказуемой конфликтной ситуации. Иначе говоря, можно предполагать, что одним из инструментов «первобытной дипломатии» степняков-кочевников позднебронзового времени степей Монголии и Южного Забайкалья могли быть переговорные процессы с целью достижения мирного исхода прогнозируемого конфликта их жизненно важных экономических интересов.

Однако прагматический подход к оценке последствий мирного варианта разрешения сложившейся конфликтной ситуации в условиях экологического кризиса подводит к выводу о невозможности ее мирного урегулирования во время переговоров, т. к. на «повестке переговорных процессов» стоял вопрос о выживании населения обеих степных культур, образно говоря, «о жизни и смерти» их носителей. В результате оставался военный путь решения конфликта: автохтонному населению культуры плиточных могил – отражать вторжение на свою территорию иноэтничного населения и вытеснять его за пределы своих земель, а людям культуры херексуров – насильственным путем с использованием военного потенциала навязывать автохтонному населению право своего расселения на его территории. К тому же, надо полагать, пришельцы понимали, что обратного пути в прежние места их расселения у них не было из-за нехватки там достаточно продуктивных пастбищ для стад их скота.

На указанный выше вероятный исход переговоров в сторону военного противостояния указывают факты взаимного осквернения погребальных сооружений и святилищ носителей обеих культур. Подобные акты вандализма в условиях родоплеменного общества могли быть вызваны, следует полагать, отрыто враждебными отношениями противостоящих сторон в реальной повседневной жизни, доведенными до крайности из-за непримиримого конфликта хозяйственных интересов. Акты осквернения могил, жертвенников, культовых стел, совершенные одной стороной, неизбежно вызывали ответные адекватные действия другой стороны. Они сопровождались разрушением херексуров и плиточных могил, использованием камней их кла-

док в качестве строительного материала при сооружении «своих» погребальных сооружений и жертвенников, взаимным перекрытием кладок друг друга. Акты подобного характера отражали, вероятно, непримиримую позицию враждующих сторон во взаимоотношениях в реальной жизни. Такие факты, имевшие место на этапе прямого вооруженного противостояния населения обеих культур, установлены раскопками в конце 1990 – начале 2000-х гг. на могильниках Баин-Улан II, Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II в 10–20 км к северо-востоку от г. Кяхты недалеко от границы с Монголией, Шара-хад в окрестностях с. Баин-Булак (Ара-Алцагат) в 12–15 км от границы с Монголией по р. Чикой в Кяхтинском районе, на могильнике Жаргаланта в окрестностях одноименного села в Селенгинском районе в Южной Бурятии.

На указанных выше памятниках кладки насыпей херексуров были разобраны почти до уровня их оснований, обозначенных в конструкции так называемой платформой из огромных рваных кусков камня, и погребальных камер, сооруженных на древней дневной поверхности. В то же время и плиточные могилы, перекрывавшие ограды херексуров или установленные внутри оград херексуров или за их линией, также были полуразобраны и осквернены. На памятнике Тэмэ-хад II все плиточные могилы рядом с жертвенником культуры херексуров были большей частью разобраны, а две плиточные могилы, которые были перекрыты краем кургана-жертвенника пришлого населения, по сравнению с другими плиточными кладками находились в лучшей сохранности, что, вероятно, было сделано людьми культуры херексуров преднамеренно для демонстрации своего отношения к врагам (см. более подробно: Цыбиктаров, 1999; Цыбиктаров, 2013). Таким образом, другой инструмент «первобытной дипломатии» скотоводов-кочевников позднебронзового времени степей Монголии и Южного Забайкалья выражался, в случае невозможности урегулирования конфликта мирными средствами, в его решении военным путем.

Особое внимание обращают факты фрагментации людьми культуры плиточных могил оленных камней – культовых стел пришлого населения и использование их кусков, а также и целых изваяний (порой в перевернутом положении), наряду с камнями кладок херексуров, в качестве строительного материала при сооружении своих могил. Отметим также применение этих изваяний для установки возле плиточных могил сторожевых камней (см. более подробно Цыбиктаров, 2000; Цыбиктаров, 2013. С. 364; Волков, 1981. С. 14–19). Выше описанные материальные следы, оставшиеся от взаимоотношений людей обоих культурных образований, однозначно указывают на прямые военные конфликты между мигрантами и автохтонным населением. Они в итоге дают дополнительную информацию о наличии в дипломатических средствах древних кочевников Центральной Азии военного инструмента в решении возникавших проблем во взаимоотношениях между существовавшими в те времена общностями. Причинами их возникновения стали конфликт жизненно важных хозяйственных интересов, рост интенсивности эксплуатации пастбищных угодий в условиях падения их продуктивности, увеличение плотности населения на контактной территории в ситуации экологического кризиса. Поэтому вряд ли можно ошибиться, предположив, что во время переселения носителей культуры херексуров на территории, заселенные людьми культуры плиточных могил, имели место многочисленные вооруженные столкновения, сопровождавшиеся людскими потерями.

Тот же опыт мировой истории показывает, что военный путь решения конфликта часто с течением времени, если не достигалась однозначная победа какой-то одной из конфликтующих сторон, показывал свою бесперспективность. По мере ее осознания противоборствующие стороны, исходя из принципа «самый худой мир лучше любой самой хорошей войны», возвращались к переговорным процессам с целью определения условий заключения мирного соглашения. Поэтому можно предположить, путем согласования этих условий конфликтующие стороны устанавливали отношения мирного сосуществования. В результате начинался новый этап во взаимоотношениях местного и пришлого населения, когда они вынуждены были, несмотря

на конфликтность экономических интересов, пережитый этап военного противостояния, переходить к установлению мирных отношений и в какой-то форме закреплять новый уровень отношений. Данный период, как и этап вооруженного противостояния, также нашел отражение в материализованной форме погребальных памятников культур плиточных могил и херексуров в Южной Бурятии. Это зафиксировали раскопки на могильнике Улзыт VI в долине р. Чикой в местности Верхний Гужертуй на границе с Монголией.

При раскопках в середине 1980-х гг. на могильнике Улзыт VI был выявлен, первый на то время, случай наложения кладки сдвоенных плиточных могил на круглую ограду херексура. Но сохранность как конструкции херексура в целом, так и плиточных могил характеризовались совсем другими особенностями, чем на могильниках Баин-Улан II, Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II, Шара-хад. Кладки насыпи и ограды херексура, плиточных могил находились в очень хорошем состоянии. Обе плиточные могилы были аккуратно пристроены к круглой ограде херексура. При этом плиты южной стенки ограды одной из плиточных могил были аккуратно прислонены к камням ограды херексура, которые полностью сохранились под кладкой плиточной могилы. Ограда херексура вообще была не потревожена. То же самое можно сказать о насыпи херексура. Лишь с южной стороны от валунно-цистовой камеры камни насыпи были выбраны до уровня древнего горизонта в результате более поздней попытки ограбления (Цыбиктаров, 2013. Рис. 5, 6). Попытка ограбления не предпринималась плиточниками. Являясь современниками «строителей» херексура, они, точно зная, где находится его погребальная камера, при ограблении или осквернении херексура не могли ошибиться. Кроме этого, в одном из так называемых поминальников-колечек херексура были помещены фрагменты керамики штрихованного типа, характерной для носителей культуры плиточных могил. С другой стороны, к востоку от средней части кладки сдвоенных плиточных могил располагались необычные для плиточных могил две миниатюрные кладки из четырех камней, напоминающие поминальники у оград херексуров. Эти факты можно интерпретировать как своеобразное «взаимопроникновение» элементов одной культуры в область другой, как бы обозначавшей завершение вражды противоборствующих сторон.

Выявленные при раскопках на Улзыте VI вышеописанные факты символизировали, как нам представляется, акт примирения враждующих сторон и его материализацию через сакрализованные стороны их культуры – погребальный обряд, надмогильные и поминальные сооружения. Вряд ли можно усомниться в правоте предположения, что примирению враждующих сторон должна была предшествовать новая переговорная фаза во взаимоотношениях между ними, в результате которой, видимо, оговаривались условия заключения мира и был достигнут положительный результат, зафиксировавшийся в материалах раскопок на Улзыте VI. Таким образом, можно заключить, что древние кочевники Центральной Азии в дипломатических отношениях владели приемом возвращения к переговорным процессам после неудачных опытов решения возникших проблем сначала посредством мирных переговоров, а затем военным путем.

Заключение

Предпринятый в статье анализ части источникового фонда по поднятой в статье проблеме позволяет сделать вывод о том, что в эпоху поздней бронзы у кочевников-скотоводов Центральной Азии в сфере межэтнических взаимоотношений был выработан определенный набор приемов ведения древней «первобытной дипломатии». Они были направлены на урегулирование возникавших межэтнических проблем. В их числе имелись как мирные, так и силовые средства достижения целей. Мирный путь заключался, можно предположить, в проведении переговоров. В случае невозможности достижения мирного исхода обеими сторонами переговорного процесса использовался военный путь достижения цели. При этом в экстраординарных ситуациях, когда на повестке дня стоял вопрос о выживании, «о жизни и смерти», поставленная в такую ситуацию этническая общность культуры херексуров использовала средство про-

ведения своей «внешней» политики в форме прямой открытой экспансии на территорию соседней общности культуры плиточных могил с целью захвата части их земель и пастбищных угодий для избыточных масс своего населения. Данное направление внешней деятельности сопровождалось прямым вторжением на чужую территорию и военным противостоянием.

В случае неосуществимости военной победы стороны использовали, как можно полагать, прием возврата к переговорным процессам, в ходе которых достигали компромисса и оговаривали условия мира во взаимоотношениях на совместной территории жизнеобеспечения. Выражаясь современной терминологией в практике «древней дипломатии» кочевников Центральной Азии существовало, вероятно, какое-то суждение, представление, адекватное понятию «мирное сосуществование».

Реконструируемые в статье возможные направления во взаимоотношениях древних кочевников Монголии и Южного Забайкалья эпохи поздней бронзы нашли материализованное отражение, как нам представляется, в оставленных ими археологических памятниках – погребальных, культовых стелах, жертвенниках. Это стало возможным благодаря связи этих объектов с сакральной стороной жизни их создателей: плиточных могил и херексуров – с погребениями усопших предков, а оленных камней и жертвенников – с исполнением культово-религиозных обрядов. Соответственно и те и другие были освященными объектами в духовной сфере обеих общностей и обладали статусом неприкосновенности. В их разрушении противоборствующие стороны во время военного противостояния открыто выражали свою неприкрытую враждебность по отношению друг к другу. С другой стороны, с учетом именно сакральности их характера, в условиях бесписьменности, т.е. невозможности зафиксировать графическими знаками и символами происходившие события и процессы, через эти же памятники символизировалось примирение враждующих сторон. Это обстоятельство позволяет сделать предположение о том, что в практике «древней дипломатии» носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров в качестве одного из средств отражения происходивших процессов в их взаимоотношениях в реальной жизни выступали сакрализованные объекты их жизнеобеспечивающего комплекса.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на интерпретации других групп источников по поднимаемой проблеме, таких как петроглифические и палеоантропологические источники, некоторые особенности топографического расположения памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров на местности, планиграфии памятников обеих культурных образований и некоторых других. Следует также коснуться такого аспекта проблемы, как характеристика категории людей, которые осуществляли непосредственную «дипломатическую» практику в сложной этнокультурной, военной и «политической» ситуации того времени. Этот круг вопросов автор статьи оставляет для обсуждения в следующей публикации по данной проблеме.

Библиографический список

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 136 с.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

References

Volkov V.V. (1967) Bronze and Early Iron Ages of Northern Mongolia. Ulan-Bator: AN MNR. 148 p. (In Russ.)

Volkov V.V. (1981) Deer Stones of Mongolia. Ulan-Bator: AN MNR. 254 p. (In Russ.)

Grach A.D. (1980) Ancient nomads in the center of Asia. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.)

Grishin Yu.S. (1975) Bronze and Early Iron Ages of East Transbaikalia. Moscow: Nauka. 136 p. (In Russ.)

Grishin Yu.S. (1981) Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe Transbaikalia. Moscow: Nauka. 204 p. (In Russ.)

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.

История Бурятии. Т. I. – Древность и средневековье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.

История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1968. 454 с.

Киселев С.В. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской народной республики. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 46–51.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 383 с.

Окладников А.П. Эпоха первобытнообщинного строя // История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. Т. 1. С. 9–48.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1. С. 273–309.

Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 65–76.

Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. I. Археология. Этнология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 98–102.

Цыбиктаров А.Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы IV Международной научной конференции. Чита, 13–19 сентября 2013 г. Чита: ООО «Экспресс-издательство», 2013. С. 360–373.

Цыбиктаров А.Д. Дипломатия древних кочевников Центральной Азии эпохи поздней бронзы (Часть I. К постановке проблемы, характеристика источниковой базы по материалам культуры плиточных могил и культуры херексуров) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы VIII Международной научной конференции. Чаньчунь, 11–15 сентября 2017 г. Чаньчунь, 2017. С. 348–360.

Dikov N.N.(1958) Bronze Age of Transbaikalia. Ulan-Udeh: Buryat. kn. izd-vo. 108 p. (In Russ.)

History of Buryatia. Vol. I. Antiquity and the Middle Ages. Ulan-Udeh: BNTs SO RAN. 328 p. (In Russ.)

History of Siberia. Vol. 1. Ancient Siberia. Leningrad: Nauka, Leningrad. otdelenie. 454 p. (In Russ.)

Kiselev S.V. (1954) The era of the production of bronze tools. *Istoriya Mongol'skoi narodnoi respubliki* = History of the Mongolian People's Republic Moscow: Academy of Sciences of the USSR. P. 46–51. (In Russ.)

Novgorodova Eh.A. (1989) Ancient Mongolia. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 383 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1954) The era of the primitive communal system. *Istoriya Buryat-Mongol'skoi ASSR* = History of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. Ulan-Udeh: Buryat. kn. izd-vo. Vol. 1. P. 9–48. (In Russ.)

Sosnovskii G.P.(1941) Slab graves of Transbaikalia. *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ehrmitazha* = Proceedings of the Department of the History of the Primitive Culture of the State Hermitage. Vol. 1. P. 273–309. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (1999) Slab graves and kherexurs of Southern Buryatia in the light of the study of some problems of the Bronze Age of Central Asia. *Paleoehkologiya cheloveka Baikal'skoi Azii* = Human paleoecology of Baikal Asia. Ulan-Udeh: BNTs SO RAN. P. 65–76. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2000) Deer stones of the Mongol-Transbaikal type as sources for studying the relationship between the ancient cattle breeders of Central Asia of the Late Bronze Age and Early Iron Age. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. T. I. Arkheologiya. Ehtnologiya* = Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Materials of the international scientific conference. Vol. I. Archeology. Ethnology. Ulan-Udeh: BNTs SO RAN. P. 98–102. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2013) Stages of relations between the population of the culture of slab graves and the culture of khereksurs in Central Asia in the “era of the great migration of peoples” of the Bronze Age. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chita, 13–19 sentyabrya 2013 g.* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Materials of the IV International Scientific Conference Chita: Ehkspress-izdatel'stvO. P. 360–373. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2017) The diplomacy of the ancient nomads of Central Asia of the Late Bronze Age (Part I. On the formulation of the problem, the characteristic of the source base based on the materials of the culture of slab graves and the culture of khereksurs). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chan'chun', 11–15 sentyabrya 2017 g.* = Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Materials of the VIII International Scientific

Цыбиктаров А.Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. – Удаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх уйлдвэр, 2012. С. 283–292.

Цыбиктаров А.Д. Скотоводческое хозяйство носителей культуры плиточных могил Центральной Азии // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 173–189.

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цээндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар: Изд-во АН Монголии, 2008. 239 с.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 247–254.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975. 200 с.

Conference. Changchun, September 11–15, 2017. Chan'chun'. P. 348–360. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2012) Ancient Migrations in Central Asia in the Bronze and Early Iron Age: Causes and Consequences // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. – Ulaanbaatar, National University of Mongolia. P. 283–292. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2008) Cattle breeding farm of slab graves of Central Asia. *Mul'tidistsiplinarnye aspekty izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii* = Multidisciplinary aspects of the study of ancient and medieval history. Novosibirsk: IAEHT SO RAN. P. 173–189. (In Russ.)

Tsehvehehndorzh D., Bayar D., Tsehehndagva Ya., Ochirkhuyag Ts. (2008) Archeology of Mongolia. Ulaanbaatar: AN Mongolii. 239 p. (In Russ.)

Chlenova N.L. (1992) Slab Grave Culture. Steppe zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of USSR. Moscow: Nauka. P. 247–254. (In Russ.)

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975. 200 с. (In Mongol)

Критерии авторства

Цыбиктаров А.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

A.D. Tsibiktarov performed research, on the basis of the obtained results made the generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Цыбиктаров Александр Дондопович,
доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории,
Бурятский государственный университет,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4, Россия,
✉ e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Information about the author

Akexander D. Tsybiktarov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of the World and Russian history,
Buryat State University,
4, Ranzhurova street, Ulan-Ude 670000, Russia
✉ e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 902.64/904
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51

Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв.

© А.А. Номоконов

Забайкальское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», г. Чита, Россия

Аннотация: Восточное Забайкалье являлось регионом, в котором скрещивались судьбы монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов. Эти народы оставили после себя многочисленные памятники, большая часть которых относится к погребениям. Результатом многолетних археологических работ под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева в лесостепной полосе Восточного Забайкалья явилось открытие значительного числа захоронений первой половины II тыс. н. э. и накопление большого фактического материала. Основная масса захоронений расположена в бассейнах р. Ингоды и ее притоках, Ивано-Арахлейских (Беклемишевских) озер, верхнем течении р. Шилки. И.И. Кириллов объединил упомянутые погребения в унудгунскую археологическую культуру, связав ее с тунгусоязычными племенами и определив хронологические рамки существования XII–XV вв. В статье обобщены данные более 80 захоронений, исследованных в лесостепной зоне Восточного Забайкалья, относящихся к первой половине II тыс. н. э. Кратко рассматривается погребальный обряд ундугунской культуры в сравнении с погребальной обрядностью средневековых монголов. Ставится под сомнение принадлежность ундугунской культуры к тунгусоязычным племенам. Делается попытка обоснования культурной идентичности степного и лесостепного населения Восточного Забайкалья. Анализируя предметы конского снаряжения, И.И. Кириллов провел верхнюю границу существования ундугунской культуры XIV–XV вв. В работе более подробно описывается и интерпретируется вещевой комплекс ундугунской культуры, принадлежащий предметам снаряжения верхового коня. Предметы конского снаряжения сравниваются с аналогичными предметами, найденными за пределами лесостепного Забайкалья. На основании анализа вещевого комплекса и погребального обряда уточняются временные рамки существования ундугунской культуры.

Ключевые слова: ундугунская культура, монгольское время, погребальный инвентарь, погребение, конское снаряжение, погребальный обряд, Восточное Забайкалье, монгольская культура, кочевники

Информация о статье: Дата поступления 3 мая 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Номоконов А.А. Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 40–51. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51

Horse ammunition in the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries

© Alexei A. Nomokonov

Transbaikal Regional Branch of the All-Russian Public Organization “The All-Russian Society for the Protection of Sites of History and Culture”, Chita, Russia

Abstract: Eastern Transbaikalia was a region in which the fates of the Mongolian, Turkic and Tungus-Manchu peoples crossed. These peoples left behind numerous sites, most of which relate to burials. As the main result of years of archaeological work under the direction of I. Kirillov and E. Kovychev in the forest-steppe zone of the Eastern Transbaikalia was the discovery of a significant number of graves of the first half of 2 millennium AD and the accumulation of a large factual data. The bulk of the burials are located in the basins of the Ingoda River and its tributaries, Ivano-Arakhleysky (Beklemishevsky) lakes, the upper reaches of the Shilka River. I. Kirillov united the mentioned burials in the Undugun Archaeological Culture, connected it with Tungus-speaking tribes and defined the chronological framework of the existence of the XII–XV centuries. The article summa-

rizes the data of more than 80 burials studied in the forest-steppe zone of Eastern Transbaikalia, belonging to the first half of the second millennium AD. The funerary rite of the Undugun Culture is briefly considered in comparison with the funerary rite of the medieval Mongols. It is questioned whether the Undugun culture belongs to Tungus-speaking tribes. An attempt is made to substantiate the cultural identity of the steppe and forest-steppe population of Eastern Transbaikalia. Analyzing objects of horse equipment I. Kirillov drew the upper boundary of the existence of the Undugun Culture in the XIV–XV centuries. A more detailed description and interpretation of the Undugun Culture's clothing complex, which belongs to items of riding horse equipment. Items of horse equipment are compared with similar items found outside the forest-steppe Transbaikalia. Based on the analysis of the clothing complex and the funeral rite, the time limits are specified.

Keywords: Undugun Culture, Mongolian time, the accompanying inventory, burial, harness, funeral rites, Eastern Transbaikalia, Mongolian culture, nomads

Article info: Received May 3, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Nomokonov A.A. (2020) Horse ammunition in the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 40–51. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51

Введение

Степи и лесостепи Восточного Забайкалья издревле являлись местом проживания кочевых народов. Тысячелетиями здесь существовали различные археологические культуры, сосуществовавшие или сменявшие друг друга. Вначале II тыс. н. э. на территории региона происходит расселение монгольских племен, оказавших большое влияние на хозяйственную и культурную жизнь Восточного Забайкалья. Так, например, в лесостепном Забайкалье происходит смена погребальной обрядности.

Для второй половины I тыс. н. э., на указанной территории характерны две погребальные традиции. Одна из них относится к бурхоутуйской культуре (Ковычев, 2011a). Погребения ее чаще всего расположены в узких и глухих распадках, у подножья гор или скальных выходов, где они сливаются с каменными осыпями (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 20). Для захоронения умершего выкапывалась вытянуто-овальная или подпрямоугольная, с закругленными углами, могильная яма глубиной от 45 до 210 см. Усопшего располагали на спине в вытянутом положении головой на ЗСЗ. Внутримогильных конструкций не обнаружено, но в ряде случаев отмечено, что покойный располагался на каменных ложах-вымостках или в каменных ящиках-цистах (Там же. С. 108). В изголовье умершему, с правой или левой стороны, обычно ставили глиняный горшок с жертвенной пищей – это является одним из маркеров бурхотуйской культуры. После могильную яму засыпали, при этом ее забутовывали камнями. В засыпке могильных ям, наряду с камнями забутовки, встречаются древесные угольки от очистительных очажков и фрагменты костей животных (Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000. С. 74). Сверху могильную яму перекрывали мощной, в три-четыре слоя камней, куполообразной кладкой округлой формы диаметром 3–5 м (Ковычев, 2011a. С. 83).

Вторая погребальная традиция принадлежит дарасунской культуре (Ковычев, 2011b). Для захоронения своих усопших представители дарасунской культуры выбирали южные и юго-западные склоны гор, выкапывая неглубокие (до 90 см) ямы овальной или прямоугольной, но с закругленными углами, формы. Умерших располагали на правом или левом боку с подогнутыми ногами. Руки чаще всего сгибали в локтях и поднимали кистями к лицу (Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000. С. 64). Встречаются погребения, в которых умерший расположен в сильно скорченном положении, с подтянутыми к подбородку или выдвинутыми вперед коленями, в ряде случаев обхваченными руками (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 114). Головой усопших ориентировали на север, СВ, реже – на восток, крайне редко – на ЮВ и СЗ (Ковычев, 2011b. С. 368). Внутримогильных конструкций в захоронениях дарасунской культуры не обнаружено, за исключением ряда погребений, в которых зафиксированы каменные плитки-«подушки», под-

ложенные под голову умершего, или остатки от каменной выкладки под погребенным, а также плиточного или берестяного перекрытия сверху. После устройства умершего в необходимой позе и снабжения определенным инвентарем, а также в ряде случаев жертвенной пищей, представленной бараньей лопаткой с воткнутым в нее ножом, могильную яму засыпали, при этом, в некоторых погребениях фиксируется забутовка ямы камнями (Ковычев, 2011b. С. 368). В засыпке могильных ям встречаются древесные угольки от очистительных очажков, а также часто фрагменты керамических сосудов. В некоторых погребениях очажки разводились на дне ямы. Засыпанную могильную яму сверху перекрывали чаще всего плоской каменной кладкой, в большинстве случаев выложенную в один, реже в два-три слоя. Надмогильные сооружения имеют округлую, овальную или подквадратную форму диаметром до 4 м. Иногда под кладкой фиксируются древесные угольки, фрагменты костей животных и фрагменты керамики.

На смену бурхотуйской и дарасунской культурам приходит новая культура – ундугунская. Могильники ундугунской культуры расположены в лесостепной полосе Восточного Забайкалья в бассейнах р. Ингоды и ее притоках, Ивано-Арахлейских (Беклемишевских) озер, верхнем течении р. Шилки. Чаще всего они находятся на южном или юго-западном склоне горы (реже – на западном), который выходит к ручью или озеру.

Ундугунскую культуру выделил И.И. Кириллов в 70-е гг. XX в. Исследователь соотнес ее с тунгусоязычным населением региона и определил время существования культуры XII–XV вв. (Кириллов, 1983). Исследователь, признавая близость захоронений ундугунской культуры и погребений «раннемонгольского типа», выделял отличительные черты первых, позволяющие отнести ундугунские погребения к тунгусоязычным племенам. К ним относятся: 1) наличие вторичных погребений и использование «лодок-долбленок» (в качестве погребальных колод); 2) широкое использование кости и рога для изготовления различных предметов; 3) различие орнаментальных мотивов на изделиях, близость их к орнаментальным мотивам эвенков – «развитый геометрический узор» (Там же. С. 136–137).

С момента выделения ундугунской культуры прошло порядка 40 лет и, естественно, за этот промежуток времени был накоплен значительный фактический материал. Проанализировав большую часть погребений ундугунской культуры, а это более 80 захоронений, мы пересмотрели позицию И.И. Кириллова о принадлежности ее к тунгусоязычному населению края. По нашему мнению, население лесостепного Забайкалья составляло единую культурную общность с монгольским населением центрально-азиатских и забайкальских степей.

Хотя обоснование данной позиции это тема отдельной работы, постараемся кратко осветить нашу точку зрения. Основываясь на материалах могильников Окошки-I и Чиндант-I, А.В. Харинский охарактеризовал погребальный обряд монголов имперского периода, выделив в нем элементы первого, второго и третьего порядка (Харинский, 2013. С. 130–131; Харинский, Ковычев, Крадин, 2011; Харинский, Ковычев, Крадин, 2016. С. 68). К первому порядку относятся элементы, зафиксированные во всех погребениях: а) сооружение вертикальной могильной ямы; б) наличие плоской овальной или круглой курганной каменной кладки, перекрывающей могильную яму; в) индивидуальные захоронения – одна могильная яма, один погребенный; г) трупоположение вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Ко второму порядку исследователь отнес элементы, отмеченные в более чем 80 % погребений, а именно: а) наличие деревянной внутримогильной конструкции; б) ориентировка усопших на север или СВ. К элементам третьего порядка отнесено наличие в захоронениях костей барана (кости голени, лопатка, позвонки), зафиксированные почти в 50 % захоронений.

Погребения ундугунской культуры вполне вписываются в эту схему. Так, для них характерны и вертикальные могильные ямы, и плоские, в подавляющем большинстве имеющие форму овала (в том числе, вытянуто-овальные и округлые кладки) надмогильные конструкции, и индивидуальные захоронения, за исключением одного случая, за-

фиксированного на могильнике Дворцы-VIII в погребении № 5 (парное захоронение), и положение умершего вытянуто на спине. В 64 % случаев в захоронениях ундугунской культуры зафиксированы деревянные внутримогильные конструкции, подавляющее большинство которых относится к колодам, а в 79 % погребений умерший ориентирован на север, ССВ или СВ. Не является исключением и элемент третьего порядка – в 40 % захоронений зафиксированы бараньи кости, в подавляющем большинстве случаев представленные берцовой костью, находящейся в вертикальном положении в изголовье или в средней части могильной ямы.

Конечно, необходимо обратить внимание на то, что погребальные колоды в захоронениях ундугунской культуры разнообразнее по форме в отличие от колод из погребений степных монголов. Нами было выделено семь групп колод, которые в свою очередь подразделяются на типы (Номоконов, 2017). В монгольских захоронениях Юго-Восточного Забайкалья встречаются три типа колод, принадлежащих двум группам. И, наоборот, в погребениях степных монголов более разнообразны типы, относящиеся к гробовищам. Все же рассматривая внутримогильные конструкции захоронений XII–XIV вв. из лесостепного Забайкалья в целом, мы приходим к выводу, что они схожи с конструкциями из синхронных монгольских погребений, хотя отличаются вариативностью. Например, захоронения с колодами встречаются как в лесостепи, так и на юго-востоке края, но в первом случае колод различных групп и типов больше. С другой стороны, в монгольских погребениях гораздо чаще встречаются захоронения с гробовищами, при этом фиксируются различные типы. Общность погребального обряда лесостепных и степных захоронений говорит об их культурной близости, присутствие же ряда отличий предполагает существование определенной самобытности погребений из лесостепной полосы Восточного Забайкалья. Эти различия должны были появиться, во-первых, из-за большого ареала распространения монгольских племен, и, во-вторых, из-за разных природно-климатических условий существования степного и лесостепного населения.

Мы также ставим под сомнение и еще одно положение, выдвинутое И.И. Кирилловым, по поводу времени существования ундугунской культуры. По мнению ученого, предметы конского снаряжения «позволяют уточнить верхнюю границу существования ундугунской культуры… XIV–XV вв. н. э.» (Кириллов, 1983. С. 137). Ниже мы детально рассмотрим предметы конского снаряжения из ундугунских погребений и сравним их с аналогичными предметами сопредельных территорий, что позволит нам применить сравнительно-хронологический метод для определения временных рамок существования культуры.

Снаряжение верхового коня

К указанной категории находок относятся удила, стремена, фурнитура, украшения амуниции коня. В большинстве случаев предметы конского снаряжения фиксировались в ногах умершего, с правой или левой стороны, внутри и за пределами внутримогильной конструкции, а также на крышке ее перекрытия. В редких случаях амуниция коня находилась в изголовье умершего. Подробное описание расположения конского снаряжения представлено в таблице.

Частой находкой являются удила. Подавляющее большинство их относится к двусоставным кольчатым удилам двух типов: с равными половинками грызла (рис. 1.4) и с половинками разной длины (рис. 1. 3). Одна половинка грызла варьирует в пределах от 6,7 до 12,2 см. Внутренний диаметр колец-псалий равен 3,0–5,5 см. Разница в длине половинок грызла удил второго типа составляет 2,0–5,5 см. Удила с неравными половинками грызла довольно часто встречаются в памятниках Предбайкалья и Забайкалья в первой половине II тыс. н.э. По мнению Б.Э. Петри, кольчатые удила с неравными половинками предназначались для того, чтобы управлять лошадью одной рукой. При таких удилах только левый повод пропускался по общепринятому способу, а правый подводился под подбородок коня и далее на левую сторону шеи, таким образом, оба повода оказывались с левой стороны коня и держались в левой руке (Петри, 1923. С. 21).

Таблица

Расположение конского снаряжение в погребении

Table

location of horse equipment in the burial

№ п/п	Наименование предмета	Расположение в погребении по отношению к умершему	Нахождение (могильник, погребение)
1.	Удила	В ногах	Ундугун п.п. 1, 2, 10 Новотроицк-1 п. 1 Новотроицк-III п.п. 2, 4, 7 Илимка-V п. 1, 5 (в южной части) Дворцы-III п.1 Дворцы-V п. 1, 2 Дворцы-VIII п. 5
		На уровне колен справа от умершего	Новотроицк-II п. 3 Новотроицк-III п. 5 Дарасун-VI п. 12 Илимка-V п. 4 Дворцы-III п. 3 Лукия-III п. 6
		На уровне колен слева от умершего	Новотроицк-II п. 4
		В средней части ямы слева от умершего	Ундугун п. 4
		В средней части ямы справа от умершего	Дворцы-III п. 4 Дворцы-VII п. 1
		В изголовье	Ундугун п. 11 Бутуй-I п. 5 Лукия-III п. 11
		Не установлено	Ундугун п. 6 Новотроицк-I п. 2 Новотроицк-II п. 11 Бутуй-I п 8 (кенотаф) Дворцы-III п.п. 2
2.	Стремена	В ногах	Ундугун п. 6 (1 шт.) Дворцы-III п. 1 (2 шт.)
		На уровне колен справа от умершего	Ундугун п. 8 (1-ое стремя)
		В средней части ямы слева от умершего	Ундугун п. 8 (2-ое стремя)
		Не установлено	Бутуй-I п. 8 (кенотаф/ 1 шт.)
3.	Подпружные пряжки	В ногах	Ундугун п. 10
		В изголовье	Ундугун п. 8
		В средней части ямы справа от умершего	Дарасун-VI п. 12 Новотроицк-II п. 9
4.	Бляшки, торока, распределители, украшение амуниции коня	В ногах	Ундугун п. 6 (кост. накладки) Ундугун п. 8 (торока) Новотроицк-III п. 2 (торок) Новотроицк-III п. 7 (султанчик, под-

			веска)
		На уровне колен	Ундугун п. 8 (кост. накладки и жел. пластинки)
		В средней части ямы справа от умершего	Новотроицк-III п. 5 (распред)
		В центральной части ямы	Ундугун п. 6 (бр. бляшки)
		Не установлено	Ундугун п. 7 кенотаф (торока) Новотроицк-I п. 3 (распред.) Дворцы-III п. 1 (торока)

Из 30 обнаруженных удил 10 имеют равные половинки грызла, 9 разной длины, 7 сохранили только одну половинку и 3 сильно разрушены. Только в погребении № 11 могильника Новотроицк-II найдены удила, отличные от вышеописанных типов. Они состоят из двух половинок грызла (9,0 и 9,6 см каждая); концы их переходят в кольца, внутренний диаметр которых равен 1,9 см (рис. 1.2).

Стремена встречены только в материалах трех могильников – Ундугун (рис. 1.1), Дворцы-III и Бутуй-I. И.И. Кириллов отнес стремена из погребений ундугунской культуры к трем типам: «арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и прямоугольной же петлей в дужке, с прямыми или слегка выгнутыми подножками; арочной формы, но с невысоким прямоугольным выступом и дугообразной бородкой в основании дужки, с подножкой выгнутой формы; подтреугольные стремена с прямой подножкой и прямоугольной петлей» (Кириллов, 1983. С. 132–133). Так, в погребении № 8 могильника Ундугун зафиксированы стремена первых двух типов. Первое стремя имеет высоту 16,4 см, ширину возле подножки 14,6 см, выделенное ушко подпрямоугольной формы с подпрямоугольным вырезом в нем (размер выреза 1,3 х 2,9 см). У стремени подквадратное сечение дужек (1,0 х 1,1 см) и выгнутая Е-образная (имеет продольный валик) подножка шириной 6,6 см. Второе стремя (также арочной формы) имеет высоту 14 см, ширину возле подножки 13,1 см, выделенное ушко подпрямоугольной формы с подпрямоугольным вырезом в нем (размер выреза 0,6 х 2,4 см), а также подквадратное сечение дужек (0,7 х 0,9 см). Отличием является то, что у второго стремени под вырезом имеется выступ, а подножка прямоугольная в сечении (ширина ее 5 см). В погребении № 1 могильника Дворцы-III найдено стремя третьего типа. Оно имеет подтреугольную форму, невыделенное треугольное ушко с подпрямоугольным вырезом (размер выреза 0,7 х 1,9 см), прямую подножку П-образной формы (ширина подножки 4,4 см). Высота стремени составляет 12,8 см, ширина возле подножки 12 см, дужки имеют подпрямоугольное сечение 0,4 х 1,0 см.

В погребении № 8 могильника Бутуй-I найдено железное стремя, конструкция которого несколько отличается от вышеописанных типов (рис. 1.5). Ушко стремени представляет собой отдельную петлю (2,8 х 3,6 см, толщина 0,6 см), которая прикреплена к дужке при помощи заклепок, расположенных внутри петли. Дужки округлые и овальные в поперечном сечении, подножка в сечении плоская и по форме округлая (Ковычев, Номоконов, 2013. С. 47). Общая длина стремени 13,8 см, ширина 10,4 см, толщина дужки 0,7 х 1,0 см, максимальная ширина подножки 2,7 см.

В ряде погребений обнаружены подпружные пряжки. Они выполнены из железа или кости. Костяная фигурная пряжка из погребения № 8 могильника Ундугун размером 4,4 х 5,4 см имеет два отверстия для крепления подпруги и костяной язычок длиной 3,7 см, который крепится к пряжке костяным клинышком (рис. 2.1). При этом, конец ремня подпруги продевался в костяные овальные по форме тренчики, украшенные циркульным орнаментом (рис. 2.5). В погребении № 12 могильника Дарасун-VI найдена костяная пряжка овальной формы с прямоугольной петлей (ушком) для крепления подпруги и Т-образным вырезом, предназначенным для соединения второй части подпруги (язычок пряжки не сохранился) (Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000. Рис. 84-2). Же-

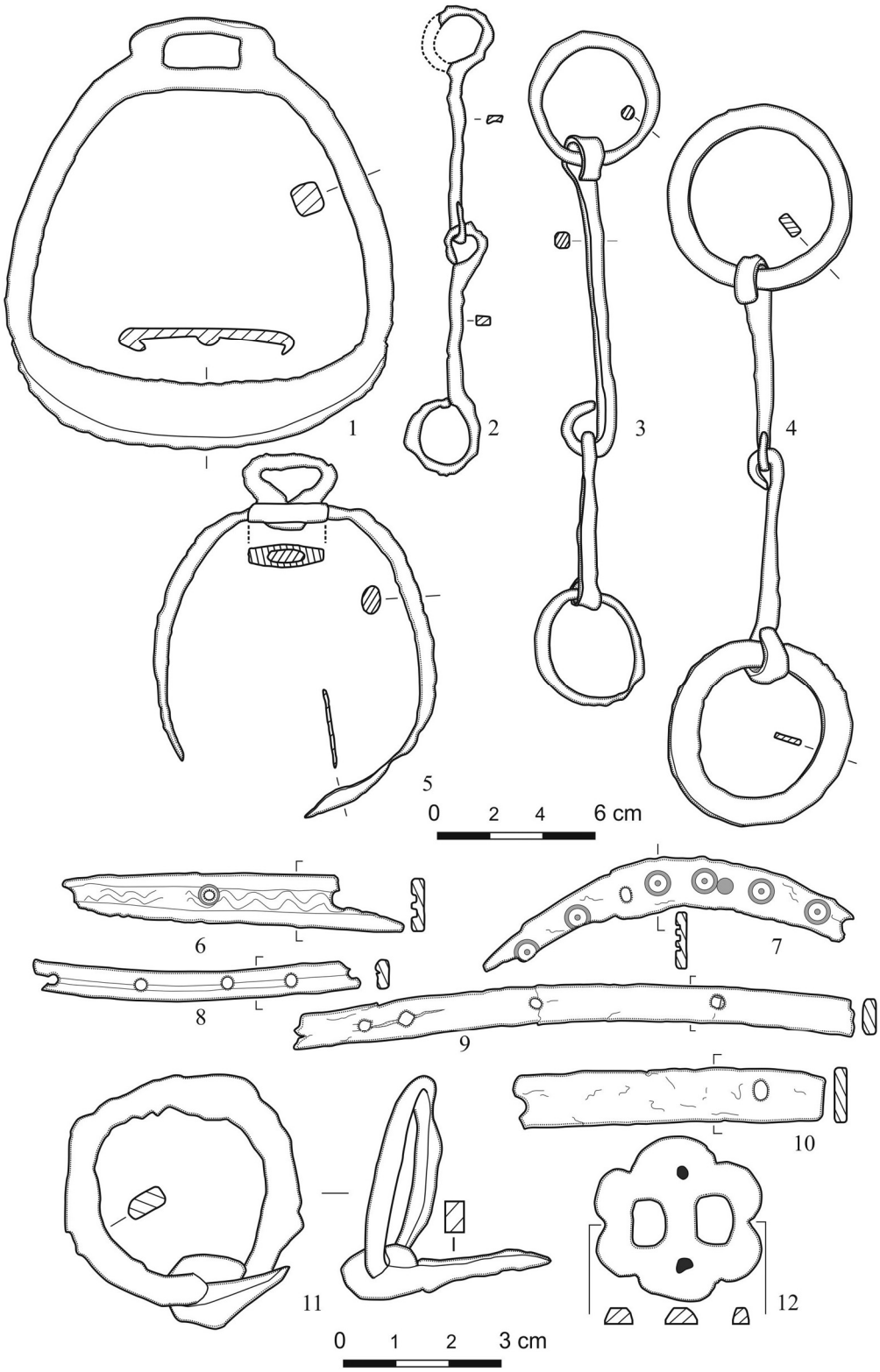


Рис. 1. Предметы конского снаряжения: *1 – железное стремя (Ундугун п. 8); 2–4 – удила (Бутуй-I п. 8, Новотроицк-II п. 11, Новотроицк-I п. 1); 5 – железное стремя (Бутуй-I п. 8); 6–10 – костяные накладки-полосы на полки седла (6, 7, 10 – Ундугун п. 6; 8, 9 – Ундугун п. 8); 11 – железный торок (Новотроицк-III п. 2); 12 – бронзовая бляшка (Ундугун п. 6)*

Fig. 1. Items of horse equipment: *1 – iron stirrup (Undugun grave 8); 2–4 – bit (Butuy-1 grave 8, Novotroitsk-2 grave 11, Novotroitsk-1 grave 1); 5 – iron stirrup (Butuy-1 grave 8); 6–10 – bone plates on the saddle (6,7,10 – Undugun grave 6; 8, 9 – Undugun grave 8); 11 – iron ring on the saddle (Novotroitsk-3 grave 2); 12 – bronze buckle (Undugun grave 6)*

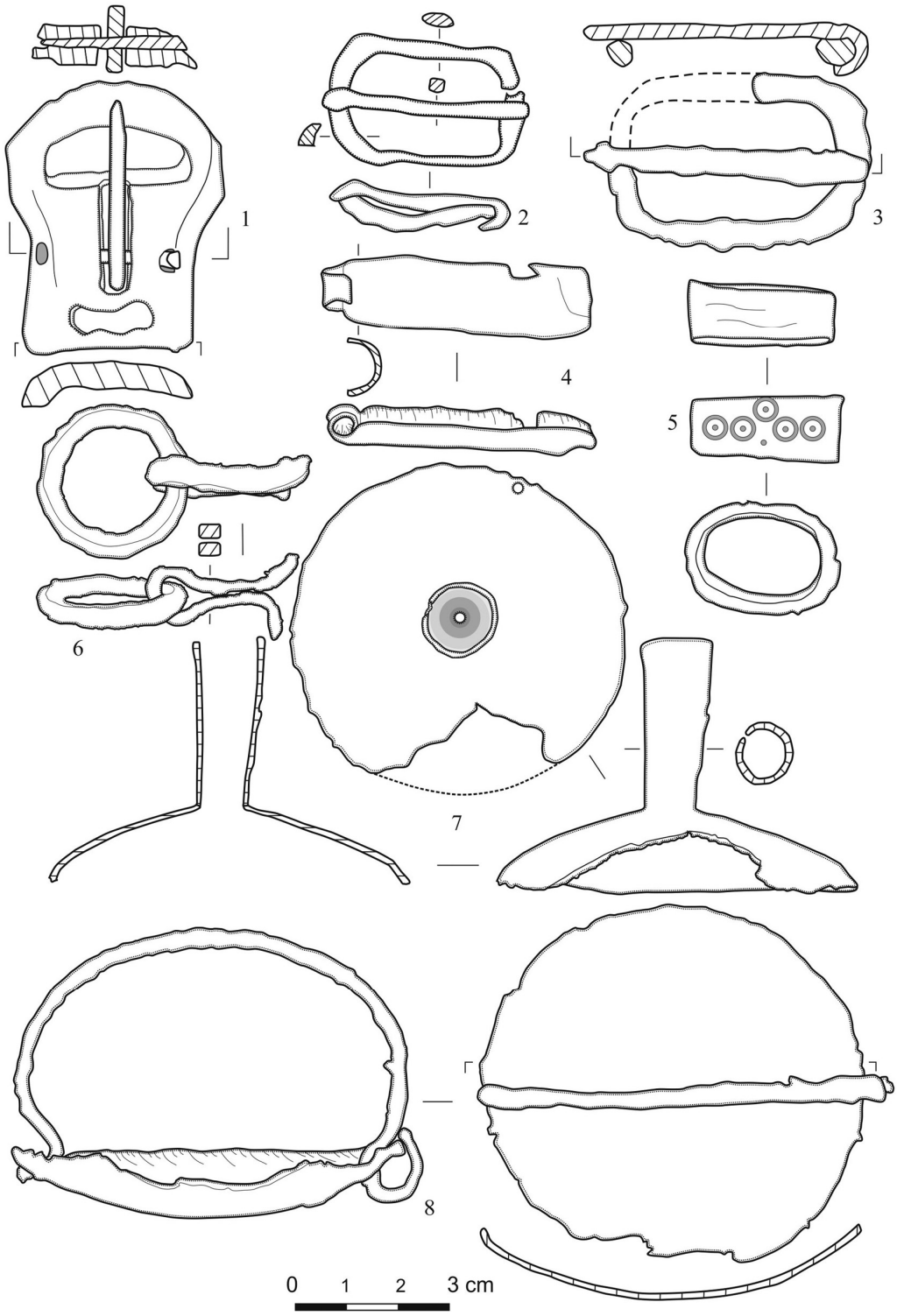


Рис. 2. Предметы конского снаряжения: *1 – костяная пряжка (Ундугун п. 8); 2–3 – железные пряжки (Новотроицк-II п. 9, Ундугун п. 10); 4 – железный распределитель ремня (Новотроицк-I п. 3); 5 – костяной тренчик (Ундугун п. 8); 6 – железный торок (Ундугун п. 7); 7 – железный султанчик (Новотроицк-III п. 7); 8 – железная подвеска (Новотроицк III п. 7)*

Fig. 2. Items of horse equipment: *1 – bone buckle (Undugun grave 8); 2–3 – iron buckles (Novotroitsk-2 grave 9, Undugun grave 10); 4 – belt (iron) distributor (Novotroitsk-1 grave 3); 5 – bone ringlet (Undugun grave 8); 6 – iron ring on the saddle (Undugun grave 7); 7 – iron "sultanchik" (horse equipment feature) (Novotroitsk-3 grave 7); 8 – iron suspension (Novotroitsk-3 grave 7)*

лезные подпружные пряжки найдены в двух погребениях: № 10 могильника Ундугун (рис. 2.3) и № 9 могильника Новотроицк-II (рис. 2.2). Они однотипные, имеют подпрямоугольную форму (размер 3,5 х 5,1 см и 2,6 х 3,8 см соответственно) и подвижный язычок.

В погребении № 6 могильника Ундугун обнаружены две бронзовые бляшки размером 3,2 х 3,2 см шестигранной (со сглаженными углами) и округлой (в виде шестилепесткового цветка) формы с двумя прорезями для продергивания ремешка (рис. 1.12). В этом же погребении зафиксированы костяные накладки-полосы на полки седла (рис. 1.6–10). Они имеют прямые и изогнутые формы, максимальная длина накладок составляет 11–12 см, ширина варьирует от 0,5 до 1,1 см, толщина их не превышает 0,3 см. В них проделаны округлые и квадратные отверстия, позволяющие при помощи шпеньков крепить накладки к седлу. Некоторые накладки украшены вырезанными волнистыми линиями (рис. 1.6) или циркульным орнаментом (рис. 1.7).

В погребении № 3 могильника Новотроицк-I зафиксированы железные распределители ремней – тройник (рис. 2.4). Тройник состоит из трех распределителей (один сохранился фрагментарно), которые соединялись кольцом (кольцо не сохранилось), продетым в распределители. Распределители в поперечном разрезе имеют С-образную форму, размер их равен 1,5 х 5,3 см. Подобные тройники относят к снаряжению коня (Медведев, 1977. С. 140), однако есть мнение, что они могли являться деталями портупеи колчана (Васильев, 2006. С. 159–161). На могильниках Ундугун, Новотроицк-III и Дворцы-III, зафиксированы торочные кольца. Диаметр колец их не превышает 2–3 см. В кольца продеты пробои, предназначенные для крепления колец с седлом (рис. 1.11; 2.6).

В погребении № 7 могильника Новотроицк-III, найден железный султанчик (рис. 2.7). Он состоит из двух частей – султанной втулки и пластины. Султанная втулка полая внутри, с сомкнутым швом. Она перпендикулярно зафиксирована в пластине и расширяется от основания. Длина втулки 3,3 см, диаметр у основания 0,5 см, диаметр на конце втулке 1,2 см, толщина стенки 0,1 см. Пластина султанчика выпуклой формы, имеет диаметр 6,5 см, толщина стенки 0,1 см, на расстоянии 0,4 см от края располагается овальное отверстие (длина 0,2 см, ширина 0,1 см). Вероятнее всего, на противоположной стороне пластины также имелось аналогичное отверстие, но край ее разрушен. При помощи этих отверстий султанчик крепился к ремню оголовья (Номоконов, 2012. С. 74). Впритык к султанчику, который находился в ногах умершего, располагалась чашеобразная подвеска, также относящаяся к фурнитуре (рис. 2.8). Диаметр «чаши» подвески равен 7,4 см, высота 1,3 см. Высота дужки составляет 5,4 см, ширина 8,1 см. В «чаше» проделаны два отверстия, в которые продеты концы дужки, образуя петли.

Заключение

Рассмотренные предметы конского снаряжения указывают на то, что верховой конь имел большое значение в жизни населения ундугунской культуры. Подтверждением этому служит, во-первых, стремление различными способами украсить амуницию коня, во-вторых, конское снаряжение найдено в мужских, женских и ритуальных захоронениях. Также предметы снаряжения коня позволяют при помощи сравнительно-хронологического метода датировать исследованные захоронения. Наиболее массовым материалом, зафиксированным на всех могильниках являются двусоставные «крючковые» удила с кольчатыми псалиями. Подобные удила распространяются с конца I тыс. н. э., а в монгольское время вытесняют другие формы и конструкции (Гаврилова, 1965. С. 84; Худяков, 1979. С. 49; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 66).

Железные пластинчатые стремена, найденные на могильниках Ундугун и Дворцы-III, а также железное стремя со вставленной петлей из могильника Бутуй-I находят широкие аналогии в памятниках евразийской степи и датируются XII–XIV вв. (Кызласов, 1969. С. 163; Хамзина, 1970. С. 114; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 52; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 75–79; Тишкин, 2009. С. 186, 191).

Две бляхи-подвески, обнаруженные на могильнике Ундугун, вероятнее всего, украшали нащечные ремни узды. Они схожи с подобными подвесками, обнаруженными в Лесостепном Алтае на могильнике Телеутский Взвоз-I, который датируется исследователями второй половиной XIII – началом XIV в. (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 72–73). Из могильника Ундугун происходят роговые накладки-полосы от полок седла. Похожие накладки для окантовки седла известны в материалах погребальных памятников XIII–XIV вв. на Тянь-Шане, Новосибирского Приобья, лесостепного Алтая (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 82; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001. Рис. 8).

Как мы видим, большинство предметов конского снаряжения, за исключением костяной подпружной пряжки из погребения № 8 могильника Ундугун, а также султанчика и чашеобразной подвески из погребения № 7 могильника Ново троицк-III, находят аналогии в погребальных комплексах далеко за пределами Восточного Забайкалья, которые датируют XIII–XIV вв. Стоит отметить, что данные предметы, также аналогичны предметам, найденным в монгольских захоронениях Юго-Восточного Забайкалья, а именно в погребениях могильников Будулан, Чиндант-I (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 45–59), Улан-Хада-III, Малая Кулинда (Ковычев, 1980)[1], Чиндачи-V (Номоконов, Ковычев, 2018). Данные памятники датируются XII–XIV вв. В связи с тем, что радиоуглеродный анализ погребений ундугунской культуры не проводился, мы можем применять только сравнительно-хронологический метод. Анализ погребальной обрядности и вещевого комплекса ундугунской культуры в целом и предметов снаряжения верхового коня в частности, позволяет определить время существования ундугунской культуры XII–XIV вв. Проводить же верхнюю границу существования ундугунской культуры XV в., как это делал И.И. Кириллов, необоснованно.

[1] Ковычев Е.В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1980 году. Чита, 1980. 168 с.

Библиографический список

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука. 1984. 201 с.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н. э.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 376 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: 1965. 146 с.

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Ковычев Е.В. Бурхотуйская культура // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011a. С. 82–83.

Ковычев Е.В. Дарасунская культура // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011b. С. 109–110.

References

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. (1984) Nomads of Transbaikalia in the middle ages (based on the materials of burials). Novosibirsk: Nauka. 201 p. (In Russ.)

Vasiliev Yu.M. (2006) Funeral rite of the Pokrov culture (IX–XIII centuries ad). Vladivostok: Dalnauka. 376 p. (In Russ.)

Gavrilov A.A. (1965) The repository Kadirga as a source on the history of Altai tribes. Moscow-Leningrad. 146 p. (In Russ.)

Kirillov I.I. (1983) Undugunskaya culture of the iron age in Eastern Transbaikalia. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya* = In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 123–138. (In Russ.)

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. (2000) Darasun complex of archaeological monuments. Eastern Transbaikalia. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS. 176 p. (In Russ.)

Kovychev E.V. (2011a) Burhotuiskaya culture. *Malaya ehntsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archaeology. Novosibirsk: Nauka. P. 82–83. (In Russ.)

Kovychev E.V. (2011b) Darasunskaya culture. *Malaya ehntsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka. P. 109–110. (In Russ.)

Ковычев Е.В., Номоконов А.А. Средневековый могильник Бутуй-I // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции: сб. ст. Чита, 2013. Т. 2. С. 45–49.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ. 1969. 212 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X–XI вв. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Номоконов А.А. Погребение воина монгольской эпохи из лесостепного Забайкалья // Гуманитарный вектор. Чита: ЗабГУ, 2012. № 2 (30). С. 69–76.

Номоконов А.А. Внутримогильные конструкции погребений монгольского времени из лесостепной полосы Восточного Забайкалья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук, проф. П.Б. Коновалова. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. С. 185–190.

Номоконов А.А., Ковычев Е.В. Погребальные комплексы Юго-Восточного Забайкалья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX международной научной конференции. Улан-Удэ, 2018. Т. 2. С. 77–83.

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Наука и школа. Чита: 1923. № 1. С. 21–39.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. 276 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н. э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 146–161.

Kovychev E.V., Nomokonov A.A. (2013) Medieval burial ground Butuy-I. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: sb. st.* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Materials of Intern. scientific Conf. Chita. Vol. 2. P. 45–49. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. (1969) History of Tuva in the middle ages. Moscow: MSU. 212 p. (In Russ.)

Medvedev V.E. (1977) Culture of the Amur Jurchens: the end of the X–XI centuries (based on the materials of underground burial grounds). Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.)

Nomokonov A.A. (2012) Burial of a warrior of the Mongol epoch from the forest-steppe Transbaikalia. *Gumanitarnyi vektor* = Humanitarian vector. Chita: Zabgu. No. 2 (30). P. 69–76. (In Russ.)

Nomokonov A.A. (2017) Internal burial structures of the Mongol period from the forest steppe zone of Eastern Transbaikali. *Aktual'nye voprosy arkheologii i ehtnologii Tsentral'noi Azii: materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk, prof. P.B. Konovalova. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Topical issues of archeology and Ethnology of Central Asia: materials of the II international scientific conference dedicated to. The 80th anniversary of doctor of historical Sciences, Professor P.B. Konovalov. Institute of Mongol studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. P. 185–190. (In Russ.)

Nomokonov A.A., Kovychev E.V. (2018) Burial complexes of South-Eastern Transbaikalia. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China Proceedings of the IX international scientific conference. Ulan-Ude. Vol. 2. P. 77–83. (In Russ.)

Petri B.E. (1923) Prehistoric blacksmiths in the Baikal region (to the question of prehistoric. the past of Yakutia). *Nauka i shkola* = Science and school. Chita. No. 1. P. 21–39. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. (2002) Burial Mound Teleutsky Vozvoz-1 and culture of the population of the forest-Steppe Altai in the Mongol time. Barnaul: Altai State University. 276 p. (In Russ.)

Tishkin A.A. (2009) Altai in the Mongol time (based on the materials of archaeological monuments). Barnaul: Azbuka. 208 p. (In Russ.)

Umansky A.P., Tishkin A.A., Gorbunov V.V. (2001) Burials of the first half of the II Millennium ad on the Ilinka burial ground in the Altai territory. *Altai i sopredel'nye territorii v ehpokhu srednevekov'ya. Barnaul* = Altai and neighboring territories in the middle ages. Barnaul. P. 146–161. (In Russ.)

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970. 140 с.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья: общие и локальные черты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2011. С. 198–199.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции: сб. ст. Чита, 2013. Т. 2. С. 125–131.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Могильник Окошки-I в Юго-Восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII–XIV вв. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова / под редакцией С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. 2016. С. 65–68.

Худяков Ю.С. Находки монгольского времени с. Белый Яр // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 46–52.

Khamzina E.A. (1970) Archaeological sites of Western Transbaikalia. Ulan-Ude. 140 p. (In Russ.)

Kharinsky A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N. (2011) Mongolian burials of the XIII–XIV centuries from the Baikal region: General and local features. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda* = Proceedings of the III (XIX) All-Russian archaeological Congress. Novosibirsk. P. 198–199. (In Russ.)

Kharinsky A.V. (2013) Funerary practice of the Mongols in the XII–XIV centuries. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: sb. st.* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of Intern. scientific Conf. Chita. Vol. 2. P. 125–131. (In Russ.)

Kharinsky A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N. (2016) Okoshki-I burial ground in South-Eastern Transbaikalia and some aspects of Mongol identity in the XIII–XIV centuries. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy: materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati G.A. Fedorova-Davydova* = Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Under the editorship of S.G. Bocharov and A.G. Sitdikova. P. 65–68. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. (1979) Finds of Mongol time Bely Yar village. History, archeology and Ethnography of Siberia. Tomsk. P. 46–52. (In Russ.)

Критерии авторства

А.А. Номоконов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

A.A. Nomokonov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Номоконов Алексей Александрович,
член Совета,
Забайкальское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»,
672038, Забайкальский край, г. Чита, ул. Сухая Падь, 5, Россия,
✉ e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Information about the author

Alexei A. Nomokonov,
Council member,
Transbaikal regional branch of the All-Russian public organization “The All-Russian society for the protection of monuments of history and culture”,
5, Sukhaya Pad’ street, Chita 672038, Russia,
✉ e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 904+7.04
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-52-66

Орнитоморфные изобразительные образы в оформлении нескольких китайских бронзовых зеркал из музейных собраний и случайных сборов Сибири и Приморья

© С.А. Ханов[a], С.Г. Боталов[b]

[a] ООО "Археологический научный центр", г. Челябинск, Россия
[b] Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН; Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается культурная коннотация сюжетов бронзовых зеркал Древнего Китая, содержащих орнитоморфные художественные изображения канонические для искусства Восточной Азии. В этой работе авторы отходят от классической описательной характеристики археологических данных объекта исследования, используя глубокое погружение в историю формирования и возникновения изобразительного сюжета. По сути, это культурологическое исследование, в нём подается наиболее полное толкование содержательного сюжета зеркал на основе анализа работ как российских востоковедов и культурологов, так и носителей языка и понятийного смысла. А также публикация вводит в научный оборот неизвестные ранее в российской литературе сюжетные китайские зеркала, как перемещаемые археологические памятники из случайных сборов на территории Западной Сибири и Дальнего Востока, в том числе уникальное бронзовое зеркало династии Ляо с графическим изображением. Авторы предполагают, что фиксация фактического обнаружения предметов китайского импорта позволяет дополнить общую картину этногенеза, взаимодействия культур и распространения торговых, культурных и экономических связей в средние века. Язык символов, пейзажная живопись в жанре «цветы и птицы», запечатленные в бронзе китайского зеркала, откроют читателю мир чувственных эмоций и душевных переживаний мифологических героев. Они позволят проникнуть в тонкий мир психологического надрыва и переживаний персонажей. Данная публикация будет представлять практическую ценность как специалистам – археологам и регионоведам, так и широкому кругу читателей, проявляющих пытливый интерес к исследованию культуры, искусства Китая и Восточной Азии.

Ключевые слова: бронзовые зеркала, орнаментация китайских зеркал, искусство Китая, пейзажный жанр «цветы и птицы», искусство стран Восточной Азии, востоковедение, искусствоведение, культурология, семантика образов, археология Западной Сибири

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

Информация о статье: Дата поступления 17 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 18 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Ханов С.А., Боталов С.Г. Орнитоморфные изобразительные образы в оформлении нескольких китайских бронзовых зеркал из музейных собраний и случайных сборов Сибири и Приморья // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 52–66. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-52-66

Ornithomorphic graphic images in the design of several Chinese bronze mirrors from museum collections and random collections of Siberia and Primorye

© Sergey A. Khanov[a], Sergey G. Botalov[b]

[a] LLC Archeological Scientific Center, Chelyabinsk, Russia

[b] South Ural Branch of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract: The article discusses a cultural connotation of the plots of bronze mirrors of Ancient China, containing ornithomorphic artistic images canonical for the art of East Asia. In this work, the authors depart from the classical descriptive characteristics of the archaeological data of the object of study, using a deep immersion in the history of the formation and appearance of the graphic plot. In fact, this is a cultural study, it provides the most complete interpretation of the meaningful plot of mirrors based on the analysis of the work of both Russian Orientalists and cultural experts, as well as native speakers and conceptual meaning. And the publication introduces into the scientific circulation previously unknown in Russian literature subject Chinese mirrors as moving archaeological sites from random collections in Western Siberia and the Far East, including an unique bronze mirror of the Liao Dynasty with a graphic image. The authors suggest that fixing the actual discovery of Chinese imports allows to complement the overall picture of ethnogenesis, the interaction of cultures and the spread of trade, cultural and economic ties in the Middle Ages. The language of symbols, landscape painting in the genre of "flowers and birds", imprinted in bronze of a Chinese mirror, will open to the reader a world of sensual emotions and emotional experiences of mythological heroes. They allow to penetrate into the subtle world of psychological anguish and character experiences. This publication will be of practical value both to specialists – archaeologists and regional scholars, as well as to a wide circle of readers who show an inquiring interest in the study of the culture, art of China and East Asia.

Keywords: bronze mirrors, ornamentation of Chinese mirrors, art of China, landscape genre “flowers and birds”, art of East Asian countries, oriental studies, art history, cultural studies, image semantics, archeology of Western Siberia

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of project No. 18-59-23002 “The origins of the formation of the culture of ancient Hungarians. Archaeological paleoanthropological and paleogenetic aspect of the study of medieval monuments of the Southern Urals and Western Siberia”.

Article info: Received April 17, 2020; accepted for publication May 18, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Khanov S.A., Botalov S.G. (2020) Ornithomorphic graphic images in the design of several Chinese bronze mirrors from museum collections and random collections of Siberia and Primorye. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 52–66. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-52-66

Говоря о древних зеркалах, мы, безусловно, признаем, что основная функция их была косметическая и основана на высокой отражательной способности, позволяющей рассмотреть себя со стороны, а также привести себя в порядок. Но существует и другой ряд функциональных особенностей и предназначений зеркал в древности. Это использование их в предсказательной практике. Истоки этой функции в орнаментации поверхности зеркала (так называемый TLV шаблон, используемый во времена династий Хань) в виде бюро для предсказательной игры Люшу (Tseng, Lillian Lan-ying, 2004; Yasuji Shimizu, 2014). По сути, в этом случае бронзовое зеркало являет собой мобильную уменьшенную версию этого бюро (Armin Selbitschka, 2016). Тай-Цзуну (太宗), императору династии Тан приписывают фразу, что при помощи зеркала можно привести в порядок свое платье и шапку, а используя древность как зеркало можно предсказать величие и падение империи (Инь Шилинь, Чжан Цзяньго, Ван Дуань, 2008. С. 127). Эта фраза как раз связана с используемой при дворе императора древней предсказательной практикой, основанной на космологии и математической модели, известной более как квадрат Пифагора. Отражательная способность зеркал наделяет их особой мистической функцией, построенной на том, что зеркало способно показывать не просто отраженную, но истинную сущность предметов и существ (Гроот, 2000. С. 77. Рис. 90). Так, считалось, что с помощью зеркала можно увидеть истинное обличье оборотней, например, распознать под личиной прекрасной девушки облик мифической девятихвостой лисицы-оборотня или образ Белой змейки, девушки-оборотня. Оборотни, бесы и зловредные духи избегают зеркал, чтоб не быть узнанными, но и для того, чтоб не погибнуть, поскольку отражённый

солнечный луч для них в древнем Китае считался губителен (Крюков, Малявин, Софронов, 1984. С. 187). Эта функционально ментальная способность зеркал защитить владельца от мистической нечисти привела к росту популяризации зеркал в религиозных обрядах и шаманских практиках. Помимо этого, художественные образы, запечатлённые в орнаментации бронзовых зеркал, несли важные социальные и коммуникативные функции передачи традиций. Они позволяли сохранять социально значимый опыт и закреплять предпочитаемые социальные нормы моральных устоев, формируя таким образом необходимую обществу модель поведения. Конечно, эти функции присущи всему древнему искусству, включая живопись, роспись по керамике и на фресках, резьбу на барельефах. Конечно же, в целом это роль искусства в истории человеческого общества. Но применение этих образов в торевтике малых форм бронзовых зеркал наделяет их важнейшим функционалом передачи традиций. Традиционное искусство Китая содержит ряд художественных жанров, направлений, нашедших применение в различных своих проявлениях – живописи, торевтике малых форм, росписи по керамике. Одним из таких направлений является пейзажная роспись в стиле «цветы и птицы» (花鳥畫, – хуа няо хуа). В Китае раннего средневековья складываются профессиональные, построенные на философско-эстетической базе художественные критерии живописи, и это – одухотворённость, естественность построения композиции, каноничность и следование традициям в высокой технике изображения. Следуя сложившимся критериям живописи, название своё стиль получает из-за изображенных птиц на фоне пейзажа (Виноградова, 2010; Сун Чанлун, 2019. С. 43). Сюжетные линии этого художественного стиля содержат лирические шаблоны как по мотивам древних мифов, так и по мотивам историй современников, изложенных в поэмах. Мало того, некоторые из этих повествовательных историй до сих пор в анонсах Пекинской оперы. Эти сюжеты становятся своего рода изобразительными канонами, ментальными семиотическими благожелательными посылами на основе традиционного коллективного восприятия. Надо отметить, что каноничность изображений и следование традициям пронизывают всё искусство Китая (Роули, 1997). Рассмотрим подробнее один из таких канонически шаблонных сюжетов на примере бронзовых зеркал династии Сун, Цзинь. Так, на форуме www.sssc.cn (рис. 1) было размещено достоверное изображение восьми лепесткового зеркала с мандаринскими уточками на фоне пейзажа, вернее протирка его тушью на рисовой бумаге (Цзэн Цзинчунь, 2008)[1]. Такая протирка тушью – это, по сути, тоже искусство, эстампаж, в результате кропотливой работы, дающий калькированное позитивное изображение орнаментированной стороны бронзовых зеркал с высокой степенью детализации. Пейзаж содержит изображение лотосового пруда. По центру композиции, чуть ниже центральной кнопки-державки, пара мандаринских уточек в невысоких волнах плывут головой влево, по направлению к берегу со склоненными к воде ветвями ивы. Справа от уточек и над ними, чуть сверху, видны изображения метелочки камыша и пары цветов лотоса с надводным воронкообразным листом. Они изображены столь искусно, что, несмотря на маленькие размеры картины, практически миниатюры, возникает устойчивое ощущение панорамы, будто растения поодаль, в глубине июльского пруда. Почему именно июльского? Цветение лотосов происходит в июле – начале августа, но при этом на миниатюре нет изображений плодовых коробочек лотоса. Цветы и надводные листья лотоса гидрофобны и практически не смачиваются. К ним не пристают пыль и грязь, смываемая с поверхности вместе с грязной водой. Они абсолютно чисты. Именно поэтому, цветок лотоса, возвышающийся над водной гладью, древние даосы сравнивали с духовным миром человека (Сюй, 2010), его чистыми помыслами, его личностными свойствами, духовными устремлениями и эмоциями (Кравцова, Ли Джи Ын, 2016; Фу, 2010; Ханов, 2014). В левой верхней части миниатюры изобра-

[1] Цзэн Цзинчунь Поиск источников искусства – сто зеркал 追寻艺术的源头——铜镜纹饰百幅, 曾景春 (на китайском языке) [Электронный ресурс]. URL: http://bbs.sssc.cn/forum-487-1.html (Дата обращения: 26.02.2008).

Рис. 1. Эстампаж, протирка рельефа зеркала на рисовой бумаге
Fig. 1. Mounting, wiping the relief of the mirror on rice paper

жена пара взлетающих с водной поверхности гусей с характерно расправленными крыльями. Находки подобного шаблона известны и в России, на территории Приморского края. К примеру зеркало восьми лепестковой формы, диаметром 103 мм и весом 304 грамма, происходит из разряда случайных находок (рис. 2). Оно обнаружено в Октябрьском районе Приморского края. По данным информанта, найдено в окрестностях села Покровка, рядом с протокой реки Раздольная (ранее р. Суйфун, или 绥芬河 Суйфэнь-Хэ) в пяти километрах от самой реки. Зеркало первоначально имело боковую ручку с растительным орнаментом, но значительно покорёжено, вероятно, под воздействием высокой температуры, фрагментировано, а сама ручка утрачена. Впрочем, подобный шаблон с боковой ручкой известен также по публикациям китайских авторов (Чжан Инь, 1990. С 115), что и позволяет составить представление об изначальном общем виде.

Рис. 2. Бронзовое зеркало, село Покровка, Приморский край
Fig. 2. Bronze mirror, the village of Pokrovka, Primorsky Krai

Как правило, образ двух мандаринских уточек наиболее часто связывают с трактовкой неразлучной семейной пары и супружеской верности. Объясняя это лишь тем, что, выводя потомство, уточки образуют пару на всю жизнь. Но история формирования понятийного смысла упомянутого образа гораздо глубже и древнее. Описание этого лирически окрашенного драматического сюжета встречалось мне ранее в комментариях русских востоковедов. Рассказывалась история о том, как некий сунский ван (правитель) возжелал необычайной красоты супругу своего министра Хань Пыня. Под надуманным предлогом, чтобы добиться от неё желанной взаимности, он заточил министра в тюремные стены, обвинив его в злоупотреблениях властью. Будучи невиновным, министр догадывается об истинных намерениях правителя. Хань Пынь, чтобы лишить вана возможности шантажа любящей супруги, сводит счёты с жизнью, покончив с собой. Верная и любящая супруга, узнав о

трагической гибели мужа, предпринимает попытку отравить правителя. Для этого женщина, якобы приняв его ухаживания, отправляется на прогулку с ваном на одну из возвышающихся башен дворца. При неудачной попытке отравления вана-злодея, она бросилась с башни вниз и разбилась, оставив предсмертную записку с просьбой похоронить её вместе с супругом. Однако и после смерти зловредный ван их разлучает, похоронив порознь в разных погребениях. Проходит время и на могиле одного из супругов вырастает ива, соединяя склонившимися ветвями оба погребения. В склонённых до земли ветвях её пара мандаринских уточек свила гнездо и вывела потомство. Таким образом, считалось, что души любящих супругов переродившись, переселились в эту утиную пару, обретя счастье и сохраняя верность друг другу. Подтверждение этой истории мы встречаем и в китайских источниках (Чжао Цзунфу, Лю Юнхун, 2013). Однако там упомянуты уточняющие детали, что история эта произошла с врачевателем Хань Пин в период Вёсен и Осени, в царстве Сун. Действительно, в этот период наряду с так называемыми царствами-гегемонами существовало царство Сун, однако титулатуру «ван» правители царства стали использовать лишь в 360 году до н. э., в период Сражающихся царств Чжаньго (戰國時代). Уже в 286 году до н. э. царство Сун пало под совместным натиском царств Ци, Чу и Вэй, так что происхождение этой драматической истории, вероятно, все же можно отнести к событиям IV–III века до н. э. Тем не менее несмотря на столь далёкую хронологическую давность, драматизм ситуации был настолько велик, а сама история неразлучной любви образцово показательна для китайского общества, что упоминание о ней обрело популярную стилистику и каноничность.

Порою просто удивительно, как письменная культура помогает сохранить преемственность образов. Чжао Цзунфу и Лю Юнхун, ссылаясь на «Записи из дворца Хуайань» редакции времён императора Цяньлуна, приводят еще одну интересную историю о том, как рыбак из Яньчэн поймал селезня мандаринской утки. Ощипав его, он разрубил мясо и бросил вариться в котёл. Тем временем уточка же кричала и билась в воде возле самого борта лодки. Лишь только рыбак поднял крышку котла, чтоб посмотреть, уварилось ли мясо, уточка тотчас взлетела и нырнула прямо в кипящий котёл.

При этом в регионе Восточной Азии происходит взаимопроникновение образов мифологического поля в культуру разных этносов, так или иначе взаимодействующих друг с другом. Так у народности ту, компактно проживающей на востоке провинции Цинхай и Тяньчжу – тибетском автономном уезде провинции Ганьсу, сохранилась легенда о трагической истории любви девушки по имени Цзи Мэньсо, влюбленной в бедняка Ла Женьбу, пасшего скот (Чжао Цзунфу, Лю Юнхун, 2013). Чтобы не дать состояться их союзу и побуждаемый социальными предрассудками, брат влюбленной девушки убивает юношу. По местным обычаям тело юноши предают погребальному огню, но тщетно, оно не сгорает трое суток. Тогда молодая девушка бросается к покойному возлюбленному в костер и тут же оба тела, исчезая, сгорают в пламени огня. Из погребального костра взвиваются ввысь две уточки-мандаринки и, выклевав глаза брату-убийце, улетают в горы, где вьют свое гнездо в переплетенных ветвях склонённого дерева.

На острове же Тайвань в горах между уездами Синьчжу и Илань, на высоте 1670 метров над уровнем океана есть Озеро мандаринок. Существует предание о жившей на его берегах молодой паре, неразлучных с детства. Когда молодой человек, оступившись во время охоты, упал в озеро и утонул, то его возлюбленная тоже бросилась в воды озера. Озёрные духи, видя такую любовь и преданность, превратили их в пару уток-мандаринок. С тех пор на поверхности озёрной глади можно увидеть неразлучно плавающих парами мандаринских уточек. Подобная легенда есть и на материковом Китае.

Но вернёмся к основному сюжетному зеркалу с пейзажем. Описывая изображенную на бронзовом зеркале миниатюру, нельзя обойти вниманием символику взлетающих к небу гусей. Мотив грусти и связанные с темой разлуки ожидания весточ-

ки (Аникина, Воробьёва, 2008)[2] связывают с интересным историческим сюжетом, полным драматизма, преданности и верности служения своему императору. Во времена императора У-ди отношения Хань с соседними кочевыми племенами сюнну были очень напряженными. Чтобы разрядить ситуацию, пришедший к власти новый шаньюй (правитель) сунну решает отпустить пленённое ранее посольство Хань в обмен на возврат задержанных сюннуских послов. Сопровождать их был назначен начальник охранной стражи телохранителей Су У Гун, наделённый верительным жезлом мао-цзе (Таскин, 1973). Однако происходят события, нарушившие ход событий, и отряд сопровождения также оказываются в плену сюнну. Начальник стражи Су У, не выполнив императорское задание, в отчаянии пытается покончить с собой. Будучи спасён и излечен от ран, он не признает предложений о вероломном предательстве и сюнну отправляют его в ссылку к Северному морю (к озеру Байкал), где до окончания дней он должен был пасти их стада. (Инь Шилинь, Чжан Цзяньго, Ван Дуань, 2008. С. 59).

По легенде Су У в тоске по семье и по родине каждую осень на протяжении девятнадцати лет привязывал к лапкам улетающих на зимовку диких гусей сообщения в надежде, что они будут прочитаны и доставлены к императору. Существуют разные версии относительно его возвращения из северного плена, но спустя двадцать лет Су У Гун, сохранив верительные знаки, возвращается домой, вновь обретя семью. По возвращении за свою верность ему был присвоен императором ранг чиновника первого класса, высокая должность и хорошее жалование, включая пожизненный пансион. А его изображение увековечено в павильоне тысячелетней славы древних героев (павильон цилиня императора У-ди). Эта поучительная история становится неким моральным эталоном и получает популярность в поэтических стихах, а также живописных сюжетах, обретя критерии каноничности образа, построенного на теме грусти от разлуки, но связанного с дальнейшим высоким карьерным назначением. Склонённые к воде ветки ивы объединяют общий настрой композиции, дополняя его эмоциями ожидания встречи с любимым, которого должны вызволить из плена сюнну (龍庭, Лунтин, дословно судилище Дракона, обозначающее ставку сюннуского шаньюя). У танского поэта Ли Бо есть мотив «Ветка ивы», нам она известна в переводе Анны Ахматовой:

Смотри, как ветви ивы гладят воду –
Они склоняются под ветерком.
Они свежи, как снег, среди природы
И, теплые, дрожат перед окном.
А там красавица сидит тоскливо,
Глядит на север, на простор долин,
И вот – она срывает ветку ивы
И посылает – мысленно – в Лунтин.

Таким образом, мы видим, что всё семиотическое поле композиции построено в лирическом тоне, направленном на восприятие семейных и общечеловеческих ценностей, таких как верность, преданность долгу, окрашенных нотками грусти от возможной разлуки. Мы более детально рассмотрели сюжет пейзажной живописи в стиле «цветы и птицы», лежащий в основе шаблона бронзового зеркала из Приморья, увидели, как сформирован понятийный смысл образов композиции.

Образ мандаринских уточек был популярен и ранее, получив широкое распространение ещё на зеркалах времен династии Тан. Культурные традиции Китая предполагали использование зеркал с их художественными образами-благопожеланиями при множестве обрядов – это и так называемые свадебные зеркала, применяющиеся при обрядах бракосочетаний, в том числе в качестве свадебных даров. В качестве иллюстративного примера можно привести такое зеркало (рис. 3) восьми лепестковой формы из собрания Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, инвентарный номер МКМ 5044, случайная находка до 1917 года из окрестностей деревни Калы Бейского района. Помимо уточек зеркало декорировано и парой длиннохвостых птиц. Зачастую трактовка их в различных источниках разительно отличается. Во времена династии Тан часто встре-

[2] Аникина Г.П., Воробьёва И.Ю. Китайская классическая литература: учеб.-метод. пособие. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного гос. гуманитарного ун-та, 2008. 153 с.

Рис. 3. Бронзовое зеркало, МКМ 5044, случайные находки до 1917 года
Fig. 3. Bronze mirror, Minusinsk Museum of Local Lore 5044, random finds until 1917

чаются изображения длиннохвостых птиц с конвертиками-посланиями в клювах. В этот период происходит смешение двух семантических образов. Так, образ райской длиннохвостой мухоловки с бело-черным окрасом оперения смешивается с восприятием образа сороки, имеющей также бело-черный окрас и характерно длинный хвост. Многими востоковедами отмечалась позитивная символика этих птиц в Китае. Зачастую их образ связывают с мифическим преданием о Волопасе и Небесной ткачихе Чжи-нюй (Крюков, Малявин, Софронов, 1984; Лубо-Лесниченко, 1994). Будучи дочерью небесного Владыки, она с шестью сёстрами была занята изготовлением ткани для облаков, когда её увидел пастушок Ню-лан. Образ её целиком занял его юное сердце. Но в жизни его всё было совсем не безоблачно. Жена брата выгоняет его из дома, оставив его практически ни с чем. Всё, чем он обладал, был лишь старый вол, который видя любовь юноши к Небесной Ткачихе помогает ему

советом, как добиться расположения небесной девы. История любви Волопаса и Небесной Ткачихи полна драматизма, ведь её небесный отец, узнав о неравном браке, возвращает дочь на небеса, разлучив их Небесной рекой Млечного Пути. Многие дни молодые разлучены и могут лишь обмениваться посланиями с помощью сорок, в своих клювах несущих на небо вести в бумажных конвертиках. Видя столь трепетные отношения и нежность, Повелительница Запада разрешает влюблённым встречаться раз в году, перейдя друг к другу по мосту, образованному сороками через Небесную реку. Это событие наступает на седьмой день седьмого лунного месяца, когда на звёздном небе созвездия Волопаса и Небесной Ткачихи сближаются максимально близко (Пу Сун-Лин, 1973. С. 132, 517). В Китае этот календарный праздник фактически стал своеобразным днём влюблённых. Ну, а сороки таким образом стали предвестниками близкой встречи и прочно заняли изобразительное поле в орнаменталике свадебной обрядовости. Зеркала с подобной орнаменталикой есть и в собраниях российских музеев. Так, например, коллекция фонда Минусинского краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова содержит зеркало под номером МКМ 5120, диаметром 105 мм с изображением уточек и летящих сорок с украшенными лентами конвертами в клювах, поступившее в собрание из случайных сборов до 1917 года.

Другое бронзовое зеркало (рис. 4) из случайных сборов, найденное в Верхнекетском районе Томской области, служит замечательной иллюстрацией передачи и сохранения мифологических преданий и китайских культурных традиций. Диаметр его также составляет 105 мм. Поле центральной полусферической кнопки по окружности оконтурено «перловым» орнаментом в виде череды небольших полусфер-жемчужинок. От неё к краям зеркала отходят цепочки подобных полужемчужин, делящих поле основного сюжетного поля на четыре равных сектора. Подобную орнаментацию зеркал в китайских источниках чаще относят к зеркалам династии Ляо, однако также приписывают и зеркалам династии Цзинь. Это логично, учитывая тот факт, что чжурчжэньская династия Цзинь поглотила как киданьскую династию Ляо, так и китайскую династию Сун. Соответственно, поскольку территории этих династий оказались в подчинении чжурчжэням, то многие шаблоны зеркал Ляо и Сун стали приписывать государству династии Цзинь. В каждом из четырёх секторов основного поля зеркала находятся по два изображения летящих сорок. Причем они скомпонованы так, что сороки, размещённые ближе к центру зеркала, изображены летящими влево, т. е. против хода часовой стрелки. Сороки же, размещенные ближе ко внешнему краю зеркала, изображаются летящими вправо, по ходу часовой стрелки. Повдоль внутренней стороны округло покатого бортика зеркала также располагается цепочка «перлового» орнамента. Зеркало за время своего бытования столь много полировалось, что значительно утратило свою первоначальную толщину. Занимательно, что, несмотря на предназначенную для подвеса центральную кнопку-державку, зеркало имеет сквозное отверстие для подвешивания, просверленное достаточно близко к бортику. При этом надо отметить, что дополнительное отверстие интенсивно использовалось под шнурок, и содержит видимые следы бытования в виде протертости. В том числе следы износа от шнурка подвеса имеются и на бортике возле отверстия. Шаблон зеркала достаточно редкого исполнения, но особый шарм ему придаёт графическое изображение на лицевой уполированной стороне (рис. 5). Как правило, в Сибири графические изображения встречаются как местный феномен на зеркалах-бляхах кулайского периода и несущих совершенно иную семантику изображений из мифологии и культурных понятий угорских этносов. На зеркале китайского происхождения образов мы же впервые встречаем сюжетные графические изображения. Всё вместе это позволяет говорить об уникальности этого зеркала. Вероятно, когда зеркало завершило свой практический путь бытования, и дальнейшая полировка его стала невозможна в результате большого износа, на нём было нанесено графическое изображение, великолепно иллюстрирующее миф о Волопасе и Небесной Ткачихе. Надо сказать, что изначально в сплетении линий невозможно было разглядеть не

Рис. 4. Бронзовое зеркало, Верхнекетский район Томская область
Fig. 4. Bronze mirror, Verkhneketsky district Tomsk region

то чтобы этот сюжет, а вообще какой-либо логичный рисунок. Однако методичная прорисовка царапин графитовым карандашом для пущего контраста поразила. После прорисовки визуализировалась целая композиция из трех фигур. По изгибу дороги вправо двигаются вол и сидящий на воловьей упряжке человек, в левой руке которого кнут, а верхняя одежда его запахнута по-китайски слева направо. Женская же фигура в длинном платье с высоким лифом расположена по отношению к мужской с разворотом на 180 градусов так, как соотносятся китайские символы мужского и женского начал: инь и янь. Надо отметить, что на головах людей отсутствуют прически или какие-либо головные уборы. Впрочем, поверх изображений нанесено множество хаотичных линий, что мешает абсолютной детализации картины.

И в завершение рассмотрим еще один шаблон бронзовых зеркал династии Цзинь с орнитоморфным изображением пары фениксов. Семантика

Рис. 5. Прорисовка графических изображений на лицевой стороне зеркала
Fig. 5. Drawing graphic images on the front side of the mirror

пары фениксов достаточно полно описана в российской литературе по востоковедению, культурологии и искусствоведению (Чистякова, 2007)[3]. Поэтому подробно на этом изобразительном шаблоне не будем останавливаться. Лаконично лишь укажем, что она заключается в гармонизации как пространства в целом, так и гармонии семейных взаимоотношений (Ханов, 2019. С. 11). Как пример, зеркало с изображением фениксов (рис. 6) хранится в фондах МКМ им Мартьянова № 5103 (из случайных сборов до 1917 года, находка у с. Тесинское). Подобное металлическое зеркало диаметром 95 мм было обнаружено в Читинском районе Забайкальского края, неподалеку от бывшего Иргенского острога. Невысокий профиль зеркала и множественность мелких элементов компоновки мешают с первого взгляда увидеть орнамент, по-

[3] Чистякова А.Н. Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. 381 с.

Рис. 6. Бронзовое зеркало, МКМ им Мартьянова № 5103, случайные находки до 1917 года
Fig. 6. Bronze mirror, Minusinsk Museum of Local Lore named after Martyanov № 5103, random finds until 1917

этому была представлена детализированная прорисовка (рис. 7).

В заключение отметим, что орнитологические сюжеты, получившие отражение на китайских зеркалах, в силу своей общефилософской и общеэтнической привлекательности были активно заимствованы в среде кочевого тюркского мира Саяно-Алтая. В работах Г.Г. Король приведены многочисленные примеры так называемых сюжетов парных птиц, фениксов, уточек, гусей, лебедей и фламинго в тюркской торевтике (Король, 2015. С. 42–51. Рис. 2; Король, Наумова, 2017. С. 25–28. Рис. 14, 16, 17). Безусловно, эти сюжеты оказались удачно вплетены в канву мифологических представлений местного кочевого населения. Однако активное появление этих композиций в художественном металле тюрков и последующая их передача на запад в мадьярскую и хазарскую культурные ареалы именно в танскую и последующие эпохи позволяют говорить о значительном влиянии китайской

Рис. 7. Графическая прорисовка на зеркале, Читинский район Забайкальского края
Fig. 7. Graphic drawing on a mirror, Chita district of Zabaykalsky Krai

иконографии на изобразительное искусство кочевников в этот период.

Вероятно, этот факт объясняет то обстоятельство, что столь разные по орнаментальным мотивам изображения на зеркалах отвечают общим коннотациям культурных традиций, несут благожелательную символику гармонии супружеских отношений и семейного счастья в достатке и благополучии. Надеюсь, что эта работа поможет восприятию культуры стран Восточной Азии.

Библиографический список

Виноградова Н.А. «Цветы-птицы» в живописи Китая. М.: Белый город, 2010. 48 с.

Гроот Я.Я. М. де. Демонология древнего Китая. СПб.: Евразия, 2000. 348 с.

References

Vinogradova N.A. (2010) “Bird Flowers” in the painting of China. Moscow: Belyi gorod, 48 p. (In Russ.)

Groot Ya.Ya. M. de (2000) Demonology of Ancient China. St. Petersburg: Evraziya. 348 p. (In Russ.)

Инь Шилинь, Чжан Цзяньго, Ван Дуань. Китай 5000 лет истории. М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2008. 320 с.

Король Г.Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2015. – С. 47–63.

Король Г.Г., Наумова О.Б. Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I – II тыс.). М.: ИА РАН, 2017. Вып. VIII. 128 с.

Кравцова С.Л., Ли Джи Ын. Об одном зеркале из фондов Ставропольского Государственного историко-культурного и природно-ландшафтного Музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Будённовск, 2012 год. Серия «Археология евразийских степей». Казань: Казанская недвижимость; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 53–56.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М.: Наука, 1984. 336 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и связи древнего и раннесредневекового Китая). М. : Восточная литература, 1994. 326 с.

Пу Сун-лин (Ляо Чжай). Рассказы Ляо Чжая о чудесах. М. : Художественная литература, 1973. 576 с.

Роули Дж. Принципы китайской живописи // Книга Прозрений. М.: Наталис, 1997. С. 212–325.

Сун Чанлун. Китайская живопись хуа-няо: зашифрованные смыслы // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2019. Вып. № 6(84). Ч. 2. С. 43–46.

Сюй М.В. Семантика растительной символики Китая // Учёные записки КнАГТУ. 2010. № IV-2 (4). С. 101–105.

Таскин В.С. Бань Гу. История ранней династии Хань. Гл. 54. Жизнеописание Су Цзяня (пер. В.С. Таскина) // Материалы по истории сюнну (по кит. источникам). М.: ГРВЛ, 1973. Вып. 2. С. 100–109.

Фу С. Тайна и символика китайского благожелательного рисунка // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16 (197). Философия. Социология. Культурология. Вып. 17. С. 83–90.

In' Shilin', Chzhan Tsyan'go, Van Duan' (2008) China 5000 years of history. Moscow: AST; St. Peterburg: Astrel'. 320 p. (In Russ.)

Korol' G.G. (2015) The motives of a flying bird and a winged goddess in medieval toreutics and the traditional heritage of the peoples of Sayano-Altai. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* = World outlook of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective. Barnaul. Vol. VIII. P. 47–63. (In Russ.)

Korol' G.G., Naumova O.B. (2017) Art metal among nomads (Central Asia of the turn of the 1st – 2nd millenniums). Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 128 p. (In Russ.)

Kravtsova S.L., Li Dzhi Yn (2016). About one mirror from the funds of the Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G.N. Prozriteleva and G.K. Law. *Materialy Pervogo Madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Pyatigorsk – Budenovsk, 2012 god. Seriya «Arkheologiya evraziiskikh stepei»* = Materials of the First Madjar Archaeological Forum. Pyatigorsk – Budennovsk, 2012. Series “Archeology of the Eurasian steppes”. Vol. 23. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost'; Institute of Archeology named after A.Kh. Halikova Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. P. 53–56. (In Russ.)

Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. (1984). Chinese ethnos in the Middle Ages (VII–XIII). Moscow: Nauka. 336 p. (In Russ.)

Lubo-Lesnichenko E.I. (1994). China on the Silk Road (Silk and communications of ancient and early medieval China). Moscow: Oriental literature. 326 p. (In Russ.)

Pu Sun-lin (Lyao Chzhi) (1973) Liao Zhai's Tales of Miracles. Moskow: Imaginative literature. 576 p. (In Russ.)

Rouli Dzh (1997). Principles of the Chinese painting. *Kniga prozrenii* = Book of insights. Moscow: Natalis. P. 212–325. (In Russ.)

Sun Chanlun (2019) Hua Nyao Chinese painting: encrypted meanings. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* = International Research Journal. Vol. 6(84). Pt. 2. Yekaterinburg. P. 43–46. (In Russ.)

Syui M.V. (2010). The semantics of plant symbols of China. Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University. No. IV-2 (4). P. 101–105 (in Russ.)

Taskin V.S. Ban' Gu. (1973). History of the early Han Dynasty. Chapter 54. Biography of Su Jiang. *Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istochikam)* = Materials on the history of the Huns (according to Chinese sources). Vol. 2. Moscow: Main edition of oriental literature. P. 100–109. (In Russ.)

Fu S. (2010). The mystery and symbolism of the Chinese benevolent drawing. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 16 (197). Philosophy. Sociology. Culturology. Vol. 17. P. 83–90. (In Russ.)

Ханов С.А. Лотосовые заводи Уссури // Альманах «Деньга». М., 2014. № 2 (10). С. 44–47.

Ханов С.А. Металлическое зеркало ранга трех высших сановников в Зауралье // Альманах «Деньга». № 2 (10). М., 2019. № 2 (10). С. 10–11.

Чжан Инь. Бронзовые зеркала из раскопок провинции Цзилинь (Гирин) (на китайском языке). Пекин: Изд-во культурных реликвий, 1990. 177 с.

Чжао Цзунфу, Лю Юнхун. Звери и птицы как символы в китайской культуре / пер. с китайского Е.И. Ежовой. Серия: культура и история Китая. Пекин: Пекинская компания «Шанс»; СПб.: КАРО, 2013. 236 с.

Armin Selbitschka. A tricky game: a re-evaluation of Liubo 六博 based on archaeological and textual evidence // Oriens Extremus Kultur, Geschichte, Reflexion in Ostasien. – № 55. – 2016. – Pp. 105–166.

Tseng, Lillian Lan-ying. «Representation and Appropriation: Rethinking the TLV Mirror in Han China» // Early China. – 29. – 2004. – Pp. 163–214.

Yasuji Shimizu (Translated by Kumiko Tsutsui). The Development and Regional Variations of Liubo // Board Game Studies Journal online. – 8. – 2014. – Pp. 1–25. – URL: bgsj.ludus-opuscula.org

Khanov S.A. (2014). Ussuri lotus backwaters. *Al'manakh «Den'ga»* = Almanac of “Money”. No. 2 (10). Moscow. P. 44–47. (In Russ.)

Khanov S.A. (2019) A metal mirror of the rank of the three highest dignitaries in the Trans-Urals. *Al'manakh «Den'ga»* = Almanac of “Money”. No 3 (27). Moscow. P. 10–11. (In Russ.)

Chzhan In' (1990). Bronze mirrors from the excavation of Jilin Province (Jirin). Beijing: Izdatel'stvo kul'turnykh relikvii. 177 p. (In Chinese)

Chao Tszunfu, Lyu Yunkhun (2013). Beasts and birds as symbols in Chinese culture. *Seriya: kul'tura I istoriya Kitaiya* = Series: Culture and History of China. Beijing: Beijing company “Chance”, St. Petersburg: KARO. 236 p. (In Russ.)

Armin Selbitschka (2016) A tricky game: a re-evaluation of Liubo 六博 based on archaeological and textual evidence. *Oriens Extremus Kultur, Geschichte, Reflexion in Ostasien*. No. 55. P. 105–166.

Tseng, Lillian Lan-ying (2004) «Representation and Appropriation: Rethinking the TLV Mirror in Han China». *Early China*. 29. Pp. 163–214.

Yasuji Shimizu (Translated by Kumiko Tsutsui) (2014) The Development and Regional Variations of Liubo. *Board Game Studies Journal online*. 8. P. 1–25. URL: bgsj.ludus-opuscula.org

Критерии авторства

С.А. Ханов, С.Г. Боталов выполнили научно-исследовательскую работу, на основании которой сделаны выводы и обобщение, подготовили рукопись к печати. Авторы имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

S.A. Khanov, S.G. Botalov completed the research work, on the basis of which conclusions and generalization were made, prepared the manuscript for publication. Authors have copyrights to the article and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Ханов Сергей Азатович,
научный сотрудник,
ООО «Археологический научный центр»,
454091, г. Челябинск, ул. К. Маркса, 54, Россия,
✉ e-mail: dozer009@bk.ru
Боталов Сергей Геннадьевич,
доктор исторический наук, ведущий научный сотрудник,
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН,
профессор,
Южно-Уральский государственный университет,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 87, Россия,
✉ e-mail: grig@csc.ac.ru

Information about the authors

Sergey A. Khanov,
Researcher,
LLC Archeological Scientific Center,
54, K. Marx street, Chelyabinsk 454091, Russia,
✉ e-mail: dozer009@bk.ru
Sergey G. Botalov,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher,
South Ural Branch of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Professor,
South Ural State University,
87, Lenin avenue, Chelyabinsk 454080, Russia,
✉ e-mail: grig@csc.ac.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 39+617.7
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-67-80

Лекари-близнецы в культуре тюрко-монгольских народов: круг целительских практик, атрибуты, приемы

© М.М. Содномпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В традиционном обществе всегда особо выделялись лекари, среди которых было много «узких специалистов» – травников, костоправов, массажистов, лечащих заболевания кожи и множество оракулов. Целью данной статьи является исследование образа, функций, приемов и атрибутов «лекарей», наделенных целительскими способностями по праву рождения – близнецы в среде тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Их специализация была узкой – они занимались лечением мастита у людей и животных. Выявлено, что кроме близнецов, целительством занимались женщины родившие близнецов. Магической лечебной силой обладала лапа медведя, культ которого был широко развит в лесном поясе Евразии, и вещи, принадлежащие близнецам либо их матери. Обладание этой лечебной атрибутикой включало владельцев этих предметов в круг лекарей. Предложено обоснование приемов лечения и лечебной атрибутики, в особенности медвежьей лапы. Магическая связь человека и медведя, истоки которой уходят в глубокую древность, проясняет в определенной степени лечение мастита и других заболеваний груди у женщин с использованием медвежьей лапы, поведение женщин в лесу при встрече с медведем. Предполагается, что воззрения о природе происхождения мастита и многих других заболеваний, – от земли (подземного мира), легли в основу особых лечебных приемов при помощи лапы медведя. Это животное, проводившее часть жизни в берлоге, под землей, считалось «детищем» главы загробного мира и могло способствовать изгнанию болезни обратно в землю. Такую же функцию выполняла нога лекаря и ее облачения (обувь, стельки, чулки).

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюркские и монгольские народы, традиционное мировоззрение, народная медицина, целитель, мастит, близнецы, медведь, лечебные практики

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00120 «Традиционные медицинские знания монгольских народов в ретроспективе и в будущем».

Информация о статье: Дата поступления 15 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 18 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Содномпилова М.М. Лекари-близнецы в культуре тюрко-монгольских народов: круг целительских практик, атрибуты, приемы // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 67–80. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-67-80

Twin healers in the culture of the Turko-Mongolian peoples: a circle of healing practices, attributes, techniques

© Marina M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: In traditional society, healers have always been particularly distinguished, among whom there were many “focused specialists” – herbalists, chiropractors, masseurs who treat skin diseases and many oracles. The purpose of this article is to

study the image, functions, techniques and attributes of “healers” endowed with healing abilities by birth right – twins among the Turko-Mongolian peoples of Inner Asia. Their specialization was narrow focused – they were engaged in the treatment of mastitis in humans and animals. It was revealed that in addition to them, women giving birth to twins were engaged in healing. Things belonging to the twins or their mother possessed magical healing power, as well as a bear's paw, the cult of which was widely developed in the forest belt of Eurasia. The magical connection between man and the bear, whose origins go back to ancient times, clarifies to a certain extent the treatment of mastitis and other breast diseases in women using a bear's paw, the behavior of women in the forest when they meet a bear. It is assumed that the views on the nature of the origin of mastitis and many other diseases, from the earth (the underworld), formed the basis of special therapeutic techniques with the help of a bear's paw. This animal, who spent part of his life in the den, underground, was considered the “brainchild” of the head of the afterlife and could contribute to the expulsion of the disease back to the ground. The leg of the doctor and her vestments (shoes, insoles, stockings) performed the same function.

Keywords: Inner Asia, Turko-Mongolian peoples, traditional worldview, folk medicine, healer, mastitis, twins, bear, medical practices

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the RFBR grant No. 19-09-00120 “Traditional medical knowledge of the Mongolian peoples in the Past and in the Future”.

Article info: Received April 15, 2020; accepted for publication May 18, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Sodnompilova M.M. (2020) Twin healers in the culture of the Turko-Mongolian peoples: a circle of healing practices, attributes, techniques. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 67–80. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-67-80

В любом традиционном обществе особым статусом наделялись люди, способные оказывать помощь в лечении недомоганий, болезней, ран и переломов, которых принято называть целителями. Врачеватели могли оказывать помощь как людям, так и животным. В исследованиях традиционной культуры народов Внутренней Азии зачастую целительская деятельность рассматривается как часть практик шаманизма. Действительно врачевание стало одной из основных функций шаманов и их помощь, основанная на религиозно-мистической основе, была порой единственным выходом из положения, особенно в ситуации сложных заболеваний, природа которых была необъяснима людям. В тени шаманских обрядов оказались люди, специализирующиеся на лечебных свойствах растений, – травники, способные сращивать кости и выправлять вывихи, костоправы, массажисты, повитухи и многие другие целители. У алтайцев в XIX в. упоминались более 20 наименований лиц, причастных к целительской деятельности. Так, например, среди алтайских лекарей выделялись костоправы *сынык-бычык тудаачы* – «держатель переломов», массажисты *сыймууччи* – «гладящие», лечащие благопожеланиями (*алкыш*), горловым пением *кайчи* (Функ, Томилов, 2006. С. 449, 451). Д.Ю. Доронин дает более подробную и точную информацию о магических практиках алтайцев, подчеркивая при этом, что большинство видов такой деятельности связывается с получением визуальной информации. Среди «визионеров» (по Д.Ю. Доронину), в круг которых включены не только люди, оказывающие помощь, но и вредящие обществу, выделяются көспөкчи («видящий духов и души мертвых»), рымчи («видящий в припадке»), көру тӱш көрөр («видящий вещие сны»), арчын көрөр («смотрящий арчын»), кол көрөчи («смотрящий руку»), кара көстӱ («имеющий черный глаз») и др. (Доронин, 2016. С. 125).

Разные категории лиц, занимавшихся врачеванием или культовой практикой, имевшие тесную связь с целительством, обнаруживаются и у тувинцев, монголов, бурят, якутов, хакасов. В целом феномен института магических практиков был характерен для разных культур в Центральной и Внутренней Азии. Особенно многочисленную группу людей, приобщенных к искусству целительства, составляли оракулы, с предсказаний которых обычно и начиналось лечение. У казахов, например, в числе таковых упоминаются фалши, жул-

дызши («предсказывающие по звездам»), ярунчи («гадающие по лопатке»), рамчи («гадающие по цвету пламени»), у уйгуров – палчы, раммалчы, азаимхан, дуахон, адачи и др. (Басилов, 1992. С. 54). Наличие такой обширной группы людей с узкой специализацией, оказывавших магическую помощь, могло быть результатом противоположных процессов. Формирование группы лекарей разной специализации свойственно архаичным обществам, где еще не сложился институт шаманства. Процесс развития шаманизма характеризуется усилением их роли в обществе и сосредоточением в их руках культовой специализации (Михайлов, 1980). Известно, что у многих народов Сибири в XIX – начале XX в. функции лекарей, гадальщиков и других «узких специалистов» входили в круг религиозно-магических практик шаманов. С другой стороны, выделение в самостоятельную группу многочисленных оракулов, «знающих», знахарей могло выступать признаком угасания шаманизма. Так, например некоторые религиозно-магические практики у алтайцев свое развитие получили в начале XX в. с актуализацией Белой веры или бурханизма и утратой своих позиций Черной веры – шаманизма. В частности, взросло значение можжевельника-арчына, который стал символом Белой веры и в связи с этим, вероятно более значимой стала роль таких деятелей как арчын көрөр.

Общеизвестным термином в тюрко-монгольской среде, имеющим значение «лекарь» и впервые фиксирующимся в XI в., является *эмсі*. В Монгольской империи в ходу был термин *оточи*. Данный термин, по мнению исследователей, имеет тюркское происхождение, так как корнеосновой всех этих терминов выступает тюркское слово *от* – «трава». Т. Олсен полагает, что данный термин имеет уйгурское происхождение, также как и слова, обозначающие «лекарство», «наркотики», «травы». Этим термином в Монгольской империи принято было называть зарубежных врачей, в отличие от местных шаманов. Основной чертой, отличавшей *оточи* от шамана, было то, что первые использовали травы для лечения болезни, в то время как последний полагался главным образом на духовные средства (Allsen, 1996).

Среди людей, оказывавших врачебную помощь, внимание привлекают «узкие специалисты». В числе таковых были люди, лечившие кожные заболевания, помощь которых полностью основывалась на магии. Право лечить кожные заболевания, как удалось выявить в предыдущих исследованиях, лекари получали в силу своего происхождения: род или племя, из которого происходили лекари, связывали особые отношения с огнем – ключевой причины кожных болезней. Люди, происходящие из племен, предком которых выступал волк, наделялись способностью излечивать пострадавших от нападения этого хищника людей и животных. Целью данной статьи является исследование образа, функций, приемов и атрибутов «лекарей», наделенных целительскими способностями по праву рождения близнецов.

В число «узких специалистов» тюрко-монгольских лекарей входят особые целители *домчу* (тув.), которые специализировались на лечении грудницы у людей и животных (мастит). Термин *домчу* имеет монгольское происхождение: в монгольском языке *домч* – «знахарь», «колдун». В свою очередь *домч* является производным от *дом* (монг.) – «заговор», «магия», «колдовство» (Пюрбеев, 2001. С. 50, 51).

Грудница или мастит – заболевание, возникающее у недавно родивших женщин и довольно распространенное в среде кочевников, судя по частому упоминанию этого заболевания в этнографических исследованиях. О распространенности этого заболевания свидетельствует и появление целой группы лекарей *домчу* и разнообразных магических приемов, направленных как на профилактику этого заболевания, так и на его лечение. Основной причиной мастита у разных групп тюрко-монгольских народов представляется неудовлетворение желания женщины поесть желаемой ею пищи.

Эти представления широко распространены у тюркских и монгольских народов на территории Внутренней Азии и за ее пределами, где проживают родственные тюркские народы, например, казахи, киргизы, некоторые этнические группы узбеков, имеющие тюркское происхождение. Обяза-

тельное исполнение пищевых предпочтений женщины распространялось и на период беременности. Соблюдение этих правил со стороны семьи беременной женщины и общества в целом, объяснялось не ее прихотями, а желаниями ребенка. Алтайцы считали, что если беременную не накормить блюдом, которое она желает, ребенок может обидеться и проклясть жадных хозяев (Функ, Томилов, 2006. С. 423). По народному поверью узбеков, невыполнение появившегося у женщины желания может сказаться на ребенке. Он может родиться с каким-нибудь физическим недостатком (Арифханова, Абашин, Алимова, 2011. С. 367). В казахском обществе строго соблюдалось предписание – не ходить в дом, где есть беременная женщина без гостинцев, «с пустыми руками», иначе у нее воспалится горло (Стасевич, 2011. С. 133).

Если последствия неудовлетворения пищевых желаний беременной могли быть разными, то единственным следствием «обиды» кормящей грудью новорожденного женщины на тех, кто не угостил ее желанной пищей, было воспаление груди. Тувинцы называли эту болезнь *эмигышкан*, монголы – *хухэнэй хабдар*. Этим заболеванием страдают женщины в период кормления ребенка. «Заболевание это, по объяснению лекарей, получалось только через пищу. Если кормящая мать не получала желаемой еды от других лиц, при этом не прося ее, а только увидев или пожелав, она обязательно заболевала грудницей» (Дьяконова, 1981. С. 140).

Калмыки также были твердо убеждены, что кормящая женщина «должна есть обязательно то, что ей захочется из увиденного в данный момент, иначе начнётся жар, набухнет и будет болеть грудь. Поэтому, если кормящая женщина зайдет в гости или по делу в чужой дом, ее обязательно будут угощать всем, что есть. Если у молодой матери вдруг заболит грудь, ее подробно расспрашивают, не заходила ли она к кому-нибудь. Хозяйка дома в таком случае специально готовит названное блюдо, и, трижды выслушав просьбу отведать его, "обиженная" съедает угощение, после чего жар, боли, согласно поверью, немедленно проходит» (Бакаева, Гучинова, 1992. С. 97). Казахи избегали заходить в дом кормящей женщины без угощения, иначе у нее воспалится грудь (Цит. по: Стасевич, 2011. С. 133).

Обида на родственников является основной причиной мастита и у ойратов Монголии. В Гоби-Алтайском аймаке Монголии, считали, что грудь у женщины может заболеть в том случае, если она не получила подарка для новорожденного от своего брата. «В таком случае брат приезжает и проделывает следующее: берет небольшой кусок лошадинного помета, заворачивает его в бумагу, просовывает его сквозь решетку под дверью юрты и вручает женщине. После этого боль в груди должна пройти, а брат обязан, по обычаю, тем не менее принести сестре подарок» (Жуковская, 1988. С. 91). Н.Л. Жуковская подчеркивает, что обязательный подарок брата предназначенный не женщине, а ее ребенку – это подарок, обусловленный обязательствами дяди по матери своему племяннику в тюрко-монгольских обществах. Этот ритуал – узаконивание отношений кровного родства. Напомним, что родственные узы между племянником и его дядей по матери *нагаса/нагац* в монгольских обществах могли устанавливаться и до рождения ребенка – так, например, у предбайкальских бурят на дядю по матери возлагали обязанность сделать для еще неродившегося ребенка сестры колыбель (Балдаев, 1959. С. 11).

Таким образом, мастит правомерно рассматривать как болезнь, причиной которой становились не злые божества и духи, а социальные взаимоотношения. Действия членов социума обусловлены опасением навредить новому члену общества (еще не родившемуся, либо новорожденному). Кроме того, актуальны были опасения, что оставившие женщину без угощения или подарка могли стать объектом обиды и мести со стороны ребенка. Эти же взгляды распространялись и на его мать. Таким образом, воспаление груди выступало выражением недовольства как самой женщины, так и ее ребенка.

Для лечения этого заболевания алтайцы, хакасы, буряты, монголы, ойраты использовали лапу

медведя или его когти[1]. Лапой медведя массировали грудь женщины, заболевшей маститом. Также поступали, когда у женщины возникала на груди опухоль или у роженицы отсутствовало молоко (Бадмаев, 2000. С. 70). Высокий сакральный статус медведя в «лесных» культурах был обусловлен, прежде всего, его биологическими чертами – огромной физической силой, сообразительностью, сходством медвежьего тела с человеческим, его действиями, напоминающими действия человека. Даже питался медведь тем же, что и человек – ягодами, грибами, копал сарану и кандык, ел мед и орехи (Цит. по: Бурнаков, 2012. С. 334). Эти представления, вероятно и легли в основу распространенных мифов о родственной связи людей и медведей, оборотничестве и др. Медведя представляли зверем с исключительным здоровьем – «Медведь проворный, крепкий. Никто не видел, чтобы он сломал себе руку или ногу» (Соломатина, 1986. С. 150). Лапы медведя, напоминающие человеческие по форме и ловкости, вероятно наделялись особой сакральной силой. Основной магической функцией медвежьей лапы, главным образом когтей, повсеместно в Сибири считалось отпугивание и изгнание злых духов. Кроме того, для людей таинственным представлялся образ жизни медведя, проводившего полгода под землей без воды и питания: самым распространенным и устойчивым в мировоззрении населения лесного пояса является представление о том, что питание зверю обеспечивает его лапа. В бурятском предании о великом черном шамане говорится, что верховное божество превратило его после смерти в медведя и велело ему «лизать свою лапу зимой и тем питаться» (Хангалов, 1959. С. 210). Выходит так, что именно в этой части тела животного сосредоточен запас жизненной силы медведя. В якутских преданиях, медведь, укравший женщину, делает ее своей женой и селит в берлоге. «Зимой вместо пищи медведь давал женщине лизать свою лапу» (Алексеев, 2004. С. 246). Аналогичный сюжет присутствует в преданиях эвенков: «одна девушка случайно провалилась в берлогу медведя. Медведь уложил ее рядом с собой, не тронув ее. Вместо еды медведь давал девушке сосать подушечки своих лап, после чего она опять засыпала» (Варламов, 2009. С. 183).

Способность медвежьей лапы изгонять злых духов и, вероятно, связанные с этим ее лечебные свойства, обусловили ее особую востребованность у населения. Медвежья лапа входила в число основных атрибутов шаманов, лекарей. Медвежью лапу или хотя бы когти стремились заполучить все скотоводы для охраны своего дома и хозяйства в целом от злых духов. Тувинцы, хакасы, буряты и монголы изготавливали особых покровителей жилища, семьи и хозяйства в целом, которых называли *ээренями, тöсями, онгонами*. Среди них особое место занимали покровители, в которых отражен образ медведя. В хакасской юрте среди тöсей выделялся Аба-тöсь или медвежий тöсь. Это семейный покровитель, изготавливаемый обычно из лапы, шерсти медведя. Иногда встречались и муляжи из дерева, в отсутствие возможности достать лапу. «Медицинские» свойства Аба-тöся распространялись на мочеполовую систему. Он же лечил заболевания груди, кашель, обеспечивал благополучные роды. Но, он же мог стать и причиной заболеваний, при непочтительном к нему отношении (Бурнаков, Цыденова, 2016. С. 117, 119). У бурят бытовал *бабагай онгон* медвежий *онгон*. В конце XIX – начале XX этот *онгон*, вероятно, утратив свои функции покровителя, входил в число игровых *онгонов* (Хангалов, 1958. С. 81). Происхождение этого *онгона* связано с «большим» (сильным в религиозно-магической практике) черным шаманом, который после смерти сделался *заяном*-покровителем бурят, которому приносили человеческие жертвы. Однако верховное божество обратило его в мед-

[1] Особенно широкий диапазон магического применения медвежьей лапы присутствует в культуре местного (сибирского) русского населения. Русские старожилы верили, что лапа медведя ограждает людей и домашний скот от сглаза, усмиряет домового, избавляет дом от клопов и тараканов, помогает помирить поссорившихся супругов и даже найти вора (Афанасьева-Медведева, 2002. С. 86–96). Эти разнообразные функции медвежьей лапы являются контаминацией представлений, привнесенных в регион из прежних мест проживания русских переселенцев (например, Поволжья) и заимствованных у соседей русских – эвенков, бурят, тофаларов, якутов.

ведя и приказало ему не принимать больше жертвы, а у бурят появился медвежий *онгон* (Хангалов, 1959. С. 210).

Тувинцы *ээреня* изготавливали из лапы медведя – «Этим ээренем шаман помогал роженице, лечил грудницу и отеки, при груднице лапой медведя массировал больное место» (Дьяконова, 1981. С. 148). Лапы медведя использовали как лучшее средство и для лечения болезней крупного рогатого скота. Лапу медведя использовали как магическое средство при лечении вымени у коров буряты (Галданова, 1981. С. 60). Широко использовались в лечебной магии когти медведя: каларцы во время болезни коров и телят вешали им на шею медвежий коготь (Алексеев, 1980. С. 122); ойраты для профилактики заболеваний вымени у коров вешали коготь медведя на подойник. При заболевании вымени у коров хозяйка-бурятка трижды проводила медвежьей лапой по вымени сверху вниз, приговаривая: «Вылечи, не пухни; земля, прими болезнь» (Бадмаев, 2000. С. 70). Буряты-охотники, убив медведя, просили его оберегать домашний скот и, в частности, крупный рогатый скот от болезней еще на этапе разделки туши: подтягивая к себе правую ногу зверя, охотники наперебой просили хозяина тайги оградить домашний скот от болезней: «...если домашний скот мой подвергнется болезням, если крупный рогатый скот заболеет – изгоните болезнь!» (Нацов, 1995. С. 56).

В перечисленных обрядовых действиях просматривается связь образа медведя с землей. Известно, что множество заболеваний насылалось главой подземного мира – Эрлик-ханом и злыми духами, населяющими его мир. Тувинцы, например, считали, что от земли (черсу) происходили все виды болезней (Дьяконова, 1981. С. 148). В частности, как болезнь, имеющая происхождение от земли, рассматривался мастит и некоторые другие заболевания (паралич). Сам же медведь в воззрениях населения лесного ареала тюрко-монгольского мира был тесно связан с землей: живущий половину года в берлоге (под землей), медведь был одним из существ, созданных Эрликом; о его связи с землей говорит то, что медведь, как и кабан, имеет «земляное ухо», т. е. обладает способностью слышать из-под земли. Хакасы называли его также «земляной человек» (Бутанаев, 2000. С. 66). Полагаем, что медвежья лапа в лечебной магии становится инструментом-проводником, который переводит болезнь в землю, т. е. возвращает ее туда, откуда она пришла.

Неудивительно, что лапа медведя выступала обязательным лечебным атрибутом в практиках *домчу* – специалистов в лечении заболеваний груди у женщин. Наиболее подробно сведения о тех, кто мог стать *домчу,* и приемах, которые он использовал в своей лечебной практике, представлены в работе В.П. Дьяконовой, посвященной предметам, используемым шаманами Тувы и Алтая в лечебной деятельности. Согласно ее исследованиям домчу у тувинцев и других тюркских народов южной Сибири могли стать близнецы, причем только один из них (Дьяконова, 1981. С. 140). Представление о том, что именно близнецы становятся хорошими целителями было широко распространено в среде тюрко-монгольских народов Внутренней Азии.

Почему именно близнецы наделялись таким необычным даром лечить болезни по праву своего рождения? Рождение близнецов всегда расценивалось как проявление вмешательства высших сил, и отношение к ним складывалось в культуре разных народов неоднозначное – от наделения близнецов сакральным статусом до их умерщвления, как порождения дьявола (Тэрнер, 1983; Фролова, 2017). Близнецы в любой культуре воспринимались как необычные дети, и вполне логично, что им могли приписываться разные сверхъестественные способности. В. Тернер в своем исследовании о близнецах писал, что рождение близнецов (появление двух детей в одни роды) в африканских сообществах воспринималось как нечто, противоречащее обычным представлениям о естественном или возможном (Тэрнер, 1983. С. 137, 149). Одни общества воспринимали рождение близнецов как благо – пример избыточности плодородия, другие как мистическую болезнь, которую необходимо было «лечить» специальными ритуалами. Ключевой идеей в понимании феномена близнецов В. Тернер считает мотив двойного отцовства, сим-

волизирующий принадлежность разным мирам – миру людей и миру природы (богов, духов и пр.) (Тэрнер, 1983. С. 138, 140). Его объяснению природы близнецов вторят представления орочей, считающих, что в рождении близнецов обязательно принимают участие духи-предки сообщества. Они предполагали, что от мужчины не может родиться больше одного ребенка (История и культура ульчей, 2001. С. 94).

В обществах монгольских народов, отношение к близнецам было в целом благожелательное: в обрядах детства монгольских народов изредка просматриваются следы представлений о какой-то опасности, которая исходила от близнецов, абсурдности их рождения – одной из идей, характеризующих восприятие рождения близнецов у африканских сообществ. Так, ошибкой божества, который посылал в одну семью двоих детей вместо одного, считали алтайские урянхайцы (Лхагвасурэн, 2013. С. 109). В среде ойратов, в частности калмыков, алтайских урянхайцев рождение близнецов считалось большим и важным событием, сопровождавшимся пиршеством (Лхагвасурэн, 2013. С. 109; Шараева, 2011. С. 57). О том, что двойня у калмыков в начале XIX в. встречалась с радостью и «мать разрешившаяся от бремени двумя младенцами, приобретает право на похвалу», сообщает Н.А. Нефедьев (Цит. по: Батмаев, 2008. С. 132). В калмыцком обществе только женщине, родившей близнецов по наблюдениям П. Смирнова разрешалось открыто кормить детей грудью (Смирнов, 1999. С. 76–77). Детей-близнецов у разных групп монгольских народов обычно не разделяли[2], но наличие у близнецов одной души, согласно традиционным представлениям, требовало совершения специальных ритуалов, направленных на ее разделение. Так, например, монголы делали небольшой надрез у основания развилки опорного столба юрты – *багана* (Жуковская, 1988. С. 22). Хакасы разрезали березовую ветку пополам и разделяли плаценту близнецов, чтобы у каждого из них была своя судьба (Бутанаев, 1996. С. 134). Однако, если двойня рождалась три раза подряд, и во всех были мальчики, это воспринималось калмыками как предвестие смерти отца. В таком случае проводился ритуал мнимого отъезда отца из дома, как «выкуп жизни» (Цит. по: Шараева, 2011. С. 57). Убегал на время из дома в аналогичной ситуации и отец близнецов в Хакасии.

Таким образом, если отцом одного из близнецов выступало сверхъестественное существо, то и сам ребенок, и его брат/сестра могли обрести необычные способности. Возможно, что это обстоятельство и обосновывает наличие целительских способностей только у одного из близнецов в тувинском обществе, при этом «Преимущество в этом занятии имели мужчины, хотя бывали домчу и женщины» (Дьяконова, 1981. С. 140). Тувинцы, наделяя сверхъестественными способностями мальчика-близнеца, верили, что мальчик, когда вырастал «мог во время солнечного затмения кричать, обращаясь к солнцу, на злые силы, вызывающие затмение» (Потапов, 1969. С. 275).

К практике лекарь-близнец приступал не ранее 17 лет, после обучения. «Обучавшим мог быть кто-то из членов семьи, родственниц, но также близнец по рождению и лекарь. Новичок заучивал ряд специальных молитвенных текстов, аналогичных для шаманов, приобретал у любого охотника лапу медведя (или медвежонка), которой он орудовал в течение всей жизни» (Дьяконова, 1981. С. 140). В среде бурят круг лечебных практик близнецов был более широкий – их наделяли прирожденным даром *бариачи* (костоправов) (Бадашкеева, 2003. С. 195).

Целебной силой наделялась и одежда, которая принадлежали близнецам. У калмыков считались целебными стельки близнецов. Тувинцы, когда у коровы заболевало вымя, если не помогали другие средства, к больному вымени прикладывали войлочный чулок ребенка, но только двойняшки. «Если в доме не было двойняшек, то его нужно было “достать” или похитить (так как никто добровольно детского чулка двойняшки не отдаст)» (Потапов, 1969. С. 345).

[2] Рождение разнополых близнецов в тувинском обществе воспринималось как инцестуальный брак, в связи с чем разнополых близнецов разделяли, оставляя в семье мальчика (Потапов, 1969. С. 274).

Вера в лечебную силу вещей близнецов была так велика, что даже обладание ими наталкивало людей на мысль заняться целительством. Так, функции целителя в тувинском обществе, способного излечить мастит, нередко брали на себя люди, не являвшиеся близнецами. Для лечения *эмигышкан* они добывали в семье, где имелись близнецы, какую-нибудь вещь (сапожки, платье, распашонку) или же во время сеанса лечения сажали на ногу ребенка-близнеца. И хотя бы один коготь от лапы медведя был обязательным атрибутом в деятельности такого рода «отступленцев» (Дьяконова, 1981. С. 140).

Приобщенной к божественному считалась и женщина, мать близнецов. Иногда мать наделялась врачевательными способностями в большей степени чем сами дети-близнецы. Целебными считали некоторые вещи, которые принадлежали ей. Так, при ангине хакасы прогревали горло накаленной стелькой обуви, сделанной из «потничной травы», и предпочитали пользоваться стелькой, принадлежащей женщине, родившей двойню (Бутанаев, 1995. С. 12–13), а при заболевании вымени у коров гладили вымя обувью женщины, родившей двойняшек, или вдовы – носком правого сапога три раза проводили по опухоли (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 94). Кормящие калмычки при мастите тоже прикладывали к больной груди прогретую стельку, принадлежавшую матери близнецов. Подобные воззрения разделяли и народы Средней Азии: казахи верили, в особую сакральную силу матери близнецов, которая могла лечить скот и людей, останавливать массовую гибель скота и даже нашествие саранчи. Её благопожелания или заклинания считались особенно сильными (Толеубаев, 1991. С. 71). Даром лечить разные болезни наделялась мать близнецов у киргизов. Если ребенок подвергался сглазу, лечебные обряды над ним совершали женщины, родившие близнецов (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016. С. 329).

Привлекает внимание способ, который, вероятно, должен был совершаться в «идеале» при лечении больных: «мать близнецов могла массажировать грудь больной женщины пяткой или большим пальцем ноги» (Шараева, 2011. С. 62). В более сложном варианте предстает процесс лечения мастита у тувинцев. Приведем описание процесса лечения, записанном В.П. Дьяконовой:

«*Сеансы лечения болезни домчу проводили в любое время суток у себя дома или у больных. Начинался он с того, что домчу чистыми руками обмывал пациентке грудь. Для омывания использовалась вода из аржана или молоко, куда крошился можжевельник (артыш). Затем держа в правой руке лапу медведя (или коготь от нее), он проводил несколько раз по груди, при этом на лапу и по четырем сторонам света домчу брызгал из чашки аржан или молоко с можжевельником. Массирование лапой медведя, брызгание аржаном, молоком обязательно сопровождалось исполнением определенных молитвенных текстов. Через некоторое время лапу медведя, к которой были подвешены ленточки и ветка можжевельника, домчу прикреплял к правой ноге и повторял те же движения, что и рукой (т. е. массирование, брызгание, чтение молитв). Когда домчу "забирал" болезнь, он отвязывал от лапы медведя пучок лент и, помахивая им и лапой, выводил болезнь из больной и из дома*» (Дьяконова, 1981. С. 141).

В данном ритуале мы видим комбинацию двух наиболее сильных по «лечебным» свойствам элементов лечебной магии – близнеца и медвежьей лапы[3]. Чем может быть обусловлена эта связь в тувинском лечебном ритуале? Возможно, что ответ на этот вопрос кроется в культе медведя, сформировавшегося в культуре нивхов, идеи которых могли распространиться и в традиции других сибирских народов. Подробное описание культа медведя у нивхов оставил известный отечественный исследователь Е.А. Крейнович. Он отмечает, что в представлениях нивхов в рождении близнецов

[3] Примечательно, что у соседних с тувинцами народов – бурят, хакасов, алтайцев, монголов такие методы лечения не фиксируются. Причины этого могут быть разными – как отсутствие таких приемов лечения, так и отсутствие сведений по ним. Следует отметить, что народная медицина – сфера традиционной культуры, которая довольно редко попадала в поле исследований ученых в XIX, XX вв.

принимает участие не какая-то абстрактная божественная сила – отцом близнецов является представитель медвежьего народа (горный человек-медведь). «Поэтому-то в старину близнецов у амурских нивхов отождествляли с ца "зверем"… Древние нивхи говорили: когда близнецы родятся, то первый родившийся – передний зверь, так говорили (называли), сзади родившийся – задний зверь, "так говорили"» (Крейнович, 1982. С. 271).

У нивхов люди-медведи могли излечивать людей от недугов, хотя они же могли и насылать болезни (Там же, с. 272). Сходные представления, но уже в отношении к семейному покровителю-медведю бытовали и у хакасов – Аба-тёсь исцелял болезни, и в то же время становился их причиной при неправильном обращении с ним. Полагаем, что обращение лекаря-близнеца к исцеляющей силе лапы медведя было равносильно обращению к божественному родственнику, способному изгнать болезнь.

Связь человека и медведя проясняет в определенной степени лечение мастита и других заболеваний груди у женщин с использованием медвежьей лапы. Согласно широко распространенной в Сибири рекомендации, женщинам встретившимся в лесу с медведем, следовало обнажить грудь, что должно было привести медведя в смущение и не дать ему напасть (Бутанаев, 2000. С. 66; Алексеев, 2004. С. 247). Полагаем, что особая стеснительность зверя – это поздняя реплика другого воззрения, согласно которому медведь должен был видеть в женщине, обнажившей грудь, потенциальную мать. Нить наших суждений вновь возвращается к традиционным воззрениям нивхов: они верили, что медвежонка, найденного в берлоге и еще не умеющего есть, могла кормить грудью только женщина, родившая близнецов. Вероятно, такая женщина рассматривалась как наиболее близкая родственница животному, супруга «горного» человека – медведя и как мать его братьев или сестер-близнецов. Вероятно, этот взгляд и нашел отражение в представлениях об особой стеснительности медведя. В среде русских-сибиряков допускалось оголять и другие части тела (Афанасьева-Медведева, 2011. С. 218).

Рассмотренные выше сведения о лекарях и их приемах лечения в регионе Внутренняя Азия, позволяют заключить, что лечебная сила концентрировалась в ногах лекарей-близнецов, матери близнецов, в связи с чем аналогичными свойствами наделялись обувь, стельки, чулки такого рода лекарей. Это не единичный случай такого вида массажа в тюрко-монгольской народной медицине. В быту бурят, после трудового дня взрослые часто просили детей 8–10 лет сделать им массаж спины ногами. Такой массаж назывался *нюрга гэшхэхэ* «топтание спины». Примечательно, что даже рабочие концы специальных массажных палок у бурят, с помощью которых люди могли делать себе массаж самостоятельно, нередко вырезались в виде детской ступни (Абаева, Жуковская, 2004. С. 324). Ногами лечил больного шаман, совершая обряд *гал тарим*. Подробное описание обряда оставил М.Н. Хангалов, очевидец этого ритуального действия (Хангалов, 1958. С. 510).

Какими взглядами обусловлен данный прием? В соматических представлениях представителей разных культур ноги выступают символом движения и следовательно жизни (Мазалова, 2001. С. 40). Традиционное обозначение людей в якутском фольклоре – «имеющие ноги» (Сагалаев, 1991. С. 85). Безногими, не оставляющими следы на земле, считались духи, черти в монгольской мифологии. После смерти человека, в погребальной обрядности монгольских народов, принято было просить душу умершего стать на пепел, чтобы душа удостоверилась в смерти своего тела. Отсутствие ног, как характерный признак, выдавал представителей иного мира, иногда появлявшихся среди людей (ПМА 1)[4]. С выражением «стоять на ногах» связывается распространенное представление о физической зрелости, экономической самостоятельности человека. Во многих тюрко-монгольских культурах было известно мнение, что если бросить в ребенка шапку и он устоит на ногах, то можно его выдавать замуж/женить.

[4] Полевые материалы автора. Информатор 1: Ц.Ц. Галданова, 1908 г.р., с. Баянгол Закаменского района Республики Бурятии.

Ноги, как часть тела, постоянно контактирующая с землей, представляли опасность. Они могли выступать каналом, по которому заболевания, порча проникали в организм из земли. Хакасы верили, что к ногам человека прилипают разные болезни, поэтому перед тем как войти в дом, человек обивал порог дома, дабы стряхнуть нечисть (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 108). Среди тюрков Сибири бытовали воззрения, что ноги путника, прибывшего издалека, представляют особую опасность для больных людей, маленьких детей и беременных женщин. Приезд путников предчувствовали маленькие дети, которые плохо спали и тревожились. После посещения дома путником, болезни усиливались, а маленькие дети вообще могли умереть «“не выдержав” “тяжелые” ноги и “тяжелое” дыхание “нечистых” людей». Ноги путников по воззрениям якутов считались «холодными», «тяжелыми» (Бравина, 2005. С. 59). Сходные представления, в которых ноге человека отводится роль приносящей добро или зло, наравне с глазами («дурной глаз», «добрый глаз») обнаруживаются на южной периферии тюркского мира – у курдов-заза, проживающих в Турции. Они верили в то, что некоторые люди имеют «добрую» или «злую ногу» (Асатрян, 1992. С. 106). Разделяли эти взгляды и в монгольских обществах: буряты верили, что человек в пути мог как «собрать» разные заболевания, так и избавиться от них (ПМА 2)[5]; на это указывает обычай предбайкальских бурят, возвращаясь после похорон с кладбища, «очищать» над огнем от скверны ступни ног (ПМА 3)[6].

В представлениях русских болезнь людей и животных можно было изгнать из организма через ноги обратно в землю (Мазалова, 2001. С. 44). Сходные воззрения бытовали и у тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Как у же говорилось выше, происхождение многих заболеваний связывалось с землей и подземным миров вообще. Такое понимание природы происхождения заболеваний обосновали странные на первый взгляд приемы исцеления[7]. Восприятие ноги как инструмента, способного вывести болезнь обратно в землю, обосновывает логику лечебных приемов лекарей, массирующих грудь больной женщины ногой, использования с той же целью стелек, обуви, чулок, принадлежащих людям, наделенных особым даром.

Заключение

В традиционном обществе тюрко-монгольских кочевников Внутренней Азии всегда особо выделялись люди, способные оказывать помощь в исцелении больных. Как выяснилось, в кочевой среде таких специалистов было много. В данной статье внимание было уделено лекарям, исцеляющим заболевания груди у женщин. Выявлено, что в их число входили близнецы, женщины, родившие близнецов, обладатели медвежьей лапы, а также предметов, принадлежащих близнецам или их матери.

Предложено обоснование приемов лечения и лечебной атрибутики, в особенности медвежьей лапы. Самое крупное и опасное существо в лесном поясе Евразии, поражавшее людей силой и сообразительностью, обеспечило широкое развитие религиозных культов, связанных с медведем. Основа культа медведя, как считает З.П. Соколова, – древняя, палеосибирская (или автохтонно-сибирская), связанная с промысловым культом

[5] Полевые материалы автора. Информатор 2: В.И. Таршинаев, 1931 г.р., с. Байтог Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

[6] Полевые материалы автора. Информатор 3: З.В. Ботогоева, 1929 г.р. с. Идыга Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

[7] «Иногда, когда животное падало на землю, халха говорили *газра эйх* „случилось от земли“. В этом случае брали камни и давали понюхать животному» (Вяткина, 1960. С. 168). Средством избавления животного от внезапной болезни становились магические действия. Халха-монголы брали палку и очерчивали контур фигуры упавшего на землю животного, «а животное били плетью и произносили: *Чи урихин морь* (*или хони*, *ɣхэр*, *тэмээ*) *ав*, *би урихин морь авн* „ты возьми свою лошадь (или барана, быка, верблюда), а я возьму свою“ (там же). Иными словами, „злому духу“, якобы задумавшему взять себе животное, предлагалось не само животное, а его изображение». Очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с примером отождествления души животного с его изображением, что по существу выступает аналогом религиозного убеждения о воплощении одной из душ живого существа в его тени – *hɣɣдэр*.

(точнее с промысловой магией как ранней стадией этого культа, сформировавшейся раньше представлений о духах-хозяевах) (Соколова, 2002. С. 52). В народной медицине широкое применение от разных болезней нашли жир, мясо, желчь медведя. В магико-ритуальной практике, направленной на исцеление малопонятных человеку заболеваний, использовалась лапа медведя, либо напоминающие лапу, культовые предметы. Медвежья лапа в традиции разных народов Сибири и Севера была способна излечить большой спектр заболеваний. За пределами лесной зоны отголосками этого культа остались представления о целительной силе лапы, когтей медведя в «лечении» заболеваний груди у женщин, вымени у коров.

Предполагается, что воззрения о природе происхождения большинства заболеваний легли в основу особых лечебных приемов при помощи лапы медведя, ноги и ее облачений (обуви, стелек, чулок).

Библиографический список

Абаева Л.Л., Жуковская Н.Л. Буряты. М.: Наука, 2004. 633 с.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.

Алексеев Н.А. Якутские мифы. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.

Арифханова З.Х., Абашин С.Н., Алимова Д.А. Узбеки. М.: Наука, 2011. 688 с.

Асанканов А.А., Брусина О.И., Жапаров А.З. Кыргызы. М.: Наука, 2016. 623 с.

Асатрян Г.С. Некоторые вопросы традиционного мировоззрения заза // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М.: Наука, 1992. С. 102–111.

Афанасьева-Медведева Г.В. Русская охота на медведя в Восточной Сибири в фольклорном и этнолингвистическом освещении. Иркутск, 2002. 280 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Реликтовые формы медвежьего культа у русских Восточной Сибири (по материалам народной прозы 1980–2011 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 214–218.

Бадашкеева Т.А. О традиции бариачи у монголов // Монголоведные исследования. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 195–207.

Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. 179 с.

Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Магия в обрядах родинного ритуала калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 89–100.

Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 68–72.

References

Abaeva L.L., Zhukovskaya N.L. (2004) Buryats. Moscow: Nauka. 633 p. (In Russ.)

Alekseev N.A. (1980) Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka. 315 p. (In Russ.)

Alekseev N.A. (2004) Yakut myths. Novosibirsk: Nauka. 451 p. (In Russ.)

Arifkhanova Z.Kh., Abashin S.N., Alimova D.A. (2011) Uzbeks. Moscow: Nauka. 668 p. (In Russ.)

Asankanov A.A., Brusina O.I., Zhaparov A.Z. (2016) Kyrgyzes. Moscow: Nauka. 623 p. (In Russ.)

Asatrian G.S. (1992) Some questions of the traditional Zaza worldview. *Traditsionnoye mirovozzreniye u narodov Peredney Azii* = Traditional worldview among the peoples of the Near East. Moscow: Nauka. P. 102–111. (In Russ.)

Afanasieva-Medvedeva G.V. (2002) Russian bear hunting in Eastern Siberia in folklore and ethnolinguistic coverage. Irkutsk. 280 p. (In Russ.)

Afanasyev-Medvedev G.V. (2011) Relict forms of a bear cult in Russians of Eastern Siberia (based on folk prose 1980–2011). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. No. 10. P. 214–218. (In Russ.)

Badashkeeva T.A. (2003) On the tradition of bariachi among the Mongols. *Mongolovednyye issledovaniya* = Mongolian Studies. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. Vol. 4. P. 195–207. (In Russ.)

Baldaev S.P. (1959) Buryat wedding ceremonies. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. 179 p. (In Russ.)

Bakaeva E.P., Guchinova E.-B.M. (1992) Magic in the rites of the native ritual of the Kalmyks. *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* = Traditional ritual of the Mongolian peoples. Novosibirsk: Science. P. 89–100. (In Russ.)

Badmaev A.A. (2000) Relics of the cult of the bear in the culture drilled. *Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* = Bear in ancient and modern cultures of Siberia. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 2000. P. 68–72. (In Russ.)

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 328 с.

Батмаев М.М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Герел, 2008. 255 с.

Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Бурнаков В.А. Медведь в традиционных представлениях хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история и филология. 2012. Т. 11. Вып. 3. С. 324–339.

Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Аба-тӧс – медвежий фетиш в традиционных представлениях и обрядовой практике хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 113–122.

Бутанаев В.Я. Медведь по воззрениям хакасов // Медведь в древних и современных культурах Сибири / Отв. ред. И.Н. Гемуев, Н.А..Алексеев. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 65–67.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1996, 224 с.

Бутанаев В.Я. Хакасская народная медицина // Народная медицина Хакасско-Минусинского края. Абакан: Изд-во ХГУ, 1995. С. 1–24.

Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакасский государственный университет, 2005. 196 с.

Варламов А.Н. Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 178–184.

Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.–Л.: Наука, 1960. С. 159–269.

Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии Новосибирск: Наука, 1981. С. 56–70.

Доронин Д.Ю. Белый конь на гребне горы: структура и маркеры коммуникации в визионерских практиках алтайцев // Вестник РГГУ. Серия: «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 12 (21). С. 115–134.

Basilov V.N. (1992) Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russ.)

Batmaev M.M. (2009) Family and marriage in the tradition of Kalmyks. Elista: Gerel. 255 p. (In Russ.)

Bravina R.I. (2005) The concept of life and death in the culture of an ethnic group based on the material of Sakha traditions. Novosibirsk: Nauka. 307 p. (In Russ.)

Burnakov V.A. (2012) Bear in traditional representations of the Khakases. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i filologiya* = Bulletin of Novosibirsk State University. Series. History and Philology. Vol. 11. Iss. 3. P. 324–339. (In Russ.)

Burnakov V.A., Tsydenova D.Ts. (2016) Aba-tös – a bear fetish in the traditional representations and ritual practice of the Khakases (the late 19th – mid. 20th century). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography. No. 1 (32). P. 113–122. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (2000) Bear according to the views of the Khakases. *Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* = Bear in ancient and modern cultures of Siberia. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. P. 65–68. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (1996) The traditional culture and life of the Khakass. Abakan: Khakass Book Publ. 222 p. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (1995) Khakass traditional medicine. *Narodnaya meditsina Khakassko-Minusinskogo kraya* = Traditional medicine of the Khakass-Minusinsk Territory. Abakan: Khakassian State Univ. P. 1–24. (In Russ.)

Butanaev V.Ya., Mongush Ch.V. (2005) Archaic customs and rites of the Sayan Turks. Abakan: Khakass State University. 196 p. (In Russ.)

Varlamov A.N. (2009) The image of the ancestor bear in folklore and the Evenki worldview. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. No. 115. P. 178–184. (In Russ.)

Vyatkina K.V. (1960) Mongols of the Mongolian People's Republic (Materials of the historical and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences and the MPR Committee of Sciences 1948–1949). *Vostochno-Aziatskiy etnograficheskiy sbornik* = East Asian ethnographic collection. Moscow – Leningrad: Nauka. P. 159–269. (In Russ.)

Galdanova G.R. (1981) Respecting animals by Buryats. *Buddizm i traditsionnyye verovaniya narodov Tsentral'noy Azii* = Buddhism and traditional beliefs of the peoples of Central Asia. Novosibirsk: Nauka. P. 56–70. (In Russ.)

Doronin D.Yu. (2016) White horse on the mountain. Structure and markers of communication in Altaic visionary practices. *Vestnik RGGU. Seriya: "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* = RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies", Series. No. 12 (21). P. 115–134. (In Russ.)

Дьяконова В.П. Предметы к лечебной функции шамана тувы и Алтая // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1981. Т. 37. С. 138–152.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988, 195 с.

История и культура ульчей. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2001, 171 с.

Крейнович Е.А. О культе медведя нивхов // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М.: Наука, 1982. С. 244–283.

Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2013. 176 с.

Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 192 с.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма с древнейших времен по XVIII в. Новосибирск: Наука, 1980. 319 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I. Пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995, 156 с.

Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969, 401 с.

Пюрбеев Г.Ц Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. / Т. I. М.: AKADEMIA, 2001. 520 с.

Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.

Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири. Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.

Соломатина С.Н. Колыбель в обрядах и представлениях народов Саяно-Алтая // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов / Отв. ред. И.Н.Гемуев, А.М.Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1986. С. 147–155.

Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1999. 248 с.

Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. В.А. Бейлис и автор предисл. М.: Наука, 1983. 277 с.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алматы: Гылым, 1991. 214 с.

Dyakonova V.P. (1981) Items for the healing function of the shaman of Tuva and Altai. *Material'naya kul'tura i mifologiya. Sb. MAE* = Material Culture and Mythology. MAE. Leningrad: Nauka.Vol. 37. P. 138–152. (In Russ.)

Zhukovskaya N.L. (1988) Categories and symbolism of the traditional culture of the Mongols. Moscow: Nauka. 195 p. (In Russ.)

Ivaschenko L.Ya. (2001) The history and culture of the Ulchi. Historical and ethnographic essays. St. Petersburg: Nauka. 171 p. (In Russ.)

Kreinovich E.A. (1982) On the cult of the Nivkh bear. *Strany i narody Vostoka. T. XXIV. Strany i narody tikhookeanskogo basseina. Kn. 5.* = Countries and Peoples of the East. Vol. XXIV. Strany Countries and peoples of the Pacific. Book 5. Moscow: Nauka. P. 244–283. (In Russ.)

Lhagvasuren I. (2013) Altai Urikhay people. Historical and ethnographic essays (the late 19th – early 20th centuries). Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 176 p (In Russ.)

Mazalova N.E. (2001) The composition of the human: a person in the traditional somatic representations of Russian. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 192 p. (In Russ.)

Mikhailov T.M. (1980) From the history of Buryat shamanism from ancient times to the 18th century. Novosibirsk: Nauka. 319 p. (In Russ.)

Natsov G.-D. (1995) Materials on the history and culture of the Buryats. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. Pt. I. 156 p. (In Russ.)

Potapov L.P.(1969) Essays on the folk life of the Tuvans. Moscow: Nauka. 401 p. (In Russ.)

Piurbeev G.Ts. (2001) The Big Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Vol. I. Moscow: Akademia. 520 p. (In Russ.)

Sagalaev A.M. (1991) Uralic and Altaic mythology. Symbol and archetype. Novosibirsk: Nauka. 155 p. (In Russ.)

Sokolova Z.P. (2002) The cult of the bear and the bear holiday in the worldview and culture of the peoples of Siberia. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic review. No. 1. P. 41–62. (In Russ.)

Solomatina S.N. (1986) Cradle in the rites and representations of the peoples of the Sayan-Altai. *Etnicheskiye kul'tury Sibiri. Problemy evolyutsii i kontaktov* = Ethnic cultures of Siberia. Problems of evolution and contacts. Novosibirsk: Nauka. P. 147–155. (In Russ.)

Smirnov P. (1999) Travel notes on the Kalmyk steppes of the Astrakhan province. Elista: Kalmyk Book Publ. 248 p. (In Russ.)

Stasevich I.V. (2011) Kazakhs' social status of women: traditions and modernity. St. Petersburg: Nauka. 220 p. (In Russ.)

Turner V. (1983) Symbol and Ritual. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russ.)

Toleubaev A.T. (1991) Relics of pre-Islamic beliefs in the Kazakh family ritual. Almaty: Gylym. 214 p. (In Russ.)

Фролова Е.Л. Традиционные представления о близнецах в Японии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 10. С. 53–58.

Функ Д.А., Томилов Н.А. Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. 678 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. Т. I. 551 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. Т. II. 444 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. Т. III. 421 с.

Шараева Т.И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XXI в. Элиста: Джангар, 2011. 218 с.

Allsen, T. 1996. Spiritual geography and political legitimacy in the eastern Steppe. In Claessen H.J.M., and Oosten J.G. (eds.). Ideology and the Formation of Early States. Leiden: Brill. Pp.116–135.

Frolova E.L. (2017) Traditional ideas about twins in Japan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology. Vol. 16. No. 10. P. 53–58. (In Russ.)

Funk D.A., Tomilov N.A. (2006) Turkic peoples of Siberia. Moscow: Nauka. 678 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. (1958) Collected works. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. Vol. I. 551 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. (1959) Collected works. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. Vol. II. 444 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. (1960) Collected works. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. Vol. III. 421 p. (In Russ.)

Sharaeva T.I. (2011) Rites of the Kalmyk life cycle of the 19th – early 21st centuries. Elista: Dzhangar. 218 p. (In Russ.)

Allsen, T. 1996. Spiritual geography and political legitimacy in the eastern Steppe. In Claessen H.J.M., and Oosten J.G. (eds.). Ideology and the Formation of Early States. Leiden: Brill. Pp.116–135.

Критерии авторства

М.М. Содномпилова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов, провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

M.M. Sodnompilova made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Содномпилова Марина Михайловна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахъяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Information about the author

Marina M. Sodnompilova,
Dr. Sci. (History), Leader researcher, Department of history, ethnology and sociology,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 398(=512.36)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-81-89

Семантика названия монгольского музыкального инструмента «морин хур»

© С.Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Статья посвящена семантике названия традиционного монгольского музыкального инструмента морин хур. В современное время данный инструмент имеет широкое распространение в музыкальной культуре многих народов монгольского корня. Это не только у этнических групп Монголии и Китая, но также среди калмыков и бурят России. Определено, что изначально монгольский инструмент под названием «морин хур» функционировал только в музыкальной традиции восточных монголов, тогда как у западных монголов-ойратов, калмыков и бурят бытовал подобный инструмент, но под другим наименованием «хур». При этом конструктивные особенности обоих инструментов различались лишь в некоторых деталях, что свидетельствуют об общности происхождения. Но в историческом ракурсе морин хур сохранил свой исконный облик и актуальность в культуре монголов, а калмыцкий и бурятский традиционные хуры, с одной стороны, прекратили функционировать, а, с другой – были модифицированы и приобрели схожие формы со скрипкой. Этим обуславливается востребованность морин хура у калмыков и бурят, который с конца XX в. стал использоваться в музыкальной культуре данных народов. При этом оставалась не до конца выясненной семантика названия морин хура. В этой связи автор статьи на основе изучения материалов по этнографии народов Центральной Азии и Сибири выявляет основной смысл названия, отличающегося от общеизвестного определения, популярного в современной литературе. Исследование также позволило прийти к выводу, что значение наименования инструмента выступает коннотацией, отображающей культурные традиции народов со скотоводческим типом хозяйствования.

Ключевые слова: монголы, калмыки, буряты, музыкальная культура, традиционный музыкальный инструмент, сакральный предмет, легенда, лошадь, семантика

Информация о статье: Дата поступления 26 марта 2020 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Болхосоев С.Б. Семантика названия монгольского музыкального инструмента «морин хур» // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 81–89. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-81-89

Semantics of the name of the Mongolian musical instrument “Morin Khur”

© Stanislav B. Bolkhosoev

The East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article is devoted to the semantics of the name of the traditional Mongolian musical instrument Morin Khur. In modern times this instrument is widely used in the musical culture of Mongolian peoples. It is known not only among the ethnic groups of Mongolia and China, but also among the Kalmyks and Buryats of Russia. It is determined that initially the Mongolian instrument called “Morin Khur” functioned only in the musical tradition of the Eastern Mongols. The Western Mongols-Oirats, Kalmyks and Buryats had a similar instrument, but with the name “Khur”. However, the design features of both instruments differed only in some details, which indicates a common origin. But from a historical perspective, the Morin Khur preserved its original appearance and relevance in the Mongol culture, while the Kalmyk and Buryat traditional khurs, on the one hand, ceased to function, and, on the other, were modified and acquired similar forms to the violin. This determines the demand for Morin Khur among the Kalmyks and Buryats, and the instrument has been used in the musical culture of these peoples since the end of the XX century. At the same time remained not fully clarified the semantics of the name of Morin Khur. At the same time, the semantics of the name Morin Khur remained not fully clarified. In this regard, the author of the article

based on the study of materials on the ethnography of the peoples of Central Asia and Siberia reveals the main meaning of the name, which differs from the well-known definition, popular in modern literature. The study also leds to the conclusion that the meaning of the name of the instrument acts as a connotation that reflects the cultural traditions of peoples with a pastoral type of management.

Keywords: Mongols, Kalmyks, Buryats, musical culture, traditional musical instrument, sacred object, legend, horse, semantics

Article info: Received March 26, 2020; accepted for publication April 20, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Bolkhosoev S.B. (2020) Semantics of the name of the Mongolian musical instrument "Morin Khur". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 81–89. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-81-89

Морин хур (*морин хуур*) – двухструнный смычковый инструмент с фрикционным принципом звукоизвлечения, распространенный в музыкальной культуре монгольских народов. Причем под этим названием он известен у халхасцев, чахаров, ордосцев, узумчинов, тумэтов и др., по преимуществу восточномонгольских этнических групп (Чжен, 2012. С. 225). У западно-монгольских (ойратских) этнических компонентов данный инструмент под соответствующим названием, видимо, вошел в практику музицирования в более позднее время, чем у их восточных соседей. В музыкальной культуре ойратов (дэрбэтов, торгутов, баятов и др.) был популярен двухструнный щипковый инструмент под названием *товшуур*. Например, это подтверждается калмыцкой музыкальной инструментальной традицией, в которой до недавнего времени отсутствовал морин хур.

Как известно, калмыки являются одним из ответвлений ойратского этнокультурного сообщества и для них более популярна домбра, имеющая схожую характеристику с товшуром. Тем не менее нельзя не заметить, что при просмотре источников (материалы этнографии и литературы) обнаруживаются сведения о подобном морин хуру калмыцком музыкальном инструменте. Его название аналогично бурятскому обозначению – *хуур* (далее – хур). Но в отличие от бурятской традиции, в калмыцкой он встречался довольно редко (Борлыкова, 2013. С. 108). Исходя из этого, отметим, что в прошлом у бурят музыкальный инструмент под названием «морин хур» также не обнаруживается.

Другое дело, бытование хура. Исследователь традиционной музыкальной культуры бурят Д.С. Дугаров во второй половине XX в. во время этнографических экспедиций по территории этнической Бурятии (современные районы с бурятским населением Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятии) успел описать и сфотографировать отдельные модели хура, все еще бытовавшие в культуре. Хотя уже под влиянием современной европейской музыки и новых культурных веяний, традиционные бурятские хуры сохранялись лишь на периферии. Можно сказать, что Д.С. Дугаров застал последние моменты бытования традиционного хура у бурят. Ему довелось увидеть хуры с разными конструктивными особенностями. Например, с одним и двумя струнами, с прямоугольной, трапециевидной, овальной, круглой или еще более сложной конфигурацией резонирующего корпуса и т. д. (Дугаров, 2006. С. 11).

Для изготовления бурятского хура использовались материалы из разных пород деревьев (сосна, береза, кедр, ива), кожи (благородного оленя, кабарги, козы), мочевого пузыря крупнорогатого скота и конского волоса. Более того, некоторые умельцы в качестве корпуса хура употребляли металлическую прямоугольную банку из-под пороха для старинных кремневых ружей, а позже – и железные банки круглой формы из-под конфет и прочих вещей (Дугаров, 2006. С. 12). Такая модификация хура вызвана, в одном случае, отсутствием мастеров, способных по всем правилам изготовить музыкальный инструмент, а в другом – срочной необходимостью его употребления в определенных обстоятельствах. Зачастую модифицированный хур, судя по отдельным деталям, применяли в своем деле бурятские охотники. В прошлом они, уходя

в тайгу на промысел, брали с собой хур или изготовляли его на месте и играли на нем вечерами в своем зимовье. По поверью считалось, что духам – хозяевам леса и диких зверей – нравится музыка, произведенная охотником на хуре, и поэтому в знак благодарности за игру они одаривали его (или охотничью артель) хорошим охотничьим трофеем (Дугаров, 2006. С. 15).

В свою очередь бурятская охотничья традиция была заимствована забайкальскими эвенками, в хозяйственном укладе которых преобладал охотничий промысел. Например, только у соседствующих с бурятами эвенков существовал струнный инструмент, похожий на бурятский хур. Кроме того, встречался довольно интересный образец, сделанный из подручных материалов охотничьего снаряжения. У такого инструмента корпусом служила спичечная коробка, а струной – скрученные нитки (Дугаров, 2006. С. 16). В конструктивном плане данная поделка, как пишет Д.С. Дугаров, имела поразительное сходство с одним из вариантов бурятского традиционного хура. Эту аналогию ученый объясняет фактами исторических контактов и межэтнических взаимоотношений.

И последнее замечание, которое хотелось бы сделать в связи конструктивными особенностями бурятского хура, это то, что инструмент подразделялся еще на такие разновидности как «детский» и «взрослый». Отличие выражалось в размерах резонатора, т. е. первый тип хура имел небольшой корпус и использовался для обучения детей. Второй вид хура в основном применялся профессиональными сказителями и в традиции считался мужским предметом. То же самое было свойственно для монголов, владевших игрой на морин хуре. Словом, общие традиции в духовной жизни, соответственно, прослеживаются и в материальной культуре.

Из этого следует, что бурятский традиционный хур, имевший разные модификации, обнаруживает много общего с монгольским морин хуром, в частности, в плане конструктивных особенностей, свидетельствующих об единых истоках происхождения музыкальных инструментов. Главным образом отмечается сходство в количестве струн, деревянного корпуса (трапециевидной формы у морин хура и хура), верхняя дека которого покрыта кожей козла, оленя или мочевым пузырем крупного рогатого скота и грифа, продетого нижней частью через две параллельные стенки корпуса и закрепленного упорной шпонкой. Но, следует отметить, что в наше время корпус морин хура полностью изготовляется из деревянных элементов, а струны из конских волос зачастую заменяют материалом из синтетики (Айкина, Рагчаасурэн, Баатар, 2017. С. 120). Что касается бурятского хура, то он в XX в. был модифицирован и его внешний облик приблизился к скрипке (европейского типа), тем самым утратив исконные формы, что, кстати, не затронуло морин хур. Сохранению традиционного облика, возможно, способствовала особая звукоизобразительность этого инструмента, когда умелый исполнитель мог с его помощью сымитировать ржание лошади, голос человека, звук ветра, звуки природы и т. д. Как отмечают исследователи: «Тембр морин хура, нежный в пиано и взволнованно-эмоциональный в форте, напоминает звучание виолончели в высоком регистре. Музыка, исполняемая на этом инструменте, чрезвычайно выразительна» (Буланов, 2014. С. 134).

В наше время морин хур стал одним из популярных инструментов в музыкальной культуре как у западных монголов, так и у калмыков и бурят. У последних морин хур стал популяризироваться, начиная с 90-х гг. XX века. Со стороны практиков-исполнителей он вызвал к себе особое отношение не только как ценный музыкальный инструмент, но и как сакральный предмет. Безусловно, это вызвано влиянием первых учителей бурятских моринхуристов – монгольских музыкантов, приглашенных в качестве преподавателей в учебные заведения сферы культуры г. Улан-Удэ и привнесших данное представление.

Такой взгляд на инструмент связан с многовековой монгольской традицией. Об этом отмечают все исследователи традиционной и музыкальной культуры (Демин, Каратыгина, Шастина и др.). Они подчеркивали его значение в обрядово-ритуальной традиции, в военно-охотничьей среде и повседневном кочевом быту. С последним связа-

но то, что во время перекочевок морин хур обязательно клали в первый воз, где находились буддийские иконы, божница и другие предметы ритуального характера. При этом посторонним не разрешалось прикасаться к чужому инструменту – это могло вызвать смертельный конфликт (Шастина, 1977. С. 468–469).

Несомненно, что эти примеры свидетельствуют о сакральном характере инструмента, выполнявшего определенные функции. Во-первых, считается, что он выступал в качестве непосредственного звукового средства общения с иным миром. Например, морин хур звучал при проведении обрядов поминовения предков: «Морин-хур активно функционировал в древнейшем из родовых культов – культе предков, где выполнял, как и шаманский бубен, роль звукового средства общения с миром духов» (Каратыгина, 1986. С. 76). Во-вторых, инструмент являлся звуковым средством усмирения домашних животных – нрав необученного молодого жеребца или строптивой верблюдицы, которая, слушая игру на инструменте, подпускает к себе чужого верблюжонка-сироту. В-третьих, с помощью звука инструмент служил средством гармонизации и освоения окружающего пространства. В современной Монголии гость-мужчина должен взять в руки морин хур и сыграть на нем что-нибудь, подчеркивая добрые намерения и чистые помыслы своего визита. Согласно сохранившемуся поверью, морин хур приносит в дом счастье, и лишиться его – лишиться в жизни самого светлого и доброго (Дашиева, 2005. С. 130). Считается, что семья без этого инструмента живет плохо. Поэтому по сей день в Монголии в каждой юрте морин хур хранится возле божницы (Николаева, 2012. С. 25).

Таким образом, видно какое важное место занимает морин хур в культуре монгольских номадов. Однако в контексте нашего исследования важным представляется семантика названия музыкального инструмента, которая, на наш взгляд, до сих пор остается не полностью раскрытой. Обычно в названии выделяют слова *морин* – «лошадь» и *хуур* – «инструмент», т. е. дословное значение – «лошадиный инструмент». Хотя в литературе встречается как «конеголовая виола/скрипка», что является не точным переводом названия инструмента, передающий иной смысл, нежели было заложено в исконном обозначении инструмента. Из этого следует вывод, что инструмент каким-то образом соотносится с домашним животным. В определенной мере на это указывает конструктивная особенность навершия грифа инструмента, имитирующего голову лошади. Как правило современные морин хуры представлены именно таким символическим украшением. Эту особенность большинство исследователей считают основой для обозначения музыкального инструмента. В дополнение к этому приводится фольклорный материал, повествующий о возникновении данного инструмента, в котором главная роль отведена образу крылатой лошади.

В этой связи интересны сведения, представляющие названия отдельных частей и деталей традиционного хура, бытовавшего у бурят Тункинской долины, юго-западной части Республики Бурятии, граничащей с Монголией. Так, например, прямоугольный корпус тункинского хура, представляющего собой четыре скрепленные концами между собой тонкие дощечки, называется *хэсэ*. Деки из шкуры благородного оленя, две волосяные струны – *муhэ*, а тетива смычка подобного луку из конских волос – *хэлин*. Как пишет исследователь Д.С. Дугаров, внимание привлекает обозначения *хэсэ* и *хэлин*. Во всех бурятских диалектах (в том числе и в монгольских наречиях – *С.Б.*), первый означает «шаманский бубен», а второй – по-русски «язык». По этому поводу точка зрения ученого такова: «Бурятский шаманский бубен, обитый, как и тункинский хур, кожей благородного оленя, во время камлания представлял собой космическое транспортное животное, крылатого небесного оленя-птицу – *загалмай*. Поэтому можно думать, что и хур тункинского музыканта выполнял ту же самую миссию. А лук с тетивой, означающей «язык», во время игры являлся передатчиком молитвенного обращения музыканта, выступающего в роли «белого шамана» – жреца и связанного в этой роли с потусторонним миром духов и божеств» (Дугаров, 2006. С. 13).

В дополнение к сказанному отметим, что в бурятском языке слово *загалмай* также означает хищную птицу – сокола, ястреба, кобчика. Кроме того, оно представляет собой название особого рода коней. Следовательно, *загалмай* есть и конь, и птица одновременно. Но в то же время – сложный мифологический образ богатырского крылатого небесного коня, пасущегося не в табуне лошадей, а, как правило, на горах, среди диких оленей-маралов. Таким образом, олень-марал и крылатый богатырский конь сближаются и обозначаются одним и тем же словом. Короче говоря, в монголо-бурятских мифологических и эпических сюжетах это фантастическое крылатое существо (Дугаров, 1991. С. 63, 66). И похоже, что той же символикой наделялся в традиции морин хур. Например, об этом повествует легенда о создании морин хура. Она рассказывает об арате, у которого был чудесный, летающий скакун. Когда он мчался по степи, то ветер, играющий буйной гривой, превращался в прекрасную музыку, слышную далеко. Однажды злой человек из зависти убил коня. Опечаленный хозяин, желая навсегда сохранить память о своем любимце, изготовил из останков любимого животного хур с двумя волосяными струнами, смычком и кожаной декой. Он украсил гриф инструмента головой коня, вырезанной из дерева, и, вспоминая мелодию, возникшую при полете коня, воспроизводил ее на инструменте, названном «морин хуур» или «морин тологойто хуур» («инструмент с головой лошади») (Смирнов, 1963. С. 63–64). (Отметим, что слово толгойто – «с головкой» – в названии морин хура зачастую не употребляется и является, видимо, поздним по происхождению компонентом, включенным в название инструмента для пояснения его значения).

Полагаем, что в этой легенде отражен основной мотив, указывающий на символику полета, птицы. Следовательно, изначально указанный инструмент внешне воплощал орнитомофный образ, что видно по конструктивной форме морин хура. Она напоминает птичий силуэт (подобие перелетной птицы) – гриф – длинная шея, а трапециевидный корпус – тело. Причем трапециевидный или прямоугольный корпус является, по мнению исследователей, поздней модификацией предшественника, имевшего овальную форму (Демин, 2000. С. 15, 24)[1], более близкой к прототипу, представлявший водоплавающую птицу. Отсюда, видимо, на некоторых моделях морин хура сохранился исконный символ. Например, встречаются инструменты, головка грифа которых оформлена не только в виде головы коня, но также в виде лебедя (Николаева, 2012. С. 26).

Смена одного символа на другой (птицы на лошадь) обусловлена культурными факторами – переход предков монголов (шире монгольских народов) от стадии охотников-кочевников на фазу скотоводов-номадов, для которых лошадь стала основой жизни. И в этом отношении естественным отражением утвердившейся культурной модели, можно сказать, стало воспроизведение на морин хуре сгонного сигнала-зова коня (имитирующего ржание) (Смирнов, 1963. С. 64). Соответствующий звуковой музыкальный наигрыш мог возникнуть именно в культуре коневодов-кочевников, обладавших табунами лошадей в необъятных степных долинах. Также таковым воплощением «объекта гордости и любви» номада является оформление головки грифа.

Из вышесказанного следует, что название морин хура имеет позднее происхождение и является обозначением, можно так сказать, модифицированного инструмента. Тогда как прототип связан с орнитоморфным символом. Следовательно, можно предположить, что его изначальное название также соответствовало указанному образу.

В этой связи большой интерес представляет тот примечательный факт, что среди музыкальных инструментов, зафиксированных в документах XIII–XIV вв. и использовавшихся в монгольском имперском оркестре при ханском дворе династии Юань морин хур не упоминается (Демин, 2000. С. 15, 24)[2]. Это может свидетельствовать о том, что морин хур (его прототип) не является исконно монгольским музыкальным инструментом. Следова-

[1] Демин А.Г. Музыкальный инструментарий монголов в эпоху великой империи (XIII–XIV вв.): учеб. пособие. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. 45 с.
[2] Там же.

тельно, указывает на заимствование. Вполне возможно, что его корни могут быть связаны с культурой, соседствующей с монгольской, скорее всего тюркской (Рассадин, 2007. С. 51), у которой как раз в традиции были распространены тотемные символы в образе перелетных водоплавающих птиц (Бурнаков, 2010. С. 378), например, лебедя (Цыдендамбаев, 1972. С. 224). К тому же музыкальные (как смычковые, так и щипковые) инструменты, в особенности у тюркоязычных народов Центральной Азии (казахов, киргизов, тувинцев, алтайцев и др. (Халтаева, 2015. С. 80–81), имевших тесные контакты с монгольским миром, в этнографическую действительность сохраняли более архаичные конструктивные особенности, по форме близкие к силуэту птиц (нежели чем модифицированная конструкция морин хура).

Другими словами, не отсюда ли в традиции монголов морин хур имеет разные названия – *найрын хуур*, *цоор хуур*, *эхэл хуур*, *луут шанаган хуур*, *цугдур хуур*, *матар хуур*. При этом кроме первых двух, другие (большинство) имели черпаковидный корпус (Буланов, 2014. С. 131). Это, в определенном смысле, подтверждает правомерность нашей точки зрения относительно истоков монгольского инструмента.

И тогда возникает вопрос: какой же смысл заключен в названии морин хура? Несмотря на простоту перевода (с монгольских языков), его смысловое содержание, по нашему мнению, имеет другую семантику.

На наш взгляд, наименование морин хур заключает в себе значение, связанное с размером инструмента, который выделяется относительно крупными габаритами резонирующего корпуса и длинным грифом по сравнению с другими подобными музыкальными инструментами, т. е. морин хур – «большой хур». Данное предположение обусловлено наличием подобных названий в культурах тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии, известных скотоводческой отраслью традиционного хозяйства. Для них основными видами разводимых домашних животных являются лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. По ценности и значимости они располагаются в данном порядке и соответственно этой последовательности существуют измерения, отождествляемые с указанными животными. Например, определение «конный» равнозначно понятию «большой», «коровий» – «средний» и «овечий/козий» – «малый».

В таком качестве данные определения используются для обозначения размера некоторых явлений, предметов, животных и органов человека. В связи с этим приведем примеры из этнографии тюрко-монгольских народов. Так, в бурятской этнографии эпические сказания, превышающие более 5 тыс. стихотворных строк, т. е. большие героические эпопеи называются – *морин үльгэр* (букв. «конный улигер»). Малые улигеры – обозначаются *ябган үльгэр* («пеший улигер»). То же самое отмечается в якутской (Винокуров, 2018. С. 69) и хакасской фольклорной традиции (Бутанаев, 2017. С. 230). Помимо того, материалы по хакасской этнографии дают нам следующие факты. Например, добытого охотниками большого лебедя с размахом крыльев, достающим от пола до крыши юрты, хакасы называют «лошадиным». Чуть меньше называется «коровьим». Еще меньше – «овечьим» (Итс, 1990. С. 116). Соответствующие определения существуют у алтайцев. К примеру, дуговой (гетероглотический) металлический варган, имеющий форму изогнутого стержня, на котором закреплен язычок-вибратор, имеет два структурных варианта. Маленькие варганы называются метафорически *койкомыс* – «овца-варган». Относительно большие (от 75 мм и более) варганы называются *ат-комыс* – «конь варган» (Шейкин, 2002. С. 129). Данное обстоятельство контекстно сближается с образцами из бурятской этнографии. Например, хуры с небольшим по размеру резонирующим корпусом имели название *ямаан хуур* («коза-хур»). Словом, у бурят все традиционные хуры были небольшого размера, возможно, поэтому не употреблялось выражение морин хур, являющееся обозначением большого инструмента. Добавим также, что прилагательным *морин*, имеющее понятие «большой» («длинный»), обозначалась длиннополая безрукавка традиционной женской одежды бурят – *морин уужа* (короткая имела название *одон уужа*) (Самбуева, 2004. С. 29). Данное прилагательное

также применялось в обозначении зубов человека. Относительно крупные зубы буряты иносказательно обозначали *морин шүдэн* («лошадиные зубы»), а мелкие – *хонин шүдэн* («овечьи зубы»).

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что семантика названия монгольского музыкального инструмента связана с его размером. Существующее в литературе мнение о том, что морин хур получил название по специфическому навершию грифа в виде головы лошади опровергается нашим исследованием. Касаемо навершия, следует сказать, что оно скорее всего является поздним художественным элементом, появившимся в следствии названия музыкального инструмента. Вместе с тем наименование и конструктивные особенности инструмента выступают продуктом скотоводческой культуры монгольского народа. Следовательно, в морин хуре в некотором смысле отображается многовековая история монголов, их традиции и система ценностей.

В целом исследование показывает, что название морин хура является частью культурно-коннотированной лексики монгольского языка (выявляемого на основе родственных языков и культур), имеет определенное значение – «лошадиный инструмент», но подразумевающее понятие «большой хур».

Библиографический список

Айкина Л.П., Рагчаасурэн Б., Баатар М. К истории возникновения, развития и функционирования традиционного монгольского инструмента икэл // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Барнаул: Изд-во АГИК, 2017. № 3 (13). С. 118–120.

Борлыкова Б.Х. О названиях калмыцких музыкальных инструментов и их частей // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Росскийской академии наук. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. № 1 (9). С. 106–113.

Буланов И.В. Смычковые хордофоны Бурятии: музыкально-акустический аспект // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2014. № 3(39). С. 130–135.

Бурнаков В.А. Образ гуся в мифологических представлениях хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института Археологии и Этнографии СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 378–382.

Бутанаев В.Я. Хакасский героический эпос и его особенности // Alatoo Academic Studies. 2017. № 3. С. 226–230.

Винокуров В.В. О размере, разновидностях и особенностях якутского олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 4(12). С. 66–73.

Дашиева Л.Д. Традиционная музыкальная культура бурят. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 187 с.

References

Ajkina L.P., Ragchaasuren B., Baatar M. (2017) To the history of the origin, development and functioning of the traditional Mongolian instrument iqal. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* = Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts). Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi institut kul’tury. No. 3 (13). P. 118–120. (In Russ.)

Borlykova B.N. (2013) About the names of Kalmyk musical instruments and their parts. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. No. 1 (9). P. 106–113. (In Russ.)

Bulanov I.V. (2014) Bowed chordophones of Buryatia: musical and acoustic aspect. *Vestnik Chelyabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv* = Bulletin of the Chelyabinsk state Academy of Culture and Arts. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul’tury. No. 3(39). P. 130–135. (In Russ.)

Burnakov V.A. (2010) The image of the goose in the mythological representations of the Khakas. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* = Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: Arheologii i Etnografii SO RAN. Vol. XVI. P. 378–382. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (2017) Khakas heroic epic and its features. Alatoo Academic Studies. No. 3. P. 226–230. (In Kyrgyzstan)

Vinokurov V.V. (2018) About the size, varieties and features of the Yakut Olonkho. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* = Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies. No. 4(12). P. 66–73. (In Russi.)

Dashieva L.D. (2005) Traditional musical culture of the Buryats. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 187 p. (In Russ.)

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят. М.: Наука, 1991. 297 с.

Дугаров Д.С. О традиционных народных инструментах бурят // Традиции и современность в народной музыке Евразии: материалы науч. конф. Межд. фестиваля «Звуки инструм. Евразии». Улан-Удэ: Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 2006. С. 9–18.

Итс Р.Ф. Шепот Земли и молчание Неба. Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. М.: Политиздат, 1990. 318 с.

Каратыгина М.И. Отражение мировоззрения монголов в традиции игры на морин-хуре // Музыкальные традиции стран Азии и Африки. Москва: Изд-во Московской консерватории, 1986. С. 61–82.

Николаева Д.А. Связь женского культа и струнного инструмента морин хуур в традиционной культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 24–31.

Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Джангар, 2007. 164 с.

Самбуева С.Б. Символика традиционного бурятского женского костюма. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2004. 92 с.

Смирнов Б.Ф. Музыкальная культура Монголии. Москва: Государственное музыкальное издательство, 1963. 120 с.

Халтаева Л.А. Генезис и эволюция бурдонного многоголосия в контексте космогонических представлений тюрко-монгольских народов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2015. 176 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1972. 664 с.

Чжен И.А. Традиционная инструментальная музыка Китая и Монголии в контексте диффузионных процессов // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкальский государственный университет, 2012. № 3 (31). С. 222–228.

Шастина Н.П. Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 462–483.

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Восточная литература, 2002. 718 с.

Dugarov D.S. (1991) Historical roots of white shamanism: on the material of ritual folklore of the Buryats. Moscow: Nauka. 297 p. (In Russ.)

Dugarov D.S. (2006) About traditional folk instruments of the Buryats. *Tradicii i sovremennost' v narodnoj muzyke Evrazii: materialy nauch. konf. Mezhd. festivalya "Zvuki instrum. Evrazii"* = Traditions and modernity in folk music of Eurasia: materials of Scientific Conference. International festival "Sounds of instruments Eurasian". Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv. P. 9–18. (In Russ.)

Its R.F. (1990) Whisper of the Earth and silence of the Sky. Ethnographic studies about traditional folk beliefs. Moscow: Politizdat. 318 p. (In Russ.)

Karatygina M.I. (1986) Reflection of the worldview of the Mongols in the tradition of playing the Morin-Hur. *Muzykal'nye tradicii stran Azii i Afriki* = Musical traditions of Asia and Africa. Moscow: Moscow Conservatory. P. 61–82. (In Russ.)

Nikolaeva D.A. (2012) The connection of the female cult and the stringed instrument Morin Khuur in the traditional culture of the Mongolian peoples. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic review. No. 1. P. 24–31. (In Russ.)

Rassadin V.I. (2007) Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian language community. Pt. I. Turkic influence on the vocabulary of Mongolian languages. Elista: Jangar. 164 p. (In Russ.)

Sambueva S.B. (2004) Symbolism of traditional Buryat women's costume. Ulan-Ude: Buryat State University. 92 p. (In Russ.)

Smirnov B.F. (1963) Musical culture of Mongolia. Moscow: State music publishing house. 120 p. (In Russ.)

Khaltayeva L.A.(2015) Genesis and evolution of Bourdon polyphony in the context of cosmogonic representations of the Turkic-Mongol peoples. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 176 p. (In Russ.)

Tsydendambaev C.B. (1972) Buryat historical chronicles and genealogies. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 664 p. (In Russ.)

Zhen I.A. (2012) Traditional instrumental music of China and Mongolia in the context of diffusion processes. *Gumanitarnyj vektor* = Humanitarian vector. Chita: Zabaykalsky State University. No. 3 (31). P. 222–228. (In Russ.)

Shastina N.P. (1977) The image of Genghis Khan in the medieval literature of the Mongols. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* = Tatar-Mongols in Asia and Europe. Moscow. P. 462–483. (In Russ.)

Sheikin Yu.I. (2002) History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative historical study. Moscow: Vostochnaya literatura. 718 p. (In Russ.)

Критерии авторства

С.Б. Болхосоев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов сделал обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

S.B. Bolkhosoev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Болхосоев Станислав Борисович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнологии и народной художественной культуры,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, Россия,
✉ e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Information about the author

Stanislav B. Bolkhosoev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Ethnology and folk art culture,
East-Siberian State Institute of Culture,
1, Tereshkova street, Ulan-Ude 670031, Russia,
✉ e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-90-119

Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)

© Е.А. Багрин

Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье, на основе неопубликованных и опубликованных источников, рассматривается вопрос о численности и составе «выборных» служилых людей Сибири в «посольском» полку Ф.А. Головина в период 1686–1690 гг. В его состав вошли ратники 7 крепостей: Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Илимска, Нарыма и Верхоленска. Всего не менее 933 человек различных категорий: литовского списка, новокрещенов, конных и пеших казаков, стрельцов, драгун и их родственников. Дети, братья и племянники «окладных» служилых людей составили около 1/3 всего набранного военного контингента. В полк вошло около 10 % всех ратников Сибири. Города, участвовавшие в его комплектовании, отдали от 7 до 40 % людей, входящих в гарнизоны и их родных, «бивших в службу». «Выборные» сибирские ратники в 1688 г. участвовали в отражении вторжения монголов в Забайкалье, а в 1689 г. были с Ф.А. Головиным во время переговоров с посольством империи Цин у Нерчинска. В 1690–1691 гг. они располагались в Удинске и Нерчинске, обеспечивая безопасность границы. В исследовании, на основе поименного списка 1690 гг., приводятся подробные данные о личном составе «сибирской» части войска Ф.А. Головина. Впервые опубликованы имена 893 человек (96 % ратников) с разделением их по категориям, местам призыва, полкам (П. Грабова и А. Смаленберга) и месту дислокации в Даурии (в Нерчинске и Удинске). Материалы статьи могут быть интересны как специалистам историкам, так и людям занимающимся изучением своей родословной.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, Сибирь, Даурия, Тобольск, Ф.А.Головин, XVII век, родословная

Информация о статье: Дата поступления 23 марта 2020 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 90–119. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-90-119

Siberian “vybornye” troops in the regiment headed by F. Golovin in the period 1686–1690: number and membership (including list of names)

© Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article presents the issue of number and membership of Siberian “vybornye” troops in the “ambassadorial” regiment headed by F. Golovin in the period 1686–1690. It consisted of warriors from 6 fortresses: Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Yeniseisk, Ilimsk, Narym and Verkholensk. There were at least 933 people of various categories: from the “Lithuanian list”, newly baptized, horse and foot Cossacks, archers, dragoons and their relatives. Children, brothers and nephews of “salary” warriors made up about 1/3 of the total military contingent. Towns participating in its assemblage gave away from 7 % to 40 % of the people who were part of the garrisons and their relatives who had applied to service. In 1688 “vybornye” Siberian warriors had participated in repulse the Mongol invasion in Transbaikalye and in 1689 they were with F.A. Golovin during negotiations with the embassy of Qing Empire at Nerchinsk. In 1690–1691 they were located in Udinsk and Nerchinsk, ensuring border security. This study provides the detailed data of the personnel of Siberian part of F.A. Golovin army on the basis of a list of

names dated 1690. The article presents the first published list of names of 893 people with the division of warriors into categories, places of recruitment, regiments (P. Grabov and A. Smalenberg) and place of deployment in Dauria (in Nerchinsk and Udinsk). The study can be interesting both to the historians and to people studying the genealogy.

Keywords: troops, Cossacks, Streltsy, Siberia, Dauria, Tobolsk, Feodor Alekseyevich Golovin, XVII century, genealogy

Article info: Received March 23, 2020; accepted for publication April 20, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Bagrin E.A. (2020) Siberian “vybornye” troops in the regiment headed by F. Golovin in the period 1686–1690: number and membership (including list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 90–119. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-90-119

В 1686 г. из московских и сибирских ратников был сформирован полк Ф.А. Головина. Это воинское подразделение должно было защитить восточные рубежи России в Даурии и способствовать ведению переговоров с Цинской империей, которая в 1685 г. начала военные действия на российской территории в Приамурье. Полк выполнил свою задачу. В 1688 г. он отразил вторжение монголов в Забайкалье, а в 1689 г., во время «посольского съезда» у Нерчинска, продемонстрировал военную готовность России отстаивать свои интересы на Дальнем Востоке. В 1690–1691 гг. сибирские ратники располагались в Удинске и Нерчинске, обеспечивая безопасность границы. Затем одна часть из них вернулась домой, а другая осталась на временную и постоянную службу в Забайкалье, приняв участие в формирование вооруженных сил Даурии. Таким образом, история полка Ф.А. Головина тесно связана с установлением первой официальной русско-китайской границы. Обстоятельствам разграничения территории между Россией и империей Цин посвящено много научных работ (Яковлева, 1958; Мелихов, 1974; Беспрозванных, 1983; Мясников, 1987; Артемьев, 2002). Однако, до сих пор вопросы, связанные с формированием, деятельностью и дальнейшей судьбой «посольского» полка специально не изучались. В контексте исследований, посвященных различным аспектам военной истории Сибири, к истории полка обращались А.В. Александров, Г.А. Леонтьева, А.В. Дмитриев, В.Д. Пузанов, Е.А. Багрин (Александров, 1984; Леонтьева, 2012; Дмитриев, 2008; Пузанов, 2010; Багрин, 2011; Багрин, 2013; Bagrin, 2013). Одной из основных проблем является установление точной численности и состава полка Ф.А. Головина. В 1686–1690 гг. он состоял из 3-х основных частей: 1) московские стрельцы и военные специалисты; 2) «выборные» служилые люди разных категорий и их родственники из гарнизонов сибирских крепостей; 3) «новоприборные» стрельцы и пешие казаки, набранные из свободных сословий населения Сибири. Данная статья посвящена сибирским «выборным» ратникам, которые были самой многочисленной частью собранного для похода в Даурию войска.

Общая численность «выборных» ратных людей. Первоначально в Сибири предполагалось набрать 1400 ратников: 650 чел. служилых людей, 350 чел. их родственников и 400 новобранцев из гулящих людей (Леонтьева, 2012. С. 49). В итоге, А.В. Александров и Г.А. Леонтьева отметили, что войско Ф.А. Головина было укомплектовано не полностью. В него вошли 1100 чел. Однако исследователи разошлись в соотношении набранных в поход «выборных» ратников и новобранцев. У А.В. Александрова соответственно: 1000 и 100 чел., а у Г.А. Леонтьевой 933 и 177 чел. (Александров, 1984. С. 155; Леонтьева, 2012. С. 50). Более точные, на наш взгляд, сведения содержатся в справках Сибирского приказа, подготовленных в 1691 г., в связи с вопросом о возвращении «выборных» служилых людей на основное место службы. В них отмечено, что в сибирских городах в полк Ф.А. Головина было взято **1136 чел.** В т.ч. 934[1] чел. «выборных» и 202 «новоприборных» (РГАДА[2]. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160; РГАДА. Ф. 214. Д. 1059.

[1] Вероятно, цифра указана неверно, т. к. при подсчете указанных в справке людей, их количество составляет 933 чел.

[2] Российский государственный архив древних актов.

Л. 281). Данные о числе ратников, взятых в Даурию, в разных документах имеют небольшие вариации (табл. 1).

Отметим уточнение Г.А. Леонтьевой о том, что в Илимске должны были набрать 170 казаков их детей и братьев. Однако илимский воевода прислал только 120 чел., из которых 16 чел. не явились (Леонтьева, 2012. С. 49–50). Этот факт наглядно показывает, что документы со сведениями о численности полка Ф.А. Головина оперируют цифрами, которые в ряде случаев нуждаются в поправках.

В отмеченной нами справке 1691 г. указаны основные категории набранных ратников (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160) (табл. 2).

По данным Г.А. Леонтьевой, в составе «выборной» части войска находились 478 казаков, стрельцов и драгун и 455 казачьих и стрелецких родственников (Леонтьева, 2012. С. 50). В приведенном нами документе сведения носят более точный и детальный характер. Ратники, взятые из сибирских гарнизонов, делились на 426 человек: литвы, новокрещенов, конных и пеших казаков и стрельцов, 200 драгун и 308 человек – детей, братьев и племянников всех категорий (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160).

Состав и численность «окладных» ратников и драгун, набранных в Тобольске, совпадает с данными В.Д. Пузанова, полученными на основе других документов. Пеших казаков отмечено немного меньше – 45 чел. Кроме того, В.Д. Пузанов дает уточнение о том, что в составе двухсот драгун было 35 беломестных казаков (Пузанов, 2010. С. 147, 362; Пузанов, 2012. С. 198; Пузанов, 2014). По све-

Таблица 1

Место прибора и число сибирских ратников, набранных в полки Ф. Головина для похода в Даурию в 1686 г.

Table 1

The place of recruitment and number of Siberian warriors, recruited into the regiments of F. Golovin for a campaign in Dauria in 1686

	Данные справки Сибирского приказа о контингенте, отправленном в Даурию в 1686 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160)	Данные справки Сибирского приказа о контингенте, отправленном в Даурию в 1686 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 290)	Данные, опубликованные В.Д. Пузановым (Пузанов, 2010. С. 147; Пузанов, 2016. С. 11)	Данные, опубликованные А.В. Александровым (Александров, 1984. С. 155)
Место прибора	**Чел.**	**Чел.**	**Чел.**	**Чел.**
Тобольск	499	592	500	500
Тюмень	98		100	100
Томск	100	100	100	100
Енисейск	56	73	100[3]	100
Илимск	120	129	100	170
Верхоленский острог	30	–	–	
Нарым	30	29	30	30
Кецк	–	–	–	
Всего:	933	923	930	1000

[3] Здесь, по всей видимости, учтены и «выборные» и «новоприборные» люди. В 1690 г. по спискам личного состава в полку Ф.А. Головина было 98 енисейских ратников без разделения на «окладных», «стенных» и новобранцев.

Таблица 2

Категории выборных ратников, взятых в полки Ф. Головина для похода в Даурию в 1686 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160)

Table 2

Categories of vybornye warriors, taken to the regiments of F. Golovin for a campaign in Dauria in 1686 (RGADA Fond. 214. File. 1059. P. 157–158, 160)

Место прибора	Литва, конные казаки, новокрещены	Драгуны	Стрельцы	Пешие казаки	Дети, братья и племянники служилых людей
Тобольск	62	200	71	47	119
Илимск	нет	нет	нет	120	
Тюмень	нет	нет	98		нет
Томск	нет	нет	нет	нет	100
Енисейск	нет	нет	нет	56	
Нарым	нет	нет	нет	нет	30
Верхоленский острог	нет	нет	30		

дениям А.В. Дмитриева, в смете о составе драгун в 1686 г. указано, что в Даурию были отправлены 197 чел. (Дмитриев, 2008. С. 173).

Естественно, что в течение 1686–1691 гг. происходили некоторые изменения в составе полка. В справке о состоянии войска отмечено, что к этому времени 29 чел. было убито «от неприятелских мунгалских и онкоцких людей», а 25 чел. умерли от ран и естественной смертью. Всего 54 чел.[4] (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 282). В строю числились «верстанных окладных служилых людей» 631 чел., драгунов безокладных[5] 181 чел., «детей и братьи, и племянников, и драгунов, и гулящих неверстаных безокладных» 404 чел. Всего 1216 чел. В эту цифру вошли также албазинские старые и новые служилые люди, переведенные после разрушения Албазина в Нерчинск (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 282).

Информация о «выборной» части войска Ф. Головина в этот период может быть более детализирована благодаря именному перечню людей, входящих в состав полков П. Грабова и А. Смаленберга, размещенных в Удинске и Нерчинске в 1690 гг. (список полностью приведен в конце статьи). В нем перечислены **863 чел.,** исключая записанных дважды и новоприборных иркутских стрельцов (табл. 3). Список, к сожалению, не полный. В нем нет верхоленских и значительной части илимских ратников (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 302–327).

Наибольшая дифференциация по категориям приборных людей наблюдается у ратников Тобольска. В их составе были люди литовского списка, литва из рейтар, конные казаки, конные казаки из рейтар, новокрещены, стрельцы, пешие казаки, драгуны Исецких слобод, а также дети, братья и племянники всех категорий. Состав ратников из других городов и острогов Сибири близок к данным о количестве людей, набранных в 1686 г. Существенные отличия есть только по количеству людей, призванных из Енисейска и Илимска. При этом число енисейских служилых людей близко к данным, представленным А.В. Александровым и В.Д. Пузановым (см. табл. 1; 2).

В 1690–1691 гг. Сибирский приказ навел справки о наличии военного контингента в городах

[4] Судя по именным спискам, в полку Ф.А. Головина были не только потери, но и пополнение. Например, людей «литовского списка» и драгун в нем поименно перечислено немного больше, чем это указано в справках о наборе 1686 г.

[5] В 1686 г. по царскому указу драгуны стали служить «с пашни» – без денежного оклада (Дмитриев, 2007. С. 20; Пузанов, 2010. С. 362; Пузанов, 2013. С. 68).

Таблица 3

Сибирские «выборные» ратники в составе войска Ф. Головина в 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 302–326)

Table 3

Siberian “vybornye” warriors as part of the troops of F. Golovin in 1690 (RGADA Fond. 214. File. 1059. P. 302–326)

Ратники Тобольска в составе войска Ф.А. Головина 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 302–307, 309–312, 315–318, 321)	
Категории	**Чел.**
Литва	26
Конные казаки	27
Литвы, новокрещеных, конных казаков дети, братья и племянники	15
Новокрещены	2
Конные казаки из рейтар	8
Литва из рейтар	3
Стрельцы	67
Пешие казаки	47
Стрелецкие дети	8
Пеших казаков дети и братья	71
Записанные без разграничения, вероятно, стрельцы и дети, братья и племянники других категорий	33
Всего:	307
Драгуны Исецких слобод в составе войска Ф.А. Головина в 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 309–313, 318–319, 325)	
Место прибора	**Чел.**
Катайский острог	20
Калчаданский острог	18
Арамилская слобода	18
Шадринская слобода	14
Беляковская слобода	9
Красномыская слобода	5
Без указания точного места прибора	131
Всего:	215
Ратники Тюмени, Томска, Енисейска, Илимска, Нарыма в составе войска Ф. Головина 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 307–309, 312–314, 317–318, 321–322, 324–326)	
Место прибора	**Чел.**
Тюмень, стрельцы и казаки	95
Томск, казачьи дети	94
Енисейск стрельцы, казаки и казачьи дети	96
Нарым казачьи дети	29
Илимские стенные служилые люди	24
Краснояры, казачьи дети	3
Всего:	341
Итого:	863

и острогах Сибири и Дальнего Востока. Это позволяет нам определить долю ратников, набранных в полк Ф. Головина в Сибири, по отношению ко всем силам России за Уралом. В Тобольске, Тюмени, Томске, Нарыме, Енисейске, Илимске, Верхотурье, Туринске, Березове, Пелыме, Таре, Сургуте, Мангазее, Кузнецке, Красноярске, Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и Якутске, без учета людей, посланных в Даурию, находилось «всяких чинов служилых людей и детей, и братьи, и племянников 8684 человека» (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 274–278). Таким образом, учитывая данные табл. 1, в состав «посольского» полка влилось около 10 % ратников всех вооруженных сил Сибири[6].

Из отправившихся в поход меньше всех были задействованы привилегированные слои служилых людей, а низшие, наоборот, максимально. Литвы и людей из других «конных» категорий в процентном отношении было взято в 2 раза меньше, чем пеших казаков и стрельцов, которых, в свою очередь, было в 2 раза меньше их «детей, братьев и племянников», которых было немногим больше, чем «безокладных» драгун (табл. 4).

Таким образом, воеводы, набиравшие людей в полк Ф.А. Головина, стремились в наименьшей степени использовать для похода «окладных» служилых людей, на которых лежала вся тяжесть многочисленных гарнизонных служб. Элита – дети боярские – были вообще не задействованы.

Ратники в поход были рекрутированы в 6-ти из 17-ти[7] сибирских городов и острогов, приведенных в справке о состоянии вооруженных сил в Сибири[8] (кроме «даурских» Нерчинска и Селенгинска). Доля ратников, выбранных в полк Ф.А. Головина из этих крепостей, в целом была небольшой – от 7 до 13 %, а так как значительную часть «выборных» людей составляли родственники окладных служилых людей, то можно сказать, что боеспособность сибирских гарнизонов сохранилась в полном объеме. Наибольшая нагрузка легла на Илимск, отдавший почти 40 % своего военного контингента, что было обусловлено относительной безопасностью его расположения вдали от границы (табл. 5).

Отметим, что дети, братья и племянники служилых людей составили значительную часть выборного войска. Их общая доля составила 33 %. в т. ч. среди тобольских служилых людей – 23,85 % и 100 % личного состава из Томска и Нарыма. Родственников окладных служилых людей не было только среди тюменских ратников. При этом Тобольск отдал 47 %, а Нарым 41 % из имевшихся «детей и братьев». Кроме того, 21,4 % «выборного» войска составляли драгуны, набранные в этот период преимущественно из крестьян. По замечанию А.В. Дмитриева, они по своему вооружению и опыту «объективно не могли быть реальной боевой силой» (Дмитриев, 2008. С. 176). По боеспособности драгуны были близки «новоприборной» части полка, набранной из промышленных и гулящих людей. Таким образом, больше 50 % «сибирской» части войска Ф.А. Головина составляли малоопытные в военном отношении люди. Кроме того, Н.И. Никитин отмечает, что в Западной Сибири служба в Даурии традиционно считалась одной из самых нежелательных. Служилые люди часто задерживались там на несколько лет. Многие погибали. Поэтому набор ратников в «Дауры» происходил не только по «выбору», когда служилые люди сами определяли кому идти в поход, но и в «неволю» (Никитин, 1988. С. 88, 100). Часть «окладных» военных выставила вместо себя «наемщиков». Следствием такого подхода к комплектованию было снижение боеспособности полка Ф.А. Головина. Значительную часть нагрузки во время боевых действий в Забайкалье принимали на себя московские стрельцы, а во время походов в степь – «конные» категории сибирских служилых людей (Багрин, 2020. С. 165, 171) (рис.).

[6] По числу ратников полк не уступал гарнизонам крупнейших крепостей Сибири.

[7] Причины того, почему другие крепости не дали ратников, могли быть различны. Тара, Березов, Пелым и Туринск в это время находились «в наиболее трудном положении» в вопросе нехватки кадров (Никитин, 1988. С. 97). Пограничные Красноярск и Кузнецк нельзя было ослаблять из-за давления кочевников.

[8] В списке вооруженных сил Сибири в 1690–1691 гг. не был указан Верхоленский острог, видимо, как не имеющий собственного гарнизона. Возможно, в полк Ф.А. Головина из Верхоленска были взяты «временщики» из других крепостей.

Таблица 4

Доля ратников различных категорий, отправленных в Даурию в 1686 г., от общего числа воинских людей Сибири (по состоянию на 1690–1691 гг.)

Table 4

The proportion of warriors of various categories sent to Dauria in 1686 of the total number of military people of Siberia (1690–1691)

Категории служилых людей, задействованные в походе в Даурию	Число ратников в гарнизонах Сибири, без учета людей, посланных в Даурию в 1690–1691 гг., (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 279, 300)	Доля ратников, отправленных в Даурию в 1686 г.[9]
Литвы, конных казаков и новокрещенов	1434	≈ 4 %
Пеших казаков и стрельцов	3924	≈ 8,5 %
Дети, братья и племянники всех категорий	1370 (в т. ч. казачьих и стрелецких детей 1296 чел.)	≈ 18 % (в т. ч. казачьих и стрелецких детей ≈ 17,6 %)
Беломесных казаков и «детей их, и братьев, которые били челом за службу»	1043	≈ 16 %

Таблица 5

Доля ратников, выбранных для похода в Даурию 1686 г. от общего числа военных в гарнизонах, давших людей в полк Ф.А. Головина (по состоянию на 1690–1691 гг.)

Table 5

The proportion of warriors chosen for the campaign in Dauria in 1686 of the total number of military in the garrisons, that had shared people to the regiment F.A. Golovin (as of 1690–1691)

Город, острог	Ратники всех категорий, несущие службу в гарнизоне и их родственники «бьющие в службу» в 1690–1691 гг. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 274–278, 301)	Доля ратников, отправленных в Даурию 1686 г. от общего числа воинских людей в гарнизоне
Тобольск	1965	≈ 13 %
Исецкие слободы	1043	≈ 16 %
Тюмень	915	≈ 9,7 %
Томск	1211	≈ 7,6 %
Енисейск	484	≈ 10 %
Илимск	183	≈ 39,6 %
Нарым	94	≈ 24 %

[9] При подсчете использованы данные табл. 1. Здесь и далее процентная доля рассчитывалась от общего числа ратников каждой категории = (число ратников в гарнизоне в 1690–1691 гг.) + (число ратников, отправленных в Даурию в 1686 г).

Таблица 6

Доля различных категорий служилых людей, выбранных для похода в Даурию 1686 г. в гарнизонах, давших людей в полк Ф.А. Головина (по состоянию на 1690–1691 гг.)

Table 6

The proportion of different categories of warriors chosen for the campaign in Dauria in 1686 in the garrisons that had shared people to the regiment F.A. Golovin (as of 1690–1691)

Категории ратников, задействованные в походе в Даурию 1686 г.	Направленные в полк Ф.А. Головина в 1686–1690 гг.[10]	Несущие службу в гарнизоне в 1690–1691 гг. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 274–278, 300–301)	Доля ратников, отправленных в Даурию от общего числа воинских людей в гарнизоне
Тобольск			
Литва, конные казаки и новокрещены	62–66	354	≈ 15 %
Стрельцов	71	423	≈ 14 %
Пеших казаков	47	508	≈ 8,5 %
Дети, братья и племянники всех категорий	119	134	≈ 47 %
Драгун[11], беломесных казаков	197–215	854	≈ 17 %
Беломесных казаков детей и братьев «бивших в службу»		189	
Тюмень			
Стрельцы и пешие казаки	98	383	≈ 20 %
Томск			
Казачьи дети	100	338	≈ 23 %
Енисейск			
Стрельцы и казаки	56–100	369	≈ 18,5 %
Казачьи и стрелецкие дети		71	
Илимск			
Пешие казаки	104–129	59	≈ 42,5 %
Казачьи дети и братья		116	
Нарым и Кетск			
Казачьи дети и братья	30	43	≈ 41 %

[10] Цифры приведены с учетом всего диапазона данных, приведенных в статье.

[11] С 1689 г. все драгуны Тобольского разряда были переименованы в беломесных казаков (Дмитриев, 2007. С. 21; Пузанов, 2010. С. 362–363; Пузанов, 2013. С. 68).

Рис. Нарымский стрелец полка Антона Смаленберга Иван Кипреянов. 1689–1690 гг. Реконструкция Е.А. Багрин, Н.Д. Фомин. Художник Николай Фомин*

Fig. Ivan Kipreeyanov. Streltsy from Narym. Regiment of A. Smalenberg. 1689–1690. Reconstruction by E.A. Bagrin, N.D. Fomin. Artist Nikolay Fomin

* В реконструкции использованы данные из челобитной Ивана Кипреянова, нарымского стрельца полка А. Смаленберга. Уезжая в командировку из Нерчинска в Удинск за жалованьем, он собрал все свои вещи в мешок и отдал их на хранение. Это: азям (кафтан азиатского покроя) из китайки лазоревого цвета (китайка – одноцветная шелковая ткань без рисунка); штаны пестрядинные (пестрядь ткань многоцветная, тканная обычно в полоску); белые суконные сермяжные чулки; рубаха белая из китайки; красные телятиные коты (вид легкой кожаной обуви). Одежду служилого дополняли шуба и вареги, не представленные на реконструкции, т. к. он изображен в теплое время года. Они находятся в заплечном мешке с другими вещами. Оружие: пищаль, бердыш, и гранатная сумка, нож на поясе, пороховница и мешочек для пуль. За основу изображения бердыша взят экспонат из коллекции Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, т. к. есть большая вероятность, что он принадлежал воинам из «сибирских полков» А. Бейтона или Ф.А. Головина. При реконструкции внешнего вида «котов» использованы рисунки обуви, изображенной в Ремезовской летописи (Багрин, Фомин, 2019. С. 239–240).

Таким образом, при комплектовании «посольского» полка в него вошло такое количество сибирского военного контингента, которое позволяло не ослабить вооруженные силы Сибири в целом и отдельных крепостей в частности. Воеводы большинства из них, комплектуя отряды ратников, в первую очередь, стремились отправить в поход родственников служилых людей, не задействованных в выполнении гарнизонных служб. В итоге, «окладные» служилые люди составили примерно 50 % прибранных, их «дети и братья» 30 % и драгуны 20 %. Только первая группа по своей боеспособности была сопоставима с отрядом московских стрельцов. Этот «костяк» профессиональных военных обеспечил успех похода всего полка.

В Приложении 1 указаны имена 863 чел., набранных в Сибири и входящих в «выборную» часть войска Ф. Головина. Имена приведены в алфавитном порядке в соответствии со списком служилых людей, находящихся в полках П. Грабова и А. Смаленберга в 1690 г. Ратники распределены в соответствие с их категориями, местом прибора, вхождением в полк и местом расположения на момент составления списка (Удинск, Нерчинск) (Приложение 1).

Также в постраничных сносках в списке указана информация о документах, в которых фигурируют приведенные в списке люди. Наиболее важные из них отмечены в сносках сокращенно:

Док. № 1. Челобитная от тобольских, тюменских, енисейских и нарымских служилых людей полка П. Грабова с просьбой о возвращении на прежнее место службы. 26 января 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219–224 об.).

Док. № 2. Челобитная от двухсот служилых людей полка Ф. Головина, оставленных в Нерчинске, с просьбой не отправлять их за серебряной рудой в Аргунский острог 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261–262 об.).

Док. № 3. Челобитная от тобольских и тюменских служилых людей полка П. Грабова с просьбой о выплате жалованья (после 1687 г.) (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217–217 об.).

Док. № 4. Челобитная томских казачьих детей полка А. Смаленберга с просьбой о возвращении на прежнее место службы. 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 225–230).

Док. № 5. Челобитная драгун Исецких слобод полка А. Смаленберга с просьбой о возвращении на прежнее место службы. 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 233–237 об).

В дополнение к этим данным приведены имена 30-ти «выборных» ратников, не отмеченных в именной росписи. Однако они фигурируют в других рассмотренных автором документах (Приложение 2) (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 1–342; РКО[12]. 1972).

Всего в статье перечислены 893 из 933 чел. (около 96 %), входивших в посольский полк в 1686–1690 гг.

Приложение 1

Именной список полков П. Грабова и А. Смаленберга, размещенных в Удинске и Нерчинске в 1690 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 302–327)

Appendix 1

A name list of regiments headed by P. Grabov and A. Smalenberg located in Udinsk and Nerchinsk in 1690. (RGADA. F. 214. D. 1059. L. 302–327)

1. Тобольские литва, литва из рейтар, конные казаки, конные казаки из рейтар, новокрещены, их дети, братья и племянники (81 чел.)

«Литовский список». Полк П. Грабова. Удинск (25 чел.)

Вакулин Левка
Вольской Кондрашка[13]
Воронцов Ивашка[14]
Дюков Левка, [пятидесятник][15]

[12] Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.

[13] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 222 об.).

[14] Упомянут в Док. № 2 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[15] Пятидесятник Лешка Дюков сопровождал в Китае Государсвеного Посольского приказу подьячего Ивана Логинова. 19 июня 1689 г. с отпиской приехал в

Елезарьев Ивашка
Залеской Васка[16], [пятидесятник][17]
Измайлов Мишка[18]
Колобов Федка
Коломыльцов Прошка
Крушинской Гришка
Лавриков Ивашка
Месников Никитка
Нейкин [Немкин] Дениско[19]
Неустроев Матюшка
Поступинской Максимка[20] (послан к Москве с отписками), [пятидесятник]
Рублевской Петрушка, пятидесятник[21]
Русанов Гришка Петров[22]
Сгибин Федка (послан к Москве с отписками)
Скоржицкой Александрик (послан к Москве с отписками)
Солдатов Мишка
Соснин Якушка
Урбанов Ивашка, [пятидесятник][23] (послан к Москве с отписками)
Хмелин Никулка[24] пятидесятник
Шипицын Никифор[25] (послан к Москве с отписками), [пятидесятник]
Широкой Ивашко[26], пятидесятник[27]

Конные казаки. Полк П. Грабова. Удинск (23 чел.)

Волков Микитка
Заев Данилка
Енгилев Бориска (послан к Москве с отписками)
Измайлов Васка
Измайлов Васка (послан к Москве с отписками)
Измайлов Гришка[28] (послан к Москве с отписками)
Киселев Мишка Балин, [пятидесятник][29]
Киселев Никифорка
Клепалов Ивашка, [пятидесятник][30]
Клепалов Петрушка
Копылов Максимка

Нерчинск, а оттуда 1 июля 1689 г. к Ф. Головину в урочище Мокрай Калтус (РКО.1972. С. 451, 456, 459).

[16] Упомянут в Док. № 1 как пятидесятник Василий Залеской (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).

[17] Звания в квадратных скобках установлены по данным документов, сопутствующих именной росписи.

[18] Упомянут в Док. № 1 как рядовой стрелец (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).

[19] Упомянут в Док. № 1. как Немкин Дениска (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.); 14 июня и 30 сентября 1687 г. конный казак (конный стрелец) Немкин Дениско был послан с отпиской в Нерчинск (РКО. 1972. С. 179, 195).

[20] Пятидесятник. 1 февраля 1687 г. отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 110,113).

[21] Упомянут как пятидесятник тобольских литвы, новокрещенов и конных казаков полка П. Грабова Петрушка (Петр) Рублевской в Док. № 1 и 3. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217 об., 224 об.).

[22] В мае 1690 г. года послан в Москву с отписками, казной и сметными списками. В Москве получил по окладу 7 руб., отмечен как человек «литовского списка» и как конный казак. Позже ездил в Москву гонцом с именными списками вместе с Марком Русановым (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180, 214–216, 328).

[23] сопровождал в Москву стряпчего Степана Коровина и капитана Богдана Булгакова. Отправились 5 октября 1689 г. (РКО.1972. С. 610).

[24] Упомянут как «Микулка Хмелинин Тоболский выборный литовского списку даурский полковой пятидесятник», как пятидесятник полка П. Грабова Хмелин Микула и десятник Хмылиник Микула. Был с отписками в Москве. Получил по окладу 8 руб. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180, 217, 224 об.); 7 октября 1687 г. с 20 стрельцами искал монголов, угнавших лошадей из стрелецкого табуна у Селенгинска. Записан как Викула Хмелинин (РКО. 1972. С. 198).

[25] Упомянут как пятидесятник Микишка Шипицын. 28 ноября 1686 г. отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 102).

[26] 7 октября 1687 г. с 30 стрельцами полка П. Грабова и селенгинским сыном боярским Д. Многогрешным искал монголов, угнавших лошадей из стрелецкого табуна у Селенгинска (РКО. 1972. С. 198).

[27] Упомянут в Док. № 1. как пятидесятник полка Грабова Широков Иван (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).

[28] 28 ноября 1686 г. был отправлен с отпиской в Москву, затем в 1689 г. сопровождал из Нерчинска в Москву стряпчего Степана Коровина и капитана Богдана Булгакова (РКО. 1972. С. 102, 610); упомянут как новоприборный тобольский конный казак Измайлов Гришка. Был в Москве с отписками, получил по окладу 7 руб. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180).

[29] Упомянут в Док. № 1. как пятидесятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).

[30] Пятидесятник. 21 февраля 1687 г. отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 123).

Куимов Алешка
Куимов Никишка
Куросев Никифор
Кучумов Микитка[31]
Обрамов Ивашка[32] (послан к Москве с отписками)
Папинов Матюшка, [десятник][33]
Полуянов Кирюшка[34]
Путилов Левка
Семенов Андрюшка
Тюков Прошка
Чюдинов Афонка, [пятидесятник][35]
Ясырев Куземка, [пятидесятник][36]

Литвы и конных, и новокрещеных казаков дети, братья и племянники. Полк П. Грабова. Удинск (15 чел.)

Асламов Игнашка[37]
Волохов Кипряшка
Волохов Микишка
Выходцов Тишка
Короянской [Кроянский] Федка, десятник[38]
Криносов Афонка
Мартьяшев Еремка
Менков Алешка
Наумов Ивашка Меншой
Скоробогатой Новицкой Ивашка
Русанов Левка
Стремов Ивашка Молодой
Ушаров Якушка
Федосеев Лучка
Юховской Якушка

Конные казаки из рейтрар. Полк П. Грабова. Удинск (6 чел.)

Дурынин Никишка
Измайлов Стенка
Лавринов Катин Матюшка
Мамеев Андрюшка
Шахов Терешка[39]
Шестаков Ивашка

Новокрещены. Полк П. Грабова. Удинск (2 чел.)

Русанов Марчка[40]
Тараштин Васька

Литовский список. Полк П. Грабова. Нерчинск (1 чел.)

Стрижев Ларка

Литва из рейтар. Полк П. Грабова. Нерчинск (3 чел.)

Канбалин (Губанов) Гришка
Клепалов Петрушка
Полуторной Андрюшка, пятидесятник[41]

[31] 1 февраля 1687 г. отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 113).
[32] Упомянут как казак литовского списка. Был в Москве с отписками, получил по окладу 7 руб. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180); стрелец Оврамова (Абрамова) Ивашка посылали с отписками в Илимск (16 июня 1688 г.) и Москву (3 августа 1689 г.) (РКО.1972. С. 291).
[33] Десятник. 30 марта 1687 г. отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 134)
[34] Упомянут в Док. № 1. как Полуянский Кирюшка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[35] Упомянут в Док. № 1. как пятидесятник Афонасий Чюдинов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).
[36] Упомянут в Док. № 1. как пятидесятник Козма Ясырев (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).
[37] Сопровождал Ивана Кочанова к монгольскому гегенкутухте. В феврале 1688 г. стрелец Игнашка Осламов приехал в Селенгинск. В 1689 г. повез отписку из Удинска в Москву (РКО. 1972. С. 251, 619).
[38] Упомянут в Док. № 1. «Приложил руку» за себя и товарищей как Кроенской Федка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 222 об.); Сопровождал в Удинск отгонный скот, присланный Цыбден-тайшой (после 25 октября 1687 г.) (РКО. 1972. С. 202).
[39] Упомянут в Док. № 1. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 222 об.).
[40] В мае 1690 г. года послан в Москву с отписками, казной и сметными списками. В Москве получил по окладу 5 руб., отмечен как стрелец. Позже ездил в Москву гонцом с именными списками вместе с Григорием Русановым (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180, 214–216, 328).
[41] Упомянут в Док. № 2 как пятидесятник Полуторнов Андрей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.); возможно он же упомянут как пятидесятник Ивашко Полуторнов, осматривавший лошадей после отгона стрелецкого табуна монголами в октябре 1687 г. (РКО. 1972. С. 201).

Конные казаки из рейтар. Полк П. Грабова. Нерчинск (2 чел.)

Корнилов Федка, пятидесятник
Митрохин Якушко, пятидесятник

Конные казаки. Полк А. Смаленберга. Удинск (3 чел.)

Булгуда Ивашко, пятидесятник (?) у илимских стенных
Осипов Васка, пятидесятник у драгун
Обрядов Афонка[42], пятидесятник у драгун

Конные казаки. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (1 чел.)

Баландин Сидор, пятидесятник у драгун[43]

2. Тобольские стрельцы (66 чел.)

Тобольские стрельцы. Полк Павла Грабова. Удинск (65 чел.)

Аристов Федка
Баков Микишка
Борисов Сысойка
Васильев Матюшка[44]
Васильев Пашка
Верещагин Федька
Верзилов Алешка
Ворогушин Митка
Голошубин Андрюшка, [десятник][45]
Голошубин Максимка
Григорьев Куземка
Григорьев Мишка (Иларко)
Давыдов Куземка[46]
Еремеев Ивашка[47]
Еремеев Никишка
Ермаков Ларка (послан к Москве с отписками)
Ермолин Петрушка
Жаворонков Пашка
Зубчанинов Левка
Караганов Тимошка
Колесников Максимка[48]
Кузнец Гришка
Кузнецов Ивашка
Лыткин Васька[49]
Лядов Ивашка
Матусов Мишка Фролов
Мехряков Пашка[50] (послан к Москве с отписками)
Наволоков Матюшка
Назаров Пронка
Насекин Андрюшка
Некрасов Обрамка (послан к Москве с отписками)
Огрызков Андрюшка
Ошурков Ивашка[51]
Ошурков Сенка
Панкин Наумка
Петров Юшка
Полусурьев Петрушка[52]
Просвирник Васька
Расказов Митька, [десятник][53]
Рогожин Васька, [десятник][54]
Рогозинников Микишка, [сотенной][55]

[42] Послан в Москву с отписками, казной и сметными списками. В Москве получил по окладу 9 руб. с четью. Записан как пятидесятник, конный казак «даурских полковых» Афонка Обрядов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180).
[43] Упомянут в Док. № 2 как пятидесятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).
[44] Упомянут в Док. № 1. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[45] Упомянут в Док № 1, 3. как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217 об., 224 об.).
[46] Упомянут в Док. № 1 как стрелец Давыдов Кузка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[47] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[48] 14 июля 1687 г. отправлен с отпиской в Москву из Кежмы (РКО. 1972. С. 160).
[49] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[50] Упомянут в Док. № 4. Сопровождал челобитную в Сибирский приказ (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 230).
[51] Был в числе людей, сопровождавших в Даурию денежную казну для выплаты жалованья в полку Ф. Головина (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 7).
[52] Упомянут в Док. № 1. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.)
[53] Упомянут в Док. № 1. как десятник Митка Розказов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).
[54] Упомянут в Док. № 2 как десятник Рогожин Василий (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

Рублевской Ярушка
Савельев Васька
Сарюков Гришка
Свешников Микитка
Семенов Аргеюшка
Серебреник Федка
Смирногой Андрюшка
Смольянинов Мишка (послан к Москве с отписками), [десятник][56]
Сумароков Максимко
Третьяков Левка
Третьяков Петрушка
Трошин Савка[57]
Трошин Фадейка
Трошин Фролко
Уткин Куземка
Федоров Андрюшка
Филковской Оска
Шапошников Ивашка, [десятник][58] (послан к Москве с отписками)
Шапошников Сенка
Шестозеров Васка
Шешуков Акимка
Шумков Никитка
Шумков Савка
Щербаков Ивашко

Пеший стрелец. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (1 чел.)

Чичагов Афанасей пятидесятник у драгун

3. Тобольские пешие казаки. Полк Павла Грабова. Удинск (47 чел.)

Антонов Митька
Бармин Пашка
Бекетов Федька
Белевцов Ермолка
Белобородов Ивашка[59]
Белогубов Ивашка
Березик Ивашка
Буторин Якушка
Водолазов Федька, десятник
Водорезов Андрюшка
Воронин Сенька, десятник
Даурцов Стенька
Дмитриев Ивашка, десятник
Завьялов Бориска
Иванов Алешка
Иванов Якушка, десятник
Кандабаев Галанка, [десятник][60]
Кирпишников Наумка
Киселев Евсютка
Кособоров Мишка
Кубышкин Ивашка
Никитин Алешка, десятник
Оконнишников Гришка
Онишников Федька
Осипов Ивашка[61]
Пантелеев Васка
Пелепелов Петрушка
Пестерев Ивашка
Посников Пронка
Рогов Ивашка
Рогов Илюшка
Роздухвотой Андрюшка
Савельев Якушка
Смердов Мишка
Сорокин Ивашка

[55] Упомянут в Док № 3. как сотенной Рогозников Мишка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217 об.).
[56] 30 мая 1687 г. отправлен с отпиской в Москву вместе с десятником Гришкою Смольяниновым (РКО. 1972. С. 144).
[57] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[58] Упомянут как десятник. В мае 1690 г. года послан в Москву с отписками, казной и сметными списками. В Москве получил по окладу 5 руб. с полтиною, Сопровождал казну из Москвы в Даурию. Упомянут в Док. № 4, сопровождал челобитную в Сибирский приказ. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 171–172, 180, 230).
[59] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[60] Упомянут как десятник в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).
[61] Упомянут в Док. № 4 как енисейский казак. «Приложил руку» за томских казачьих детей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.). Возможно, однофамилец.

Тетерин Алешка
Трофимов Ивашка, [пятидесятник][62]
Трутнев Ивашка
Трушников Ивашка[63]
Тюменцов Митька
Ульянов Данилко
Устюжанин Обрашка
Федосеев Самошка
Фомин Мишка
Холодилов Васька
Шипицын Гараска
Ярков Андрюшка

4. Тобольские стрелецкие дети. Полк Павла Грабова. Удинск. (8 чел.)

Алферов Зеновко
Аникиев Дениска
Балин Ивашка
Верзилов Якушко
Мартемьянов Ивашка
Смирнягин Васька
Смородинин Данилко
Ярков Ивашка

5. Тобольских пеших казаков дети и братья. Полк Павла Грабова. Удинск. (71 чел.)

Александров Ивашка
Афонасьив Максимка
Баранчуков Андрюшка
Бармин Сенка
Баженов Никишка
Белевцов Петрушка
Березин Федка[64]
Бовыкин Гришка
Бронников Марчко
Бубнов Ивашка
Буйдалин Гришка
Быков Алешка
Васильив Ивашка
Верзилов Сатинко
Выродов Петрушка
Глатко Митка
Григорьев Ивашка
Деревянкин Митка[65]
Дергачев Бориска
Дмитреев Митрошка
Евсевьив Федка
Елфимов Гришка
Ерофеев Петрушка
Завьялов Якушка
Залеской Оска[66]
Залесов Васка
Залесов Якушка
Залецов Петрушка
Злокин Лучка
Иванов Васка
Иванов Ивашка
Иванов Трифанка
Иванов Федка
Изотов Микитка
Казанцов Ивашка
Казеев Пронка
Коновал Юшка, [десятник] [67]
Корелин Васка
Коробов Никитка
Лагунов Ивашка
Лебедев Кирюшка, десятник
Макаров Илюшка
Миронов Максимка
Митенев Матюшка
Михайлов Филка
Мотков Данилко
Найденков Ивашка

[62] Пятидесятник Иван Трофимов сопровождал в Даурию полковую казну из Тобольска, упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 27, 221 об.).
[63] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[64] Был отправлен в Москву «ради оберегательства розходных и приходных книг с подъячими Панкратом Бабаевым, Васильем Осиповым Тоболского прибору пешего казака Фетку Березина. А явить ему, Фетке, велели и про книги объявить в Сибирском Приказе». Прибыл в Москву 28 января 7199 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 153).
[65] Упомянут в Док. № 1 как Деревянников Митка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[66] Упомянут в Док. № 1 как Оска Залесов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[67] Упомянут в Док. № 2 как десятник Коновалов Юрий (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

Петров Гришка
Петров Наумка
Петров Филка
Пиняженин Бориска
Плотник Мишка
Подшивалов Микитка
Решетников Якушка
Савельив Куска
Сартаков Ивашка
Сергеев Васка
Сергеив Алешка
Сидоров Ганка
Скорняков Сенка
Суворов Епифанко
Турчанинов Куска
Унжак Ивашка
Федоров Гришка
Федотов Якушка
Филипов Артюшка
Филипов Якушка
Фомин Тимошка
Шабуров Алешка
Яковлев Мишашка
Якутин Максимка

6. Драгуны тобольские Исецких слобод (в т. ч. из Арамилской, Беляковской, Красномыской, Шадринской слобод, Калчаданского и Катайского острогов) (215 чел.).

Драгуны Исецких слобод. Полк П. Грабова. Удинск (85 чел.)

Арамилская слобода (18 чел.)

Алексеив Ивашка
Артемьив Еремка
Бабин Сергушка
Беляев Софонка
Голомолзин Микитка
Горюнов Кондрашка
Дементьев Ивашка
Иванов Аверчка
Иванов Трифанко
Ильин Силка
Мокеив Ивдокимка
Назаров Тимошка
Остафьив Никишка
Степанов Ивашка
Степанов Климка
Титов Игнашка
Холуев Федка, [десятник] [68]
Холуив Андрюшка

Беляковская слобода (9 чел.)

Белков Алешка[69]
Васильив Ивашка
Демин Селиверстко
Дмитриев Петрушка
Иванов Кондрашка
Игнатьев Ганка
Попов Никишка
Снигирев Мишка
Толмачев Якушко

Калчаданский острог (18 чел.)

Алексеив Афонка
Бетев Васка
Ветошкин Бориска
Вятка Федка
Галактионов Лучка
Голубцов Васка
Емельянов Панфилко
Иванов Першка
Ивашка Кирчиков меншой
Лукин Онашка
Мурзин Исачка
Наумов Тимошка, [десятник][70]
Сидоров Артюшка
Соболев Ларка
Сысоив Панкрашка[71]
Тагилец Ивашка
Тепляков Куска
Яковлев Юдка

[68] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 236–237 об.).
[69] Упомянут в Док. № 1 как Белкин Алешка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[70] Упомянут в Док. № 2 и 5 как десятник. Был в числе 200 чел., оставленных в Нерчинске (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 236 об., 261).
[71] Упомянут в Док. № 5 как стрелец. Приложил руку за «десятников Сецких драгун» (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 237 об.).

Катайский острог (20 чел.)

Андреев Осташка
Артемьив Якушка
Гавриков Стенка
Григорьив Федка
Дубынин Данилко
Кондратьев Андрюшка
Кошкин Ивашка
Мавлыко Тимошка
Мартынов Терешка
Михайлов Родка, беломесные
Панфилов Петрушка
Петров Орефейко
Прокофьив Юрка
Сартаков Данилко
Сартаков Ивашка, беломесные
Тарасьив Ивашка
Трофимов Костка, [десятник][72]
Федоров Мишка
Хомяков Оска
Чюшелин Стенка

Красномыская слобода (5 чел.)

Быков Варламка
Данилов Кирюшка
Иванов Мишка
Мазжерин Тимошка
Симанов Якушка

Шадринская слобода (14 чел.)

Васильив Микишка
Иванов Ганка
Кирилов Кондрашка
Мазихин Сидорка
Мартынов Ивашка
Мартынов Митка
Никитин Тимошка
Пахомов Ивашка
Попов Александрик
Светоносов Илюшка
Уткин Васка
Федосеив Оска
Чернавин Сенка
Чусовитин Осташка

[72] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 236 об.).

Слобода не указана (1 чел.)

Демин Пашка (послан в Москву с отписками)

Драгуны Исецких слобод. Полк А. Смаленберга. Удинск (109 чел.)

Ананьин Федка
Афонасьев Гришка, десятник[73]
Барышев Артюшка
Басолаев Максимко, десятник[74]
Беляев Бориско
Белянинов Сенка, десятник[75]
Богданов Федка
Божицкой Ивашко
Бронников Алешка
Васильев Гришка
Волков Левка[76]
Вяткин Левка
Гилев Ивашко[77]
Гилев Серешка, [десятник][78]
Гилев Юшка
Греченинов Якушка
Грызов Стенка
Давыдов Никишка
Давыдов Родка
Евдокимов Петрушка
Елешев Селиверстко
Елфимов Бориско
Иванов Ивашко
Иванов Матюшка
Иванов Мишка, десятник
Иванов Федка
Исаев Ивашко

[73] Упомянут как «драгун десятник». В мае 1690 г. года послан в Москву с отписками, казной и сметными списками. В Москве получил по окладу 5 руб. с полтиною (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 180).

[74] Упомянут в Док. № 4 как рядовой стрелец томских казачьих детей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).

[75] Упомянут в Док. № 4 как рядовой стрелец томских казачьих детей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).

[76] Упомянут в Док. № 4 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).

[77] «Приложил руку» за томских казачьих детей в Док. № 4 и «за десятников» драгун Исецких слобод в Док. № 5 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об., 234 об.).

[78] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 234 об.).

Казанцов Меркушка
Кайгородцов Фомка
Кизланов Ивашко
Кирилов Федоско, [десятник][79]
Клюков Бориско
Кокорев Алешка
Кокорев Стенка
Конакин Стенка
Кондратьев Гришка
Кузнецов Ивашко
Кузнецов Ивашко
Куликов Васка
Куликов Петрушка
Лаптев Ганка
Логинов Стенка, десятник
Лукин Андрюшка
Лукин Ивашко
Максимов Ивашко
Малцов Федка
Маркелов Костка
Мезенцов Ивашко
Метелев Ганка
Мингалев Илюшка
Михайлов Кирюшка [десятник][80]
Михайлов Серешка
Мишка Иванов, десятник
Мосин Елисейко
Мосягин Мишка
Мурзин Петрушка
Мурзин Ромашка
Мякинин Ивашко
Недолмовитин Мирошка
Никифоров Авдейко
Никифоров Гришка
Новгородцов Ивашко, десятник
Огнев Парфенко
Огнев Родка
Окуимов Ивашко
Олков Родка
Оплетаев Митка, десятник[81]
Ощоулов Данилко
Павлов Васка
Павлов Гришка
Павлов Тренка
Пантелеев Сенка
Петров Сенка
Плечиков Стенка
Пьев Ивашко
Репин Ивашко
Родионов Левка
Салдатов Кирюшка
Сельской Аверчка
Сергеев Оска [десятник][82]
Сидоров Ганка
Смолин Никишка
Смоткокин Васка
Сохарев Оска
Старицын Андрюшка[83]
Степанов Еремка
Степанов Митка
Степанов Пашка
Стрелков Ивашко
Тауснев Никишка
Терской Якунка
Тестев Мишка
Тимофеев Стышко, десятник
Турнаев Бориско
Тюленев Кирюшка
Устюгов Парекейко, десятник[84]
Уткин Ермка
Фалелеев Ивашко
Федоров Оска
Фомин Савка
Хлебников Авдейко
Хмелевщиков Гаранка
Хохлов Мишка
Шелутков Сенка
Якимов Андрюшка

[79] Упомянут в Док. № 5 как десятник Кирилов Федка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 237 об.).
[80] Упомянут в Док. № 5 как десятник Кирилка Михайлов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 236 об.).
[81] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 236 об.).
[82] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 237 об.).
[83] Упомянут в Док. № 4 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).
[84] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 234 об.).

Якимов Ивашко, десятник
Яковлев Бориско, [десятник][85]
Яковлев Митка
Яковлев Якушка

Драгуны Исецких слобод. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (21 чел.)

Андреев Сенка
Бердюгин Федка
Васильев Мишка[86]
Гаврилов Митка
Зеленовской Васка
Зубарев Тимошка, десятник[87]
Иванов Илюшка
Иванов Пашка
Иванов Федотко
Лукьянов Мишка
Меншилов Афонко
Никитин Ивашко
Никитин Макарко
Огнев Ермолка
Онкудинов Пронко
Плешаков Федка
Сычев Давыдко
Тарков Илюшка
Толкунов Федотко
Черемисин Сидорко
Якимов Андрюшка

7. Тюменские стрельцы и пешие казаки. Полк Павла Грабова. Удинск (95 чел.)

Аленев Тонка
Баранов Левка
Беднягин Васка, [сотенной][88]
Белкин Илюшка
Бердников Елизарко
Борисов Петрушка
Бортников Петрушка
Бугаив Филка
Бузолин Елизарко
Войлошников Ивашка[89]
Воронов Антипка, десятник[90]
Втяженин Ганка
Гарячевской Афонка
Губин Стенка[91]
Дворников Сенка[92]
Дмитреев Тришка, [десятник][93]
Долгой Макарко
Долгой Мишка
Долгополов Ивашка
Долгополов Парфенко
Дунаив Ивашка
Дурницын Ивашка
Евсевьив Терешка
Евтюгин Гришка
Егренев Зотка
Енчанинов Евсютка
Епифанов Терешка[94]
Жданов Андрюшка
Задатков Мартюшка[95]
Зайцов Фадка[96]
Зеленовской Васка[97]

[85] Упомянут в Док. № 5 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 237 об.).
[86] Упомянут в Док. № 5 как стрелец (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 235 об.).
[87] Упомянут в Док. № 2 и 5 как десятник Зубарев Тимофей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 235 об., 261 об.).
[88] Упомянут как сотенной в Док. № 1 и 3. «Приложил руку» за себя и товарищей; В Док. № 4 упомянут как Васка Бедняков, «приложил руку» за томских казачьих детей полка А. Смаленберга (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217; Л. 224 об., 226 об.).
[89] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.). «Приложил руку» за себя и товарищей.
[90] Десятник, упомянут в Док. № 1 и 4 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217, 224 об.).
[91] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[92] 12 марта 1687 г. ездил из Рыбного острожка в Енисейск «а с ним писано о присылке хлебных запасов на дачю месечных кормов стрельцом розных полков». Осматривал лошадей после отгона стрелецкого табуна монголами в октябре 1687 г. (РКО, 1972. С. 133, 201).
[93] Упомянут в Док. № 1 и 3 как десятник Трифон Дмитриев (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217; Л. 224 об.).
[94] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[95] Упомянут в Док. № 1 и 2 как Мартемьян Заданков (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об., 261).
[96] Упомянут в Док. № 1 как Зайцов Федка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).

Иванов Андрюшка
Иванов Пронка
Иванов Савка
Истомин Ганка[98]
Кандалов Васка, десятник[99]
Карпов Федотка
Кирьянов Петрушка
Княжев Алешка[100]
Коклягин Анисимко
Кокорин Мишка, десятник[101]
Колесников Евтюшка
Комаров Тришка
Корноухов Павлинка
Корщиков Ивашка
Кропивин Ивашка[102]
Кузнецов Ивашка
Кузнецов Якушка[103]
Кулаков Алешка
Куликов Агафонка
Куроптев Мокейко
Ларионовых Мишка Васильив сын, десятник
Лепешкин Гришка
Лешугин Сенка
Макаров Васка
Малцов Ивашка
Малцов Оска[104]
Малцов Осташка
Малцов Филка
Мошанов Стенка[105]
Мошенников Мишка
Мясников Алешка
Наседкин Андрюшка
Насонов Устинко
Никифоров Еремка[106]
Ожегин Куска
Ослопов Гришка
Патокин Антонка
Подшивалов Данилко
Пономарев Васка
Посевской (Посельской) Максимка, [сотенной], [«пятисотной (?)»] [107]
Протопопов Сенка
Пушников Тимошка
Рякишев Сергушка, десятник[108]
Санапалщиков Сенка
Свешников Тимошка, десятник
Семенов Гришка
Серебряков Ивашка
Соколов Александрик
Сурин Ивашка[109]
Такшеев Андрюшка
Тарутин Афонка
Телятников Петрушка
Трофимов Савка
Тюлков Мишка
Усолов Кирюшка, десятник[110]
Фефилатьив Ивашка

[97] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[98] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[99] Упомянут в Док. № 2 как десятник Кандалов Василий (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).
[100] Упомянут в Док. № 1 как Кнежев Алешка,«приложил руку» за себя и товарищей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[101] Упомянут в Док. № 1 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).
[102] Упомянут в Док. № 1 как Крапивин Ивашко (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[103] Упомянут в Док. № 2 как Кузнецов Яков (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).
[104] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[105] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.) как О. Машанов.
[106] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[107] Упомянут как пятисотной Максимко Поселской: «приложил руку» к челобитной вместо конных казаков в Док. № 3; «приложил руку» вместо пятидесятников полка П. Грабова в Док № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217 об.; Л. 224 об.); 10 июля 1687 г. привез Ф. Головину сообщение от П. Грабова том, «что на пороге Падуне дощеник, в чем он шел сам, как переводили порог, о камень переломило» (РКО. 1972. С. 160).
[108] Упомянут в Док. № 1 и 3 как десятник Рякишев Сергей и Ракишев Сергушка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217; Л. 224 об.).
[109] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).
[110] Упомянут в Док. № 1 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 224 об.).

Харитонов Гурка
Хухарев Якушка[111]
Черепанов Сидорка
Черной Якушка
Шелохов Ганка
Шехарев Ганка
Шмаков Антошка
Щетников Мишка

8. Нарымский острог дети казачьи (29 чел.)

Нарымские дети казачьи. Полк П. Грабова. Удинск (27 чел.)

Андреев Сенка
Аристов Никитка
Голешихин Алешка
Григорьев Костька
Григорьив Васка
Иванов Андрюшка
Иванов Володка
Иванов Стенка
Калинин Савка
Камыкин Савка
Колотыга Ганка Иванов
Костарев Васка
Костарев Стенка
Кузнецов Ишка
Кузнецов Оска
Ларионов Мишка
Луговской Сенка
Нестеров Петрушка
Новосилцов Артюшка
Огорелков Ивашка
Пермитин Федка
Родюков Стенка
Свистунов Ивашка
Сергеев Петрушка
Скрневской Алешка
Филипов Пронка
Шадрин Стенка

[111] Упомянут в Док. № 1 как Я. Хохорев (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).

Нарымский острог дети казачьи. Полк П. Грабова. Нерчинск (4 чел.)

Гуляев Ивашко
Костарев Стенка (записан и в Удинске)
Луговской Тимошка
Шадрин Стенка (записан и в Удинске)

9. Томские казачьи дети (94 чел.)

Томские казачьи дети. Полк П. Грабова. Удинск (20 чел.)

Батошков Федка
Бородин Якушка
Брагин Петрушка
Жарков Стенка, [десятник][112]
Жуков Тараска[113]
Каленов Васка
Карпов Андрюшка
Кожевников Сенка
Конаев Сенка
Кузнецов Пронка
Кутьин Ивашка
Лодыженской Федка
Матвеев Ивашка
Панкратов Ивашка
Пичугин Стенка
Пичюги Данилка
Посников Лаврушка
Стрелков Петрушка
Толмачев Матюшка
Якунин Сенка

[112] Упомянут в Док. № 4 как десятник (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 225 об.); 7 июня 1688 г. стрелец Стенька Жарков вместе с нерчинским казаком Кондрашкой Якимовым, селенгинскими служилыми и бурятами ездил из Селенгинска до Гусиного озера «подсматривать оплошных мунгальских людей караульщиков и на переездех воровских мунгальских же людей» (РКО. 1972. С. 281).

[113] 7 октября 1687 г. стрелец Тараска Жуков «извещал словесно» Ф. Головина о том, что «которой де табун пасли они, Тараско с товарыщи, отогнали де у них ис табуна мунгальские воровские люди октября в 7 день в 7 часу ночи 70 лошадей» (РКО. 1972. С. 198).

Томские казачьи дети. Полк А. Смаленберга. Удинск (65 чел.)

Балахнин Ивашко
Бараксанов Лучка
Безсонов Петрушка
Беспалой Антошка[114]
Беспалой Васка
Божицкой Ивашко
Болашев Петрушка
Быков Пронка
Губин Мишка[115]
Дедюхин Ивашко
Завьялова Тимошка
Затинщиков Стенка[116]
Клестов Алешка
Кожевников Макарко, десятник
Колубин Мишка
Кондратьев Федка, десятник[117]
Конин Данилко
Корелин Андрюшка
Корнилов Ивашко
Костянтинов Костка
Кулаков Ивашко
Куниловской Кирюшка
Курсин Анисимко
Курсин Куземка
Лиханов Андрюшка
Ложников Ивашко, десятник[118]
Манков Куземка
Масласин Гришка
Месников Харка
Мослосин Андрюшка
Нарымской Ивашко
Немиров Сенка
Овчинников Петрушка
Осанов Стенка
Парамонов Алешка
Парамонов Никишка
Парамонов Серешка
Паршуков Васка
Першин Гришка
Подкаменской Ивашко
Решетников Артюшка
Сартаков Якушко
Сваровской Андрюшка
Сваровской Матюшка
Скуратов Марчко
Скуратов Стенка
Смагин Бориско
Соломатов Ивашко
Сорокин Афонка
Судейкин Филка
Титов Петрушка, десятник
Титов Якушко[119]
Тугаринов Харламко
Туголуков Тимошка
Тузиков Стенка
Тюменцов Ивашко
Червев Ивашко Семенов сын
Чернов Ивашко
Чернояров Еремка
Шангин Мишка
Шестаков Мартынко
Шестаков Мишка
Шишкин Ивашко
Шолохов Петрушка
Щедрин Ивашко

Томские казачьи дети. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (9 чел.)

Бжицкой Ивашко
Водопьянов Васка
Елисеев Ивашко
Задов Васка, десятник
Макаров Федотко
Максимов Илюшка
Матвеев Якимко
Мирсанов Митя

[114] Упомянут в Док. № 4 как рядовой стрелец Безпалов Антошка (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).
[115] Упомянут в Док. № 4 как рядовой стрелец (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).
[116] Упомянут в Док. № 4 как рядовой стрелец (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).
[117] Упомянут в Док. № 4 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 225 об.).
[118] Упомянут в Док. № 4 как рядовой стрелец (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227 об.).
[119] Упомянут в Док. № 4 как Якунка Титов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 225 об.).

Плотников Ивашко

10. Енисейские казаки, стрельцы и казачьи дети. (96 чел.)

Енисейские казаки, стрельцы и казачьи дети. Полк П. Грабова. Удинск (73 чел.)

Абалаков Петрушка[120]
Агеев Федка[121]
Аксенов Ивашка
Алексеев Ивашка[122]
Башлыков Сенка
Белокопытов Ивашка
Бобыль Федка
Булдаков Федка
Буримовского Лучка
Бутусин Данилка[123] (послан к Москве с отписками)
Ванеев Ганка Матвеев
Васильив Герасимка
Войлошников Федка
Вякин Обрашка
Гагарин Левка Андреев
Головко Ивашка[124]
Горбовской Прохарка
Городничей Якушко
Гохреянов Мишка
Гуселников Митка
Домошонкин Ивашка
Евтифеев Ларка
Забреев Ивдокимка
Замякин Тименка
Игнатьев Бориска
Игнатьив Федка
Казаков Ивашка
Киприянов Кондрашка
Кокин Ивашка Семенов
Комаров Лучка
Котелников Ивашка
Котин Ивашка
Криволуцкой Ивашка
Ладыгин Ивашка
Лосев Ивашка[125]
Малышев Федка[126]
Медведь Ивашка
Микифоров Евдокимко
Милюшин Ивашка
Михайлов Бориска
Москвитин Данилка[127]
Музогранов Прошка
Одинцов Васка
Пестерев Ивашка Дмитреев
Питиримов Якимко
Плеханов Тимошка
Подгорной Ивашка
Подымской Гарасимка
Подымской Ларка
Полосков Тимошка
Проковьив Митка[128]

[120] Упомянут как даурский казак. Ф. Головин посылал его в Москву для охраны с подъячих с документами: «и та ваша великих государей денежная казна вся в росходе, а на какие росходы та ваша великих государей денежная казна вышла. И тому зделав мы, холопи ваши, приходные и росходные книги послали к вам, великим государем, к Москве в Сибирской Приказ с ними же подъячими. А для оберегателства в дороге до Москвы послали мы, холопи ваши, с ними подъячими доурского казака Петрушку Обалакова и велели ему, Петрушке, проводя до Москвы, явитца в Сибирском Приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарыщи». П. Абалаков подал отписку в Сибирский приказ 9 февраля 7199 г.; Так же упомянут в Док № 5 как стрелец приложивший руку за десятников драгун (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 146–146 об. Л. 237 об.).

[121] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[122] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[123] Енисейский казак. Сопровождал в Китае Государсвеного Посольского приказу подьячего Ивана Логинова. 19 июня 1689 г. с отпиской приехал в Нерчинск, а оттуда 1 июля 1689 г. к Ф. Головину в урочище Мокрай Калтус (РКО. 1972. С. 451, 456, 459).

[124] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[125] Упомянут в Док. № 1. «Приложил руку» за себя и товарищей, так же «приложил руку» за албазинских людей с просьбой отпустить их домой из Даурских острогов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об., 255 об.).

[126] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[127] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

Прокопьив Митка
Прокофьив Гришка
Рещик Стенка
Сергеев Мишка
Серебреников Филка Семенов
Соловьев Федка
Соснин Петрушка
Татаринов Куземка
Терентьев Исачка
Трусов Сенка
Унжак Ивашка
Черкашенин Коземка
Чеусов Левка[129]
Чижов Ивашка
Чмутин Ивашка Данилов
Чулков Володка
Шеламов Кирюшка
Шишкин Трошка
Шувалов Якушка
Якимов Федка
Яковлев Лучка
Якимов Якушко Федоров (послан к Москве с отписками), [сотенной][130]

Енисейские казаки, стрельцы и казачьи дети. Полк П. Грабова. Нерчинск (21 чел.)

Белокопытов Мишка
Божедомов Якушко
Городничего Якушко
Домошонкин Ивашко
Евдокимов Обрашка
Ероцкой Якимко
Иванов Куска
Кайдалов Микишка
Козел Алешка
Котелников Ивашко
Луковцов Игнашка
Макаров Васка
Маслоков Волотка
Момотов Петрушка
Подымалой Ларка
Рыбников Андрюшка
Серебреников Филка
Соливерстов Данилко
Татарников Куска
Чмутин Ивашко
Щербаков Васка

«Енисейские стенные». Полк А. Смаленберга. Удинск (2 чел.)

Каховский Андрюшка
Мелников Митка

11. Илимские «стенные» служилые люди (24 чел.)

Илимские «стенные» служилые люди. Полк А. Смаленберга. Удинск (15 чел.)

Володимеров Федка
Злыгостев Ивашко
Злыготев Алешка, десятник
Конавин Ивашко
Котовщиков Фирско
Кузнецов Емелка
Манков Никишка, десятник
Мохов Серешка
Попов Гришка
Попов Петрушка
Сенотрусов Сенка, пятидесятник
Сизой Кирюшка
Смогин Якушко
Харлов Сидорко
Чертов Ивашко Минин сын

Илимские «стенные» служилые люди. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (9 чел.)

Брагин Андрюшка, пятидесятник
Брусенкин Савка
Бутаков Тимошка
Дедюхин Ивашко
Падерин Пашка
Сенотрусов Андрюшка
Стариков Федка
Черемисинов Никитка

[128] Упомянут в Док. № 1. «Приложил руку» за себя и товарищей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).
[129] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).
[130] Послан со Степаном Коровиным «к пограничным китайских городов воеводам ... для письма» (РКО. 1972. С. 212).

Шипицын Матюшка

12. Краснояры казачьи дети (3 чел.)

Краснояры казачьи дети. Полк А. Смаленберга. Удинск (2 чел.)

Кохтуров Гришка

Плотников Гаранка

Краснояры казачьи дети. Полк А. Смаленберга. Нерчинск (1 чел.)

Родка Черепанов

13. Служилые без разделения на категории. Несли конную службу в Нерчинске (65 чел. из них отмечены в Удинске, т. е. дважды записаны). Полк П. Грабова (100 чел.)

Алексеев Афонка (дважды записан, драгун, Удинск)

Анцын Ивашко

Байкаловской Петрушка

Бармин Сенка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Белков Алешка (дважды записан, драгун, Удинск)

Борисов Илюшка

Бубнов Ивашко (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Бугаев Филка[131] (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Бугор Ивашко

Верзилов Савинко (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинске)

Викулов Ивашко

Волков Стенка[132]

Волков Стенка

Волохов Микишка (дважды записан, тобольские литвы и конных казаков дети, Удинск)

Волошников Федка (дважды записан, тобольские литвы и конных казаков дети, Удинск)

Ворогушин Митка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск).

Воронцов Ивашко (дважды записан, литва, Удинск)

Вятка Фетка (дважды записан, драгун, Удинск)

Гаврилов Стенка (дважды записан, драгун, Удинск)

Гиляшев Сенка

Глаткого Митка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Григорьев Федка (дважды записан, драгун, Удинск)

Дорофеев Ивашко[133]

Дурыкин Микишка (вероятно дважды записан как Дурынин Никишка, казаки из рейтар, Удинск)

Егренев Зотка (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Ентюхин Гришка

Ермолин Петрушка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Задатков Мартюшка (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Залесов Васка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Залесов Петрушка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Залесов Якушка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Иванов Ивашко (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Иванов Трифанко (дважды записан, тобольские казачьи дети или как драгун, Удинск)

Иванов Федка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Казанцов Ивашко (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Калинин Савка (дважды записан, нарымские казачьи дети, Удинск)

Карпов Федотко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Ковылов Максимко

Козлов Федка

[131] Упомянут в Док. № 2 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[132] Упомянут в Док. № 2 как Волков Стефан (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[133] Упомянут в Док. № 3, «приложил руку» за тобольских стрельцов и пеших казаков (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 217).

Коломылцов Трошка[134]

Колотыгин Ганка (дважды записан, нарымские казачьи дети, Удинск)

Кондалов Васка, десятник (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Коновалов Юшко десятник (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Кривоносов Афонка[135]

Кузнецов Якушко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинске)

Куликов Агафонко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Кутузов Ивашко

Лавринов Ивашко

Лешутин Сенка (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Малцов Ивашко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Малцов Осташка (дважды записан тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Метенев Матюшка

Миронов Максимко (дважды записан, тобольские литвы и конных казаков дети, Удинск)

Михайлов Бориско

Мопаков Данилко

Мороков Васка

Мясников Алешка (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Наумов Ивашко (дважды записан, тобольские литвы и конных казаков дети, Удинск)

Наумов Тимошка (дважды записан, драгун, Удинск)

Ожегин Куска (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Ошурков Сенка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Палкин Наумко (дважды записан как Панкин, тобольский стрелец, Удинск)

Петров Гришка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинске)

Пичуев Васка

Плоткин Мишка

Подшивалов Данилко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Подшивалов Микитка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Полутов Ивашка, десятник

Прокофьев Митка

Рогожин Васка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинске)

Русанов Левка Михайлов (дважды записан, дети литвы и конных казаков, Удинск)

Савлуков Алешка

Сартаков Данилко (дважды записан, драгун, Удинск)

Свешников Микитка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Свешников Тимошка, десятник (дважды записан тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Сергеев Алешка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Серебреник Савка

Смердов Мишка, десятник (дважды записан тобольский, пеший казак, Удинске)

Соболев Ларка(дважды записан, драгун, Удинск)

Степанов Ивашко (дважды записан, драгун, Удинск)

Суворов Епишка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Сюрюков Гришка

Трошин Савка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Трошин Федка

Трутнев Ивашко (дважды записан, тобольский пеший казак, Удинск)

Федоров Гришка (дважды записан, тобольские казачьи дети, Удинск)

Федоров Минка

Федоров Юшко

Фефилатьев Ивашко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Чаплин Куска[136]

[134] Упомянут в Док. № 2 как Трофим Коломылцов (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[135] Вероятно его родственник Кривоносов Андрюшка 30 марта 1687 г. был отправлен с отпиской в Москву (РКО. 1972. С. 134)

[136] В1688 г. был отправлен сначала в Нерчинск, затем в Албазин. 11 июля вместе с Филкой Лагуновым приехал в

Чикишев Петрушка

Чюсовитин Осташка (дважды записан, драгун, Удинск)

Шапошников Ивашко, десятник (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Шигин Андрюшка

Шипицын Гаранка (дважды записан, тобольский пеший казак, Удинск)

Шмаков Антошко (дважды записан, тюменские стрельцы и пешие казаки, Удинск)

Шумков Савка (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Щербаков Ивашко (дважды записан, тобольский стрелец, Удинск)

Приложение 2

Служилые люди полков П. Грабова и А. Смаленберга, не упомянутые в именном списке полка Ф. Головина в 1690 г.

Appendix 2

Warriors of the regiments P. Grabov and A. Smalenberg who had not been mentioned in the list of regiments F. Golovin in 1690

Атласов Петрушка[137]

Брянский Гаранко[138], енисейский стрелец. Полк П. Грабова

Волков Дровимка[139], литва и рейтары. П. Грабова

Головьев Федка[140], енисейский стрелец. Полк П. Грабова

Гольцов Васка[141], десятник исецких драгун полка А. Смаленберга

Григорьив сын Макарка[142], десятник томских казачьих детей полка А. Смаленберга

Дмитриев Гришка[143], «тюменский выборный даурский» десятник

Долин Кондрашка[144], стрелец полка П. Грабова

Долской Мишка[145]

Енгусаев Борис[146], пятидесятник, стрелец полка П. Грабова

Засемов Якушка[147], стрелец полка П. Грабова

Захаров Василий[148], десятник

Иванов Васка[149], стрелец полка А. Смаленберга

Котовшиков Ивашка[150], стрелец полка П. Грабова

Кычигин Ганька[151], стрелец полка А. Смаленберга

Лебедев Афонка[152], литва и рейтары. П. Грабова

Удинск из Албазина с отписками от А. Бейтона. 11 августа 1688 г. снова повез отписки в Нерчинск и Албазин (РКО. 1972. С. 326, 341).

[137] Упомянут в Док. № 1. «Приложил руку» за енисейских стрельцов полка П. Грабова (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[138] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[139] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 222 об.).

[140] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 219 об.).

[141] Упомянут в Док. № 5 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 236 об.).

[142] Упомянут в Док. № 4 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 225 об.).

[143] В 1691 г. получил в Москве жалованье 5 р. с полтиною (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 185).

[144] Убит монголами в конце октября или начале ноября 1688 г. во время похода селенгинского сына боярского Д. Многогрешного и его сына Петра с 80 служилыми людьми за р. Селенгу (РКО. 1972. С. 363).

[145] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).

[146] Записан как Бориско Ангусаев и Чигусаев Бориска. Возил в Сибирский Приказ челобитную о жалование даурским тобольским и тюменским служилым людям. Подал в Москве 11 сентября 1691 года. Упомянут в Док. № 4, сопровождал челобитную томских казачьих детей в Сибирский приказ (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 218, 230, 232 об.).

[147] Упомянут в Док. № 2 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).

[148] Упомянут в Док. № 2 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[149] После отгона стрелецкого табуна монголами в октябре 1687 г. «Васька Иванов с товарыщи … привели 2 лошади, а сказали, что де нашли они тех лошадей по горам, где был табун Павлова полку Грабова» (РКО, 1972. С. 201).

[150] Упомянут в Док. № 2 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 221 об.).

[151] Послан к Москве с отписками (3 августа 1689 г.) (РКО. 1972. С. 465).

Лузиков Федотка[153], десятник исецких драгун полка А. Смаленберга

Масласин Васька[154], стрелец полка А. Смаленберга

Маслов Якушка Алешка[155], томский стрелец полка А. Смаленберга

Михайлов Дементий[156], десятник

Парафеев Мишка[157], пятидесятник енисейских стрельцов полка П. Грабова

Свиньин Максимко[158], конный казак

Селиверх Демьян[159], десятник исецких драгун полка А. Смаленберга

Сивша Ивашко[160], стрелец полка А. Смаленберга

Смольянинов Гришка[161], десятник, тобольский стрелец полка П. Грабова

Стрижев Афонка[162]

Тихих Савка Иванов сын[163], десятник

Томской Ивашко[164], стрелец полка А. Смаленберга из иркутских новоприборных

Шунаев Ивашко[165], стрелец полка П. Грабова

Юрьев Сидорка[166], десятник исецких драгун полка А. Смаленберга

---

[152] Упомянут в Док. № 1 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 222 об.).

[153] Упомянут в Док. № 5 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 235).

[154] 16 января 1688 г. по дороге из Селенгинска в Удинск на него и других служилых людей напали 50 чел. монголов. В. Масласин и его товарищи на лошадях ускакали лесом, а два илимских ратника, поехавших рекой, были убиты (РКО. 1972. С. 247). В основном списке записан родственник или однофамилец Гришка Масласин (томские казачьи дети, полк А. Смаленберга).

[155] Привез в Москву челобитную с просьбой о возвращении томских стрельцов домой (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 238).

[156] Упомянут в Док. № 2 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[157] Сопровождал Ивана Кочанова к монгольскому гегенкутухте. В феврале 1688 г. приехал в Селенгинск (РКО. 1972. С. 251, 257).

[158] Упомянут в Док. № 2. «Приложил руку» за челобитчиков (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[159] Упомянут в Док. № 5 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 237).

[160] Убит монголами в январе 1688 г. (РКО. 1972. С. 241).

[161] 30 мая 1687 г. отправлен с отпиской в Москву вместе с десятником Мишкой Смольяниновым (РКО. 1972. С. 144).

[162] Упомянут в Док. № 2. «Приложил руку» за пятидесятников (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[163] Упомянут в Док. № 2. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 261 об.).

[164] 11 января 1688 г. в Селенгинске «извещал словесно, что ездили де они для сена вниз по реке Селенге в Кривое Плесо. И, не доехав до Кривого Плеса от Селенгинского верст с 5, напали на них мунгалы человек с 15, и товарыща ево того ж полку стрельца Ивашку Сивша закололи до смерти, а он де, Ивашко, ушел в Селенгинской бором» (РКО. 1972. С. 241).

[165] Упомянут в Док. № 1. «Приложил руку» за себя и товарищей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 223 об.).

[166] Упомянут в Док. № 5 (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 234).

Библиографический список

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Артемьев А.Р. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии Наук. № 1 (101). 2002. С. 7–22.

Багрин Е.А. Вооружение и одежда русских служилых людей в Забайкалье в 80–90-е гг. XVII в. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. 2011 (№ 2). С. 2–11.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служи-

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (2002) Some controversial issues of border demarcation between Russia and China under the Nerchinsk Treaty of 1689. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii Nauk* = Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. No. 1 (101). P. 7–22. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2011) Armament and clothing of Russian service people in Transbaikalia in the 80–90s. XVII century. *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* = Batyr. The traditional military culture of the peoples of Eurasia. No. 1 (No. 2). P. 2–11. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2013) Warfare of the Russians on the Eastern Border Lands of Russia in the 17th century: Tactics

лых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История. 2013. 288 с.

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175.

Багрин Е.А., Фомин Н.Д. Внешний облик сибирских и амурских первопроходцев по письменным, иллюстративным и музейным источникам: графическая реконструкция. Глава 2.7. / Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / Коллективная монография: отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасо. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 225–247.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII–середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.

Дмитриев А.В. Личный состав сибирских полков «нового строя» во второй половине XVII в. (Статья вторая) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 16–21.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2008. 240 с.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 321 с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в.). Москва: Наука, 1974. 246 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.

Пузанов В.Д. Службы гарнизона Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура, 2012. № 1–2 (25–26). С. 189–210.

Пузанов В.Д. Полки иноземного строя в Зауралье // XI Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 5–6 декабря 2013 г.). Курган: Курганский государственный унивеситет, 2013. С. 66–68.

Пузанов В.Д. Гарнизон Тобольска и присоединение Восточной Сибири к Русскому государству // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 43–47.

Пузанов В.Д. Города Сибири и формирование слу-

and Weapons of the Service People in the Baikal, Trans-Baikal and Amur Regions. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 288 p. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2020) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.)

Bagrin E.A., Fomin N.D. (2019) The appearance of Siberian and Amur pioneers according to written, illustrative and museum sources: graphic reconstruction. Chapter 2.7. Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. P. 225–246 (In Russ.)

Besprozvannykh E.L. (1983) Priamurye in the system of Russian-Chinese relations, XVII – mid. XIX century. Moscow: Nauka. 206 c. (In Russ.)

Dmitriev A.V. (2007) The personnel of the Siberian regiments of the “new system” in the second half of the XVII century (Article Two). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology. Vol. 6. Issue 1. P. 16–21. (In Russ.)

Dmitriev A.V. (2008). Troops of the “new system” in Siberia in the second half of the 17th century. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 240 p. (In Russ.)

Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: MPGU. 321 p. (In Russ.)

Melikhov G.V. (1974) Manchu in the north-east of China (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.)

Myasnikov V.S. (1987) Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 514 p. (In Russ.)

Nikitin N.I. (1988) Service people in Western Siberia. Novosibirsk: Nauka. 256 p. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2010) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th – 17th centuries). St. Pttersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2012) Acting of the Tobolsk garrison. Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura. No 1–2 (25–26). P. 189–210. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2013) Regiments of the foreign system in the Trans-Urals. *XI Zyryanovskie chteniya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Zyryanovskie chteniya. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Kurgan: Kurgan State University. P. 66–68. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2014) Garrison of Tobolsk and the accession of the Eastern Siberia to Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = State Power and Local Self-government. No 5. P. 43–47. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2016) City of Siberia and formation of

жилого казачества Забайкалья в XVII в. // Регион в приграничном пространстве: материалы международной научной конференции / ЗабГУ. Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. Ч. 2. С. 9–12.

Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 213 с.

Bagrin E. Weapons and tactics of Russian troops in the Far East in 1640–1690 (Armi e tattiche delle truppe russe in Estremo Oriente nel periodo 1640–1690) // Army antiche. Bollettino dell Accademia di San Marciano – Torino. 2013. P. 149–176.

the Transbaikalian Cossacks of the 17th Century. *Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. Konf.* = Region in border space. Proceedings of the international scientific conference. Transbaikal State University. Chita: Transbaikal State University. Pt. 2. P. 9–12. (In Russ.)

Yakovleva P.T. (1958) The first Russian-Chinese treaty of 1689. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 213 p. (In Russ.)

Bagrin E. Weapons and tactics of Russian troops in the Far East in 1640–1690 (Armi e tattiche delle truppe russe in Estremo Oriente nel periodo 1640–1690) // Army antiche. Bollettino dell Accademia di San Marciano – Torino. 2013. P. 149–176.

Критерии авторства

Е.А. Багрин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.A. Bagrin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
Санкт-Петербург, 190000, Сенатская площадь, 3, Россия,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Information about the author

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), Researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).01-083
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-120-129

Генезис форм трудовой помощи в дореволюционной России

© Е.Г. Копалкина[a], Н.В, Илтакова[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье раскрываются особенности становления и развития трудовой помощи как важнейшей формы социальной поддержки нуждающегося населения, начиная со времени образования русского централизованного государства, кончая приходом к власти большевиков и построением принципиально новой государственной политики в сфере труда и занятости населения. Используя историко-системный, историко-сравнительный и историко-диахронный методы научного анализа, авторы проводят параллель между основными историческими формами трудовой помощи, такими как общественные работы, денежные выплаты, переселенческая политика, создание учреждений трудовой помощи – работный дом, дом трудолюбия, биржа труда, и теми приоритетными направлениями, которые реализуются органами современной службы занятости населения в нашей стране. Некоторые их этих форм трудовой помощи себя изжили, другие трансформировались и успешно используются при содействии трудоустройству работоспособного населения, получив новое смысловое назначение в условиях рыночной экономики. В результате исследования были определены общие и отличительные характеристики каждой формы трудовой помощи, применяемой в дореволюционный период в целях сокращения нищенства, содействия в овладении профессии, ликвидации последствий голода и стихийных бедствий и др. В работе подчеркивается противоречивый и непоследовательный характер организации трудовой помощи в целом, ее серьезные изъяны и недостатки, но тем не менее авторы делают выводы о том, что в целом российский исторический опыт «трудовспоможения» содержит положительные стороны, имеет большой практический интерес для современной социальной работы, многие исторические формы принесли реальную пользу государству и в современных условиях могут служить исходным материалом в поиске оптимальной модели содействия занятости населения в условиях глобализации экономики, концепции технологической сингулярности и роста прекаризации трудовых отношений.

Ключевые слова: трудовая помощь, общественные работы, дом трудолюбия, биржа труда, дореволюционная Россия, работный дом, кормовые деньги, переселенческая политика, политика занятости, служба занятости, социальная работа, безработные

Информация о статье: Дата поступления 3 марта 2020 г.; дата принятия к печати 6 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Копалкина Е.Г., Илтакова Н.В. Генезис форм трудовой помощи в дореволюционной России // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 120–129. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-120-129

The genesis of forms of labor assistance in pre-revolutionary Russia

© Evgenia G. Kopalkina[a], Natalia V. Iltakova[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article reveals the features of the formation and development of labor assistance as the most important form of social support for the needy population, from the time of the appearance of Russian centralized state until the time of Bolsheviks came to power and organized a fundamentally new state policy in the field of labor and employment. Using the historical-systemic, historical-comparative and historical-diachronous methods of scientific analysis, the authors draw a parallel between

the main historical forms of labor assistance, such as community service, cash payments, resettlement policy, the creation of labor assistance institutions - a work house, a hard-working house, a labor exchange, and those priority areas that are implemented by the bodies of the modern employment service in our country. Some of these forms of labor assistance have become obsolete, others have been transformed and successfully used to facilitate the employment of a working population, being received a new meaning in the conditions of a market economy. As a result of the study, the general and distinctive characteristics of each form of labor assistance used in the pre-revolutionary period with the aim of reducing poverty, assistance in mastering the profession, eliminating the effects of hunger and natural disasters, etc. were determined. The work emphasizes the contradictory and inconsistent nature of the organization of labor assistance in general, its serious flaws and shortcomings, but, nevertheless, the authors conclude that, in general, the Russian historical experience of "labor assistance" contains positive hand, is of great practical interest for the modern social work, many historical forms brought real benefits to the state and in the current conditions can serve as a starting material in the search for the optimal model to promote employment in a globalized economy, the concept of technological singularity and growth precariousness of labor relations.

Keywords: labor assistance, public works, the house of industriousness, the labor exchange, pre-revolutionary Russia, the work house, fodder money, resettlement policy, employment policy, employment service, social work, unemployed

Article info: Received March 3, 2020; accepted for publication April 6, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Kopalkina E.G., Iltakova N.V. (2020) The genesis of forms of labor assistance in pre-revolutionary Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 120–129. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-120-129

Введение

В условиях развития рыночных отношений одной из ключевых проблем, стоящих перед государством, является проблема безработицы и трудоустройства трудоспособного населения, которая тесно связана с привлечением квалифицированных специалистов для создания кадрового состава и развития кадрового потенциала российских предприятий. На современном этапе рынок труда не обеспечивает полного и эффективного использования рабочей силы, проблема безработицы возникает вследствие несовершенства законодательной базы, отсутствия четкой государственной стратегии занятости населения, несоответствия образовательных услуг потребностям экономики, слабых механизмов стимулирования работодателей к трудоустройству молодых специалистов (Копалкина, 2019. С. 168). Неэффективная помощь в трудоустройстве ведет также к оттоку образованной части населения за рубеж и девальвации высшего образования. Проблемы занятости обостряются на фоне появления новых форм трудовых отношений, отличающихся гибкостью, включением дистанционных технологий при взаимодействии, неформальностью, ростом юридически незафиксированных отношений, отсутствием трудовых и социальных гарантий (Урбанаева, 2016. С. 95). Нестабильность рынка труда, проблемы трудоустройства и низких заработных плат все больше приводят к росту прекариата и фриланса среди экономически активного населения.

Поиск эффективных способов борьбы с безработицей остается актуальной и дискуссионной темой в современных российских условиях. Обращение к историческому опыту трудовой помощи в дореволюционной России до построения принципиально новой государственной политики в сфере труда и занятости населения обусловлено поиском оптимальной модели содействия занятости населения в условиях глобализации экономики, концепции технологической сингулярности и роста прекаризации трудовых отношений.

Под *трудовой помощью* мы понимаем меры, направленные на:

– предоставление заработка (в том числе временного и сезонного характера), что позволяет не рассматривать милостыню как форму трудовой помощи;

– все возрастные категории населения, способного к труду, в отличие от содействия в трудоустройстве, направленного на трудоспособное население (от 16 лет до пенсионного возраста);

– принуждение труда вследствие дифференцированного подхода к нищим, убогим, беднякам

с целью выявления и отделения от них профессиональных тунеядцев, и притворщиков, в то время как сегодня с принятием Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» в 1991 году признается законной добровольная незанятость граждан и добровольное обращение за помощью в содействии трудоустройству к государству в лице службы занятости.

Теоретическую базу для понимания феномена трудовой помощи в дореволюционной России заложили исследования Г.Г. Швиттау, В.А. Гагена, Дж. Гобсона, А.М. Горовцева, Л.В. Бадя, В.П. Мельникова, Е.И. Холостовой, М.В. Филипповой (Швиттау, 1915; Гаген, 1902; Гобсон, 1900; Горовцев, 1901; Бадя, 2006; Мельников, Холостова, 2004; Филиппова, 2001). Отдельным формам трудовой помощи в дореволюционной России посвящены работы Д.С. Волкова, Н.Н. Белявского, В.Е. Евгеньева-Максимова, Ф. Пеллутье, А.С. Рогожиной, Л.Н. Тохтиевой, С.А. Карташова, Н.П. Фофановой, Ф.Х. Шебзуховой, Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой, С.Н. Семенковой (Волков, 1897; Белявский, 1898; Евгеньев-Максимов, 1905; Пеллутье, 1906; Рогожина, 2015; Тохтиева, Карташов, 2018; Фофанова, 2008; Шебзухова, 2016; Казакова-Апкаримова, 2018; Семенкова, 2011). Анализ научных работ показал, что выделение исторических особенностей основных форм трудовой помощи в дореволюционной России в сравнении с основными направлениями современной службы занятости не были предметом изучения, что и обусловило выбор темы нашей статьи.

Методы исследования

В нашем исследовании были использованы такие методы, как историко-системный метод, историко-сравнительный метод, а также историко-диахронный метод. *Историко-системный метод* позволил представить трудовую помощь дореволюционной России как целостную систему, с одной стороны, обладающую в разные периоды российской истории различным характером и вектором развития, с другой стороны, являющуюся предшествующей стадией развития и функционирования целостной государственной поддержки безработных в лице службы занятости населения. *Историко-сравнительный метод* помог определить особенности исторических форм трудовой помощи дореволюционной России при сопоставлении с современными формами содействия трудоустройству и обосновать положение о том, что основные формы трудовой помощи и сегодня реализуются в деятельности современной службы занятости, но принципиально от них отличаются (целями, содержанием и др.). *Историко-диахронный метод* направлен на изучение становления и развития трудовой помощи с целью выявления ее качественных изменений и определения особенностей трудовой помощи в дореволюционной России в целом.

Результаты и основные выводы исследования

В рамках данного исследования нами были описаны и проанализированы такие исторические формы трудовой помощи в нашей стране, как общественные работы, переселенческая политика, создание учреждений трудовой помощи, денежные выплаты. Как справедливо отмечает Л.В. Бадя, исследователи по-разному толковали задачи и функции трудовой помощи, но с содержанием ее основных направлений соглашались (Бадя, 2012. С. 53).

Первая форма трудовой помощи – *общественные работы* – стали известны с начала XVII века в период царствования Бориса Годунова. В голодные 1601–1602 годы были проведены массовые строительные работы, благодаря которым получили заработок тысячи пострадавших от неурожаев. До Екатерины II общественные работы как форма трудовой помощи носили эпизодический характер, но и в период ее правления, несмотря на то что с выходом именного указа от 14 января 1776 года[1] организация общественных работ стала обязанностью Сената, также не получила такого широкого распространения, как при Николае I. Основываясь на принципе «хлеб за труд», общественные работы проводились в неурожайные 1833–1834 годы и 1846–1847 годы. На их проведение в 10 губерниях

[1] Устав об общественном призрении // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 13. Пг, 1915. 243 с.

(Тамбовской, Киевской, Могилевской и др.) было выделено более 2,5 млн руб. Свыше 3 млн руб. правительство выделило в 1840 году на организацию общественных работ в восьми губерниях центра России (Евгеньев-Максимов, 1905). Общественные работы, по мнению Н.Н. Белявского, «организуются государством, чтобы обеспечить заработок возможно большему числу людей и таким образом дать возможность прокормиться бедствующему населению, без принижения личности путем даровой помощи» (Белявский, 1898).

Существенно возросла роль общественных работ в жизнеобеспечении населения после отмены крепостного права, период которой сопровождался периодическими промышленными кризисами и резким ростом крестьянских семей, оставшихся без средств к существованию. Такие меры, как передача социального призрения в руки органов земского и городского самоуправления (Александр II), создание Управления общественных работ (Александр III), учреждение Попечительства о трудовой помощи (Николай II), способствовали развитию общественных работ как важнейшего направления трудовой помощи, хотя и не обеспечили занятость всех нуждающихся в заработке, тем не менее смягчили тяжелое материальное положение тысяч семей и ослабили социальную напряженность в пострадавших от стихийных бедствий губерниях (Мельников, Холостова, 2004. С. 273).

Сравнивая общественные работы, организуемые современной службой занятости, и общественные работы дореволюционной России, можно выделить следующие их особенности:

– Были направлены на нужды крестьян неурожайных губерний, в период голода и промышленных кризисов, в то время как в современных условиях общественные работы организуются для удовлетворения территорий и организаций в выполнении работы, носящей временный или сезонный характер.

– Имели массовый, неизбирательный характер, например, за период с 1892 по июнь 1894 гг. на общественных работах было задействовано 88 076 чел. (Рогожина, 2015. С. 109). Сегодня получателями государственной услуги являются чаще те ищущие работу, которые не получают пособия по безработице и состоят на учете в центрах занятости свыше 6 месяцев.

– Носили социально-политических характер, поскольку бездействие властей могло привести к высокой социальной напряженности и ее острым последствиям в пострадавших от стихийных бедствий территориях, целью организации общественных работ сегодня является сохранение мотивации к труду у лиц, имеющих длительный перерыв в трудовой деятельности или не имеющих трудового опыта.

Общим для общественных работ, реализуемых в дореволюционной и современной России, сохраняется:

1) их временный (сезонный) характер;

2) виды выполняемых работ (в сфере строительства, лесного хозяйства, сельского хозяйства и др.);

3) их общественно-полезная значимость;

4) содержание труда как простого и неквалифицированного;

5) невысокая оплата труда.

Вторая форма трудовой помощи – *денежные выплаты*, которые в дореволюционной России имели место быть, и самый известный случай – кормовые деньги в эпоху Петра Первого. Кормовые деньги выплачивались во всех губерниях в соответствии с указом Петра I от 1700 года – старым и увечным, «кои работать не могут» вплоть до их кончины, в то время как «молодым и здоровым кормовых денег не давать и от кормовых денег им отказать» (Мельников, Холостова, 2004. С. 247). В отличие от милостыни (в денежной форме) кормовые деньги представляли собой раннюю форму социальных выплат, поскольку:

– имели адресный характер, а не подавались без разбору всем нуждающимся;

– выплачивались за счет средств государственной казны;

– устанавливались законодательно – в соответствующем петровском указе;

– отличались мотивацией – не по нравственным и религиозным причинам, а введены были как государственная мера преодоления нищенства и

отделения получателей кормовых денег от профессиональных нищих.

В то же время кормовые деньги нельзя назвать социальной выплатой в современном понимании, поскольку имели синкретический характер, в то время как сегодня все социальные выплаты дифференцированы, отличаются кругом лиц, управомоченных на получение, условиями назначения, размерами, порядком оформления и периодом получения. На наш взгляд, также кормовые деньги нельзя назвать протопособием по безработице, скорее протопенсией по старости (инвалидности), поскольку охватывали не работоспособное население, а неспособных к труду людей.

Третьей формой трудовой помощи являлась *переселенческая политика,* которая была направлена на улучшение условий занятости сельского населения. Ее начало относят к 30-м годам XIX века, однако активная переселенческая работа стала осуществляться с 1843 года после реформы управления государственными крестьянами, проведенной министром П.Д. Киселевым (1837–1841 гг.). С 1831 по 1866 г. было переселено 320 тыс. крестьян в Саратовскую, Самарскую, Астраханскую, Оренбургскую, Уфимскую, Тобольскую и Томскую губернии (Мельников, Холостова, 2004. С. 273).

Анализируя переселенческую политику XIX века, можно выделить следующие черты ее отличия от того содействия в переселении безработным и членам их семей в другую местность, которое осуществляется по направлению современной службы занятости:

– характеризуется массовым, а вначале самовольным и бесконтрольным оттоком крестьян сначала в города, затем на свободные земли центральных и малороссийских губерний, после – на Урал, в Западную и Восточную Сибирь.

– подавляющее большинство поселенцев принадлежало к малоимущим слоям деревни;

– носила скрытый социально-политический смысл, поскольку ее результаты разряжали социальную обстановку в стране;

– сопровождалась освоением пустующих районов страны в хозяйственном отношении (Шебзухова, 2016. С. 58).

Содействие в переселении по направлению службы занятости осуществляется с 2005 года в целях разрешения территориальных диспропорций между спросом и предложением на рынке труда, в то время как переселенческая политика XIX века проводилась в целях решения проблемы аграрного перенаселения вследствие естественного роста крестьянского безземелья и малоземелья. Как в дореволюционной России, так и в современных условиях переселенцам предусмотрен определенный объем финансовой поддержки от государства.

Четвертая форма трудовой помощи – *это создание учреждений трудовой помощи,* выполнявших посреднические функции – работные дома, дома трудолюбия, биржи труда. По времени возникновения более ранними учреждениями трудовой помощи были работные дома (первый – в 1777 году) и дома трудолюбия (первый, Кронштадтский – в 1882 году). Общим для работного дома и дома трудолюбия, помимо содействия в трудоустройстве, было: 1) оказание трудовой помощи незащищенным слоям населения (бездомным, освобожденным из мест лишения свободы, впавшим в крайнюю бедность и др.); 2) предоставление ночлега и пищи; 3) виды выполняемых работ (в сфере ремесленного производства и др.); 4) финансирование за счет государственных дотаций, частных пожертвований, различных попечительств.

Раскрывая основные характеристики работных домов, такие как закрытый характер деятельности, жесткий контроль за поведением и трудом проживающих, строгий режим, ограничение привычного образа жизни, С.В. Ширяева отмечает следующие недостатки в организации работных домов, которые не только не способствовали достижению цели исправления лиц, находившихся в работных домах, но приводило к увеличению и без того значительной армии профессиональных нищих – отсутствие дифференцированного подхода и применение тюремного режима ко всем категориям проживающих, обращение не в целях поиска стабильной работы, а для получения разовой работы, отсутствие возможности обучения какому-либо ремеслу (Ширяева, 2016. С. 33–34).

В качестве главных отличий домов трудолюбия от работных домов можно выделить следующее:

– попытки предоставить честный труд были сопряжены с обучением, воспитанием и другими видами социальной помощи нуждающимся (начальные школы, воскресные школы, школы рукоделия, пункты медицинской помощи, ясли для детей работающих женщин, дешевые столовые и др.);

– труд носил добровольный характер, дома трудолюбия не являлись учреждениями исполнения наказания, в то время как в работные дома попадали «совершенно убогие», забираемые полицией с улиц за прошение милостыни и пьянство.

Большое значение для развития домов трудолюбия и работных домов в дореволюционной России имело принятие Высочайшего Указа 1 сентября 1895 года «Об учреждении особого попечительства о домах трудолюбия и работных домах и об утверждении положения о сем попечительстве, состоящем под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны», поскольку в данном документе раскрывалось новое отношение к проблеме труда и его содержание касалось содействия в трудоустройстве трудоспособных малоимущих и неквалифицированных лиц (Шащенко, 2014. С. 75). За 17 лет деятельности Попечительства Домов трудолюбия в России их число увеличилось до 140 (Фофанова, 2008. С. 122).

Данные учреждения не представляли сами по себе способа сокращения нищеты и уровня безработицы, но их деятельность является первым в России опытом создания и функционирования органов по трудоустройству. Ближе к учреждениям, выполнявшим посреднические функции, были дома трудолюбия нового типа, основанные тайным советником и правоведом бароном Отто Буксгевденом в Санкт-Петербурге – Дом трудолюбия для образованных женщин (1896) и Дом трудолюбия для образованных мужчин (1899). Основными выполняемыми подопечными видами работы были бухгалтерский учет, составление текстов, переписывание деловых бумаг, переводы с иностранного языка (Отчет Правления, 1902)[2]. Помимо этого, женщины принимали заказы еще и на рукоделие, шитье и вышивание дамского и детского белья и платья. При Доме в целях профессиональной подготовки были открыты курсы, при успешном окончании которых женщинам находили работу в конторах или банках. Общее в деятельности обоих Домов это то, что работа носила интеллектуальный и интеллигентный характер, требующей специального образования или определенного уровня профессиональной подготовки. За пять лет к 1901 году насчитывалось 340 Домов трудолюбия для образованных женщин (Волков, 1897).

Следующим этапом в создании учреждений трудовой помощи стали биржи труда, первые из них стали появляться в начале XX века на фоне усложнения ситуации на рынке труда вследствие экономических кризисов 1882–1887 гг., 1900–1903 гг., что привело к массовому закрытию предприятий и массовому росту безработицы среди рабочих. Первые учреждения – участковые посреднические конторы и бюро, которые открывались усилиями городских управ и благотворительных обществ, впоследствии были объединены в центральные посреднические конторы и бюро, а затем на основе их были учреждены первые биржи труда (Петербургская биржа труда – в сентябре 1909 года, Московская Морозовская биржа труда – в феврале 1914 года). Рост промышленного производства в 1908–1912 гг., экономический кризис после падения монархии в феврале 1917 года, проблемы трудоустройства беженцев в годы Первой мировой войны – предопределили более широкое использование бирж труда как учреждений трудовой помощи. После подписания 19 августа 1917 года министром труда М.И. Скобелевым закона о биржах труда, согласно которому биржи труда открывались в городах с населением не менее 50 тыс. чел., в России «к началу 1918 года в стране

[2] Отчет Правления Попечительного общества о Доме трудолюбия для образованных мужчин в С.-Петербурге, представленный общему собранию членов Общества 5 мая 1902 г. Санкт-Петербург: Тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 24 с.

действовало уже 42 биржи труда» (Тохтиева, Карташов, 2018. С. 36).

Биржи труда, как и служба занятости, оказывали бесплатные посреднические услуги по найму рабочей силы и отличались тем, что их деятельность носила скорее информационный характер (регистрация спроса и предложения труда, сбор статических сведений, характеризующих состояние местного рынка труда), чем посреднический, поскольку использовались больше как учреждения учета, распределения и перераспределения трудовых ресурсов, нежели для борьбы с безработицей. От бирж труда современная служба занятости отличается тем, что:

– имеет общегосударственный характер, охватывающей все уровни управления, начиная с федерального и заканчивая местным (городским, районным);

– с течением времени расширились ее функции и задачи, на сегодня служба занятости представляет собой структуру, которая занимается не только информационно-посредническими услугами, но также превентивными и комплексными мероприятиями, направленными на снижение уровня и продолжительности безработицы, создания условий для повышения качества и конкурентоспособности рабочей силы, а также обеспечения социальной поддержки (материальные выплаты и социальные компенсации) безработных граждан.

Заключение

Проведенное исследование способствовало пониманию исторических особенностей форм трудовой помощи, которые реализуются и по сей день в деятельности службы занятости. Бесспорно, что некоторые результаты носят дискуссионный характер и требуют последующего дополнительного анализа, но важным результатом исследования стало установление некоторой исторической преемственности в организации трудовой помощи в дореволюционной России и реализации политики занятости в современный период. Итак, в ходе исследования было выявлено следующее:

– Трудовая помощь зародилась в рамках церковной помощи и частноблаготворительной деятельности, а затем уже на государственном уровне.

– Трудовую помощь нельзя путать с таким понятием как социальная работа с безработными, поскольку она имела разрозненный, эпизодический и необязательный характер. Само понятие «безработный» появилось после принятия Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» в 1991 году.

– Трудовая помощь как *система трудового посредничества* в дореволюционной России имела недолгую историю. «Трудовая помощь … как возможность помочь нуждающемуся не путем беспорядочной раздачи милостыни, унижающей и развращающей того, кто ее получает, а путем предоставления труда, способного призвать нуждающегося к новой жизни и не допустить его до дальнейшего материального и нравственного падения – сравнительно очень молода и полными правами гражданства пользуется лишь в течение нескольких последних лет» (Горовцев, 1901).

Таким образом, несмотря на то что трудовая помощь в дореволюционной России была плохо организована и в целом проблему борьбы с безработицей не рассматривали как задачу государственной важности, тем не менее можно сделать заключение о том, что использование основных форм трудовой помощи имеет положительное практическое значение на данном историческом этапе и является важнейшей ступенью в развитии политики занятости современной России и организации социальной работы с незанятым и безработными населением в дальнейшем.

Библиографический список

Бадя Л.В. История и организация трудовой помощи населению в Российской империи // Социальная политика и социология, 2012. № 2 (80). С. 38–54.

Бадя Л.В. Трудовая помощь детям-инвалидам в учебно-воспитательных учреждениях дореволюционной

References

Badya L.V. (2012) History and organization of labor assistance to the population in the Russian Empire. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* = Social Policy and Sociology. No. 2 (80). P. 38–54. (In Russ.)

Badya L.V. (2006) Labor assistance to children with disabilities in educational institutions of pre-revolutionary

России // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус, 2006. Т. 2. № 10. С. 137–147.

Белявский Н.Н. Рабочие дома и дома трудолюбия. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1898. 25 с.

Волков Д.С. Дом трудолюбия для образованных женщин в С.-Петербурге: публ. сообщ. Д.С. Волкова в зале Пед. музея 17 марта 1897 г. Санкт-Петербург: Тип. Контрагентства ж. д., 1897. 42 с.

Гаген В.А. К вопросу об организации указания труда в России. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. 48 с.

Гобсон Дж. Проблемы бедности и безработицы / пер. с англ. под ред. Л. Зака и С. Франка. С приложением статьи П. Струве о безработице. С-Пб. Книгоиздательство и книжный магазин О.Н. Поповой. 1900. 366 с.

Горовцев А.М. Трудовая помощь как средство призрения бедных. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. XXIV, 438, 47 с.

Евгеньев-Максимов В.Е. Очерки по истории общественных работ в России. С-Петербург: Типо-литогр. Р.С. Вольпина, 1905. 259 с.

Казакова-Апкаримова Е.Ю. Безработица и первые биржи труда в городах Урала в начале XX в. // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 1. С. 24–33. DOI: 10.15507/2409X.040.014.201801.024-033

Копалкина Е.Г. Проблемы содействия трудоустройству и адаптации молодежи к рынку труда (на примере г. Иркутска) // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 2 (12). С. 168–174.

Мельников В.П., Холостова Е.И. Трудовая помощь как направление социального призрения // История социальной работы в России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. 344 с.

Пеллутье Фернан. История бирж труда: (Рабочие союзы во Франции после Коммуны) / пер. с фр. С.Д. Львова. Санкт-Петербург: Свобод. труд, 1906. 167 с.

Рогожина А.С. Организация общественных работ в Российской империи во время голода 1891–1892 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История, политология», 2015. № 19 (216). С. 103–109.

Семенкова С.Н. Исторические формы социальной помощи военнослужащим // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 18. С. 288–292.

Тохтиева Л.Н., Карташов С.А. Возникновение организаций по содействию занятости населения в дореволюционной России // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 32–38.

Russia. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus* = Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus. Vol. 2. No. 10. P. 137–147. (In Russ.)

Belyavskii N.N. (1898) Worker houses and houses of industriousness. Yur'ev: tip. K. Mattisena. 25 p. (In Russ.)

Volkov D.S. (1897) House of industriousness for educated women in St. Petersburg: publ. message D.S. Volkova in the hall of Ped. Museum March 17, 1897. St. Petersburg: Tip. Kontragentstva zh. d. 42 p. (In Russ.)

Gagen V.A. (1902) On the organization of labor indications in Russia. St. Petersburg: Gos. tip. 48 p. (In Russ.)

Gobson Dzh. (1900) Problems of poverty and unemployment. Trans. from English under the editorship of L. Zack and S. Frank. With the appendix of P. Struve's article on unemployment. St. Petersburg. Knigoizdatel'stvo i knizhnyi magazin O.N. Popovoi. 366 p. (In Russ.)

Gorovtsev A.M. (1901) Labor assistance as a means of charity for the poor. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. XXIV. 438. 47 p. (In Russ.)

Evgen'ev-Maksimov V.E. (1905) Essays on the history of public works in Russia. St. Petersburg: Tipo-litogr. R.S. Vol'pina. 259 p. (In Russ.)

Kazakova-Apkarimova E.Yu. (2018) Unemployment and the first labor exchanges in the cities of the Urals in the early twentieth century. *Ekonomicheskaya istoriya* = Economical History. Vol. 14. No. 1. P. 24–33. DOI: 10.15507/2409X.040.014.201801.024-033

Kopalkina E.G. (2019) Problems of promoting employment and youth adaptation to the labor market (for example, Irkutsk). *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competency. Vol. 4. No. 2 (12). P. 168–174. (In Russ.)

Mel'nikov V.P., Kholostova E.I. (2004) Labor assistance as a direction of social charity. *Istoriya sotsial'noi raboty v Rossii* = History of social work in Russia. Moscow: “Dashkov i K°”, 344 p. (In Russ.)

Pellut'e Fernan. (1906) History of labor exchanges: (Labor unions in France after the Commune). St. Petersburg: Svobod. trud. 167 p. (In Russ.)

Rogozhina A.S.(2015) Organization of public works in the Russian Empire during the famine of 1891–1892. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya, politologiya”* = Scientific reports of Belgorod State University. Series “History, Political Science”. No. 19 (216). P. 103–109. (In Russ.)

Semenkova S.N. (2011) Historical forms of social assistance to military personnel. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* = Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application. No. 18. P. 288–292. (In Russ.)

Tokhtieva L.N., Kartashov S.A. (2018) The emergence of organizations to promote employment in pre-revolutionary Russia. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* = The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. No. 3 (60). P. 32–38. (In Russ.)

Урбанаева Е.Г. Дистанционный труд как форма гибкости трудовых отношений // Гуманитарные и общественные науки: опыт, проблемы, перспективы. 2016. Т. 2. № 2. С. 95–98.

Филиппова М.В. К вопросу о генезисе форм трудовой помощи в России // Российское трудовое право на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научной конференции, 26–27 октября 2000 года. Ч. 2. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 105–111.

Фофанова Н.П. Дома трудолюбия: их значение в трудовой помощи населению России // Аграрное и земельное право, 2008. № 9 (45). С. 121–124.

Шащенко А.Н. Некоторые аспекты борьбы с безработицей в дореволюционной России и некоторых странах Запада на рубеже XX века // Государственный советник. 2014. № 3 (7). С. 72–78.

Швиттау Г.Г. Трудовая помощь в России. Петроград: тип. А. Э. Коллинс. 1915. Ч. 1. X, 216 с.; Ч. 2. VI, 600 с.

Шебзухова Ф.Х. Переселенческая политика царизма в 1880–1890-е гг.: цели и итоги // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 2 (179). С. 53–59.

Ширяева С.В. Направления деятельности государства и общества по призрению безработных в России в XIX веке // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 1. С. 32–36.

Urbanaeva E.G.(2016) Distance labor as a form of labor relations flexibility. *Gumanitarnye i obshchestvennye nauki: opyt, problemy, perspektivy* = Humanities and social sciences: experience, problems, prospects. Vol. 2. No. 2. P. 95–98. (In Russ.)

Filippova M.V. (2001) To the question of the genesis of forms of labor assistance in Russia. *Rossiiskoe trudovoe pravo na rubezhe tysyacheletii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 26–27 oktyabrya 2000 goda* = Russian Labor Law at the Turn of the Millennium: Materials of the All-Russian Scientific Conference, October 26–27, 2000. Pt. 2. St. Petersburg: St. Petersburg University. P. 105–111. (In Russ.)

Fofanova N.P. (2008) Homes of industriousness: their importance in labor assistance to the population of Russia. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* = Agricultural and land law. No. 9 (45). P. 121–124. (In Russ.)

Shashchenko A.N. (2014) Some aspects of the fight against unemployment in pre-revolutionary Russia and some Western countries at the turn of the 20th century. *Gosudarstvennyi sovetnik* = State Advisor. No. 3 (7). P. 72–78. (In Russ.)

Shvittau G.G. (1915) Labor assistance in Russia. Petrograd: Tip. A.E. Kollins. Pt. 1. X, 216 p.; Pt. 2. VI, 600 p. (In Russ.)

Shebzukhova F.Kh. (2016) The Immigration Policy of Tsarism in the 1880–1890s: Goals and Results. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* = Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. No. 2 (179). P. 53–59. (In Russ.)

Shiryaeva S.V. (2016) Areas of activity of the state and society for the charity of the unemployed in Russia in the 19th century. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* = Locus: people, society, cultures, meanings. No. 1. P. 32–36. (In Russ.)

Критерии авторства

Е.Г. Копалкина и Н.В. Илтакова выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.G. Kopalkina and N.V. Iltakova completed the research work, based on the obtained results made a generalization, prepared the manuscript for publication, have the copyright to the article and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Копалкина Евгения Геннадьевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: kopalkina2017@list.ru

Илтакова Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, юридический факультет,
Бурятский государственный университет,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А, Россия,
✉ e-mail: ulynpa@mail.ru

Information about the authors

Evgenia G. Kopalkina,
Cand. Sci. (Philosophy), associate Professor of Sociology and Psychology Department,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kopalkina2017@list.ru

Natalia V. Iltakova,
Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty,
Buryat State University,
24A, Smolina street, Ulan-Ude 670000, Russia,
✉ e-mail: ulynpa@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 341.211(470+571)(09)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140

Теория фронтира и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков

© А.И. Бакшеев

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Красноярск, Россия

Аннотация: Целью исследования является анализ теории фронтира и ее использование при изучении крестьянского заселения Сибири после отмены крепостного права. Работа выполнена с использованием как общенаучных методов, так и специальных методов исторической науки. В зависимости от выполнения поставленных задач применялись сравнительно-исторический, статистический, проблемно-хронологический, логический и другие методы. Междисциплинарный подход дал нам возможность использовать широкий круг методов других наук, в частности социологии и демографии. В качестве основных источников исследования были выбраны работы, посвященные вопросам землеустройства в Российской империи, анализу переселенческой политики в России во второй половине XIX – начале XX века, а также вопросам региональной политики дореволюционной России. В статье осуществлен обзор концепции фронтира в зарубежной и российской исторической науке. Осуществлен анализ переселенческой политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века и исследованы вопросы региональной политики дореволюционной России с позиции теории фронтира. Практическое значение исследования заключается в том, что использование концептуальных подходов теории фронтира позволяет расширить понимание предмета и объекта исторической регионалистики. Современный этап исторического развития регионологии привлекает внимание историков, прежде всего, с точки зрения становления новых методологических подходов, поисков путей интеграции цивилизационной системы и региональной науки. Научная новизна исследования заключается в анализе процесса переселения крестьянства Российской империи в Сибирь в конце XIX – начале XX века с точки зрения теории фронтира. В заключение сделан вывод о том, что на протяжении всей истории Сибирь была регионом сплошного фронтира.

Ключевые слова: фронтир, научная трактовка, историография, методы, Россия, Сибирь, переселенческая политика, крестьянство, миграция, переселение

Информация о статье: Дата поступления 8 марта 2020 г.; дата принятия к печати 6 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Бакшеев А.И. Теория фронтира и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 130–140. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140

Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries

© Andrey I. Baksheev

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia

Abstract: The purpose of the study is to analyze frontier theory and its use in the study of peasant's settlement in Siberia after the abolition of serfdom. Both general scientific and special methods of historical science were used in the study. Comparative historical, statistical, problem chronological, logical, and other methods were used in accordance with the realization of tasks

set. Interdisciplinary approach made it possible to use a wide range of methods from other branches of science; sociology and demography in particular. Works on land management in the Russian Empire, works on analysis of resettlement policy in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries, as well works on regional policy of pre-revolutionary Russia were selected as the main sources of the research. The article studies the concept of 'frontier' in foreign and Russian historical science. The analysis of resettlement policy in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries was carried out; the issues of regional policy in pre-revolutionary Russia were investigated from the standpoint of frontier theory. Practical significance of the study lies in the fact that the use of conceptual approaches to frontier theory makes it possible to broaden the understanding of the subject and the object of historical regionalism, keeping in the mind the fact that the current stage in historical development of regional science attracts the attention of historians, primarily from the point of view of the formation of new methodological approaches, search for ways for civilization system and regional science integration. Scientific novelty of the research consists in analyzing the process of the peasants' resettlement from the Russian Empire to Siberia in the late XIX – early XX centuries from the standpoint of frontier theory. It was concluded that Siberia was a region of entire frontier during the whole historical period.

Keywords: frontier, scientific interpretation, historiography, methods, Russia, Siberia, resettlement policy, the peasants, migration, resettlement

Article info: Received March 8, 2020; accepted for publication April 6, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Baksheev A.I. (2020) Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 130–140. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140

Первичное значение слова «фронтир» соотносилось с эпохой освоения свободных земель на Западе США. В данном случае оно означало не только географическую черту «свое» / «чужое», «дикость» / «цивилизация», но и определенное состояние духа завоевания, выраженное в мотивах «огромной, открытой и свободной местности», «пионерства», покорения природы, борьбы с дикарями-индейцами (Соболева, Бобров, 2011).

После того как в 1893 г. американский историк Ф.Дж. Тернер выступил со статьей «Значение фронтира для американской истории» (позднее включенной как первая глава в книгу «Фронтир в американской истории» (Тернер, 2009)), термин «фронтир», ранее литературный и публицистический, приобретает научный характер – геополитический и историко-социологический. Новая концепция вызвала значительный резонанс и обострила интерес к истории освоения малообжитых просторов американского континента, роли этих процессов в формировании американской нации и государства, дала жизнь отдельному направлению исследований.

Суть концепции фронтира в тернеровском прочтении сводится к следующему. Историческое развитие США определено их естественной средой. Нехватка свободных земель на Востоке, их необъятный резервуар на Западе и тяга американцев к свободе продвигали черту поселений все дальше и дальше в глубь континента. Ф.Дж. Тернер рассматривал этот процесс в контексте «столкновение варварства с цивилизацией», следствием чего было развитие духа индивидуализма, формирование американской нации, укрепление демократии. Еще одна важная идея Ф.Дж. Тернера – доктрина «выпускного клапана». Наличие свободных земель способствовало решению социальных проблем. Следовательно, в противовес Европе, США удалось избежать острых форм общественных противоречий. Фронтир долго служил своего рода социально-экономическим катализатором развития США и способствовал развитию духа предпринимательства и демократического индивидуализма (Тернер, 2009). Таким образом, исторически «фронтиром» именовалась непрерывная граница осваиваемых в 1820–1890 гг. территорий, где власть государства была условна, а ресурсы чрезвычайно обширны.

В 1894 г. Ф.Дж. Тернер так дефинировал понятие фронтира: «те отдаленные регионы, которые на разных стадиях развития страны были заселены слабо и составляли плавильную грань между дикостью и цивилизацией». В 1924 г. ученый уточнил

эту дефиницию: «по сути, временная граница экспансивного общества на краю свободных земель,... ближайшая к диким землям зона поселений, где общество и власть неопределенны или организованы не полностью» (Turner, 1994).

Теория фронтира в первоначальной тернеровской формулировке несколько раз была критически проанализирована и существенно дополнена другими исследователями в течение 1960–90-х гг. (Lattimore, 1962; Webb, 1981; Рибер, 2004). Сначала был подвергнут ревизии тезис о столкновении «варварства» и «цивилизации», в результате чего внимание было акцентировано на геноциде коренных жителей – индейцев. Впоследствии обратились к проблеме экологических потерь региона в результате хозяйственной деятельности американских переселенцев. Хотя в целом никто из критиков не ставил под сомнение главенствующую роль приграничья в истории США, чисто тернеровское понимание фронтира постепенно уходило в прошлое.

Сегодня фронтир трактуется учеными чаще всего, как зона межцивилизационного, поликультурного влияния и взаимодействия. Такое понимание впервые предложил американский историк и востоковед Оуэн Латтимор, сформулировав понятие фронтира как зоны интенсивного взаимодействия различных культур (Lattimore, 1962). Проводя параллель между фронтирами Китая, Британской Индии и Древнего Рима, исследователь заострил внимание на нескольких зонах. Первая – собственно граница (здесь население имеет сильное чувство собственной пограничной идентичности через совместную с жителями противоположной стороны экономику). Вторая – ассимилированное пришлое население, варвары, которые живут с внутренней стороны границы. Третья – население с внешней стороны границы, которое знакомо с цивилизацией сугубо поверхностно, но пользуется ее благами (например, контакты скифов и греков в Северном Причерноморье). Четвертая – это общество «тотального варварства». Заселение приграничной территории уже имеет своим следствием становление фронтира, который перманентно претерпевает изменения под влиянием сообществ по обе его стороны (Lattimore, 1962).

В контексте интенсивной фрагментации исторических знаний и глобализации исторической науки в период 1970–1990-х гг. тенденция к компаративным исследованиям мировых фронтиров окрепла. Историки утверждали, что американский фронтир не уникальное явление, а эпизод глобального процесса «экспансии Европы» (MacKay, 1977; Barfield, 1989; Sahlins, 1990; Power, 1999). Представляется, что в этом русле стоит обратить внимание на тезис «Великого Фронтира» Уолтера Уэбба (Webb, 1981). Он предложил глобальный исторический нарратив, распространив тезис Тернера на Западную Европу, всю Америку, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, подчеркнув одновременно определяющее воздействие народов зоны Великого Фронтира на мировую экономику, политику, литературу, науку и искусство.

Также У. Уэбб считал фронтир одним из главных факторов модернизации общества, наряду с Ренессансом, Реформацией и индустриальной революцией. Он предложил гипотезу бума, согласно которой именно фронтир предоставил ресурсы, позволившие метрополиям обеспечивать собственное интенсивное индустриальное развитие, с одной стороны, и манивших к себе активных и предприимчивых людей попытать счастья на новых землях, с другой. Следовательно, благодаря фронтирам происходило становление экономической и ценностной основы современного индустриального общества. Экономический бум длился настолько долго, насколько хватило избыточных ресурсов фронтира. Их нехватка повлекла за собой Первую мировую войну (за передел территорий и ресурсов) и дальнейшие катаклизмы XX века (Webb, 1981).

Среди современных ученых теория фронтира нашла свое дальнейшее развитие в трудах А. Рибера. По его мнению, фронтир представляет собой переходную зону, в пределах которой происходит взаимодействие нескольких культур и полиэтнических структур (Рибер, 2004). Наряду с этим, изучая историю Восточной Европы, А. Рибер предложил выделять фронтир также по политическому крите-

рию, опираясь на идеи О. Латтимора и историческую действительность Российской империи. Исследователь отмечает феномен двойной лояльности фронтирных обществ в зонах взаимодействия трех и более политик: австрийская военная граница в Хорватии, где сталкивались интересы Венеции, Габсбургов и Порты; Украина, за которую боролись Польша, Турция и Россия; Кавказ (Порта, Иран, Россия); китайский Туркестан (монголы, китайцы, русские) и линия Ордос-Ляо (маньчжуры, китайцы, русские). А. Рибер детально проследил, как длительные политические и культурные влияния каждой из трех политических систем отразились на трансформациях идентичности автохтонного населения этих фронтиров (Рибер, 2004).

А. Каппелер предложил рассматривать явление фронтира в четырех ракурсах: как географический фронтир между различными природными зонами, как социальный фронтир между различными образами жизни и системами ценностей разных народов, особенно между оседлым населением и кочевниками или охотниками, как военный фронтир, как религиозный и культурный фронтир. Согласно этой схеме А. Каппелер различает военный фронтир, фронтир интенсивной эксплуатации (природных ресурсов), а также фронтир поселений (Каппелер, 2003).

Обращаясь к отечественной историографии данной проблемы, необходимо констатировать, на наш взгляд, то, что сегодня подход к истории России исходя из концепции «фронтира» особенно популярен в среде сибирских ученых. В этой связи можно отметить серию публикаций «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особое» (Фронтир в истории…, 2001–2003), а также историографические труды смежной проблематики, наряду с конкретно-историческими исследованиями.

Скажем, в кандидатской диссертации красноярского историка О.С. Хромых «Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой трети XVII века в свете теории фронтира» реализована на конкретном историческом материале концепция трех стадий фронтира – внешнего, внутреннего и внутренне-цивилизационного – в контексте социально-пространственного анализа. Здесь, прежде всего, речь идет о внешнем фронтире как появлении контактных зон между пришлым и коренным населением; внутреннем – как процессе вхождения новой территории в состав Российского государства, содержанием которого является тесное взаимодействие и взаимовлияние различных культурно-хозяйственных типов и этносов. Наконец, в условиях внутренне-цивилизационного фронтира происходит формирование и институционализация новой общности на основе различных типов взаимодействия. Представляется, принципиально важным подчеркнуть то, что вышеприведенные три стадии фронтира в Сибири происходили не последовательно одна за другой, а одновременно, хотя присутствовали и определенные региональные различия[1].

Сложность и неоднозначность социально-экономического измерения фронтира показывает доказанная российскими историками многоукладность экономики России и Сибири, где рядом с рыночными отношениями сохранялись и отсталые – архаичные. Такое явление, кстати, было присуще и американскому фронтиру (Резун, Шиловский, 2005).

Необходимо отметить и тот факт, что региональному компоненту фронтира придается все большее значение в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Это обусловлено тем, что новые парадигмы сущности современных международных отношений определили и новые мировоззренческие контексты таких понятий, как пространство и время в эпоху постмодерна, глобализационные и интеграционные процессы, межкультурные коммуникации, транснационализм, а также ряд новых, не известных ранее, взаимосвязей внутренней и внешней политики. Иными словами, значение фронтирной теории в изучении современных геополитических процессов постоянно растет. Особенно это заметно в региональных геополитических измерениях.

[1] Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронтира : дис. ... на соиск. ученой степ. канд. ист. наук. Томск, 2008. 270 с.

Таким образом, теория фронтира за все время своего существования с конца XIX века и до наших дней претерпела множество изменений и дополнений, но до сих пор остается востребованной и актуальной в среде ученых-историков именно благодаря таким изменениям.

Для анализа были избраны работы А.М. Анфимова (Анфимов, 1961) и М.А. Давыдова (Давыдов, 2011), посвященные вопросам землеустройства в Российской империи; исследования М.К. Чуркина (Чуркин, 2006), труды Д.Н. Белянина (Белянин, 2011a; Белянин, 2011b) о переселенческой политике; публикации А.В. Ремнева (Ремнев, 1997) и И.Л. Дамешек (Дамешек, 2002), осветившие вопросы региональной политики дореволюционной России.

Работа выполнена с использованием как общенаучных методов, так и специальных методов исторической науки. В зависимости от выполнения поставленных задач использовались сравнительно-исторический, статистический, проблемно-хронологический, логический и другие методы. Междисциплинарный подход дал возможность использовать широкий круг методов других наук, в частности социологии и демографии. Такое сочетание, на наш взгляд, обеспечило всестороннее изучение поставленной проблемы и получение обоснованных результатов исследования.

Сибирь в территориальном пространстве Российской империи всегда занимала особое место. На наш взгляд, она стала ее составляющей еще в середине XV в., когда окрепший в военном отношении московский государь начал забирать в свои руки земли бывшей Золотой Орды. Феномен этого завоевания проявился в том, что православная держава захватывала территорию Сибирского ханства – значительной части еще недавно могущественной исламской империи (Каппелер, 2004). Однако период ее освоения оказался самым длинным, если сравнивать с другими землями, которые входили в состав Российского государства, как в силу природно-географических особенностей края, удаленности от столичного центра, отсутствия дорог, холодного климата, так и вследствие запоздалого осознания властью значения Сибири в политическом и экономическом пространстве империи. Интенсивная колонизация этого региона в XIX веке началась под давлением не столько внутренних, сколько внешних факторов, когда в результате новой геополитической ситуации, сложившейся после поражения России в Крымской войне, интерес к Сибири возрос со стороны государств-победительниц и, прежде всего, Великобритании. Ускорялся он и из-за интереса к этому краю со стороны японцев, корейцев и китайцев, нападения которых становились все более частыми (Азиатская Россия..., 2004). Укрепить здесь военно-политическое присутствие России призвано было крестьянское заселение, осуществить которое после ликвидации крепостничества и личного освобождения крестьян было гораздо легче, чем до 1861 г.

Основным фактором массовой миграции крестьян на Восток стала острая социальная проблема, спровоцированная экстенсивным характером хозяйствования в стране. Опутанные кабальными выкупными платежами, непомерными налогами и отработками, русские крестьяне больше всего терпели от малоземелья и безземелья. Увеличить доходность крестьянских хозяйств могла аренда земли у помещиков. Однако те вскоре отказались сдавать ее за отработки и переводили крестьян на денежную форму аренды, оказавшейся непосильной для большинства земледельцев. Поскольку стоимость земли росла, то увеличивалась соответственно ее оплата, вследствие этого она быстро распространилась и вовсе вытеснила отработочную аренду в большинстве российских губерний (Анфимов, 1961).

Послереформенная демографическая ситуация, вследствие которой произошел высокий естественный прирост, прежде всего, среди крестьян, привела к увеличению сельского населения, а ускоренный рост численного состава каждой семьи вел к дроблению хозяйств, которые из-за медленного роста рыночных отношений не могли обеспечить достойное благосостояние своих семей (Бакшеев, 2016).

Уменьшение размеров приусадебных участков было связано также с преобладанием у кресть-

янства индивидуального способа ведения хозяйства, традиции наследовать землю через ее деление. В среднем по губерниям надел на ревизскую душу стремительно уменьшался. Способствовала миграциям и форма подворного землевладения, присущая, например, малороссийским крестьянам, которая делала их мобильнее по сравнению с общинными. К этому добавилась низкая урожайность почв, которая была характерна, прежде всего, для губерний нечерноземной полосы. Именно поэтому переселенческое движение в конце 1880-х гг. распространилось сначала на малороссийские губернии, а затем на Кубань и уезды центральных российских губерний.

Также слабо развивались местная обрабатывающая промышленность и промыслы, где крестьянство могло подрабатывать хотя бы временно и таким образом улучшить свой материальный достаток. Поисками работы на стороне – в городах, на заводах и фабриках, на сезонных подработках – в конце XIX века занимались тысячи и тысячи свободных сельских жителей, пополняя ряды и без того огромной армии безработных. Кроме этого, статистика оперировала и таким показателем ухудшения положения крестьян как рост их задолженности по выплатам различных налогов и кредитов, доходивших в отдельных хозяйствах до 20 % от годового дохода, что также свидетельствовало об их затруднительном положении (Чуркин, 2006).

Социальную напряженность обостряли также неурожаи, угроза голода, недоедания и болезни, заставляя крестьян искать новые земли. Тысячи семей, не находя достаточных средств к существованию, стихийно переезжали в неизвестные края и становились переселенцами.

Важным фактором миграции была и ментальность российских крестьян, которые изначально были привязаны к земле и в основной своей массе именно ее считали единственным источником богатства и изобилия. Они не приобрели привычки заниматься другим трудом, и поэтому не видели собственной выгоды, чтобы принимать участие в промышленном развитии и продолжали традиционно отдавать предпочтение сельскому хозяйству. Их отпугивала душная атмосфера города с непохожим образом жизни и непонятным производством. Русский крестьянин традиционно держался «за старину» и был очень религиозен. К тому же слабая урбанизация большинства российских городов не могла предложить им достаточного количества рабочих мест (Бакшеев, 2015).

К необразованности крестьян и их политическому безразличию прилагалась наивность, спровоцированная слухами о немереных богатствах Сибири, ее свободных землях, которые можно недорого купить, реках, переполненных рыбой, и пастбищах с густой и сочной травой для скота.

Интенсивное переселение в Сибирь началось с 1880-х гг., однако первый переселенческий поток в Сибирь еще не был столь сильным. Следующий период характеризовался более высокими темпами. Так, в течение 1894–1900 гг. в азиатскую Россию, в Сибирь выехали 97 % от общего количества мигрантов. Правительство активизировало вмешательство в организацию переселения, формируя его районы: Тургайско-Уральский, Тобольский, Акмолинский, Семипалатинский, Томский, Енисейский, Приморский и Семиреченский, распределяя их на меньшие участки. Для регулирования и координирования миграции была создана специальная государственная структура – Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел (1896–1905 гг.), которое разослало губернаторам специальный циркуляр. В нем указывалось всем местным государственным учреждениям всемерно способствовать успешному «ходу переселенческого дела» с целью ослабить «...аграрное движение среди сельского населения Европейской России за счет выселения излишков населения в азиатские окраины империи» (Белянин, 2011а).

На темпы переселения заметно повлияла и постройка Транссиба (1891–1916 гг.), которая связала европейскую часть Российской империи с Дальним Востоком, значительно потеснив морской и гужевой транспорт, который раньше использовали переселенцы.

Численность и темпы миграции позволяют выделить еще один этап в освоении сибирских земель, в котором особое место по массовости занимает так называемый столыпинский период, кото-

рый начался после 1906 г. Для этого этапа была характерна смена социального состава крестьянства, ибо в переселенческое движение включилась самая бедная его часть, которая, не дожидаясь государственных дотаций, активно пыталась уехать на восток России. Для нее уже не нашлось таких плодородных земель, как для их предшественников, и она преимущественно вынуждена была осваивать худшие земельные массивы и в более отдаленных местах. Недаром в одной из агиток 1909 г. указывалось, что таким людям следует отказаться от мысли о переселении.

Расчеты численности переселенческого движения в государственной и земской статистике начального периода практически не велись, и исследователи могут рассчитывать только на цифровые данные, начиная с 1896 г., когда был налажен официальный централизованный учет переселенцев. Так, еще в 1859–1870 гг. в Сибирь и на Дальний Восток мигрировали 129,2 тыс. человек. Больше всего в Сибирь переселялось в период 1905–1914 гг. особенно интенсивно с 1908 г. Большинство исследователей в подсчетах численности переселенцев за Урал до Первой мировой войны склоняются к цифре в 2,5 млн человек (Давыдов, 2011).

Стихийность крестьянского выезда на Восток ломала предыдущие законодательные нормы, в частности правила 1843 г., да и положение 1861 г. Именно последнее лишало помещичьих крестьян права, особенно в первые годы, ухода на новые земли с наказанием до трех месяцев заключения за самовольное переселение. Это заставило власть приступить к выработке новых законодательных норм. Наиболее значимым стал указ от 13 июня 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», а именно в Тобольскую и Томскую губернии, Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. Согласно этому закону, крестьяне могли переселяться только по разрешению министерства внутренних дел и государственных учреждений, которые определяли наличие свободных участков и сопоставляли их с просьбами переселенцев, которые те подавали губернаторам.

Важно отметить, что земля предоставлялась в постоянное пользование, о чем указывалось в соответствующем земельном акте, где отмечались также ее пределы и порядок уплаты средств за пользование ею. Наделы не отбирались и не облагались непомерными сборами. Первые три года крестьяне полностью освобождались от государственного налогообложения и арендных платежей. В следующие три года выплачивалась только половина от установленных размеров. К тому же вводилась отсрочка переселенцам от исполнения воинской повинности на три года. Мигранты имели право на разовый беспроцентный кредит для закупки продуктов и посевных семян (Дамешек, 2002).

Этот закон постоянно дополнялся инструкциями Переселенческого управления, которое уточняло и направляло крестьянские потоки путем формирования движения поездов, установления очереди их отправлений, отдельно для каждой губернии с разделением соответствующих регионов на шесть категорий. Главным критерием здесь были природные характеристики, связанные с началом наводнения, открытием навигации на Иртыше и Оби и тому подобное.

Переселение происходило в основном в феврале, марте и апреле, чтобы люди прибывали к месту поселения с наступлением там весны; в октябре, ноябре и декабре поток переселенцев сокращался. Впоследствии сроки отъездов были строго регламентированы: с 10 марта по 20 июля. В инструкциях также подробно описывались документы, которые крестьяне должны были иметь при себе, чтобы рассчитывать на льготы со стороны государства (Дорофеев, 2007).

Для регулирования миграционных потоков создавались соответствующие местные государственные структуры – губернские и уездные землеустроительные комиссии, которые в соответствии с законом от 6 июня 1904 г. и одобренным императором Николаем II Положением Совета министров от 10 марта 1906 г., наделялись правом командировать уполномоченных и ходоков для выбора земли за Уралом. Им для поездок предоставлялись определенные льготы. Желающие переселиться

должны были зарегистрироваться, каждые четыре семьи выделяли ходока, которые отбирали землю на поселение, учитывая, что она наделяется на каждого члена семьи. Ходоки выбирались из состава состоятельных семей из-за значительных дорожных расходов, ведь поездка длилась не менее двух месяцев. Через них власть пыталась также регулировать темпы переселения, то предоставляя льготы, то лишая их (Бакшеев, 2015. С. 12).

Во время столыпинской аграрной реформы политика переселения приобрела более четкий, организованный и направленный характер. Предлагалось организовывать в Сибири даже торги за отдельные участки, и только после этого переселенец должен был ехать занимать выкупленную землю. Чтобы подготовить крестьян к переезду, ознакомить их с новыми условиями хозяйствования, Переселенческое управление начало издавать тысячными тиражами соответствующую литературу. В частности в 1907 г. было напечатано 130 тысяч книг с 400 тысячами пояснений. Государство не скупилось на обещания, когда речь шла о законном переезде. Оно обязывалось обеспечить льготную перевозку мигрантов, снизить железнодорожный тариф на их багаж и домашних животных, устроить быстрое поселение и наделение землей, снять недоимки, долги земских сборов на пять лет, выдать беспроцентные кредиты каждой семье до 165 руб. (Бакшеев, Филимонов, Ноздрин, 2019).

Представляется интересным, в частности, описание, как одной из перспективных, Енисейской губернии, ее мягкого климата и черноземной земли, которая дает высокие урожаи. Власть обещала, что выращенный хлеб переселенцы смогут продавать в большом количестве рабочим золотых приисков и заводов, которым он постоянно требуется. Однако жизненные реалии далеко не всегда соответствовали агитационным призывам. Действительно, тем переселенцам, которые имели свидетельства на выделенные земли, предоставлялись льготы на проезд и перевозку багажа, однако их лишались те, кто ехал без них. Однако все они, и те, и другие, одинаково страдали от антисанитарных условий в поездах, вызванных длительностью переезда, скоплением большого количества людей без элементарных бытовых условий (Белянин, 2011а).

Также крестьяне далеко не всегда могли воспользоваться льготами, часто опаздывали, потому что не успевали распродать имущество до установленного срока, тогда выезжали самовольно и фактически обворовывали самих себя, ведь они не имели ни льготных свидетельств на проезд, ни кредитов на обзаведение хозяйством, ни выделенных для них участков. Более того, переселенцы часто уже по дороге меняли места поселения, нарушая требования проездных документов. Самовольными переселенцами становились также те крестьяне, которые не уезжали в назначенные сроки и те из членов семьи, что по каким-то причинам не были внесены в льготные удостоверения. Статистики отмечали, что по сравнению с 1895–1896 гг. численность самовольных переселенцев значительно увеличилась и на 1908 г. в некоторых губерниях она составляла больше половины приезжих. В частности в Тургайской области число переселенцев составляло 80 %, а в Семипалатинской – даже 90 % (Храмков, 2014).

С начала XX в. в правительстве империи все чаще и увереннее начали звучать новые задачи по переселенческому движению, которые кроме колонизации предусматривали и другую цель. «Новая точка зрения на колонизационный вопрос в Сибири заключается в том, чтобы поставить главной задачей переселенческой политики не выселение трудовых масс с родины, а заселение окраин русскими людьми» (Ремнев, 1997). Таким образом, задача переселения заключалась не столько в борьбе с сомнительным малоземельем, сколько сводилась к проблеме быть или не быть «России великой».

Колонизация стала важным компонентом имперской политики, а крестьяне должны были бы стать эффективными проводниками идеи «единой и неделимой России». Речь шла о том, чтобы совместить колонизацию Сибири с ее русификацией и таким образом укрепить военно-политическое присутствие в этом стратегически важном регионе России. Имперский центр выбрал довольно своеобразный и вместе с тем надежный метод самоза-

щиты, противопоставляя его лидерам и идеологам сибирской областнической идеи с ее сепаратистскими настроениями, которая начала набирать вес и широко распространилась в регионе после осознания сибиряками собственного экономического и культурного своеобразия (Бакшеев, Филимонов, Рахинский, 2019). Государство отказалось от роли пассивного наблюдателя и подчинило переселение имперскому освоению и укреплению окраин, законодательно стимулировало и регулировало его, обращая наибольшее внимание на православие и «русскость».

* * * * *

Результаты анализа переселенческих процессов в Сибири в конце XIX – начале XX века показали, что, бесспорно, Сибирь в эпоху имперской модернизации этого периода является ярким примером фронтира.

Использование концептуальных подходов теории фронтира позволяет расширить понимание предмета и объекта исторической регионалистики, учитывая то, что современный этап исторического развития регионологии привлекает внимание ученых-историков, прежде всего, с точки зрения становления новых методологических подходов, поисков путей интеграции цивилизационной системы и региональной науки. В этом отношении история четко свидетельствует, что Сибирь является краем сплошного фронтира, причем использование соответствующих подходов позволяет скорректировать уже устоявшиеся представления даже при достаточной степени исследования истории региона.

Библиографический список

Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М. : Наука, 2004. 600 с.

Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961. 184 с.

Бакшеев А.И. К вопросу о характере «колониальной зависимости» Сибири в XIX – первой четверти XX вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–13.

Бакшеев А.И. Социально–психологическое мышление сибирского крестьянства в период НЭПа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 11–13.

Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Ноздрин Д.А. Административно-территориальная политика Российской империи в Сибири // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 81–84.

Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Рахинский Д.В. Дискурс сибирской суверенизации: от областничества к современной модернизации территориального устройства // Социально–политические науки. 2019. № 1. С. 66–70.

Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011b. № 1. С. 86–95.

Белянин Д.Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. //

References

Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I, Poberezhnikov I.V. (2004) Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the XVI–XX century. Moscow: Nauka. 600 p. (In Russ.)

Anfimov A.M. (1961) Land lease in Russia at the beginning of the XX century. Moscow. 184 p. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2016) On the nature of the “colonial dependence” of Siberia in the XIX – first quarter of the XX centuries. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Modern science: actual problems of theory and practice. Ser.: Humanities. No. 1. P. 9–13. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2015) Socio-psychological thinking of the Siberian peasantry during the NEP period. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and socio-educational thought. Vol. 7. No. 8. P. 11–13. (In Russ.)

Baksheev A.I., Filimonov V.V., Nozdrin D.A. (2019) Administrative and territorial policy of the Russian Empire in Siberia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = Humanities, socio-economic and social sciences. No. 4. P. 81–84. (In Russ.)

Baksheev A.I., Filimonov V.V., Rakhinskii D.V. (2019) Siberian Discourse of sovereignty: from regionalism to contemporary modernization of the territorial organization. *Sotsial'no-politicheskie nauki* = Social and Political Sciences. No. 1. P. 66–70. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2011b) Resettlement of peasants in Siberia during the Stolypin agrarian reform. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History. No. 1. P. 86–95. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2011a) Contradictions in the implementation of migration policy in Siberia at the turn of the

Гуманитарные науки в Сибири. 2011а. №. 1. С. 27–30.

Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 56–72.

Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. 389 с.

Дорофеев М.В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) // Вестник ТГУ. 2007. № 303. С. 69–73.

Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 95–96.

Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск: Омский государственный университет, 1997. 253 с.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И. Герасимов и др. Казань, 2004. С. 180–200.

Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1 (72). С. 189–193.

Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.

Храмков А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2014. 328 с.

Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2006. 376 с.

Barfield Th. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. – Oxford, 1989. 255 p.

XIX–XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibir*i = Humanitarian Sciences in Siberia. No. 1. P. 27–30. (In Russ.)

Davydov M.A. (2011) land management Statistics during the Stolypin agrarian reform. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History. No. 1. P. 56–72. (In Russ.)

Dameshek I.L. (2002) Siberia in the system of Imperial regionalism (comparative study of Russia's marginal politics in the first half of the XIX century). Irkutsk: Ottisk. 389 p. (In Russ.)

Dorofeev M.V. (2007) Land reform in Siberia 1896–1916 (aspects of the relationship between the government and the peasantry). *Vestnik TGU* = Bulletin of Tomsk State University. No. 303. P. 69–73. (In Russ.)

Kappeler A. (2004) Formation of the Russian Empire in the XV–early XVIII century: the legacy of Russia, Byzantium and the Golden Horde. *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive* = The Russian Empire in comparative perspective. Moscow. P. 95–96. (In Russ.)

Kappeler A. (2003) Southern and Eastern frontiers of Russia in the XVI–XVIII centuries. Ab Imperio. No. 1. P. 47–64. (In Russ.)

Rezun D.Ya., Shilovskii M.V. (2005) Siberia, the end of the XVI – beginning of the XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes. Novosibirsk. 193 p. (In Russ.)

Remnev A.V. (1997) Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX centuries. Omsk: Omsk state University. 253 p. (In Russ.)

Riber A. (2004) Changing concepts and designs of the frontier: comparative-historical approach. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* = The new imperial history of the post-Soviet space. Kazan'. P. 180–200. (In Russ.)

Soboleva T.N., Bobrov D.S. (2011) Modern Russian historiography of the frontier concept. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = News of the Altai State University. No. 4–1 (72). P. 189–193. (In Russ.)

Terner F.Dzh. (2009) Frontier in American history. Moscow: Ves' Mir. 304 p. (In Russ.)

(2001–2003) Frontier in the history of Siberia and North America in the XVII–XX centuries: General and special. Novosibirsk, Iss. 1–3. (In Russ.)

Khramkov A.A. (2014) Essays on the history of the peasantry of Siberia in the early twentieth century. Barnaul: Altai State University. 328 p. (In Russ.)

Churkin M.K. (2006) Migration of peasants of the black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation. Omsk : Omsk State Pedagogical University. 376 p. (In Russ.)

Barfield Th. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. – Oxford, 1989. 255 p.

Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928−1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.

MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500. – MacMillan Publishing Company, 1977. 288 p.

Power D. Introduction: Frontiers: Terms, Concepts, and the Historians of Medieval and Early Modern Europe//Daniel Power et al. (eds.): Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700, London 1999, pp. 1–31.

Sahlins P. Natural Frontiers Revisited: France's Boundaries since the Seventeenth Century// American Historical Review. 1990. №95/5. pp. 1423–1451.

Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History and Other Essays. With Commentary by John Mack Faragher. – New York: Henry Holt & Company, 1994.

Webb W.P. The Great Plains. Lincoln, Nebraska, University of Nebraska Press, 1981, 525 p.

Критерии авторства

А.И. Бакшеев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Бакшеев Андрей Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации,
660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, Россия,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928−1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.

MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500. – MacMillan Publishing Company, 1977. 288 p.

Power D. Introduction: Frontiers: Terms, Concepts, and the Historians of Medieval and Early Modern Europe//Daniel Power et al. (eds.): Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700, London 1999, pp. 1–31.

Sahlins P. Natural Frontiers Revisited: France's Boundaries since the Seventeenth Century// American Historical Review. 1990. №95/5. pp. 1423–1451.

Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History and Other Essays. With Commentary by John Mack Faragher. – New York: Henry Holt & Company, 1994.

Webb W.P. The Great Plains. Lincoln, Nebraska, University of Nebraska Press, 1981, 525 p.

Attribution criteria

A.I. Baksheev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Andrey I. Baksheev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation,
1, Partizan Zheleznyak street, Krasnoyarsk 660022, Russia,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571)«1904/1905»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-141-152

Генерал П.К. фон Ренненкампф на фронте Русско-японской войны глазами иностранцев

© Р.Г. Гагкуев[a], А.В. Миргородский[b]

[a] Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва, Россия
[b] Администрация города Таганрога, г. Таганрог, Россия

Аннотация: Статья посвящена генералу от кавалерии П.К. фон Ренненкампфу и его образу, сложившемуся в России и за рубежом благодаря участию в Китайском походе 1900–1901 гг. и Русско-японской войне 1904–1905 гг. При написании материала задействованы российские переводы иностранных авторов, а также зарубежные издания начала XX в., в которых проанализирован опыт Русско-японской войны и даны оценки русских военачальников. Среди газетной периодики использованы материалы германских и французских газет периода Русско-японской и начала Первой мировой войны. На примере генерала Ренненкампфа показано формирование образа успешного русского генерала-кавалериста в российском обществе и в среде военных за границей. Особое внимание уделено публикациям будущих противников России по первой мировой войне – германских военных писателей Э. фон Теттау и Р. Ульриха, лично знакомых с Ренненкампфом. Также рассмотрены публикации военных стран союзников России по Антанте. Среди последних необходимо выделить работы А. Нисселя – переводчика сочинения Ренненкампфа о Мукденском сражении и будущего главы Французской военной миссии в России в 1917–1918 гг. Приведены выдержки из переписки генерала Ренненкампфа с зарубежными военными специалистами – Р. Ульрихом и А. Нисселем. В заключение показано несоответствие заслуженной Ренненкампфом в военных кампаниях предыдущих лет славы и новых условий Первой мировой войны. В то же время, несмотря на его отставку уже в начале новой войны, репутация Ренненкампфа как военачальника некоторое время продолжала сохраняться.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., генерал П.К. фон Ренненкампф, 1-я армия Северо-Западного фронта, наступление русской армии в Восточной Пруссии, барон Э. фон Теттау, Р. Ульрих, А. Ниссель, Д. Стори, иностранцы о русской армии, военные мемуары

Информация о статье: Дата поступления 30 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Гагкуев Р.Г., Миргородский А.В. Генерал П.К. фон Ренненкампф на фронте Русско-японской войны глазами иностранцев // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 141–152. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-141-152

General Paul von Rennenkampf on the frontline of Russo-Japanese War through foreigners' eyes

© Ruslan G. Gagkuev[a], Alexander V. Mirgorodsky[b]

[a] Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[b] Taganrog Local Government, Taganrog, Russia

Abstract: The article focuses on General of the Cavalry Paul von Rennenkampf and his image, which was formed in Russia and abroad following the invasion of Manchuria in 1900–1901 and the Russo-Japanese War of 1904–1905. When putting this paper together, we have used translations of foreign authors and publications of the early 20th century that analyze the experience of the Russo-Japanese War and give the appraisals of Russian military officials. Sources from German and French newspapers

published during Russo-Japanese War and the early stages of the First World War. The formation of a successful cavalry general's image in Russian society and among military leaders abroad has been shown through the example of Rennenkampf. Special attention has been given to publications by Russia's future adversaries in the upcoming First World War – German military writers Eberhard von Tettau and Richard Ullrich, who were familiar with the General. This research article also examines publications made in the countries of the Entente Alliance. The works by Henri Niessel are a particular highlight: French general translated Rennenkampf's book about the Battle of Mukden and served as chief of the French military mission in Russia in 1917–1918. The article provides extracts from correspondence between General Rennenkampf and foreign military experts – Richard Ullrich and Henri Niessel, and concludes a disparity between the glory earned by Rennenkampf during his earlier military campaigns and new realities of the First World War. At the same time, in spite of his dismissal in the early stage of the new war, Rennenkampf's reputation as a military official for some time remained unchanged.

Keywords: Russo-Japanese War of 1904–1905, First World War of 1914–1918, General Paul von Rennenkampf, 1st Army on the Northwestern Front, Russian invasion of East Prussia, Baron Eberhard von Tettau, Richard Ullrich, Henri Niessel, Douglas Story, foreigners about Russian Army, wartime memoirs

Article info: Received April 30, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Gagkuev R.G., Mirgorodsky A.V. (2020) General Paul von Rennenkampf on the frontline of Russo-Japanese War through foreigners' eyes. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 141–152. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-141-152

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала первым большим военным конфликтом XX столетия с применением новых видов вооружения. Гораздо более масштабная чем Англо-бурская война 1899–1902 гг., проходившая на суше и на море, она привлекла внимание военных всех главных армий мира. В недалеком будущем многим из них предстояло сойтись во время Первой мировой войны по разные стороны фронта, используя изученный ранее опыт войны между Россией и Японией.

Война для России закончилась поражением, на что в немалой степени повлияли и внутриполитические события. Многие из ее рядовых участников спустя десятилетие выдвинулись на первые роли на фронте начавшейся мировой войны. Среди них по праву можно назвать М.В. Алексеева, В.И. Гурко, П.А. Лечицкого, Н.Н. Юденича и др. И напротив, те кто стал известен в России во время войны с Японией, на фронтах Первой мировой потерпели неудачу или затерялись. Среди последних военачальников на слуху были фамилии генералов-кавалеристов – А.В. Самсонова, П.И. Мищенко и П.К. фон Ренненкампфа. Фигура последнего представляется особенно интересной, как одного из немногих русских офицеров, получивших довольно большую известность за рубежом.

Наблюдая за боевыми действиями в Китае, будущие союзники и противники безусловно, характеризовали и русскую армию, и ее военачальников – будущих противников и союзников в мировой войне. Военные наблюдатели, агенты разведок и специальные корреспонденты стремились собрать как можно больше информации для размышлений и выводов. Среди тех русских военачальников, о ком и в ходе войны и после нее писали особенно много, был генерал-лейтенант *Павел Карлович фон Ренненкампф* (1854–1918) (подробнее см.: Генерал Ренненкампф, 2017). Его известность в России и в мире была связана с участием в подавлении Боксерского (Ихэтуаньское) восстания в Китае 1898–1901 гг. Китайский поход 1900–1901 гг. для военный карьеры Ренненкампфа был более чем успешным. Ордена святого Георгия 4-й и 3-й степеней и публикации в прессе сделали его по настоящему знаменитым в России. Ко времени начала войны с Японией он получил славу одного из наиболее успешных русских кавалерийских начальников. Во время войны с Японией за боевые отличия Ренненкампф был произведен в генерал-лейтенанты. Наибольшую же известность ему принесли рекогносцировки во главе Забайкальской казачьей дивизией (во время одной из них под Ляояном, 30 июня 1904 г. он был тяжело ранен в ногу) и участие во главе Цинхеченского отряда в Мукденском сражении.

Накануне Первой мировой войны Ренненкампф, произведенный в 1910 г. в генералы от кавалерии, командовал Виленским военным округом, а с ее началом возглавил сформированную из войск округа 1-ю армию Северо-Западного фронта. 7 августа 1914 г.[1] его армия одержала победу над германскими войсками при Гумбиннене. Последовавший затем разгром немцами 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова надолго закрепил за Ренненкампфом сомнительную славу «не пришедшего на помощь» гибнущим русским войскам. Дальнейшие действия генерала в ноябре 1914 г. во время Лодзинской операции Северо-Западного фронта привели к снятию его с командования и выходу в 1915 г. в отставку.

Тем не менее до начала мировой войны авторитет Ренненкампфа был достаточно высок. Колоритная фигура русского военачальника привлекла внимание ряда иностранных наблюдателей, оставивших о нем много подробностей в своих военных и военно-исторических трудах. Известен он был и обывателям в странах Европы. Так, еще в начале прошлого века французская кондитерская фирма «Chocolat Guerin-Boutron» выпустила серию миниатюрных открыток-карточек с изображением знаменитых военных деятелей. В числе пятнадцати русских адмиралов и генералов, под № 86 было опубликовано изображение генерала Ренненкампфа (рис. 1–2).

Немало писала о нем и зарубежная пресса. Так, «Берлинер Тагеблатт», освещая Китайский поход исключительно высоко оценивала действия русского генерала. «Быстрота и отвага, в которой генерал Ренненкампф вторгся во вражескую страну и отбросил противника, привлекли внимание всей России к этим храбрым войскам, успехи которых заслужили того, чтобы называться удивительными, – писал немецкий корреспондент из Санкт-Петербурга. – Колонна Ренненкампфа была бы давно обескровлена и потеряна, если бы она имела дело с любым другим врагом, кроме китайцев. […] Страх китайцев был так велик, что они сдали великолепно вооруженный и снабженный Гирин еще до подхода войск Ренненкампфа. В течение пятидесяти дней небольшой кавалерийский отряд Ренненкампфа постоянно находился в наступлении. За июнь – июль у врага было отобрано 75 орудий. Только благодаря генералу Ренненкампфу и блестящему моральному состоянию его войск китайцы потеряли в Манчжурии всю энергию и последнюю волю к сопротивлению» (Berliner Tageblatt. 16. Oktober 1900).

Немецкая газета «Таг» в марте 1904 г. также в превосходных тонах характеризовала действия Ренненкампфа в начале войны с Японией. «Главнокомандующим недавно сформированной Забайкальской казачьей дивизии был назначен бригадный генерал фон Ренненкампф – знаменитый офицер, в возрасте всего 49 лет… – писал обозреватель газеты. – Бригадным генералом он стал в 46 лет. Дивизию пришлось формировать из того, что было. Офицерский корпус этой дивизии состоит в значительной степени из офицеров запаса или находящихся в отставке, за исключением командиров и штаб-офицеров. Четыре полка сибирских казаков дали полкам названия и половину своих войск. Именно таким образом был, например, сформирован 2-й Нерчинский полк… Сформировать их, обучить дисциплине и службе нелегко. Однако у генерала фон Ренненкампфа это получится. Он отличается энергичным характером и целеустремленностью, такой же строгостью по отношению к самому себе, как и к своим подчиненным. Его изысканный и по-настоящему воинственный вид, а также выдающаяся манера верховой езды – все это обязательно сразу же произведет впечатление на его подчиненных» (Der Tag. 4. März 1904).

Наиболее же значимым для европейской известности Ренненкампфа стала публикация на немецком (Rennenkampf, 1909) и французском (Rennenkampf, 1910) языках его книги о Мукденском сражении (Ренненкампф, 1908). С сочинением Ренненкампфа смогли познакомиться по обе стороны будущего Западного фронта Первой мировой войны – и в Германии, и во Франции.

Наибольшее внимание к Ренненкампфу проявили будущие противники России по мировой войне. В Германии написанное Ренненкампфом

[1] Здесь и далее даты приведены по Юлианскому календарю (старому стилю).

Рис. 1–2. Генерал П.К. Ренненкампф на лифлете шоколада «Герен-Бутрон». Цветная литография. Франция, 1900-е гг.

Fig. 1–2. General Paul von Rennenkampf on a Guerin-Boutron chocolate leaflet. Colored lithograph. France, early 1900s

«Мукденское сражение» было подготовленно к печати уже на следующий год после выхода русского издания известным военным деятелем бароном Э. фон Теттау[2]. В начале XX в. в Германии он был одним из главных специалистов по России и русской армии, выпустив несколько десятков книг по этой теме. Находясь на фронте в Манчжурии, Теттау лично немало общался с Ренненкампфом, оставив его характеристику в своих работах по истории войны. Инициатива переиздания труда о Мукденском сражении принадлежала самому Теттау, сделавшему перевод книги на немецкий язык и написавшего обширное предисловие, вводящее германского читателя в курс дела.

В 1907–1908 гг. на немецком (Tettau, 1907) и русском языках (Теттау, 1907) он опубликовал два тома своей книги личных впечатлений о русско-японской войне – «Полтора года с русскими войсками в Маньчжурии», – в которой в числе прочих рассказывал и о генерале Ренненкампфе. В опубликованной в 1913 г. также сразу в Германии и России работе «Куропаткин и его помощники» (Tettau, 1913), Теттау двойственно оценивал его деятельность. «Ренненкампф, который на бумаге числился начальником Забайкальской дивизии и со времени подавления боксерского восстания пользовался репутацией выдающегося кавалерийского начальника, – характеризовал его автор. – […] Бесспорно, как Мищенко, так и Ренненкампф были деятельными офицерами, относившимися очень строго к своим обязанностям, и в этом отношении выделялись над большей частью остальных генералов» (Теттау, 1913. С. 53). Но при этом Теттау не обходился и без критики: «…Выдающейся репутацией, как отличного кавалерийского начальника, пользовался на театре войны *генерал Ренненкампф.* …Этот генерал также… превосходил, пожалуй, большую часть остальных генералов в энергии и настойчивости. Но что касается важнейшей кавалерийской добродетели – проявлении инициативы, то и в отношении генерала Ренненкампфа, при всем желании, трудно найти ее в его действиях. […] Во всех действиях отряда Ренненкампфа мы видим, что соприкосновение с неприятелем теряется им весьма часто без всяких уважительных причин» (Там же. С. 126–127).

В вышедшей накануне Первой мировой войны обзорной работе «От Мукдена до Портсмута» Теттау положительно говорил о Ренненкампфе применительно к проведенным под его «личным руководством» разведках (Теттау, 1914. С. 48) и его авторитете в войсках. Оценивая подавление Ренненкампфом революционных выступлений в Забайкалье, Теттау называл его «…для подобной задачи был вполне подходящим человеком. […] Если этот генерал во время войны и не дал военных успехов, то все же он обнаружил достаточную энергию и пользовался доверием войск. Успех, которым пользовались его действия при усмирении забастовщиков, снова доказывает, что непослушные разнузданные массы можно укротить только сильными и беспощадными действиями, а никак не проявлением слабости» (Там же. С. 93, 104).

Еще одним немецким автором, активно освещавшим Русско-японскую войну, был офицер и журналист Р. Ульрих[3]. В 1904–1905 гг. он находился при русской армии в Манчжурии и, очевидно, как и многие другие, занимался разведкой и сбором информации. Ульрих также лично общался с Ренненкампфом, а по окончании войны переписывался с русским генералом при работе над своим военно-историческим трудом. В архиве семьи Ренненкампфов в Париже сохранилось несколько документов из их переписки, предоставленной им уже в эмиграции самим Ульрихом (SHD. 1 k 125 Papiers Rennenkampf. Carton № 3. Dossier 4)[4].

[2] *фон Теттау Эберхард* (1857–1922) – германский подполковник Генерального штаба, военный писатель; во время Русско-японской войны был прикомандирован к русской армии; автор ряда книг по истории Русско-японской войны и русской армии.

[3] *Рихард Ульрих* (1870–1960) – немецкий офицер и журналист. В 1910–1914 гг. корреспондент «Кёльнской газеты» (Köelnische Zeitung) в Санкт-Петербурге. В начале 1920-х гг. – начальник пресс-службы Германского посольства в Москве при графе У. фон Брокдорф-Ранцау. Совершил ряд учебно-ознакомительных поездок по Скандинавии, Балтике и Центральной Азии.

[4] Service historique de la Défense Château de Vincennes (SHD). 1 k 125 Papiers Rennenkampf. Carton № 3. Dossier 4. Письма генерала Ренненкампфа, адресованные Рихарду Ульриху, июль 1905 г.

Первое из писем, датированное 2 июлем 1905 г. было отправлено Ульриху из Хайлунченя, где в это время находился штаб 7-го Сибирского армейского корпуса, которым командовал Ренненкампф. Согласно комментарию к письму, данному, вероятнее всего, его вдовой, В.Н. фон Ренненкампф, оно было «написано на русском языке, столь оригинальным и характерным почерком, что разобрать его просто невозможно. В Виленском военном округе офицеры называли его "ренненкампфовской иероглификой"». Степень знакомства Ренненкампфа с Ульрихом подчеркивается обращением к нему в письме согласно русской традиции – по имени отчеству – «глубокоуважаемый Рихард Антонович». «Прежде всего я хотел бы сказать Вам, – писал Ренненкампф, – что я очень, в высшей степени ценю в Вас отсутствие корреспондента, и хочу отметить, насколько приятно было иметь дело с настоящим и превосходным офицером, который вел себя с нами так просто и по-товарищески: этим Вы меня к себе очень расположили. Я буду счастлив и рад, если у нас будет возможность встретиться снова. Ну а пока, я крепко и по-товарищески жму Вашу руку».

Второе письмо, датированное 13 июлем 1905 г., также было отправлено Ренненкампфом из Хайлунченя, уже «на немецком языке, готическим шрифтом». «Свое предыдущее письмо к Вам я написал по-русски, – писал Ренненкампф. – Однако у меня очень неразборчивый почерк, и этим своим письмом на русском языке я наверняка дал Вам трудную задачу. Я очень обрадовался получить отправленную Вами статью. Вчера… я получил Ваше новое письмо. Поскольку уже через две недели Вы планируете вернуться из Владивостока, спешу написать Вам, чтобы Вы успели получить мое письмо. Что же касается инцидента (не понятно, о чем именно писал Ренненкампф. – *Р.Г., А.М.*), то я Вам откровенно скажу, что сожалею о том, что узнал о нем два дня спустя. Я высказал свое мнение, и я считаю Вас настоящим офицером и честным товарищем. Меня очень огорчило то, что Вы уехали. Естественно, я в этом виню только [В.И.] Гурко, который, к сожалению, не всегда достаточно корректен. Короче говоря, это его ошибка. Я буду очень рад, если в будущем представится возможность Вас повстречать, пожать Вашу руку и выпить с Вами бокал вина. Я буду весьма признателен, если бы Вы прислали мне свои статьи, а также фотографии. Чего нам ждать от будущего? Мне было бы очень жаль, если все окончится здесь, так как я считаю, что мы должны энергично продолжать эту войну. Однако я очень боюсь, что японцы выдвинут такие скромные требования, что мы на них согласимся».

Хотя в книге Ульриха «Боевое крещение российской армии в войне 1904–1905 гг.» (Ullrich, 1910a) русскому генералу была посвящена целая глава, сказать, что приятельские отношения, установившиеся между автором и Ренненкампфом, как-то особо повлияли на ее содержание едва ли можно. Примечательно, что книга Ульриха была переведена на французский язык и вышла отдельным изданием в Париже (Ullrich, 1910b), что также сделало своеобразную рекламу Ренненкампфу в Европе. «Влияние, которое оказывает энергичная личность на русских солдат, я смог наблюдать на примере генерала фон Ренненкампфа, – писал Ульрих. – Несмотря на всю строгость, рядовой состав им очень восхищался, им гордились, и я часто слышал, как они говорили: "Это наш генерал". Да, и не только в его армейском корпусе, но и во всей армии о нем говорили с особым почтением, иногда даже с отголосками зависти и, как я всегда чувствовал, с уверенностью в победе. Ярким примером является случай с моим денщиком, бойцом 9-го полка, когда генерал фон Ренненкампф впервые увидел его и заговорил с ним. Денщик был очень обрадован и рассказал мне, что он запомнит тот день, когда с ним говорил знаменитый генерал, и то, что он ему сказал. Утверждалось, что японцы назначили за голову генерала награду в 200 000 рублей. Так ли было на самом деле, я не знаю; возможно, что это всего лишь слух, возникший в среде русской армии, но в любом случае это говорит о сильном впечатлении, которое эта личность на них оказывала. Китайцы почтительно называли его "генерал Ламаза", что значит "генерал-тигр"[5], а

[5] Возможно, искаженное кит. лаомаоцзы 老毛子 («почтенный волосатый») – так китайцы, проживавшие в

его собственные солдаты – “боевым генералом”. К сожалению, так можно было сказать лишь о немногих, зато о многих – полную противоположность» (Ullrich, 1910a. S. 241–242).

В 1907 г. одновременно в Вене (Wrangel, 1907a), Лондоне (Wrangel, 1907b) и Санкт-Петербурге вышла книга ротмистра австрийской службы графа К.Г. Врангеля[6]. В ней автор особо отмечал начальников русской кавалерии. «Высшим начальникам, которых в Русско-японскую войну судьба ставила во главе русской конницы, можно безусловно дать лучшую аттестацию, чем их подчиненным, – писал Врангель. – В генерале Ренненкампф безусловно были задатки вполне выдающегося кавалерийского генерала. […] Где он начальствует, там хоть что-нибудь да делается. […] Русская конница правого фланга, вероятно, заставила бы больше говорить о себе, если бы генерал Ренненкампф в первый же период Мукденской трагедии не был отозван для начальствования восточным отрядом, которому, по мнению генерала Куропаткина, угрожала наибольшая опасность» (Врангель, 1907. С. 7–8, 22–23).

Не обошлось без упоминания Ренненкампфа и в работах будущих союзников России по мировой войне. Французский капитан Генерального штаба А. Ниссель[7] по окончании Русско-японской войны выпустил работу о «тактических уроках» войны (Niessel, 1909), в 1906 г. переизданную в Санкт-Петербурге. Ниссель уже в это время был одним из ведущих французских специалистов по России, выпустив немало переводов и оригинальных работ, посвященных военным вопросам, связанным с нашей страной. В 1910 г. именно майор Ниссель стал переводчиком французского издания книги о Мукденском сражении, о чем свидетельствует сохранившееся к нему письмо от 1 (14) апреля самого Ренненкампфа: «Дорогой майор! Подтверждаю получение от издательства [“]Фурнье[”] пяти экземпляров моей книги в Вашем великолепном переводе, который я считаю безупречным, как и само издание в целом. Спешу выразить Вам, майор, свою бесконечную благодарность за Ваш труд и прошу принять мои заверения в лучших чувствах» (Savant, 1938. P. 23). Впоследствии, как один из лучших французских специалистов по русской армии, Ниссель в 1917–1918 гг. стал главой Французской военной миссии в России, оставив об этом периоде воспоминания. По его оценке, данной в работе о Русско-японской войне, «…в течение всего лета [1904 г.] Мищенко и Ренненкампф, поддержанные приданными им пехотными частями, задерживали шаг за шагом движение японских авангардов. Неблагодарная задача, выпавшая в это время на долю русской кавалерии, была решена ею успешно» (Ниессель, 1906. С. 22). Уже в 1930-х гг. Ниссель стал членом исторического общества «Друзей Ренненкампфа» («Les Amis de Rennenkampf»), занимавшегося восстановлением памяти генерала.

В 1907 г. в русском переводе вышла книга «Разведка во время Русско-японской войны», ранее опубликованная под псевдонимом «Азиатикус». В ней неизвестный офицер писал о Ренненкампфе как «энергичном начальнике». В разделе «Значение личности кавалерийского начальника» автор, подводя итог, заключал, что «личные качества кавалерийского начальника имеют громадное значение. Он должен обладать способностью внушить своим подчиненным желание победить во что бы то ни стало и смелостью принимаемых решений возбудить к себе доверие. Этими качествами обладал Ренненкампф, но проявить их в полной мере ему мешала плохая подготовка казаков» (Разведка во время Русско-японской войны, 1907. С. 38, 60–61). В 1911 г. в России была переиздана брошюра «Тактические выводы из боя под Тхавуан – Янзелином 18 (31) июля 1904 г.» под инициалами

Маньчжурии, иронично называли русских.

[6] *Врангель Карл Густав* (1839–1908) – граф, шведский писатель и коннозаводчик, офицер австрийской армии. В 1857 г. окончил Военную академию в Карлберге. В 1859 г. поступил на австрийскую службу, лейтенант; участник Австро-итало-французской войны (Второй войны за независимость Италии) 1859 г. В 1863 г. закончил военную службу, вернулся в Швецию.

[7] *Ниссель Анри Альбер* (1866–1955) – французский бригадный генерал (1915). В начале Первой мировой войны – полковник 4-го Зуавского полка; с 1915 г. командовал дивизией, позднее 9-м армейским корпусом. В 1917–1918 гг. – глава французской военной миссии в России.

оставшегося неизвестным капитана французской армии А. Н. В ней автор указывал, что рана «…полученная 30 июня (13 июля) генералом Ренненкампфом, вывела на несколько недель из строя лучшего начальника русской кавалерии, и последняя почти совершенно прекратила активные действия» (Тактические выводы…, 1911. С. 8).

Свои оценку Ренненкампфу во время Русско-японской войны дал и британский военный писатель Д. Стори[8]. «Генерал Ренненкампф – это генерал Френч[9] российской армии, – писал он еще во время Русско-японской войны в 1904 г. – Его обожают в казачьей дивизии, где он командует, как и всех тех офицеров, что дают своим солдатам достаточную возможность повоевать. Это лихой кавалерийский офицер, пренебрегающий опасностью, который получил два тяжелых ранения за время войны. Он любит бой, и где бы он ни был, его солдаты могут рассчитывать на интенсивную загрузку. Поскольку он командует кавалерийской дивизией, где требуется сохранять взвешенность и иметь ловкие руки, генерал отказывается выдавать своим офицерам и солдатам какой-либо алкоголь» (Story, 1904. P. 245).

Как видно, накануне Первой мировой войны генерал Ренненкампф получил довольно широкую известность не только в России, где о нем немало писала пресса, но и за рубежом. Конечно, за пределами страны он был известен сравнительно узкому кругу военных, которые, впрочем, в пределах своих возможностей популяризировали военные знания. По крайней мере, на основании их работ формулировалось представление в том числе общества, о военном потенциале России и ее военачальниках.

В этом свете показательна заметка «Генерал Ренненкампф», вышедшая в начале Первой мировой войны в одной из французских газет в сентябре 1914 г. в рубрике «Самые видные фигуры войны» (L'Impartial. №1244. Dimanche. 20 Septembre 1914). «Героем дня стал генерал фон Ренненкампф, командующий наступающими на Берлин казаками, – писал неизвестный корреспондент. – С берегов Вислы он бросился атаковать фортификационные сооружения на Одере, и, продвинувшись за Познань, в самом скором времени во главе 100-тысяч казаков будет угрожать Берлину». Вполне очевидно, что в этой искаженной информации нашло отражение наступление русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 г., имевшее своей задачей ослабить натиск германских войск на Париж. Ко времени выхода заметки 2-я русская армия А.В. Самсонова уже потерпела поражение, а Ренненкампф, командовавший 1-й армией, начал свое отступление. Находившиеся в сложном положении французы тем не менее продолжали жить представлением о славе русского кавалерийского командира, воспроизводя истории о нем из опыта Русско-японской войны. Завершая рассказ о «героическом безрассудстве» генерала в Манчжурии, несущем «на себе отблеск славы», автор подытоживал: «Он живой пример военачальника, совершившего самый геройский кавалерийский подвиг, из тех, что нам известны. Он – во главе ужасного полчища, которое его храбрость облагородила и превратила в армию».

Примечательно, что уже в декабре 1914 г., когда русские войска давно оставили Восточную Пруссию, а сам Ренненкампф был снят с командования 1-й армией, французская пресса продолжала характеризовать русского генерала как одного из лучших полководцев. «…Армия из 200 000 казаков может и должна сотворить чудеса, – писал корреспондент "Армии и флота" в заметке "Наши русские друзья". – Во главе с генералом Ренненкампфом они уже совершили налет в направлении Познани, подняв тревогу среди немцев и вынудив их отвлечь силы от нас во время форсированного марша на Париж. Это немало поспособствовало нашей победе на Марне. Что представляет из себя генерал Ренненкампф? Самый храбрый из кавалерийских офицеров. В Манчжурии, находясь во главе 20 000 казаков, он выполнил рекогносцировочный рейд

[8] *Стори Дуглас* (1872–1921) – британский военный историк, автор книг в том числе по истории Русско-японской войны, первый иностранный корреспондент, аккредитованным при русской армии в (24 апреля 1904 г.).

[9] *Френч Джон Дентон Пинкстон* (1852–1925) – первый граф Ипрский, виконт Ипрский и Хайлейкский; британский военачальник, фельдмаршал (1913).

на расстояние свыше 400 километров, из провинции Цилинь к Желтому морю, пройдя вдоль всей японской армии. Никто из его друзей уже не рассчитывал увидеть его живым. Однако восемь дней спустя он вернулся, практически без потерь в живой силе, не страшась самых грозных атак японцев, и не позволив ни разделить свои силы на части, ни быть остановленным во время своего яростного и стремительного продвижения. Чего только не могут добиться эти кавалеристы с таким командиром? Как показал опыт последних войн, русский солдат всегда вынослив к усталости и трудностям – такими восхищался Наполеон» (Armée et Marine. 20 décembre 1914.).

Но начавшаяся мировая война уже в скором времени вывела на первые роли совсем других военачальников. Многие из вчерашних героев как в русской армии, так и в армиях других стран, вынуждены были уйти с первых ролей. В их числе был и Ренненкампф. Хороший начальник кавалерийской дивизии и армейского корпуса, превосходный воспитатель войск, он оказался недостаточно готовым не только к командованию армией, но и шире – к реалиям начавшейся войны. Известность Ренненкампфа в обществе, и даже популярность в некоторой его части, подогреваемая заявлениями самого генерала о встрече «Рождества в Берлине», при неудачах в Восточной Пруссии привела прямо к обратной реакции общественности и прессы (рис. 3). Из военачальника, на которого возлага-

Рис. 3. Германская карикатура на генерала П. К. фон Ренненкампфа, высмеивающая его обещание «взять через полгода Берлин». Подпись: Рождество генерала Ренненкампфа: «Подарок мне не достался» Германия, 1914 г.

Fig. 3. German caricature depicting Paul von Rennenkampf. The artist derides the general for his promise "to capture Berlin within 6 months". Caption: General Rennenkampf's Christmas: "My Gift Got Away". Germany, 1914

Рис. 4. Германская агитационная антироссийская открытка, высмеивающая отступление русских войск из Восточной Пруссии. «Николай II награждает Ренненкампфа орденом Владимира с мечами за смелость при бегстве с поля боя». Крайним слева на открытке изображен генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург, командовавший 8-й германской армией. Указатель на Найденбург призван показать, что убегающий к Николаю II генерал П. К. фон Ренненкампф так и не дошел до мест боев 2-й армии генерала А.В. Самсонова. 1914 г.

Fig. 4. German propaganda postcard deriding the retreat of Russian troops from East Prussia. "Nikolai II awards Rennenkampf with an Order of St. Vladimir with Swords for his bravery in fleeing the battlefield". Field Marshal General Paul von Hindenburg, who commanded the 8th German Army is shown on the far left. The direction sign pointing to Neidenburg is intended to show that General Paul von Rennenkampf, who is running towards Nicholas II of Russia, had never reached the site of the fighting led by General A. Samsonov's 2nd Army. 1914

лись надежды, Ренненкампф превратился как минимум в «виновника» поражений, и даже в «предателя», не оказавшего помощи 1-й армии А.В. Самсонова (рис. 4). Проведенное правительственной комиссией во главе с генерал-адъютантом А.И. Пантелеевым расследование «деятельности старших войсковых начальников и командного состава 2-й армии за время боевых операций в Восточной Пруссии в августе 1914 г.» не выявило вины Ренненкампфа. По словам генерал-лейтенанта А.И. Деникина, дело было «погребено в архивах Ставки, так как шла война»; в результате Ренненкампф «общественной реабилитации… не получил, в глазах большинства людей, не разбирающихся в военной обстановке, над ним по-прежнему висело чудовищное обвинение в измене…» (Деникин, 2006. С. 297). Последующая скорая отставка Ренненкампфа лишь утвердила общество в его виновности.

Библиографический список

Врангель К.Г. Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля «Конница в восточно-азиатской войне» / Н. Сиверс (сост.). СПб., 1907. 36 с.

Генерал Ренненкампф / сост., ред., прим. и коммент. Р.Г. Гагкуев, при участии Н.И. Богомазова, В.В. Голицына; предисл. А.Н. Алекаев. М., 2017. 736 с.

References

Wrangel C.G. (1907) Extracts from the work by Count Wrangel (Austrian Cavalry) "The Cavalry in the Russo-Japanese War". St. Petersburg. 36 p. (In Russ.)

Gagkuev G. (2017) General Rennenkampf. Moscow. 736 p. (In Russ.)

Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы / сост. Л.Ю. Тремсиной; предисл. и коммент. Ю.А. Трамбицкого. М., 2006. 544 с.

Ниессель А. Тактические выводы капитана Французского Генерального штаба Ниесселя / [пер.] К. Адариди. СПб., 1906. 54 с.

Разведка во время Русско-японской войны / [соч.] Азиатикуса. Пер. с нем. А. К., СПб., 1907. 64 с.

Ренненкампф П.К. Мукденское сражение: 20-дневный бой моего отряда от Цинхэчена до Мацзяндана. СПб., 1908. 200 с.

Тактические выводы из боя под Тхавуан – Янзелином 18 (31) июля 1904 года / пер. с фр. А. К-ъ [псевд. К.М. Адариди]. СПб., 1911. 104 с.

Теттау Э., фон. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками / пер. с нем. [и предисл.] Ген. штаба полк. Грулева. Ч. 1. СПб., 1907. 368 с.; Ч. 2. СПб., 1907. 466 с.

Теттау Э., фон. Куропаткин и его помощники: Поучения и выводы из Рус.-яп. войны / сост. бар. фон Теттау, состоявший во время войны при рус. армии; с нем. пер. [и снабдил предисл.] М. Грулев. Ч. 1: От Геок-Тепе до Ляояна. СПб., 1913. 372 с.

Теттау Э., фон. От Мукдена до Портсмута: поучения и выводы из Русско-японской войны / сост. бар. фон Теттау, состоявший во время войны при рус. армии; с нем. пер. М. Грулев. СПб., 1914. 108 с.

Niessel H. Enseignements tactiques découlant de la guerre russo-japonaise. 3e éd. Paris, 1909. 185 p.

Rennenkampf P. Der zwanzigtägige Kampf meines Detachements in der Schlacht von Mukden, von Generalleutnant von Rennenkampf... übersetzt und mit einer Einleitung und Erläuterungen versehen von Frhr. v. Tettau... Berlin, 1909. 184 s.

Rennenkampf P. La Bataille de Moukden, les vingt jours de combat de mon détachement, de Tsinkhétchen à Matsiadan. Paris, 1910. 251 p.

Savant J. Rennenkampf. Comment fut écrasée la première tentative bolchevique (1905–1906) // La Revue des ambassades et des questions diplomatiques et coloniales. Avril 1938. P. 23.

Story D. The campaign with Kuropatkin. London, 1904. 301 p.

Tettau E. Achtzehn Monate mit Russlands Heeren in der Mandschurei. Bd. 1. Von Beginn d. Krieges bis zum Rückzug nach Mukden. Berlin, 1907. 398 s.; Bd. 2. Nach Liaoyan bis zum Friedensschluss. Berlin, 1907. 483 s.

Tettau E. Kuropatkin und seine Unterführer, Kritik und Lehren des russisch-japanischen Krieges. T. 1. Von Geok-Tepe bis Liaoyan. Berlin, 1913. 352 s.; T. 2. Von Liaoyan bis Mukden. Berlin, 1913. XVI–361 s.

Ullrich R. Die Feuerprobe der russischen Armee Tagebuchblatter aus dem Hauptquartiere des 17. Armeekorps

Denikin A.I. (2006) The Career of a Russian Officer. Articles and Essays on Historical and Geopolitical Subjects. Moscow. 544 p. (In Russ.)

Niessel H. (1906) Tactical lessons derived from the Russo-Japanese War by a Captain at French General Headquarters. St. Petersburg. 54 p. (In Russ.)

Asiaticus (pseud.). (1907) Military Intelligence in the Russo-Japanese War. St. Petersburg. 64 p. (In Russ.)

Rennenkampf P. (1908) Battle of Mukden: 20-day fight of my unit from Qinghecheng to Majundang. St. Petersburg. 200 p. (In Russ.)

Adaridi K.M. (pseud.) (1911) Tactical lessons derived from the battle at Tawan-Yangziling on July 18 (31) 1904. St. Petersburg. 104 p. (In Russ.)

Tettau E. (1907) Eighteen Months with the Russian Army in Manchuria. Part I. St. Petersburg. 368 p.; Pt. II. St. Petersburg. 466 p. (In Russ.)

Tettau E. (1913) Kuropatkin and his subordinate commanders: Critique and lessons dawn from Russo-Japanese War. Pt. I: from Geok-Tepe to Lyaoyang. St. Petersburg. 372 p. (In Russ.)

Tettau E. (1914) From Mukden to Portsmouth: Lessons and conclusions derived from the Russo-Japanese War. St. Petersburg. 108 p. (In Russ.)

Niessel H. Enseignements tactiques découlant de la guerre russo-japonaise. 3e éd. Paris, 1909. 185 p.

Rennenkampf P. Der zwanzigtägige Kampf meines Detachements in der Schlacht von Mukden, von Generalleutnant von Rennenkampf... übersetzt und mit einer Einleitung und Erläuterungen versehen von Frhr. v. Tettau... Berlin, 1909. 184 s.

Rennenkampf P. La Bataille de Moukden, les vingt jours de combat de mon détachement, de Tsinkhétchen à Matsiadan. Paris, 1910. 251 p.

Savant J. Rennenkampf. Comment fut écrasée la première tentative bolchevique (1905–1906) // La Revue des ambassades et des questions diplomatiques et coloniales. Avril 1938. P. 23.

Story D. The campaign with Kuropatkin. London, 1904. 301 p.

Tettau E. Achtzehn Monate mit Russlands Heeren in der Mandschurei. Bd. 1. Von Beginn d. Krieges bis zum Rückzug nach Mukden. Berlin, 1907. 398 s.; Bd. 2. Nach Liaoyan bis zum Friedensschluss. Berlin, 1907. 483 s.

Tettau E. Kuropatkin und seine Unterführer, Kritik und Lehren des russisch-japanischen Krieges. T. 1. Von Geok-Tepe bis Liaoyan. Berlin, 1913. 352 s.; T. 2. Von Liaoyan bis Mukden. Berlin, 1913. XVI–361 s.

Ullrich R. Die Feuerprobe der russischen Armee Tagebuchblätter aus dem Hauptquartiere des 17. Armeekorps

niedergeschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 1910a. 262 s.

Ullrich R. L'Armée russe au feu pendant la guerre de 1904–1905. Traduit de l'allemand par M. Raoul Marsollet. Paris, 1910b. VIII–316 p.

Wrangel G. Die Reiterei im ostasiatischen Feldzuge. Lehren und kritische Betrachtungen von. Gustav Graf Wrangel. k. u. k. Rittmeister. Wien, 1907a. 71 s.

Wrangel G. The Cavalry in the Russo-Japanese War; Lessons and Critical Considerations by Count Gustav Wrangel (Austrian Cavalry). Translated by J. Montgomery. London: Hugh Rees, Ltd., 1907b, 90 p.

Критерии авторства

Р.Г. Гагкуев и А.В. Миргородский выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России,
Институт российской истории Российской академии наук,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Россия,
✉ e-mail: gagkuev@yandex.ru
Миргородский Александр Викторович,
начальник отдела международных связей,
Администрация города Таганрога,
347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 73, Россия,
✉ e-mail: mirgorodski@mail.ru

niedergeschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 1910a. 262 s.

Ullrich R. L'Armée russe au feu pendant la guerre de 1904–1905. Traduit de l'allemand par M. Raoul Marsollet. Paris, 1910b. VIII–316 p.

Wrangel G. Die Reiterei im ostasiatischen Feldzuge. Lehren und kritische Betrachtungen von. Gustav Graf Wrangel. k. u. k. Rittmeister. Wien, 1907. 71 s.

Wrangel G. The cavalry in the Russo-Japanese War; Lessons and critical considerations by Count Gustav Wrangel (Austrian Cavalry). Translated by J. Montgomery. London: Hugh Rees, Ltd., 1907. 90 p.

Attribution criteria

R.G. Gagkuev and A.V. Mirgorodsky have carried out research work, examined the results, prepared their manuscript for the press, own the copyright for the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Ruslan G. Gagkuev,
Dr. Sci. (History), leading research fellow at the Russian Military History Center,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
19, D. Uliyanov street, Moscow 117292, Russia,
✉ e-mail: gagkuev@yandex.ru
Alexander V. Mirgorodsky,
Foreign relations officer,
Taganrog Local Government,
73, Petrovskaya street, Taganrog 347900, Russia,
✉ e-mail: mirgorodski@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).083
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-153-163

Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны

© В.В. Синиченко, Г.С. Токарева

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В годы Первой мировой войны руководство военной контрразведки России и жандармских отделений предполагало, что целью германской разведки будет организация диверсий на железнодорожных коммуникациях империи. Гипотетическое предположение привело к тому, что руководство правоохранительных органов Российской империи уделяло повышенное внимание охране железных дорог. Организация работы по охране железных дорог осуществлялась в двух направлениях. Во-первых, путем усиления численности охраны на путях следования, создания специальных подразделений по охране мостов и туннелей. Во-вторых, активизацией агентурной противодиверсионной работы. В этих условиях усиления роли агентурного аппарата региональные правоохранительные подразделения, демонстрируя свою бдительность и усердие, поставляли в столицу сфабрикованные доказательства активности противника в глубоком тылу. Используя донесения агентов, военная контрразведка приписала себе успехи в уничтожении монголами диверсионной группы Папенгейма, которая будто бы собиралась совершить диверсию на железных дорогах, а жандармские подразделения и, в первую очередь, жандармско-полицейское управление Китайской Восточной железной дороги под руководством полковника Н.А. Горгопы выявили, что американский консул в Китае Т. Мозер сформировал благотворительное общество для оказания помощи германским военнопленным. Используя метод провокации, жандармерии удалось доказать, что сотрудники благотворительной организации не только способствовали побегам военнопленных, но и собирали сведения о железнодорожных перевозках военных грузов. На основании агентурных сведений сообщалась, что представители общества завербовали группу русскоподданных кавказцев для осуществления подрыва взрывчатыми веществами Китайской Восточной железной дороги. Однако собрать неопровержимые улики и доказать подготовку диверсий на магистрали жандармам не удалось. Поэтому основные мероприятия жандармов в указанный период – это аресты и принудительная высылка на поселение во внутренние районы России лиц, заподозренных в антироссийской деятельности.

Ключевые слова: контрразведка, жандармерия, железная дорога, диверсии, шпионаж, агентура, мост, полиция, американский консул, Сибирская железная дорога

Информация о статье: Дата поступления 17 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 18 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Синиченко В.В., Токарева Г.С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 153–163. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-153-163

Work of law enforcement bodies of Russia to counter the suggested diversions on Transsib in the years of the First World War

© Vladimir V. Sinichenko, Galina S. Tokareva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract: During the First World War, the leadership of the military counterintelligence of Russia and the gendarmerie departments suggested that the purpose of German intelligence would be the organization of sabotage on the railway communica-

tions of the empire. A hypothetical assumption led to the fact that the leadership of law enforcement bodies of the Russian Empire paid increased attention to the protection of railways. Organization of work on the protection of railways was carried out in two directions. Firstly, by increasing the number of guards along the routes, creating special units for the protection of bridges and tunnels. Secondly, the intensification of undercover anti-sabotage work. Under these conditions, the strengthening of the role of the undercover apparatus, regional law enforcement units, demonstrating their vigilance and zeal, supplied the capital with fabricated evidence of enemy activity in the rear. Using agent reports, the military counterintelligence attributed to itself successes in the destruction by the Mongols of the Papenheim sabotage group, which seemed to be about to commit sabotage on the railways. The gendarmerie units, and especially the gendarmerie-police department of the Chinese Eastern Railway under the leadership of colonel N.A. Gargops revealed that the American consul in China T. Moser had formed a charity to help German prisoners of war. Using the provocation method of the gendarmerie, it was possible to prove that the employees of the charitable organization not only facilitated the escape of prisoners of war, but also collected information on the railway transportation of military goods. On the basis of intelligence information, it was reported that representatives of the company recruited a group of Caucasians Russian-speaking to carry out explosives of the Chinese Eastern Railway. However, the gendarmes failed to collect irrefutable evidence and prove the preparation of sabotage on the highway. Therefore, the main activities of the gendarmes during this period are arrests and forced expulsion of people suspected of anti-Russian activity to a settlement in the internal regions of Russia.

Keywords: counterintelligence, gendarmerie, railway, sabotage, espionage, agents, bridge, police, American consul, Siberian railway

Article info: Received April 17, 2020; accepted for publication May 18, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Sinichenko V.V., Tokareva G.S. (2020) Work of law enforcement bodies of Russia to counter the suggested diversions on Transsib in the years of the First World War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 153–163. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-153-163

Проблема охраны железных дорог России в годы Первой мировой войны – тема, ранее неоднократно затрагивавшаяся в отечественных исследованиях.

Прежде всего, мы можем отметить работы Н.В. Грекова – его монографию «Русская контрразведка в 1905–1917 годах – шпиономания и реальные проблемы» и статью «Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг.». В этих трудах автор описал меры, которые принимали российские власти по усилению охраны железнодорожных магистралей в годы Первой мировой войны. Однако за пределами внимания Н.В. Грекова осталась негласная агентурная работа контрразведки и жандармских управлений, которая, собственно, и будет предметом исследования в настоящей работе (Греков, 2000; Греков, 2015).

В статьях А.В. Добровольского «Сибирская железная дорога в период мобилизации 1914 г.», В.Н. Меньщикова «Омская железная дорога в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.), В.В. Фортунатова «Патриотический трудовой подвиг российских железнодорожников в годы Первой мировой войны», А.С. Сенина – «Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «расстройстве транспорта» и «Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну» затрагивались общие вопросы охраны русских железных дорог в годы Первой мировой войны (Добровольский, 2014; Меньщиков, 2013; Фортунатов, 2014; Сенин, 2013; Сенин, 2009).

Весьма любопытна статья Н.П. Ананьевой «О роли китайской-восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг.». Автор отметила интересную вещь, что США стремились устранить доминирующее влияние России в Северной Маньчжурии и взять КВЖД под свой контроль (Ананьева, 2011). Это суждение весьма любопытно в контексте анализа деятельности американских дипломатов в Китае в годы Первой мировой войны до вступления США и Китая в войну в 1917 г. на стороне Антанты (Ананьева, 2011).

Более подробно остановились на изучении темы С.С. Гостев, В.В. Мыцыков в статье «Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах

России в начале XX в.» и А.В. Соколенко в работе «Роль Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны (август 1914 – март 1917)». Авторы отмечают успешную деятельность жандармско-полицейских управлений, не допустивших диверсий на Сибирской магистрали в годы войны (Гостев, Мыцыков, 2009; Соколенко, 2016).

Статья Я.А. Шулатова «Борьба с Германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество» содержит интересные сведения о том, что японская разведка в феврале 1915 г. установила в Дайрене слежку за Вильгельмом Муром, который будто бы создал группу агентов для диверсии на КВЖД. Затем неоднократно японская разведка снабжала российскую сведениями о германских агентах, будто бы готовивших диверсии на российских железных дорогах (Шулатов, 2014). О том, что японская разведка снабжала российскую во многом непроверенной информацией и даже сумела убедить российскую контрразведку арестовать корейского и пророссийского патриота П.С. Цоя (Чхве Джэхена) пишет и Д.Б. Павлов (Павлов, 2014. С. 45). Об этом же отмечает на страницах своей работы Ю.С. Пестушко в статье «Недолгий альянс: русско-японский договор 1916 г.» (Пестушко, 2007).

Много интересного по теме настоящей работы можно почерпнуть из статьи Д.В. Киселева «Подозрительные немцы: агенты и военнопленные центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны». Автор пишет, что в октябре 1915 г. в Харбине были арестованы лица, обвиняемые в причастности к организации диверсий на КВЖД (Киселев, 2015. С. 123). Однако эта информация, хоть и сопровождается ссылкой на материал из фондов РГВИА, не раскрывает суть диверсионной деятельности противника на страницах указанной работы.

Кроме этого, автор упоминает о заявлении монголов Барги о том, что они уничтожили три диверсионных отряда германцев, которые пытались повредить западный участок КВЖД (Киселев, 2015. С. 124).

Первый они уничтожили зимой 1915 г. в степи, когда 11 немецких агентов пытались пройти к Хинганскому тоннелю, второй – в Барге, а третий – в конце 1916 г. в районе Халхи (Киселев, 2015. С. 126).

Первый, несомненно, был отряд Вернера фон Папенгейма, уничтоженный харинскими монголами Бабучжаба. Это известный эпизод Первой мировой войны, описанный в многочисленных работах. Однако фактов посылки второго и третьего отрядов не приводится даже самим автором статьи. Более того, описывая деятельность германской разведки в Китае в 1915–1917 гг., он считает, что она сосредоточилась на трех направлениях: содействие побегам военнопленных, распространение слухов о России среди китайского населения, сбор сведений о грузоперевозках России по КВЖД (Киселев, 2015. С. 125–138).

В статях Т.В. Федоровой, А.В. Степанова «Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в.» и О.М. Долидовича «Кадровый дефицит полиции в годы Первой мировой войны» отмечаются достижения полиции и жандармерии по выявлению шпионов на территории ответственности ИГЖУ, однако успехи в контрдиверсионной деятельности не описаны (Федорова, Степанов, 2017; Долидович, 2018).

Таким образом, тема работы негласных агентов российских правоохранительных служб по противодействию диверсионным мероприятиям противника в полосе железных дорог ждет еще серьезного исследования. В этом, как мы покажем ниже, нам помогут материалы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Отметим, что практически все, вышеупомянутые авторы, пишут о значительной роли Транссиба в снабжении воюющей России военным снаряжением. Действительно русские фронты к концу 1914 г. поглотили предвоенные запасы оружия и боеприпасов. Отечественная промышленность не в состоянии была удовлетворить нараставшие потребности армии. Поэтому правительство России разместило военные заказы за рубежом и стало

доставлять военное снаряжение из-за границы. В основном поставки военных грузов осуществлялись через слабо оборудованный Архангельский и невероятно далекий от фронтов Владивостокский порты (Трошина, 2008. С. 47).

Особенно много грузов по Сибири доставлялось в Европейскую Россию из Японии. Так, в 1915 году русская армия получила из страны восходящего солнца 481 тыс. винтовок, из числа которых на Владивосток пришлось почти 300 тыс. (Павлов, 2014. С. 12).

Таким образом, Транссибирская магистраль играла важную роль в снабжении фронта оружием и боеприпасами. Поэтому для германской разведки диверсии на сибирских дорогах были крайне желательной, хотя и трудновыполнимой задачей. Засылка диверсантов в Сибирь была также задачей далеко не из легких. Проще было действовать с территории Китая. Дело в том, что до строительства в 1916 г. Амурского участка железной дороги – линии Забайкальской и Уссурийской железных дорог соединялись проходившей по территории Китая Китайско-Восточной железной дорогой – КВЖД. Это постоянно тревожило русских военных (Иконникова, 1996. С. 91).

Стремление ведомств отличиться на поприще охраны Транссиба привело к тому, что представители жандармских управлений, также как и контрразведывательных отделов, любую агентурную информацию о мероприятиях германской разведки в зоне отчуждения железной дороги использовали для увеличения своей роли в системе правоохранительных органов. Каждое расследование «немецкого следа» и возможной диверсии сопровождалось требованием предоставления новых ресурсов – денег на оперативные расходы и увеличение штатов оперативных работников (Кирмель, 2001. С. 54).

Германская разведка, по мнению исследователя Н.В. Грекова, готовилась к проведению диверсий на территории России. Уже 4 августа 1914 г. начальник штаба Иркутского военного округа известил военного министра и все жандармские управления Сибири о том, что германцы направили из Китая диверсионные группы для разрушения мостов и тоннелей на Сибирской и Забайкальской железных дорогах (Греков, 2015. С. 81).

Начальник Владивостокского контрразведывательного отделения ротмистр А.А. Немысский 8 января 1915 г. сообщал в спецдонесении, что им получены от агентуры в Гирине 22 декабря 1914 г. сведения «об *организации германским подданным шаек хунхузов с целью порчу русской железной дороги, а также при посредстве особого химического вещества железнодорожных мостов около Лао-шагоу и Харбина»* (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 50).

Начальник Жандармско-полицейского управления КВЖД – полковник Н.А. Горгопа от 14 января 1915 г. № 91 сообщал в штаб жандармского округа, «*что по полученным им сведениям германскими консульскими агентами в Китае организованы группы китайцев с целью проведения диверсий в Маньчжурии, Уссурийском крае и Забайкальской области. Немцы будто бы планировали взрывы железнодорожных мостов».* Всего, отмечала агентура Н.А. Горгопы, германским дипломатам удалось собрать группу диверсантов из 27 китайцев, получавших ежемесячное жалование от 70 до 80 долларов в месяц. 10 китайских агентов германского консульства получали деньги сдельно. Отряд диверсантов, по мнению источника, будто бы проходил обучение в Мукдене и снабжался немцами оружием и взрывчатыми снарядами, которые были доставлены из Тяньцзиня помощником местного германского консульства неким Шарфенбергом. Главным организатором китайских диверсантов, работавших на Германию, был китаец Шэнь Юньчен, бывший переводчик германского консульства в Мукдене (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 98).

Таким образом, в январе 1915 г. одновременно контрразведчики и жандармы объявили о том, что немцами созданы группы диверсантов из китайцев. Дальше между двумя ведомствами началось соревнование, кто первым схватит диверсантов.

Кроме того, по мнению военной разведки, внезапно исчезнувший из Пекина в январе 1915 года германский военный атташе Вернер фон Папенгейм возглавил диверсионную группу, тайно

отправившуюся в Северную Маньчжурию разрушать КВЖД. Группа Папегейма бесследно исчезла и по сообщениям агентов была уничтожена монголами, которые будто бы предъявили восемь трупов местным властям (Греков, 2015. С. 77–80).

В марте 1915 г. русская разведка перехватила письмо китайца Лю Цзыфына, в котором он предлагал неизвестному лицу открыть перевоз у железнодорожного моста. От неизвестного лица Лю Цзыфын требовал денег на подготовку диверсии по взрыву железнодорожного моста китайскими лодочниками (Греков, 2015. С. 81).

15 апреля 1915 г. в донесении за № 1517 военное контрразведывательное отделение во Владивостоке уведомлялось, что по полученным негласным сведениям в городе Харбине появились лица которые старались организовать из китайцев шайки для нанесения какого-нибудь вреда железнодорожной магистрали (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 395).

Старший адъютант военно-статистического отделения Штаба Приамурского военного округа тогда же в другом секретном отношении от 4 апреля 1915 г. за № 214 сообщил, что им получены сведения, что и в Мукдене создана китайская организация во главе с немцами. Задача этой организации устройство взрыва железной дороги. Для этого планировался подкуп русских служащих Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Китайские члены организации были внедрены в качестве служащих в фирму «Циндель и Морозов», обслуживающую Управление КВЖД. Кроме того, был завербован немцами некто Ван Люгань, который прекрасно говорил по-русски и проживал в качестве слуги у начальника эксплуатации участка КВЖД – Гинца» (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 395).

Так как оперативные справки разведчиков были циркулярно распространены в системе специальных служб, начальник жандармского полицейского управления КВЖД полковник Н.А. Горгопа, предполагая, что жандармы опаздывают и плохо выглядят в глазах политического руководства, находящегося в Петербурге, решительно потребовал от подчиненных задержать китайцев-диверсантов (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 398).

Китайцев-диверсантов, несмотря на агентурные сведения, не нашлось, то ли потому что их не было, или из-за того что в китайской среде не было квалифицированного агентурного аппарата. Поэтому мы можем предположить, что мнимые сведения, которые поставляли китайцы-агенты о существовании китайцев-диверсантов, работавших на Германию, были вызваны стремлением заработать деньги или опорочить по личным мотивам других китайцев. Но во время оперативно-розыскной работы под негласное наблюдение жандармов попал американский консул в Харбине Т. Мозер. По сообщениям агентуры, вокруг него сплотилась группа лиц, «*оказывавших содействие бегавшим из Сибири германским пленным*» (Качкин, 2013. С. 167).

Еще 18 декабря 1914 г. на станции Никольск-Уссурийский полицией был замечен иностранец следующих примет: лет 30, бритый, худощавый, пользовался карманной книжкой, он взял билет второго класса до Хабаровска. По агентурным сведениям, неизвестный иностранец вел конспиративный разговор с пленным австрийским доктором.

Иностранец оказался американцем Бюрром, представителем благотворительного общества в Китае, собирающим сведения о военнопленных.

21 декабря в донесении за № 7101 жандармы отмечали, что Бюрр 21 декабря из Хабаровска выехал во Владивосток, а оттуда взял билет в Харбин.

Наблюдение за Бюрром, продолженное в Китае, позволило установить, что в Китае было создано «Общество помощи германским и австрийским пленным в Сибири». Общество находилось под покровительством американского посла в Петрограде. Председательница общества – госпожа Ганнекен (Ханнекен), проживавшая в Тяньцзине, собирала деньги у меценатов в США. Официальная цель благотворительного общества была названа – оказание помощи военнопленным деньгами, припасами, теплыми вещами (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 114).

Впоследствии Елизавета Густавна Ханнекен 18 марта 1915 г. официально обратилась к российскому правительству с просьбой о допуске пред-

ставителей ее общества в лагеря для военнопленных.

В ответ на это по системе МВД России был разослан циркуляр в котором говорилось, что «…*Ханнекен является агентом существующего в Китае на средства германского правительства «Общества оказания денежной помощи германским пленным в Сибири», которое под предлогом благотворительности входит в сношение с военнопленными через немцев и евреев, ведет широкую военную разведку, пользуется содействием умышленно сдающихся в плен избранных германских офицеров. Создано бюро для организации побегов военнопленных при посредстве харбинских и сибирских евреев. Их снабжают паспортами нейтральных держав. Ведется революционная пропаганда среди русского населения. Активно задействуются американские граждане и американский «Красный крест», через них финансируют революционеров, обещая им денежную помощь и поддержку военнопленных в случае мятежа. Для доставления революционных воззваний и установления нужных связей приняты на службу также и китайцы*». Подписал этот Циркуляр Директор Департамента Полиции МВД России Брюн (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 403).

Глава российской дипломатической миссии в Пекине В. Крупенский 24 июня 1915 г. в донесении № 142 информировал военного губернатора Приморской области, что на основании имевшихся в Императорской миссии секретных сведений побеги австрийских и германских военнопленных из Иркутского и Приамурского военных округов происходили при помощи некоторых русских подданных, организовавших проезд военнопленных по линии КВЖД.

Так, прибывший в Пекин в начале июня 1915 г. австрийский старший лейтенант Журек, бежавший из Благовещенска, сопровождался по восточной линии названной дороги и в Харбине неким русским подданным евреем, именующим себя Тогамлицким (он же Тогамнильский), с которым названный австриец произвел окончательные денежные расчеты в Пекине 8 (21) июня, после чего Тогамлицкий перевел часть денег через Русско-Азиатский банк в Харбин по адресу – Гавриилу Любимову, магазин Ескиных – 200 руб. Названный Тогамлицкий уехал 21-го июня из Пекина в Тяньцзинь. Секретный источник передавал, что организация провоза военнопленных существовала уже давно, и каждое содействие побегу оплачивалось суммой до 500 руб. (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 104).

Было установлено негласное наблюдение за евреями Тогамлицким и Любимовым посещающими русский Дальний Восток. После этого были произведены задержания лиц, которых они наняли для сопровождения бежавших из плена офицеров.

Телеграммой из Спасского лагеря в Хабаровск начальнику штаба округа донесением от 11 июля 1915 г. за № 2707 сообщалось, что «За содействие побегу военнопленным задержаны крестьяне Николай Корженков, Карп Белочук и Иван Ефременко которые по показанию крестьян Зеновской волости Панюта Глушан и Малец находились вместе с пленными в китайской фанзе 26 июня на китайской территории, где ночевали и завтракали». Подписал телеграмму подполковник Делимарский» (РГИА ДВ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 199. Л. 117).

Тем временем из кабинета американского консула в Харбине Мозера агенты Н.А. Горгопа выкрали несколько фотографий железнодорожного полотна, предполагая, что это участки Транссиба, где будет произведена диверсия – взрывы железнодорожного полотна, хотя никаких убедительных доказательств этому не было предоставлено.

Тем не менее 8 сентября 1915 г. по настоянию российских властей, при проезде через Тяньцзин был задержан некто русско-подданный Шмуль Вульфович. Он был препровожден для дознания в Харбин в распоряжение жандармско-полицейского управления КВЖД, где и дал показания, что члены благотворительной организации помогают бежать военнопленным в Китай. Отметим, однако, что причина, по которой нейтральные китайские власти пошли на сотрудничество с российскими заключалась в том, что, по мнению и сведениям агентов российских жандармов, Шмуль Вульфович с товарищами нанял двух кавказцев (один из них бандит Сандро Тцегарешвили) для подрыва же-

лезнодорожного полотна КВЖД (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 280).

Подчеркнем, что сведения жандармов о диверсантах-кавказцах подтверждались агентурными данными военной разведки. Правда, организаторами планируемых диверсий здесь был назван не Т. Мозер, а некто Зибс. Так, 1-го сентября 1915 г. из Петрограда на имя начальника штаба Приамурского военного округа поступила информация, что находившийся в Китае германский подданный – Зибс организовал шайку кавказцев в Харбине с целью разрушения важных железнодорожных сооружений Забайкальской и Кругобайкальской дорог. Посредником между Зибсом и кавказцами являлся проживавший во Владивостоке некий еврей, который для связи выезжал в Китай и встречался с Зибсом по адресу: Шанхай, ул. Джонбродвэй, дом, 930 (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 185).

Несмотря на то, что лиц задержать со взрывчатыми веществами не удалось, 26 октября 1915 г. Иркутское губернское жандармское управление сообщило в столицу, что ими в Харбине раскрыта организация диверсантов. Установлена причастность германского консульства в Шанхае, американского консула в Харбине – Мозера, добыты указания о возможности взрыва мостов. Арестованы представители благотворительного общества в Харбине – городской врач Рожер Бенинкскгаузен Будберг, еврейский раввин Арон Киселев, мещанин Гуттель Линский, мещанка Риса Гусак и содержатель аптеки – Леонард Томсон. Все они были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых по 108 ст. Уголовного уложения 1903 г. Статья 108 Уголовного уложения включала в себя общее понятие «государственной измены» – способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях. За совершение этого преступления была предусмотрена каторга. Начальник жандармского управления просил выявить связи задержанных лиц с подозрительными элементами на территории всей Российской империи и о последующем сообщить (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 29. Л. 26).

После разгрома благотворительной организации лиц и привлечения к уголовной ответственности русско-подданных евреев, оказывающих ей содействие, российские жандармы и контрразведчики продолжили работу по выявлению потенциальных диверсий на железных дорогах России.

Дело в том, что тревожная информация о готовящихся взрывах железных дорог поступала в правительство и иные органы постоянно и, главное, из различных негласных агентурных источников (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 157–172).

Поэтому начальник Генерального Штаба телеграммой от 6 октября 1915 г. за № 32341 на имя Временно командующего войсками Приамурского военного округа сообщил, что германцы путем подкупа частных лиц и особенно железнодорожных служащих Сибирского пути готовятся устроить подрыв сооружений и мостов, дабы внести расстройство в перевозку воинских грузов (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 244).

Эту же информацию продублировал 11 октября 1915 г. Департамент Полиции в Иркутское губернское жандармское управление (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 29. Л. 25).

Однако результат оперативной работы по выявлению диверсантов был по сути дела плачевный. Агенты жандармерии, внедренные в коллективы работников железной дороги, смогли дать только следующий результат.

Надежда Хагемейер в октябре 1915 г. ездила к своей сестре в гор. Балаганск, куда муж последней как военнообязанный германской армии был выслан. Надежда Хагемейер, вращаясь в обществе военнообязанных австро-германских подданных и находясь под их влиянием, несомненно, разделяла их взгляды и мысли, результатом чего было недовольство и озлобленность к России и русским, и что послужило мотивом для ее рассуждений.

Следуя обратно домой в поезде от Иркутска до станции Маньчжурии, в разговоре с пассажиркой Охоцкой на тему военных действий Германии с Россией Хагемейер восхваляла доблесть немцев и высказала: «…хорошо бы взорвать тоннель на КВЖД, через который поезд идет 15 минут, тогда бы русские остались бы без снарядов и германцы бы быстро взяли Петроград и Москву, за взрыв германцы ассигновали в виде премии один милли-

он рублей». Кроме того, гражданка Надежда Хагемейер говорила, что китайцам хватит и 50 000 рублей, чтобы решиться на диверсию (РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 46. Л. 38).

После этого возникло дело о подготовке диверсии на линии Китайской Восточной Дороги группой лиц. За Надеждой Хагемейер было установлено наблюдение, агенты были направлены на беседы с лицами, с которыми вышеуказанная дама контактировала во Владивостоке.

В результате 3 ноября 1915 г. в донесении № 5376 получивший уже звание подполковника Немысский сообщал в штаб корпуса, что по полученным им негласным сведениям в урочище Новокиевском на участке Александра Степановича Тим проживал русско-подданный еврей Соломон Липшиц, содержатель портняжной мастерской, который имел обширное знакомство среди местных военных чинов как офицеров, так и нижних чинов – писарей 7 Сибирского стрелкового полка. По агентурным сведениям, из частных разговоров упомянутого Липшица, в Маньчжурии германцы успешно вербовали и вооружали большую шайку хунхузов будто бы для нападения на русскую территорию. В означенной вербовке якобы участвовал сам Липшиц. Липшиц неоднократно общался с братом Надежды Хагемейер – Сергеем Хагемейером и неким Коганом, разъезжающими ежегодно по Никольск-Уссурийскому уезду для проверки деятельности мелких агентов по продаже швейных машин компании «Зингер».

Далее подполковник Немысский сообщал: «*Справка из дела вверенного мне Отделения указала, что названные лица по установке:*

1) Александр Степанович Тим, председатель бывшего корейского общества «Развитие труда» в урочище Новокиевском;

2) Коган Роберт Абрамович, мещанин города Никольск-Уссурийска, заведующий магазином «Зингер» на 1-й речке, проживает Северный переулок дом 21 у домовладельца Щербинина;

3) Сергей Хагемейер, упоминается в секретном сношении моем на Ваше имя от 30 октября 1915 г. за № 5376 (об установлении наблюдения за пассажиркой Надеждой Хагемейер) и Соломон Липшиц, ранее по делам Отделения не проходил, устанавливается запросом Приставу Посьетского стана, ответ ожидается» (РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 46. Л. 23).

У Сергея Хагемейера после этого сообщения был произведен обыск, во время которого был найден револьвер, ранее приобретенный Хагемейером в Маньчжурии с патронами к нему. Постановлением от 16 ноября 1915 г. жандармы сообщили об изъятии в г. Владивостоке револьвера системы «Браунинг» за № 241361 и двух обойм к нему и 25 патронов, хранившихся без надлежащего разрешения.

Интерес жандармов возник к Роберту Когану, во-первых, как к еврею, которые были под подозрением как потенциальные немецкие шпионы, во-вторых, как к заведующему магазином «Зингер». Это предприятие давно находилось под подозрением российских правоохранительных органов.

Дело в том, что начальнику Владивостокского охранного отделения 10 января 1915 г. ротмистром Гинсбургом было доложено о ходе обыска во владивостокском филиале конторы «Зингер и К°», что была обнаружена переписка на немецком языке. После ее прочтения военный цензор возбудил уголовное дело о передаче через означенную контору не только писем, но и денег военнопленным.

Антироссийская деятельность конторы «Зингер и К°» подтверждалась письмом австрийского лейтенанта Макса Клейна, получившего в конторе 200 руб. за счет внесенных его родственниками денег в отделения «Зингер и К°» в Германии (РГИА ДВ. Ф. 511 сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 116).

В отобранном у руководства «Зингер и К°» объяснении говорилось, что военнопленный Макс Клейн фабрикант обуви в Вене, будучи выпущенным из лагеря в городе Никольск-Уссурийском, намеревался поставить о своей судьбе в известность родных в Вене и не имея знакомств, как покупатель обратился через отделение фирмы и Роберта Когана. Тот из Владивостока отправил письмо в Стокгольм. Отделение «Зингер и К°» в Стокгольме связалось с родственниками Клейна в Австрии и получило ответ, который и передало обратно через Стокгольм) (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51.

Л. 121). Таким образом, руководство «Зингер и К°» подтвердило свою деятельность по нарушению военных положений о цензуре, но отрицало свою причастность к шпионажу и тем более участию своих сотрудников в каких-либо диверсиях. Тем не менее за Робертом Абрамовичем Коганом после этого случая присматривали как за потенциальным резидентом германской разведки в Приморье.

Впоследствии следствие установило, что шпионами вышеуказанные лица не были, они представляли собой тип обычных болтунов, придумывавших те или иные события, чтобы поднять собственную значимость в глазах окружающих. Тем не менее правоохранительная машина начала работать и оставить дело без результата жандармы уже не могли.

Поскольку Надежда Хагемейер на словах угрожала безопасности железнодорожного сообщения жандармы посчитали, что ее дальнейшее пребывание в пределах Приамурского генерал-губернаторства «как лица вредного, является нежелательным». Поэтому несмотря на то, что данных о шпионской деятельности Хагемейер не было собрано, ее решили на основании п. 17 ст. 19 Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, выслать из Владивостока в Балаганский уезд Иркутской губернии под надзор полиции (РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 46. Л. 59).

Как мы видим, арестовывали лиц, не злоумышляющих о диверсии, а рассуждающих о ее возможности.

15 декабря 1915 г. министр внутренних дел А.Н. Хвостов официальным письмом предупредил Министра путей сообщения А.Ф. Трепова о том, что немцы собираются взорвать четыре железнодорожных моста России и что фотографические снимки объектов диверсий ему вскоре будут доставлены. Вероятно, министр имел в виду те самые снимки, что были похищены у американского консула. Для предотвращения диверсий у подходов к мостам и под береговыми пролетами выставлялись, по его распоряжению, суточные и ночные посты. На реках появились катера и моторные лодки для осмотра мостов и противодиверсионной работы. Был введен обязательный осмотр жандармами поездов перед их проходом по крупным мостам (Греков, 2015. С. 81). Однако диверсий на железнодорожных путях до конца войны не случилось. Диверсионных групп не было выявлено (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 409–410).

Итак, за время войны в рамках правоохранительных структур сформировался особый стиль активизации шпиономании. Центр слал директивы и циркуляры об охране железных дорог. А контрразведывательные отделы, продемонстрировав свою бдительность и усердие, поставляли в Главное управление Генерального Штаба агентурные сообщения об активности противника в полосе железных дорог. Реальных фактов диверсий в полосе железных дорог ни контрразведывательными отделами (КРО), ни жандармерией не было выявлено, арестов групп диверсантов со взрывчаткой не зафиксировано. Тем не менее в рамках оперативной работы жандармско-полицейским управлением КВЖД была разгромлена благотворительная организация, в создании которой принял участие американский консул Т. Мозер для помощи военнопленным в России. Были зафиксированы факты организации благотворителями побегов военнопленных из России в Китай. Лиц, сотрудничавших с этой организацией, обвинили в подготовке диверсий на КВЖД, арестовали и по согласию китайских властей выслали из Китая в Россию.

Библиографический список

Ананьева Н.П. О роли китайской-восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 46–56.

Гостев С.С., Мыцыков В.В. Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах России в на-

References

Ananeva N.P. (2011) On the Role of the Chinese-Eastern Railway in the Expansionist Plans of the United States in Manchuria in 1906–1917. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* = The Journal of Ryazan State University named after S.A. Esenin. No. 4 (33). P. 46–56. (In Russ.)

Gostev S.S., Mytsykov V.V. (2009) Gendarme-police supervision on the railways of Russia at the beginning of XX

чале XX в. // Берегиня. 777. Сова. 2009. № 1(1). С. 9–14.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 годах – шпиономания и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд (МОНФ), 2000. 209 с.

Греков Н.В. Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. № 4 (17) 2015. С. 76–85.

Добровольский А.В. Сибирская железная дорога в период мобилизации 1914 г. // Глобальные вопросы в региональном измерении: опыт истории и современность: материалы международного научного конгресса «Интерэкспо Гео-Сибирь». Новосибирск, 2014. Т. 1. С. 16–20.

Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 173–182.

Иконникова Т.Я. Иностранная разведка в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1996. Т. 1. С. 88–100.

Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 167–174.

Киселев Д.В. Подозрительные немцы: агенты и военнопленные центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 121–138.

Кирмель Н.С. «...японские прачки и парикмахеры открыли... много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 54–59.

Меньщиков В.Н. Омская железная дорога в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 21–24.

Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 261 с.

Пестушко Ю.С. Недолгий альянс: русско-японский договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 92–106.

Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 19–25.

Сенин А.С. Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «расстройстве

century. *Bereginya. 777. Sova* = Berginya. 777. Sova. No. 1(1). P. 9–14. (In Russ.)

Grekov N.V. (2000) Russian counterintelligence in 1905–1917 – spy mania and real problems. Moscow: Moscow Public Science Foundation (MPSF). 209 p. (In Russ.)

Grekov N.V. (2015) Development and implementation of measures to protect the railways of Siberia in 1914–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. No. 4 (17). P. 76–85. (In Russ.)

Dobrovol'skii A.V. (2014) The Siberian Railway during the mobilization period of 1914. *Global'nye voprosy v regional'nom izmerenii: opyt istorii i sovremennost': materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Interehkspo Geo-Sibir'»* = Global issues in the regional dimension: the experience of history and modernity: Proceedings of the International Scientific Congress “Interexpo Geo-Siberia”. Novosibirsk. Vol. 1. P. 16–20. (In Russ.)

Dolidovich O.M. (2018) Personnel shortage of police during the First World War. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of Ancient Technology Laboratory. Vol. 14. No. 4. P. 173–182. (In Russ.)

Ikonnikova T.Ya. (1996) Foreign intelligence in the Priamur region during the First World War. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka* = News of the Russian State Historical Archive of the Far East. Vol. 1. P. 88–100. (In Russ.)

Kachkin A.N. (2013) Fight against espionage in the Far East: Khabarovsk Counter-Intelligence Department and its Leaders (1911–1917. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = The Humanities And Social Studies in the Far East. No. 3. P. 167–174. (In Russ.)

Kiselev D.V. (2015) Suspicious Germans: agents and prisoners of war of central powers in Manchuria during the First World War. *Rossiya i ATR* = Russia and APR. No. 2. P. 121–138. (In Russ.)

Kirmel' N.S. (2001) “Japanese pranks and hairdressers opened... Many shops for the purpose of conspiracy espionage activities”. *Voenno-istoricheskii zhurnal* = Military History Journal. No. 3. P. 54–59. (In Russ.)

Men'shchikov V.N. (2013) Omsk Railway during the First World War (1914–1917). *Omskii nauchnyi vestnik* = Omsk Scientific Gazette. No. 3 (119). P. 21–24. (In Russ.)

Pavlov D.B. (2014) Russian-Japanese relations during World War I. Moscow: Politicheskaya Enciklopedia. 261 p. (In Russ.)

Pestushko Yu.S. (2007) Short Alliance: Russian-Japanese Treaty 1916. *Rossiya i ATR* = Russia and APR. No. 1. P. 92–106. (In Russ.)

Senin A.S., General S.A. (2013) Ronzhin and his essay on Russian railways in World War I *Novyi istoricheskii vestnik* = New Historical Gazette. No. 38. P. 19–25. (In Russ.)

Senin A.S. (2009) Railway economy of Russia during the First World War: to the issue of “transport disorder”.

транспорта // Труды по россиеведению. 2009. Вып. 1. С. 237–269.

Соколенко А.В. Роль Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны (август 1914 – март 1917) // Известия Иркутского государственного университета. История. 2016. Т. 15. С. 78–87.

Трошина Т.И. Великая война… Забытая война… Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск. 2008. 169 с.

Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144.

Фортунатов В.В. Патриотический трудовой подвиг российских железнодорожников в годы Первой мировой войны // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 86–92.

Шулатов Я.А. Борьба с Германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.

Trudy po rossievedeniyu = Works on Russian science. Iss. 1. P. 237–269. (In Russ.)

Sokolenko A.V. (2016) The role of Priamursky Governor-General N.L. Gondatti in ensuring the safety of transport in the Far East of Russia during the First World War (August 1914 – March 1917). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = News of the Irkutsk State University. History. Vol. 15. P. 78–87. (In Russ.)

Troshina T.I. (2008) The Great War... The forgotten war… Arkhangelsk during World War I (1914–1918). Arkhangel'sk. 169 p. (In Russ.)

Fedorova T.V., Stepanov A.V. (2017) Counter-intelligence activity of the special department of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Administration in the second half of the XIX – the beginning of the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of Ancient Technology Laboratory. Vol. 13. No. 4. P. 134–144. (In Russ.)

Fortunatov V.V. (2014) Patriotic work performance of Russian railway workers during the First World War. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of Science, Culture, Education. No. 6 (49). P. 86–92. (In Russ.)

Shulatov Ya.A. (2014) Fighting German espionage in the Far East during World War I: Russian-Japanese Cooperation. *Rossiya i ATR* = Russia and APR. No. 2. P. 33–51. (In Russ.)

Критерии авторства

В.В. Синиченко и Г.С. Токарева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.V. Sinichenko and G.S. Tokarev completed the research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyrights to the article and are fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Синиченко Владимир Викторович,
доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, полковник полиции,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
✉ e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru
Токарева Галина Сергеевна,
преподаватель кафедры общеправовой подготовки, майор полиции,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
✉ e-mail: khb.jasmine@mail.ru

Information about the authors

Vladimir V. Sinichenko,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Police Colonel,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru
Galina S. Tokareva,
Lecturer at the Department of General Legal Training, Police Major,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110, Lermontov street, Irkutsk, 664074, Russia,
✉ e-mail: khb.jasmine@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.13)«1918/1919»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-164-177

Структура управления и состав служащих пенитенциарной системы Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)

© С.П. Звягин[a], С.В. Макарчук[b], Д.Р. Тимербулатов[c]

[a] Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово, Россия
[b] Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
[c] МБОУ ДПО «Научно-методический центр», г. Кемерово, Россия

Аннотация: В статье рассматривается трансформация органов управления местами заключения на территории Акмолинской (Омской) области с момента ликвидации власти большевиков в июне 1918 г. до занятия региона войсками Красной армии в ноябре 1919 г. Особенности руководства местными пенитенциарными учреждениями обуславливались спецификой формирования административного аппарата, а также численностью населения, состоянием городской инфраструктуры, разветвленностью транспортной сети, криминогенной обстановкой. Во многом от этих аспектов зависели размеры местной тюремной системы и потребность в отдельном институте управления пенитенциарными учреждениями на территории. В Акмолинской области функционировали Омская областная, а также Акмолинская, Кокчетавская и Петропавловская уездные тюрьмы. В связи с небольшим числом мест заключения в региональном аппарате управления отсутствовала тюремная инспекция. Кроме этого, на формирование структур, распоряжающихся местами заключения влияла обстановка гражданского вооруженного конфликта и общественно-политические процессы на востоке России. В результате свержения советской власти и установления контроля над регионом антибольшевистские правительства столкнулись с необходимостью создания собственной системы исполнительных органов центрального и местного уровня. Особенно актуальным в сложившихся условиях вооруженной борьбы с политическими оппонентами представлялось выстраивание работы правоохранительных органов, в том числе тюремного ведомства. В Акмолинской области, как и во всей Белой Сибири, его работа основывалась на нормативно-правовом и организационном опыте дореволюционного времени. В статье также представлен анализ кадровой политики в пенитенциарной сфере и личного состава служащих. На должности возвращались управленцы со стажем, уволенные со службы главным образом большевиками. Профессиональные же качества надзора существенно ухудшились, в том числе из-за постоянного обновления его состава. Меры чинов тюремных администраций по решению проблем с персоналом мест заключения в основном сводились к расширению штатов учреждений.

Ключевые слова: Акмолинская область, антибольшевистские правительства, Белая Сибирь, Гражданская война, места заключения, пенитенциарное ведомство, тюремная администрация, надзиратели, кадровая политика, оклад содержания

Информация о статье: Дата поступления 27 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Звягин С.П., Макарчук С.В., Тимербулатов Д.Р. Структура управления и состав служащих пенитенциарной системы Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 164–177. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-164-177

Management structure and composition of employees of the penitentiary system of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919)

© Sergey P. Zvyagin[a], Sergey V. Makarchuk[b], Dmitry R. Timerbulatov[c]

[a] Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia

[b] Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
[c] Municipal Budget Educational Institution of Continuing Professional Education "Scientific and Methodological Centre", Kemerovo, Russia

Abstract: The article deals with the transformation of the authorities in places of detention in the Akmola (Omsk) region from the moment the Bolsheviks were abolished in June 1918 until the Red Army took over the region in November 1919. The specifics of the administration of local prisons were determined by the specifics of the formation of the administrative apparatus, as well as the number population, the state of urban infrastructure, ramified transport network, criminogenic situation. The size of the local prison system and the need for a separate institution for managing prisons in the territory depended largely on these aspects. In the Akmola region, the Omsk regional as well as Akmola, Kokchetav and Petropavlovsk district jails had functioned. Due to the small number of places of detention in the regional administration, there was no prison inspection. In addition, the formation of structures that control places of detention was influenced by the situation of civil armed conflict and socio-political processes in Eastern Russia. As a result of the overthrow of Soviet power and the establishment of control over the region, anti-Bolshevik governments were faced with the need to create their own system of executive bodies at the central and local levels. Particularly relevant in the current reasons of the armed struggle with political opponents was the alignment of the work of law enforcement agencies including the prison department. In the Akmola region as in the whole "White Siberia" this work was based on the regulatory and organizational experience of the pre-revolutionary time. The article also presents an analysis of the personnel policy in the penitentiary sphere and the personnel of employees. Senior managers who were fired from service mainly by the Bolsheviks returned to their posts. The professional quality of supervision has deteriorated significantly, including due to the constant updating of its composition. Measures of officials of prison administrations to solve problems with the staff of places of detention mainly came down to the expansion of staff of institutions.

Keywords: Akmola Oblast, anti-Bolshevik governments, White Siberia, Civil War, places of detention, prison, prison administration, prison guards, personnel policy, salary

Article info: Received April 27, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Zvyagin S.P., Makarchuk S.V., Timerbulatov D.R. (2020) Management structure and composition of employees of the penitentiary system of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 164–177. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-164-177

В условиях сохранения значимости исследовательской проблемы по выявлению общих и специфических черт реализации политики правительств Белой Сибири на контролируемых ими территориях представляется актуальным рассмотрение особенностей реализации уголовно-исполнительной политики в отдельных административных субъектах Сибирской республики и Российского государства. Многие ее аспекты на сегодняшний момент достаточно подробно исследованы в пределах Томской, Тобольской и Алтайской губерний. Однако функционирование пенитенциарных учреждений Акмолинской области в период Гражданской войны не становилось предметом отдельного изучения ни в советское время, ни на современном этапе развития отечественной исторической науки.

В СССР революция 1917 г. и последовавшие за ней события освещались постоянно, но в связи с установлением идеологического контроля в науке рассмотрение вооруженного противостояния на территории бывшей Российской империи приводилось в соответствие с установками политического руководства. В таких условиях возрастала актуальность исследования репрессивной политики антибольшевистских правительств, включая аспекты функционирования системы пенитенциарных учреждений в рамках изучения «белого» движения. Однако советская историческая наука в целом оценивала ее как инструмент борьбы с представителями большевистской партии и «трудовым» населением в целом. В связи с этим, изучая гражданское вооруженное противостояние в отдельно взятых регионах, исследователи фокусировались на карательных мерах против сторонников советской власти, случаях неповиновения большевиков, особенно на восстаниях в пенитенциарных учреждениях (Парфенов, 1925; Вегман, 1928; Молотов, 1949; Колмогоров, 1957). Под влиянием общест-

венно-политических перемен в Советском Союзе рассмотрение репрессий при белых претерпевало определенные изменения, но описание функционирования институтов антибольшевистских государственных образований и персонального состава чиновничества продолжало носить крайне фрагментарный характер (Кузьмина, 1980). Начиная с 1990-х гг., благодаря получению исследователями свободного доступа к архивным фондам тюремного ведомства и мест заключения при белых на востоке России, в научный оборот вводится много материалов, касающихся проблем их функционирования в годы Гражданской войны. Однако большая часть подобных работ посвящена комплексному рассмотрению всей пенитенциарной политики на территории Сибири или изучению отдельных ее аспектов. Небольшая по объему информация о функционировании Омской тюрьмы в 1918–1919 гг. встречается в общих трудах по региональной истории (Очерки истории города Омска…, 2005; Лосунов, 2009; Омская тюрьма…, 2010). В научных работах о репрессиях антибольшевистских правительств и «белом терроре» (Ратьковский, 2017; Стельмак, 2019) в основном содержатся данные, уже введенные в научный оборот. В тех случаях, когда в исследованиях рассматриваются различные направления деятельности правоохранительных органов, сведения о служащих тюремного ведомства на территории Акмолинской области не обобщены и приводятся как фактологический материал (Звягин, 1999; Звягин, 2001).

Для понимания специфики Акмолинской области необходимо обратиться к концу XIX – началу XX в., когда она не рассматривалась как полностью инкорпорированная в пространство Российской империи территория. Данное отношение проявлялось во многих аспектах проводимой правительством политики, определявшей административно-территориальный статус области и структуру ее управления. Находясь в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства, она до 1868 г. носила название Область Сибирских киргизов (Зуев, Ильиных, Матханова, Ноздрин, 2009. С. 46). После 1882 г. Акмолинская область, наряду с Семиреченской и Семипалатинской областями, вошла в Степное генерал-губернаторство с центром в городе Омске. В отличие от Томской и Тобольской губерний, получивших статус обычных российских территорий, в Акмолинской области продолжал сохраняться приоритет власти представителей армии над гражданскими учреждениями. Непосредственное руководство Акмолинской областью осуществлялось военным губернатором, подчинявшимся генерал-губернатору края. Общественные круги критиковали целесообразность сохранения прежнего порядка управления, считая, что он препятствует развитию территорий, мало отличавшихся от внутренних районов империи. Лишь в 1906 г. военные губернаторы были заменены губернаторами, большинство которых являлось гражданскими лицами. Данную перемену можно рассматривать как формальный признак завершения интеграции Акмолинской области (Гермизеева, 2018. С. 44).

Продолжительность пребывания в качестве отдаленной от центра окраины наряду с экономическими и географическими особенностями привело к тому, что на ее территории располагалось меньшее количество гражданских пенитенциарных учреждений, чем в Тобольской и Томской губерниях. До революции Акмолинская область делилась на Атбасарский, Акмолинский, Кокчетавский, Омский и Петропавловский уезды (Раев, Ильиных, 2009. С. 59). В центральных городах перечисленных административных единиц, за исключением Атбасарска, функционировали тюрьмы. Поскольку только через Омск и Петропавловск проходили основные транзитные пути Западной Сибири, в остальных местах заключения содержались немногочисленные контингенты арестантов. Несмотря на это, функционирование местной пенитенциарной системы сопровождалось множеством трудностей, что в основном было обусловлено недостаточным уровнем профессиональных качеств большинства служащих. В Акмолинской области немногие чиновники соответствовали занимаемым должностям, справляясь с возложенными на них обязанностями (Гермизеева, 2017. С. 17). Действия руководства регионом сводились к традиционным мерам по увеличению штатов административных уч-

реждений и повышению окладов содержания, что не могло повлиять на исполнительность и проявление инициативы госслужащими, которые ориентировались в деятельности на формальное выполнение распоряжений. С началом Первой мировой войны положение усугубилось ввиду частых смен чиновниками мест службы по решению вышестоящих инстанций (Гермизеева, 2018. С. 47).

После утверждения власти большевиков название региона сменяется с Акмолинской на Омскую область. Однако изменения, осуществляемые новыми властями, не ограничивались формальными мерами. Одним из направлений деятельности Советов стало отстранение от исполнения обязанностей представителей прежнего чиновничьего аппарата, что в какой-то мере стало продолжением политики, проводимой революционной властью с февраля 1917 г. После свержения монархии увольнения, прежде всего, коснулись многих работников учреждений по охране правопорядка, в том числе пенитенциарной системы. В частности, в конце марта 1917 г. по решению коалиционного комитета, подтвержденному соответствующим приказом губернатора, от должности начальника Акмолинской уездной тюрьмы был отстранен Алексинский (Акмолинские областные ведомости. 1917. 29 марта). Через восемь месяцев, когда большевики установили контроль над областью, от исполнения обязанностей начальника Омского областного пенитенциарного учреждения был освобожден А.С. Веретенников, ставший руководителем места заключения в июле 1917 г. по предложению самого начальника Главного управления мест заключения (ГУМЗ) Министерства юстиции Временного правительства профессора А.А. Жижиленко (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 3. Л. 82 об.).

Сразу после ликвидации советской власти в регионе, в результате вооруженного выступления легионеров Чехословацкого корпуса и антибольшевистских подпольных групп, области было возвращено прежнее название, а многие уволенные ранее административные работники тюрем восстановлены в должностях. Обеспечение функционирования пенитенциарной системы путем привлечения управленцев с дореволюционным опытом наблюдалось по всей территории Сибири. Причем в условиях отсутствия у Временного Сибирского правительства (ВСП) многоуровневого аппарата, формирование которого завершилось к осени 1918 г., решения об изменении состава тюремных администраций принимались на местах органами самоуправления или армейским командованием. В некоторых регионах назначения, перемещения или увольнения руководящих чинов стали производится тюремными инспекциями, утратившими при большевиках основную часть полномочий. В имперский период в Акмолинской области подобный институт отсутствовал, а «белые» власти не предприняли практических мер для его создания. Поэтому местная пенитенциарная система находилась в годы Гражданской войны в непосредственном подчинении комиссара, а позднее управляющего областью, что соответствовало до революции должности губернатора.

В составе II отдела Акмолинского областного комиссариата действовал 2-й тюремный стол, служащие которого отвечали за делопроизводство. В июле 1918 г. в их числе находились старший делопроизводитель А.Я. Меньшиков, счетовод И.Е. Третьяков и помощник делопроизводителя В.В. Корягина (Акмолинские областные ведомости. 1918. 27 июля). До 1917 г. А.Я. Меньшиков исполнял обязанности секретаря Акмолинского областного комитета Попечительного о тюрьмах общества и занимал должность делопроизводителя по тюремной части областного правления (Записки Е.П. Клевакина…, 2014. С. 265.). Неудивительно, что он, как опытный работник, с 5 сентября 1918 г. оказался в числе служащих учрежденного центрального аппарата управления пенитенциарной системой (III Тюремного Отделения) в составе Министерства юстиции (ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.). В это же время счетовод 2-го тюремного стола И.Е. Третьяков уходит для лечения в отпуск сроком на один месяц. Позднее его отпуск по болезни продляется до 7 ноября 1918 г., по истечении которого он по прошению вовсе увольняется с должности и службы (Акмолинские областные ведомости. 1918. 16 ноября). В условиях невозможности осу-

ществления должного контроля и надзора при малочисленности предназначенных для этого служащих в III (Тюремном) Отделении приступают к составлению законопроекта об учреждении окружной тюремной инспекции. Согласно планам предполагаемый административный орган, находящийся в городе Омске, должен был управлять местами заключения Алтайской губернии, Семипалатинской и Акмолинской областей (Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 7 ноября). В штате намеченной к созданию управленческой структуры предполагалось наличие инспектора и двух его помощников. В конце 1918 г. и начале 1919 г. Акмолинский областной комиссариат в официальных обращениях постоянно акцентировал внимание на необходимости отдельной тюремной инспекции, но ее формирование оставалось на стадии проекта вплоть до эвакуации из Омска Российского правительства А.В. Колчака в связи с поражениями на Восточном фронте.

Многие решения, принятые местными властями сразу после свержения Советов в отношении мест заключения, в особенности их служебного персонала, впоследствии потребовали подтверждения или пересмотра на региональном и правительственном уровне, что из-за бюрократических задержек занимало много времени. Назначенный 23 июня 1918 г. начальником Кокчетавской тюрьмы М.Н. Кушакевич из-за отсутствия опыта подобной работы предпочел через полгода оставить должность. Но увольнение М.Н. Кушакевича и официальное возложение обязанностей по руководству местом заключения на А.А. Россова было произведено только 23 июня 1919 г. в соответствии с приказом управляющего областью (Вестник Акмолинской области. 1919. 28 июня). До утверждения в должности им была направлена просьба в управление Акмолинской области о срочном введении новой штатной единицы помощника начальника тюрьмы или назначении ответственного письмоводителя. Необходимость этого обуславливалась тем, что прежний служащий, отвечавший за делопроизводство, был уволен А.А. Россовым 16 апреля 1919 г. Начальник тюрьмы, видимо, не имея возможности найти подходящего работника в канцелярию, самостоятельно занимался составлением документов, а также решал хозяйственные вопросы, включая заготовку дров и продовольствия для арестантов. В итоге Главным управлением мест заключения (ГУМЗ), возникшим в результате реорганизации III (Тюремного) Отделения, было дано разрешение на увеличение штата с 1 июля 1919 г. на одного помощника начальника пенитенциарного учреждения (Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 15).

В Акмолинской уездной тюрьме после установления над городом контроля антибольшевистских сил была утверждена должность помощника начальника местного пенитенциарного учреждения. В августе 1918 г. комиссар уезда направил просьбу об утверждении в должности как начальника тюрьмы И.Г. Ростова, так и его помощника Н.Н. Фролова. Он подчеркивал, что расширение штата за счет введения должности помощника начальника места заключения необходимо, поскольку в камере, рассчитанной на 40 арестантов, содержалось вместе с политическими 120 человек. Причем к тому моменту многие задержанные в связи со свержением советской власти были освобождены, так как двумя месяцами ранее их число достигало более 200 человек (Алпыспаева, 2016. С. 214). Потребность в дополнительном чине администрации также обосновывалась необходимостью организации работ при огороде Акмолинской тюрьмы и обеспечением заключенных сельскохозяйственными продуктами питания (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 5). До вынесения соответствующего распоряжения вышестоящими органами жалованье помощнику начальника выписывалось уездным комиссариатом по смете Министерства юстиции. В результате задержки с принятием решения И.Г. Ростов оказался уволен со службы приказом Акмолинского областного комиссара от 24 октября 1918 г. за № 54, будучи не утвержденным в должности официально (Акмолинские областные ведомости. 1918. 2 ноября). Только в декабре 1918 г. в Министерство юстиции было сделано представление Управляющего областью об изменении штатов пенитенциарного учреждения с 1 января 1919 г. К тому моменту вместо Н.Н. Фро-

лова помощником начальника тюрьмы уже числился Георгиевский кавалер поручик Сабитов (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д.34. Л. 5 об.). При этом руководивший пенитенциарным учреждением города Акмолинска вахмистр А.С. Сербов был утвержден в должности лишь с 1 апреля 1919 г. (Вестник Акмолинской области. 1919. 26 апреля).

В Омске после возращения на прежнее место службы А.С. Веретенникова, согласно его приказам от 22 июня и 15 августа 1918 г. к временному исполнению обязанностей помощников начальника областной тюрьмы были допущены старшие надзиратели А. Павлов, А. Кожевников и И. Седельников. Вероятно, имеющийся опыт работы не позволил им нести службу в качестве руководящих чинов на должном уровне. После побега из помещения тюремной кухни арестантов Богатского и Янушкина в соответствии с приказом Акмолинского комиссара от 1 ноября 1918 г. всем назначенным А.С. Веретенниковым лицам предписывалось заниматься своими непосредственными обязанностями по надзору заключенных, а против И. Седельникова было даже возбуждено уголовное дело (ИАОО. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 39). Вместо них в администрацию Омского пенитенциарного учреждения были назначены эвакуированные с Поволжья начальник Симбирской губернской тюрьмы титулярный советник В.С. Сергеев и начальник Симбирской женской тюрьмы Н. Андреев. Однако В.С. Сергеев в связи с призывом на военную службу пробыл на должности лишь месяц (Акмолинские областные ведомости. 1918. 28 декабря). Кроме упомянутых лиц, временно исполняющим обязанности помощника начальника места заключения Омска являлся делопроизводитель Симбирской губернской тюремной инспекции губернский секретарь К.П. Пульхеровский (ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 3. Л. 82 об.).

Все служащие пенитенциарных учреждений, как и чиновники других ведомств, перевозимые с западных территорий из-за ухудшения обстановки на фронте, согласно постановлению Административного Совета Временного Сибирского правительства от 29 октября 1918 г. в двухнедельный срок проходили регистрацию у местных властей и зачислялись в резерв для последующего перемещения на соответствующие их служебному положению вакантные должности (Сибирский вестник. 1918. 31 октября). Таким образом, тюремная система Акмолинской области не испытывала дефицита в кадрах, при том что в подавляющем большинстве эвакуированные работники пополнили персонал Омской тюрьмы. Например, вывезенные из Уфимской губернии делопроизводитель тюремной инспекции И. Головня, помощник делопроизводителя М.И. Кабанов и канцелярские служащие Г.М. Гордиенко и П.П. Максак приказом областного комиссара от 25 декабря 1918 г. были направлены в данное пенитенциарное учреждение для выполнения «письменных занятий» (Акмолинские областные ведомости. 1918. 28 декабря). Через неделю М.И. Кабанов был допущен к временному исполнению обязанностей помощника начальника тюрьмы. Аналогичную должность занимал начальник сызранской милиции, чиновник военного времени Ф.Я. Шошин. Этот факт упоминается Д.Ф. Раковым, когда в момент его перевода в Омскую тюрьму приемом заключенных занимался помощник начальника пенитенциарного учреждения, который прежде возглавлял городскую милицию в Сызрани (Раков, 1920. С. 28). Кроме того, приказом Управляющего Акмолинской области от 27 января 1919 г., на эвакуированных чинов сызранской милиции, надзирателей 2-го участка М.Г. Тихонова, Луговцева и Тезикова возлагалась ответственность за делопроизводство и документооборот в пенитенциарном учреждении (Акмолинские областные ведомости. 1919. 1 февраля). После А.С. Веретенникова, уволенного в связи с беспрепятственным захватом тюрьмы в ходе вооруженного восстания в Омске 22–23 декабря 1918 г., местом заключения руководил коллежский секретарь А.Г. Сивицкий, бывший начальник Белебеевской уездной тюрьмы. Несмотря на непродолжительное пребывание в должности, ему был сделан выговор за вывод следственного арестанта в Омскую городскую больницу без разрешения со стороны военно-полевого суда. Отсутствие распорядительности по организации для заключенного операции в госпитале пенитенциарного учреждения привело к тому,

что он, оказавшись вне территории тюрьмы, совершил побег (Вестник Акмолинской области. 1919. 26 апреля).

С началом успехов на Восточном фронте Русской армии весной 1919 г. гражданскими властями была проведена реэвакуация части служащих. В связи с требованием Уфимского губернского тюремного инспектора о возвращении на прежнее место службы М.И. Кабанов с 1 мая 1919 г. прекращает временное исполнение обязанностей помощника начальника Омской тюрьмы (Вестник Акмолинской области. 1919. 10 мая). К тому времени вместо А.Г. Сивицкого руководителем пенитенциарного учреждения числился надворный советник В.Н. Адамов, переведенный 5 мая 1919 г. приказом министра юстиции в Оренбургскую губернию в качестве помощника тюремного инспектора. После безуспешных переговоров о принятии штабс-капитана В.И. Чекстера на должность начальника тюрьмы на данное служебное место 26 мая 1919 г. был назначен М.П. Жуков (ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 3. Л. 4). Реэвакуация коснулась и К.П. Пульхеровского, переведенного в состав Казанской милиции, что вызвало его уход из состава служащих пенитенциарной системы (Вестник Акмолинской области. 1919. 28 июня).

Неудачный для белых ход военных действий летом 1919 г. поставил управление Акмолинской областью перед необходимостью размещения еще большего количества чинов администрации и тюремной стражи, вывезенных перед отступлением армий А.В. Колчака с территории Урала. Так, на «усиление» персонала Омской тюрьмы в распоряжение ее начальника 21 августа 1919 г. были прикомандированы руководитель Камышловской уездной тюрьмы Соловьев, помощник начальника Пермской губернской тюрьмы Павлов, а также письмоводитель Киликопский и 15 надзирателей из Екатеринбурга (Вестник Акмолинской области. 1919. 30 августа). По приказу Управляющего Акмолинской областью от 16 сентября 1919 г. в распоряжении руководства пенитенциарного учреждения города Омска оказалось еще 5 надзирателей из «столицы Урала» и смотритель Екатеринбургского арестного дома Ф. Котов (Вестник Акмолинской области. 1919. 20 сентября).

Достаточно часто эвакуированные работники привлекались для канцелярской работы в тюрьмах. Такие меры были особенно необходимы в условиях увеличения объемов требуемой руководством пенитенциарной системы отчетной документации и неполноты информации за предшествующие месяцы, вызванное тем, что при большевиках делопроизводство в местах заключения велось непостоянно. В декабре 1918 г. в канцелярии Омской областной тюрьмы числились вольнонаемная машинистка Шуралева и письмоводитель титулярный советник Н.Н. Свешников. Последний, будучи ответственным за делопроизводство, начал службу по представлению начальника пенитенциарного учреждения и с разрешения губернатора еще в 1913 г. (ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 3. Л. 82 об.). С 1 февраля 1919 г. вместо Н.Н. Свешникова штатным письмоводителем тюрьмы становится эвакуированный из Уфы Г.М. Гордиенко. Однако через месяц он увольняется со службы и в соответствии с приказом управляющего областью от 10 марта 1919 г. на должность был назначен П.П. Максак (Вестник Акмолинской области. 1919. 22 марта). Решение проблемы частых смен служащих в конторе тюрьмы и трудностей, связанных с передачей дел и ознакомлением с ними вновь назначенных работников, администрация места заключения связывала с расширением состава канцелярских служащих, а также увеличением их денежного содержания. После назначения П.П. Максака А.Г. Сивицким на следующий день в управление Акмолинской области был направлен рапорт, в котором начальник тюрьмы признавал необходимым, чтобы штат тюремной канцелярии включал делопроизводителя, его помощника (письмоводителя), четырех писцов и машинистки. Он предполагал, что канцелярскими делами под руководством одного из его помощников займутся делопроизводитель, письмоводитель и писец. Остальные писцы находились бы в распоряжении помощника начальника тюрьмы по хозяйству и рабочему столу. Оклад делопроизводителя должен был составлять 600 руб., помощника 550 руб., писцов 450–500 руб., а маши-

нистки 450 руб. Необходимость материального стимулирования работников объяснялась в рапорте отсутствием условий для ведения делопроизводства: небольшим по площади и не отапливаемым помещением конторы, сыростью, риском заболевания тифом (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 10–10 об.). В ответ на просьбу начальника Омской областной тюрьмы 24 марта 1919 г. последовало распоряжение начальника ГУМЗ об утверждении дополнительной должности письмоводителя с окладом содержания в соответствии с постановлением Административного Совета ВСП от 25 октября 1918 г. и ассигновании средств для найма двух писцов (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 35).

После призыва на военную службу П.П. Максака, проблема замещения должностей в тюремной канцелярии стала настолько острой, что в какой-то мере ее решение потребовало участия властей регионального уровня. Так, в связи с телеграммой секретаря милиции города Мариинска Соболева, в которой выражалось согласие занять должность делопроизводителя, и просьбой начальника Омской областной тюрьмы о принятии мер по вызову Соболева, между Управляющим Акмолинской области и властями Томской губернии была начата переписка. Однако ее итоги оказались безрезультатны, поскольку Соболев в итоге отказался от переезда на новое место службы (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 36–41).

В указанном выше рапорте от 11 марта 1919 г. предлагаемые начальником Омской областной тюрьмы размеры жалованья для канцелярских служащих значительно превышали даже те суммы, которые полагались представителям администрации согласно правительственному постановлению от 25 октября 1918 г. «Об утверждении окладов содержания служащих по тюремному ведомству Министерства юстиции в Сибири». В качестве подтверждения следует представить сведения, полученные в январе 1919 г. управлением Акмолинской областью от пенитенциарных учреждений, о количестве руководящих чинов, медицинских работников и лиц, занимающихся делопроизводством в тюремных конторах, а также их жаловании (табл. 1).

Обращает на себя внимание то, что денежное содержание делопроизводителей, письмоводителей, врачей и фельдшеров существенно варьировалось по местам заключения. Оклад фельдшера

Таблица 1

Оклады чинов администрации и служащих, состоящих при местах заключения Акмолинской области (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–5)

Table 1

Salaries of the ranks of the administration and employees, consisting of places of detention in the Akmola region (HAOO. F. R. 1617. List. 1. File. 34. Pages 1–5)

Наименование должности	Название тюрьмы, оклады содержания (количество служащих)			
	Акмолинская уездная тюрьма	Кокчетавская уездная тюрьма	Омская областная тюрьма	Петропавловская уездная тюрьма
Начальник тюрьмы	400 руб.	450 руб.	525 руб.	500 руб.
Помощник начальника тюрьмы	350 руб. (1)	–	450 руб. (1) 400 руб. (2)	–
Делопроизводитель, письмоводитель	300 руб.	300 руб.	450 руб.	200 руб.
Врач	–	100 руб.	500 руб.	–
Фельдшер	–	250 руб. (1)	325 руб. (2)	–

Кокчетавской уездной тюрьмы составлял только 100 руб., в то время как врачей тюрем – фельдшеров Д.М. Кондратского и Д.А. Гольфера – по 325 руб. Разница в оплате труда медицинского персонала объясняется тем, что ее размеры не были зафиксированы в постановлении от 25 октября 1918 г., а объемы такого финансирования зависели от числа заключенных и поддержки местного Попечительного о тюрьмах общества. Во многом необходимость привлечения дополнительных денежных средств повлияла на решение областного комиссариата от 17 октября 1918 г. о восстановлении Акмолинского комитета данного общества и его отделений во главе с уездными комиссарами в Акмолинске, Кокчетаве и Петропавловске (Акмолинские областные ведомости. 1918. 2 ноября). Что касается канцелярских работников, то согласно постановлению от 25 октября 1918 г. письмоводителю губернской и уездной тюрьмы полагались установленные оклады в 375 руб. и 300 руб. При этом, в Петропавловском пенитенциарном учреждении данному лицу выплачивалось 200 руб., а в Омском 450 руб., что соответствовало содержанию делопроизводителя тюремной инспекции (Выявление и изучение новых источников…, 1998. С. 343.). Чины надзора также не получали одинакового жалованья, но в постановлении от 25 октября 1918 г. по этому поводу давались определенные пояснения. Старшие надзиратели всех мест заключения получали по 300 руб. На оклад в размере 275 руб. в месяц могли претендовать не более 20 % младших надзирателей, а остальным 80 % охранников полагалось содержание от 225 до 250 руб. в месяц (Выявление и изучение новых источников…, 1998. С. 343.). Уменьшение числа чинов тюремной стражи, уходивших со службы в поисках более оплачиваемой работы, наряду с необходимостью контроля за арестантами, количество которых заметно превышало установленные нормы, заставляло администрации тюрем периодически направлять запросы с просьбами об увеличении штата тюремной стражи. Например, надзор пенитенциарного учреждения в Омске на конец февраля 1919 г. насчитывал 75 человек. Из их числа 10 охранников были откомандированы для несения службы при арестном доме, который являлся особым отделением областной тюрьмы. В помещениях места заключения действовало 14 постов: в коридорах одиночных камер на третьем этаже – 2, в срочном и пересыльном отделениях – 2, в следственном отделении на втором этаже – 4, в мастерских на первом этаже – 3, в больнице и женском отделении – 3. Кроме того, на территории караул осуществлял привратник, а также надзиратели у дверей в главный корпус, у ворот с общего на больничный двор, у ворот с больничного двора на территорию женского отделения и у казарм. Для обеспечения трехсменной службы на всех постах, вывода арестантов на прогулки и охраны заключенных на внешних обозных и внутренних хозяйственных работах начальник Омской областной тюрьмы ходатайствовал об увеличении состава надзора до 100 человек. Кроме того, он предлагал увеличить содержание старших надзирателей до 560 руб., а младших до 450 руб. в месяц (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 9–9 об.). В повторном прошении начальника пенитенциарного учреждения отмечалось, что для его нормального функционирования необходимо уже 123 надзирателя. Данное количество обосновывалось необходимостью дополнительных резервных охранников для замены, чтобы выполнялось положенное требование о предоставлении каждому служащему одного выходного дня в неделю, а также из-за распространения эпидемии тифа (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 10).

Ходатайства об изменении состава тюремной стражи поступали и из других мест заключения Акмолинской области. Так, начальник Петропавловской тюрьмы просил добавить в штат должность надзирательницы, уменьшив количество надзирателей на одного человека (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 20).

Направляемые в центральный аппарат тюремного ведомства прошения потребовали от руководства ГУМЗ разослать 4 мая 1919 г. циркуляр с требованием указать действительное число чинов стражи и вакантных мест для выяснения целесообразности направляемых просьб (табл. 2).

Таблица 2

Количество чинов тюремной стражи Акмолинской области май – июнь 1919 г. (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 20 об. – 31 об.)

Table 2

The number of ranks of prison guards in the Akmola region May – June 1919 (HAOO. F.R. 1617. List. 1. File. 34. Pages 20 ob. – 31 ob.)

Наименование должности	Акмолинская уездная тюрьма	Кокчетавская уездная тюрьма	Омская областная тюрьма	Петропавловская уездная тюрьма
Старший надзиратель	3	2	6	3
Младший надзиратель	17	31	74	24
Старшая надзирательница	–	–	1	–
Младшая надзирательница	1	1	3	–

Одним из заметных негативных последствий послереволюционных событий для пенитенциарной системы являлось ухудшение ситуации с нехваткой опытных надзирателей. Как следствие этого, чины тюремной стражи чаще совершали служебные преступления, специфика которых определялась сложившейся обстановкой. Так, к уголовной ответственности по ст. 452 Уложения о наказаниях был привлечен надзиратель Омской областной тюрьмы Патиенков за побег арестанта Лещева. Сопровождая 17 октября 1918 г. несколько заключенных из тюремной конторы, Патиенков не удостоверился в том, что они дошли до камер, и, не дождавшись дежурного по коридору охранника, отправился домой, позволив Лещеву скрыться (ИАОО. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 39).

Последствием другого побега, упомянутого выше, из того же пенитенциарного учреждения стало официальное расследование не только в отношении помощника начальника тюрьмы И. Седельникова, но и надзирателей Дмитрия Микурова, Михаила Обуховского и Федора Уткина. Несмотря на это, Ф.Н. Уткин, чей служебный стаж тогда составлял не более года, продолжил выполнение обязанностей в качестве чина тюремной стражи. Однако за более серьезное дисциплинарное нарушение, заключавшееся в попытке незаконного проноса писем, написанных заключенными, он был отстранен от должности и арестован (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 43. Л. 22). При этом в одной из записок составитель указывал неизвестному адресату, чтобы тот познакомился со старшим надзирателем Любарским, который мог повлиять на улучшение условий содержания и возможность получения передач в будние дни, что было запрещено установленным порядком (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 17).

Не менее показательны обстоятельства увольнения младшего надзирателя Кокчетавской уездной тюрьмы Алексея Меньшинина. В 11 часов ночи 8 июля 1919 г. казачий патруль во главе с помощником станичного атамана вахмистром Горбуновым обнаруживает, что недалеко от здания пенитенциарного учреждения слышны винтовочные выстрелы. Отправившись на поиски стрелявшего, казаки сталкиваются у тюрьмы с часовым, который находился в состоянии алкогольного опьянения. В ходе разговора охранник потребовал от патрульных предъявить пропуск, угрожая применить огнестрельное оружие. Вскоре к ним подошел старший надзиратель Дитченко, которому казаки рассказали о случившемся, и тот отвел нетрезвого часового в контору места заключения (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 2–2 об.). Позднее выяснилось, что стрелявшим оказался письмоводитель местного тюремного отделения Н.С. Куратов, который неза-

долго употреблял спиртные напитки вместе с письмоводителем тюрьмы Тимофеевым и надзирателями Алексеем Меньшининым, Дмитрием Меньшининым и Брюхановым по причине отъезда последнего в армию. В результате спровоцированной Брюхановым ссоры, между надзирателями вспыхнула драка, закончившаяся тем, что Д. Меньшинин выбил своему обидчику глаз бутылкой (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 43. Л. 6). Согласно полученным от А. Меньшинина показаниям, он попытался отвезти Брюханова в больницу, но из-за того что тот был сильно пьян и не мог самостоятельно идти, передал его казакам и направился в тюрьму на службу, заступив на пост. Чувствуя недомогание, он попросил проходившего мимо Н.С. Куратова некоторое время покараулить на посту вместо него (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 43. Л. 7 об.). После ухода А. Меньшинина, по показаниям самого Н.С. Куратова, он стал вертеть винтовку в руках и случайно произвел выстрел, после чего появился казачий патруль, который показался ему подозрительным. Поскольку начальник тюрьмы отсутствовал в городе, отвечавший за порядок в пенитенциарном учреждении старший надзиратель Дитченко отдал распоряжение о снятии Н.С. Куратова и замене его на посту штатным охранником (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 43. Л. 9). Итогом произошедшего стало наложение на А. Меньшинина высшего административного наказания за самовольный уход со службы, т. е. исключение из состава работников места заключения (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.). Что касается последствий для остальных участников происшествия, то их, к сожалению, выяснить не удалось.

В то же время Советом министров Российского правительства санкционируются административно-территориальные изменения, которые приводят к переименованию Акмолинской области в Омскую и присоединению к ней Тарского и Тюкалинского уездов, входивших до того в Тобольскую губернию (ИАОО. Ф. Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 23). Штат работников тюрьмы города Тюкалинска включал начальника коллежского регистратора М.В. Давыдова, назначенного на должность приказом Тобольского комиссара 1 августа 1918 г., и священника Николая Высоцкого. Постоянный медицинский персонал отсутствовал, поскольку лечением арестантов занимались городской врач статский советник Ф.Н. Евграфов и фельдшер коллежский регистратор М.И. Шалашников (ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 3. Л. 48). Помощник начальника тюрьмы отсутствовал, несмотря на его наличие в штате пенитенциарного учреждения. Только 2 октября 1919 г. приказом Управляющего Акмолинской областью на данную должность был назначен гражданин И.А. Белослудцев.

В числе служащих, сохранявших порядок в Тюкалинской уездной тюрьме, было 2 старших и 20 младших надзирателей, а также две младших надзирательницы. Среди них только у двух чинов тюремной стражи срок службы составлял более десяти лет, в то время как у половины надзирающего состава менее года (ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 1. Д. 2. Л. 14). Согласно описи вещей обмундирования и вооружения, охрана располагала необходимым количеством новых мундиров, зимних кителей, шаровар, шинелей, брюк, папах и шапок. Однако охранники места заключения не были готовы к несению службы в теплое время года, поскольку в наличии имелось 3 непоношенных летних кителя, 10 фуражек и 19 пар сапог. Вооружение надзирателей составляли 4 старые винтовки с 75 патронами, 20 револьверов системы Смита-Вессона с 417 патронами, один револьвер системы Нагана и 7 шашек. Видимо, во всех тюрьмах Акмолинской области имелось незначительное количество холодного оружия, поскольку в июне 1919 г. ГУМЗ было поручено управляющему Тобольской губернии отправить ненужные запасы в соседний регион (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 42. Л. 20).

Подводя итоги, следует отметить, что в связи с отсутствием тюремной инспекции, контрольно-распорядительные функции в отношении пенитенциарных учреждений осуществлялись непосредственно руководством региона. Поскольку Омск одновременно являлся столицей Белой Сибири и местным административным центром, комиссариат, а позднее управление Акмолинской области интенсивнее взаимодействовало с центральным аппаратом управления пенитенциарным ведомством.

Представители местной власти осознавали, что присутствие правительства требует предельного внимания к отслеживанию ситуации в местах заключения. Поэтому, на наш взгляд, ревизии тюрем Акмолинской области происходили гораздо чаще, чем в соседних территориях. Более того, Омское пенитенциарное учреждение нередко посещали высокопоставленные правительственные чиновники вплоть до министров.

Как и в других административных субъектах с момента ликвидации советской власти на службу в пенитенциарное ведомство принимались обратно многие уволенные большевиками работники тюремных администраций, получившие опыт работы в дореволюционный период. Наличию достаточного количества профессиональных руководящих работников мест заключения способствовало также то, что многие из них прибывали с территории Европейской России в Акмолинскую область, хотя в большинстве случаев они направлялись на службу не в уездные тюрьмы, а зачислялись в штат Омской областной тюрьмы. Эффективности управления местами заключения препятствовала бюрократизация пенитенциарной системы, в результате которой по многим вопросам, касавшимся, в том числе назначений и перемещений чинов администраций, решения принимались в течение продолжительного времени.

Обстановка постреволюционного периода привела к ухудшению уровня подготовки надзирательского состава и увеличению случаев дисциплинарных нарушений чинами тюремной стражи. Положение усугублялось тем, что из-за низких окладов содержания администрации пенитенциарных учреждений Акмолинской области испытывали значительные затруднения с закрытием вакансий, образовывавшихся в результате ухода со службы многих охранников. Аналогичная ситуация складывалась с категорией служащих, состоящих при местах заключения, – делопроизводителями, канцелярскими работниками и медицинским персоналом.

Библиографический список

Алпыспаева Г.А. Сакен Сейфуллин: тернистый путь от лидера регионального уровня – к лидеру национального масштаба // Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов III Международных Усмановских чтений. Уфа, 2016. С. 213–215.

Вегман В.Д. Вооруженные восстания против Колчака в городах и рабочих районах. Новосибирск: Сибкрайсовпроф, 1928. 17 с.

Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. – 1920 г.): Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.): в 3 вып. Вып. 2. / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск: ТГУ, 1998. 446 с.

Гермизеева В.В. Степное генерал-губернаторство в начале XX века: проблемы административного управления (по данным всеподданнейших отчетов) // Национальные приоритеты России. 2017. № 3. С. 15–20.

Гермизеева В.В. Гражданские губернаторы Акмолинской области: основные направления деятельности (1906–1917) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2. С. 44–48.

Записки Е.П. Клевакина о тюрьме (по материалам

References

Alpyspaeva G.A. (2016) Saken Seifullin: thorny path from a regional to a national leadership. *Regional'naya istoriya: metodologiya, istochniki, istoriografiya. Sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnykh Usmanovskikh chtenii* = Regional history: methodology, sources, historiography. Collection of scientific papers of the III International Usman Readings. Ufa. P. 213–215. (In Russ.)

Vegman V.D. (1928) Armed uprisings against Kolchak in cities and worker areas. Novosibirsk: Sibkraisovprof. 17 p. (In Russ.)

Lukin E.V., Fominykh S.F., Chernyak E.I. (1998) Identification and study of new sources on the history of social life in Siberia (end of the 19th century – 1920): Legislative activity of the White governments of Siberia (June – November 1918) in 3 issues. Tomsk: Tomsk State University. Iss. 2. 446 p. (In Russ.)

Germizeeva V.V. (2017) Steppe Governor General at the beginning of the XX century: problems of administrative management (according to the most comprehensive reports). *Natsional'nye prioritety Rossii* = National Priorities of Russia. No. 3. P. 15–20. (In Russ.)

Germizeeva V.V. (2018) Civil governors of the Akmola region: main areas of activity (1906–1917). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Notes of Petrozavodsk State University. No. 2. P. 44–48. (In Russ.)

Vishnyakova L.A. (2014) Notes by E.P. Klevakin about

личного фонда (1884–1885, 1901–1917). Сборник документов / отв. сост. Л.А. Вишнякова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 342 с.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

Звягин С.П. Тюрьмы Томской губернии в 1918–1919 гг. // Краеведение Сибири: история и современность: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященные 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С. 50–56.

Зуев А.С., Ильиных В.А., Матханова Н.П., Ноздрин В.А. Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. А–И. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 45–54.

Колмогоров Н.С. Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 г. Омск, 1957. 34 с.

Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.). Омск: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1980. 82 с.

Лосунов А.М. Столица «белой» Сибири // Энциклопедия города Омска в 3 т. Том. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: Лео, 2009. С. 270–285.

Молотов В.С. Большевики Сибири в период Гражданской войны (1918–1919). Омск: Омское областное государственное издательство, 1949. 144 с.

Омская тюрьма // Энциклопедия Омской области в 2 т. Т. 2. М–Я. Омск: Омское книжное издательство, 2010. С. 133.

Очерки истории города Омска в 2 т. Т. 2. Омск. XX в. / под ред. А.П. Толочко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 400 с.

Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири 1918–1920. М.: Госиздат, 1925. 169 с.

Раев Д.В., Ильиных В.А. Акмолинская область // Историческая энциклопедия Сибири. Том 1. А–И. Новосибирск, 2009. С. 59.

Раков Д.Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Paris: Edition «Pour la Russie», 1920. 47 с.

Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

the prison (based on materials from the personal foundation (1884–1885, 1901–1917). Collection of documents. *Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii* = Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 342 p. (In Russ.)

Zvyagin S.P. (2001) The A.V. Kolchak's law enforcement policy. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 352 p. (In Russ.)

Zvyagin S.P. (1999) Prisons of the Tomsk province in 1918–1919. *Kraevedenie Sibiri: istoriya i sovremennost': materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennye 70-letiyu Kemerovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* = Local history of Siberia: History and Present: Materials of the Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Kemerovo Regional Museum of Local History. Kemerovo. P. 50–56. (In Russ.)

Zuev A.S., Il'inykh V.A., Matkhanova N.P., Nozdrin V.A. (2009) Administrative and territorial structure of Siberia and the Far East. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Tom 1. A–I* = Historical Encyclopedia of Siberia. Volume 1. A–I. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. P. 45–54. (In Russ.)

Kolmogorov N.S. (1957) The uprising of Omsk workers against Kolchak on December 22, 1918. Omsk. 34 p. (In Russ.)

Kuz'mina A.S. (1980) Formation of correctional labor institutions in Siberia (1917–1924). Omsk: Nauchno-issledovatel'skii i redaktsionno-izdatel'skii otdel. 82 p. (In Russ.)

Losunov A.M. (2009) The capital of "White" Siberia. *Entsiklopediya goroda Omska. V 3 t. Tom. 1. Omsk ot proshlogo k nastoyashchemu (period s 1716-go po 2008 god* = Encyclopedia of the city of Omsk in 3 volumes. Volume 1. Omsk from the past to the present (the period from 1716 to 2008). Omsk: Leo. P. 270–285. (In Russ.)

Molotov V.S. (1949) The Bolsheviks of Siberia during the Civil War (1918–1919). Omsk: Omskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 144 p. (In Russ.)

(2010) Omsk prison. *Entsiklopediya Omskoi oblasti. V 2 tomakh. T. 2. M–Ya* = Encyclopedia of the Omsk region in 2 volumes. Volume. 2. M–YA. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 133. (In Russ.)

Tolochko A.P. (2005) Essays on the history of the city of Omsk. In 2 vol. Vol. 2. Omsk XX. Century. Omsk: Omsk State University. 400 p. (In Russ.)

Parfenov P.S. (1925) Civil War in Siberia 1918–1920. Moscow: Gosizdat. 169 p. (In Russ.)

Raev D.V., Il'inykh V.A. (2009) Akmola region. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Vol. 1. A–I* = Historical Encyclopedia of Siberia. Vol. 1. A–I. Novosibirsk. P. 59. (In Russ.)

Rakov D.F. (1920) In the dungeons of Kolchak. Voice from Siberia. Paris: Edition "Pour la Russie". 47 p. (In Russ.)

Rat'kovskii I.S. (2017) Chronicle of White Terror in Russia. Repression and lynching (1917–1920). Moscow: Algoritm. 464 p. (In Russ.)

Стельмак М.М. К вопросу о репрессивном характере внутренней политики Российского правительства А.В. Колчака // Актуальные проблемы изучения Гражданской войны в России : материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы. Омск, 2019. С. 133–146.

Stel'mak M.M. (2019) To the question of the repressive nature of the domestic policy of the Russian government of A.V. Kolchak. *Aktual'nye problemy izucheniya Grazhdanskoi voiny v Rossii. Materialy vserossiiskoi konferentsii, posvyashchennye 100-letiyu nachala Grazhdanskoi voiny i 100-letiyu gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby* = Actual problems of studying the Civil War in Russia. Materials of the All-Russian Conference dedicated to the 100th anniversary of the Civil War and the 100th anniversary of the State Archival Service. Omsk. P. 133–146. (In Russ.)

Критерии авторства

С.П. Звягин, С.В. Макарчук и Д.Р. Тимербулатов на основании архивных материалов провели исследовательскую работу, обобщили и описали полученные результаты, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

S.P. Zvyagin, S.V. Makarchuk and D.R. Timerbulatov on the basis of archival materials conducted research, summarized and described the results, prepared the manuscript for publication, have copyrights to the article, and are responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Звягин Сергей Павлович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории,
Кемеровский государственный медицинский университет,
650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 22а, Россия,
✉ e-mail: whitesiberia@narod.ru
Макарчук Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России,
Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6, Россия,
✉ e-mail: makarchuk-sv@mail.ru
Тимербулатов Дмитрий Радикович,
кандидат исторических наук, методист отдела научно-методического сопровождения и мониторинга процессов развития образования,
МБОУ ДПО «Научно-методический центр»,
650036, Кемерово, ул. Гагарина, 118, Россия,
✉ e-mail: dmi924512@yandex.ru

Information about the authors

Sergey P. Zvyagin,
Dr. Sci (History), Associate Professor, Professor of Department of History,
Kemerovo State Medical University,
22a, Voroshilov street, Kemerovo 650056, Russia,
✉ e-mail: whitesiberia@narod.ru

Sergey V. Makarchuk,
Dr. Sci (History), Professor, Professor of Department of History,
Kemerovo State University,
6, Krasnaia street, Kemerovo 650000, Russia,
✉ e-mail: makarchuk-sv@mail.ru
Dmitry R. Timerbulatov,
Cand. Sci (History), Methodologist of the Department of scientific and methodological support and monitoring of the development of education,
Municipal Budget Educational Institution of Continuing Professional Education “Scientific and Methodological Centre”,
118, Gagarin street, Kemerovo 650036, Russia,
✉ e-mail: dmi924512@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-178-191

Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г.

© В.П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена деятельности Экспедиции заготовления государственных бумаг в Сибири в годы Гражданской войны. История финансовой политики сибирской власти мало исследована в литературе. В статье сделана попытка на основе нового фактического материала рассмотреть вопросы организации эмиссионной деятельности в начале 1920 г. после восстановления Советской власти в Иркутске. В центре ее деятельность Экспедиции по заготовлению государственных бумаг и ее роль в развитии денежного обращения в крае и во вновь образованной Дальневосточной республике. Выделено два этапа: омский с октября 1918 по ноябрь 1919 гг., связанный с выпуском «сибирских» денег для правительства Колчака, и иркутский – с эвакуацией ее в Иркутск в ноябре 1919 г. до окончательной ликвидации в мае 1921 г., когда ведущей задачей стал выпуск бумажных денег для нужд Советской власти в Сибири и кредитных билетов для вновь образованной Дальневосточной республики. Подробно рассмотрен процесс организации работы Экспедиции в Иркутске, ее структура, техническое и кадровое обеспечение. В связи с нехваткой опытных специалистов к работе были привлечены военнопленные Первой мировой войны. Новая власть прекрасно понимала, что выйти из финансового кризиса можно только включением печатного станка, поэтому делало все необходимое для обеспечения деятельности Экспедиции. В статье приведены примеры заботы о размещении ее работников, питании и бытовом положении. Ликвидация Экспедиции в Иркутске явилась частью мероприятий финансовых органов РСФСР по оптимизации эмиссионной политики и налаживанию правильного снабжения страны денежной наличностью. Значительная часть ее оборудования и специалистов была эвакуирована в Москву, оставшиеся старые станки были переданы в Читу и продолжали обеспечивать денежными знаками ДВР.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, Дальневосточная республика, Экспедиция по заготовлению государственных бумаг, типографии, финансы, банки, эмиссионная деятельность, денежные знаки, денежное обращение

Информация о статье: Дата поступления 20 марта 2020 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Шахеров В.П. Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 178–191. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-178-191

Emission activity in Irkutsk after the restoration of Soviet power in 1920

© Vadim P. Shakherov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the activity of the Expedition for Collecting State Papers in Siberia during the Civil War. The history of the financial policy of the Siberian government is little studied in the literature. The article attempts to consider the issues of the organization of emission activity in the beginning of 1920 after the restoration of Soviet Power in Irkutsk on the basis of new factual material. It focuses on the activities of the expedition for the preparation of state securities and its role in the development of monetary circulation in the province and in the newly formed Far Eastern Republic. There are two stages: Omsk from October 1918 to November 1919, associated with the issue of “Siberian” money for the Kolchak government, and Irkutsk from its evacuation to Irkutsk in November 1919 until its final liquidation in May 1921, when the main task was to issue

paper money for the needs of the Soviet government in Siberia and credit cards for the newly formed Far Eastern Republic. The process of organizing the work of the Expedition in Irkutsk, its structure, technical and personnel support are examined in detail. Due to the lack of experienced specialists, prisoners of war of the First World War were brought to work. The new government understood perfectly well that it was possible to get out of the financial crisis only by turning on the printing press, so it did everything necessary to ensure the activities of the Expedition. The article provides examples of care about the placement of its employees, nutrition and living conditions. The liquidation of the Expedition in Irkutsk was part of the activities of the financial authorities of the RSFSR to optimize the issue policy and establish the correct supply of cash to the country. A significant part of its equipment and specialists was evacuated to Moscow, the remaining old machines were transferred to Chita and continued to provide money tokens for the Far Eastern Republic.

Keywords: Siberia, Irkutsk, Far Eastern Republic, Expedition of the Preparation of Government Papers, printing houses, finances, banks, issuing activities, banknotes, money circulation

Article info: Received March 20, 2020; accepted for publication April 20, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Shakherov V.P. (2020) Emission activity in Irkutsk after the restoration of Soviet power in 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 178–191. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-178-191

Если политическая история революционных событий и социальных потрясений в Сибири давно привлекает исследователей и имеет солидную историографию, то проблемы финансового и экономического развития не получили достаточного освещения в исторической литературе. Региональные особенности наложили свой отпечаток, что заметно отличало революционные события здесь от тех процессов, которые происходили в Центральной России. В результате в изучении экономической политики сменяющих друг друга правительств и реальной повседневной хозяйственной жизни населения края присутствуют существенные пробелы и противоречивые оценки (Шахеров, 2019). Между тем, несмотря на значительные утраты документального корпуса, в сибирских региональных архивах до сих пор остаются неопубликованными и малоизвестными научному сообществу разрозненные по различным фондам документы, отражающие организацию и реальное состояние местной экономики и денежного обращения. Ранее нами предметно освещена роль бывших военнопленных Первой мировой войны в выпуске денег на территории Сибири в 1919–1921 гг. (Шахеров, 2020). Настоящая статья подготовлена на основе как ранее введенных в научный оборот, так и дополнительно выявленных источников. Публикация призвана комплексно рассмотреть организацию эмиссионной деятельности в начале 1920 г. после восстановления Советской власти в Иркутске.

Из всех аспектов финансового блока наибольшее внимание привлекала история изготовления денежных знаков и суррогатов региональными советскими властями и антибольшевистскими правительствами. Эти сюжеты изучались в российской и эмигрантской литературе, прежде всего, самими участниками событий и коллекционерами (Погребецкий, 1924; Юровский, 1928; Атлас, 1940). Следует отметить, что коллекционеров, прежде всего, привлекали сами денежные знаки, их внешние описания и регионы хождения, в тоже время организация бумагоденежного производства, материальная и техническая составляющая, а также само денежное обращение затрагивались попутно и не получили серьезного осмысления. В последнее время появилось довольно много работ, посвященных различным аспектам экономического и финансового развития Сибири. Среди них можно отметить коллективную монографию, посвященную новому осмыслению экономических и политических проблем Гражданской войны (Гражданская война в России…, 2011). Вопросы финансовой политики и денежного обращения на сибирских окраинах были затронуты в ряде монографических исследованиях и статьях (Флеров, 1963; Алямкин, Баранов, 2005; Шиканова, 2004; Шиканова, 2005; Рынков, 2006; Ходяков, 2009; Петин, 2010; Петин,

2018a; Петин, 2018b; Шахеров, 2018; Шахеров, Гаврилова, 2019). Некоторые итоги изучения денежно-финансовой политики антисоветских правительств на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке подвел в своей статье омский историк И.Ю. Денисов (Денисов, 2010). Заметным вкладом в развитие темы стал сборник документов, изданный в Омске (Финансовая политика…, 2014)[1].

Гражданская война привела к разрыву связей Центральной России с окраинами, что привело к нарушению транспортного, товарного и финансового потоков. В результате присылка в Сибирь денежной наличности практически прекратилась. Уже летом 1918 г. обнаружился острый денежный дефицит и начался экстренный поиск путей его устранения, что неминуемо привело к инфляции и появлению различных денежных суррогатов. Как отмечал В.Г. Кокоулин, «…власти в годы Гражданской войны не смогли обеспечить горожан продуктами и товарами, не могли гарантировать сохранение собственности и личную безопасность обывателям. Население, затянутое в водоворот рыночной стихии, теряло интерес ко всему, что не затрагивало их личные нужды. А попытки государственного регулирования сибиряки рассматривали как прямую угрозу личному благосостоянию» (Кокоулин, 2013. С. 151).

Еще большевики в лице Центросибири летом 1918 г. начали производство местных денежных знаков и бон, чтобы компенсировать расходы на ведение боевых действий. В результате печатание суррогатных денег в Верхнеудинске и Чите привело к их доминированию в местном денежном обращении. После падения советской власти денежные суррогаты продолжили своё хождение. Чтобы избежать финансового коллапса, колчаковское правительство в мае 1919 г. разрешило обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации Военных займов 1915–1916 гг. и «Займа Свободы», выпущенные в качестве денежных знаков в разных регионах Урала и Сибири. Однако все эти полумеры не смогли стабилизировать денежное обращение, поэтому «омской» власти пришлось запустить печатный станок. Для организации и осуществления новой денежной эмиссии в октябре 1918 г. при министерстве финансов в Омске была образована сибирская Экспедиция заготовления государственных бумаг (далее – ЭЗГБ). В Иркутске при военно-топографическом отделе штаба Иркутского военного округа было создано ее отделение. В небольшой по времени истории ЭЗГБ можно выделить два этапа: омский с октября 1918 по ноябрь 1919 гг., связанный с выпуском «сибирских» денег для правительства Колчака, и иркутский, начавшийся после ее эвакуации в Иркутск в ноябре 1919 г. и продлившийся до окончательной ликвидации в мае 1921 г. Ведущей задачей второго этапа стал выпуск бумажных денег для нужд советской власти в освобожденных районах Сибири и кредитных билетов для вновь образованной Дальневосточной республики.

Организация бумажно-денежного производства в Сибири была новым и достаточно сложным делом. Все основные фабрики Госзнака располагались в столицах и Перми. В Сибири не было необходимой материально-технической базы, отсутствовали бумага и краски, но наибольшие сложности были связаны с дефицитом квалифицированных кадров в сфере печати и цинкографии. Большой удачей для деятельности Экспедиции стало привлечение к работе в должности управляющего нового учреждения опытного печатника С.С. Ермолаева, имевшего опыт работы в одной из лучших типографий России – Товариществе скоропечатни А.А. Левенсона в Москве и за рубежом (Петин, 2018b. С. 361). Сам он отмечал, что 32 года отдал «типо-литографической области», работая «в русских столицах и затем пополнил свои знания в Германии (Лейпциг, Берлин и Дрезден) (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 107).

За год с небольшим работы Экспедиции в Омске для нужд белой власти было изготовлено около 17 млрд денежных знаков (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 332. Л. 86 об.). Однако осенью 1919 г. си-

[1] Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: Сборник документов / автор-сост., науч. ред. канд. ист. наук Д.И. Петин. Омск : Амфора, 2014. 224 с.

туация для правительства Колчака значительно ухудшилась. Красные войска подходили к столице белой Сибири городу Омску. Из него на восток в спешном порядке эвакуировались правительственные учреждения и организации со всем имуществом, архивами и штатами. В спешном порядке всего за день до занятия Омска красными были эвакуированы в Иркутск оборудование и работники ЭЗГБ. Часть сложного типографского имущества не успели вывезти, другая застряла на станциях Транссиба. Далеко не все специалисты захотели покидать свои дома. До эвакуации в штате насчитывалось 224 должности, но только 72 сотрудника выехали на восток. Пополнять ряды пришлось уже в Иркутске. На 5 января 1920 г. в ней значился 81 специалист, к 1 февраля уже 115 (Петин, 2017. С. 259). В дальнейшем в связи с расширением объема работы штаты Экспедиции выросли вдвое.

В Иркутске для ЭЗГБ было выделено трехэтажное каменное здание бывшего казенного спиртоочистительного завода и склада, находившееся на окраине города в Знаменском предместье. Здание было хорошо оснащено технически: имело собственную силовую подстанцию, паровые котлы, фильтрационные батареи, цистерны, разливные и укупорочные машинки, фильтры для очистки воды и другое современное оборудование, что позволяло достаточно быстро разместить, смонтировать и ввести в строй типографские машины. Несмотря на то, что в связи с сухим законом, введенным в России в 1914 г., завод был закрыт, все его помещения и оборудование поддерживались в хорошем состоянии и были пригодны к эксплуатации. Работы по монтажу и наладке полиграфического оборудования заняли около двух месяцев. Однако к концу 1919 г. политическая ситуация в регионе, и без того сложная, радикально изменилась. В ходе восстания, организованного эсеро-меньшевистским Политцентром 24 декабря 1919 – 5 января 1920 г., колчаковская власть была ликвидирована, а с конца января 1920 г. перешла в руки Советов.

В ситуации краха колчаковского режима и экономического кризиса ЭЗГБ смогла выстоять только благодаря энергии ее руководителя. Уже в начале января 1920 г. С.С. Ермолаев обращается к уполномоченному по финансовому ведомству Политцентра А.И. Погребецкому с предложениями по оптимизации работы. Учитывая резкое сокращение аппарата, в том числе финансового, он предлагает функции отдела кредитных билетов Государственного банка передать Экспедиции. Кроме того, он просил решить вопрос о переводе в Экспедицию всех работников ликвидируемого иркутского филиала при военно-топографическом отделе штаба Иркутского военного округа, а также прикрепленных к нему чиновников Государственного банка для несения дежурств и счетоводства по контролю за печатанием денежных знаков. Резкое сокращение заказов по основной деятельности ЭЗГБ также не могло не волновать управляющего. Пытаясь включить работу фабрики в контекст социально-экономического развития региона, он предложил расширить типографическое направление ее деятельности с целью печатания учебной и другой литературы. Для этого необходимо было дополнительное оборудование и различные типографские шрифты. В середине января 1920 г. он вновь обращается к руководству Политцентра с просьбой задерживать на станции Иркутск и передавать Экспедиции имущество эвакуированных из Омска и других сибирских городов частных и военных типографий (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 4). Несмотря на то, что финансовое руководство Политцентра хорошо понимало значение Экспедиции для экономики, реальных возможностей поддержать и стабилизировать ее деятельность у него не было. Ситуация изменилась в конце января с переходом всей полноты власти к большевикам.

Восстановление советской власти еще более обострило кризис денежной наличности. Ликвидация старых структур и создание новых органов власти требовали времени, а введение российских законов, в том числе о национализации промышленности и частных банков при полном прекращении приема в платежи старых сибирских краткосрочных обязательств привело к новой инфляции и падению рынка. Усугубляло ситуацию и то, что других денег в Сибири в первые месяцы после прихода красных не было. Более того, в Иркутске новая

власть не просто использовала старые денежные знаки, но и продолжала их выпускать до 17 февраля 1920 г., расплачиваясь с населением новыми, только что выпущенными с печатного станка «колчаковками». Только 18 февраля 1920 г. большевики объявили о прекращении хождения этих денег одновременно с прекращением их печатания (Шахеров, Гаврилова, 2019. С. 141). Естественно, все это привело к новому витку инфляции и падению рынка. Люди обратились к бартеру, обменивая вещи на продовольствие. В Иркутске имели место погромы китайских торговых лавок, во время которых население насильно отбирало товары, предлагая в уплату отмененные «сибирки». В летописи Н.С. Романова записано: «18 февраля объявлено об аннулировании сибирских денег. Всеобщая паника по случаю уничтожения сбережений. Базары пусты. Сибирские деньги не берут, а романовских керенок нет» (Романов, 1994. С. 394).

Денежное подкрепление из Центра было затруднено низкой пропускной способностью железной дороги и отсутствием новых финансовых структур на местах. В этих условиях значительную ценность для новой власти приобрело присутствие в Иркутске серьезной полиграфической базы по изготовлению денежных знаков. Не случайно, один из первых указов Иркутского Ревкома от 3 марта 1920 г. о ликвидации всех центральных учреждений омского министерства финансов не затронул ЭЗГБ (ГАИО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 12. Л. 6). Управляющий Экспедицией уже 31 января обратился к новому комиссару финансов. Он отмечал, что запасов бумаги и других материалов остается всего на 1–2 месяца, после чего фабрика может остановить работу. В качестве экстренной меры он предлагал срочно разыскать застрявшие в дороге 6 вагонов со специальной бумагой с водяными знаками, закупленными в США по предложению ЭЗГБ еще омским правительством (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 20). В обращении С.С. Ермолаева была затронута и более важная проблема. Он отмечал, что в связи с установлением советской власти в Сибири актуальной становиться задача организации печатания денежных знаков Советской России, для чего необходимо заблаговременно решить вопросы технического характера, а самое главное – определить место иркутской Экспедиции в структуре эмиссионной политики страны. С этой целью он предлагал срочно отправить соответствующего специалиста в Пензу и Петербург на фабрики Госзнака, «дабы в течение ближайшего месяца организовать печатание нужных денежных знаков в Иркутске» (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 20).

Большевики прекрасно понимали, что выйти из финансового кризиса можно только включением печатного станка, и постарались укрепить деятельность Экспедиции. В качестве комиссара в нее был направлен представитель Ревкома Н.Д. Сазонов. Уже в конце февраля 1920 г. заведующий Губфинотделом В.И. Бесенек обратился в Сибревком с предложением продолжить печатание денежных суррогатов. В распоряжении новой власти оказался остаток бумаги, приготовленной для колчаковских кредиток 5 и 10 руб. без сетки верхнего рисунка и текста. Он предложил распечатать эти кредитки с новым рисунком и другими подписями. В условиях аннулирования старых денежных знаков необходимо было снизить крайний дефицит денежной массы выпуском новых суррогатных денег. Для этой цели лучше всего подходили билеты выигрышного займа 4–5 выпусков, полный тираж которых, еще невведенный в оборот, находился в Иркутске. Наложение на них особого грифа и подписей давало возможность пустить их в свободное хождение наряду с денежными знаками РСФСР и тем самым сосредоточить в руках Иркутского губфинотдела необходимые ресурсы (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 222. Л. 86 об.). Следует отметить, что подобная практика полностью себя оправдала. Так, на 1 января 1920 г. весь запас денежных знаков в регионе составлял всего 107 млн руб. при месячной потребности в 500 млн руб. Благодаря активной работе иркутской Экспедиции этот жесточайший дефицит был преодолен уже к середине 1920-го года, когда денежный запас вырос до 4,7 трлн рублей, что обеспечивало 4-месячную норму (Шахеров, Гаврилова, 2019. С. 141).

Следует отметить, что к этому времени возможности эмиссионной деятельности в Иркутске значительно улучшились в связи с тем, что на ме-

стной таможне было задержано новое американское оборудование и бумага, заказанные еще Омским правительством. Кроме того, удалось отправить в Иркутск застрявшие в Чите вагоны со специальной американской бумагой для печатания денежных знаков и другие материалы (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 18. Л. 27). В результате иркутская фабрика оказалась оснащенной новейшими американскими машинами. Кроме того, денежные знаки печатались на двух старых литографических машинах иркутского военно-топографического отдела и двух таких же старых машинах, доставленных из Омска. К середине 1920 г. в распоряжении иркутской Экспедиции заготовления государственных бумаг имелась солидная материальная база, позволившая решать значительные государственные задачи. Типография была оборудована шестью новейшими американскими машинами в одну краску и тремя в две краски. Кроме того, использовались также две старых машины, две американки «Виктория», девять «бостонок» для грифования, цинкография с двумя фотоаппаратами и полным оборудованием. Цех литографии был оснащен двумя литографическими машинами 18-ти и 25-ти вершков, одной шлифовалкой. При фабрике действовали также валико-отливное и резальное отделения. В составе последнего находились две резальных машины и краскотерка. Американские машины представляли собой новейшую конструкцию для тончайших иллюстрационных работ. Таких в России не было, поскольку последние пять лет техника в стране не обновлялась (Шахеров, Гаврилова, 2019. С. 142).

Благодаря такому техническому оснащению иркутская Экспедиция смогла не только успешно печатать различную денежную массу для нужд территорий, освобожденных от колчаковщины, но и приступить к выполнению важной государственной задачи по выпуску денежных знаков нового образца для только что образованной Дальневосточной республики. Первоначально для этих целей использовались кредитные билеты американского производства, выпущенные еще в 1918 г., с наложением особого грифа «Временная земская власть Прибайкалья» (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 222. Л. 87). Но уже с 1 июня 1920 г. распоряжением Наркомата финансов РСФСР иркутской ЭЗГБ поручили произвести эмиссию денежных знаков нового образца для ДВР на 3 млрд рублей. Их образцы в 3, 10, 1000 руб. были утверждены министерством финансов республики. Другие купюры достоинством в 1, 5, 50 и 500 руб. были разработаны, но еще не утверждены. Весь заказ необходимо было отпечатать в течение четырех месяцев (Шахеров, Гаврилова, 2019. С. 143). Спустя несколько месяцев последовало распоряжение еще на одну эмиссию в 5 млрд руб. Такой большой заказ позволил продлить работу Экспедиции в Иркутске на 1,5 года и потребовал значительных материальных и людских ресурсов. Вопрос о необходимости срочного урегулирования денежного обращения в Дальневосточной республики имел важное политическое и экономическое значение. К весне 1920 г. в Забайкалье и на Дальнем Востоке царил настоящий денежный хаос. Фактически в обращении находились различные бумажные денежные знаки: от дореволюционных кредитных билетов, «керенок», колчаковских, а затем и семеновских денег до различных частных бон, японской и китайской валюты. В той обстановке для зарождавшегося «буфера» собственная денежная единица была не только мерой к стабилизации экономики региона, но одним из символов новой государственности. В ходе переговоров между Москвой и Верхнеудинском был согласован порядок эмиссии «буферных» денег и их обмена на общероссийские денежные знаки. В пределах установленной эмиссии РСФСР возлагала на себя полную экономическую ответственность за «буферки», обеспечивая их всем своим достоянием (рис. 1). Дальневосточная республика, в свою очередь, обязывалась свободно допускать на своей территории российские денежные знаки наравне с собственными. Деньги «буфера» платежной силы в РСФСР не имели, но их можно было обменять на рубли в Иркутском губернском финотделе (Петин, 2018а. С. 132).

В связи с возросшим объемом работ штатный состав Экспедиции был значительно увеличен и уже в марте 1920 г. составил 230 человек (рис. 2). Наиболее сложной задачей было найти опытных

специалистов в области лито и цинкографии. Для этих работ еще в Омске стали привлекать военнопленных Первой мировой войны. Одним из первых в декабре 1918 г. был принят на работу копировщиком немец Э. Райх. В течение 1919 г. в состав Экспедиции были зачислены еще 10 человек. Среди них оказались опытные и искусные специалисты: чех В.В. Видеман, возглавивший отдел цинкографии, художник немец Куно Гоппе, цинкографы-травильщики немцы В. Матие и Г. Барт, хромолитограф австриец С. Сайдль, зав. материальным складом австриец А. Кроб и др. (Шахеров, 2020. С. 15). После переезда в Иркутск в январе – феврале 1920 г. в состав ЭЗГБ было прикомандировано еще 15 военнопленных. Всего в изготовлении денежных знаков было занято 30 иностранных подданных (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 232). Экспедиция состояла из отдела делопроизводства и бухгалтерии, насчитывающего вместе с управляющим 23 человека, контрольно-счетного отдела по произ-

Рис. 1. Денежные знаки с грифом «Временная земская власть Прибайкалья»
Fig. 1. Banknotes with the stamp "Provisional Zemstvo of the Baikal region"

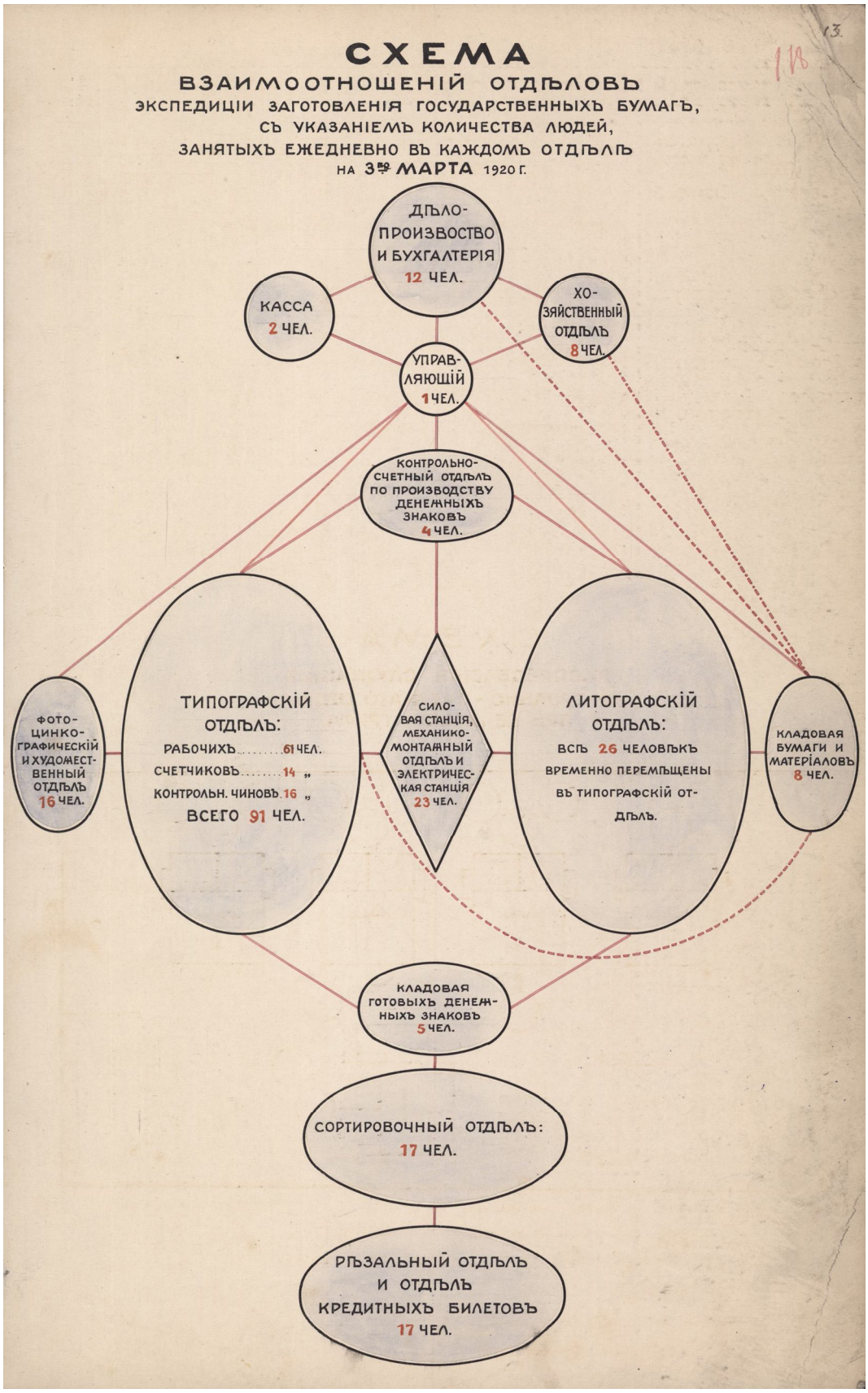


Рис. 2. Структура Экспедиции заготовления государственных бумаг. (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 118)
Fig. 2. Structure of the Expedition for collecting state papers (GAIO. F. R-260. Op. 1. D. 108. L. 118)

водству денежных знаков (4 чел.). Производственная часть включала отделы: фото-цинкографический и художественный (16 чел.), литографический (26 чел.) и типографический (91 чел). Последний был самым многочисленным и состоял из 61 рабочего, 14 счетчиков и 16 контролеров. Кроме того, в структуру Экспедиции входили сортировочный и резальный отделы, в каждом из которых насчитывалось по 17 человек, кладовые готовых денежных знаков (5 чел.) и бумаги и других материалов (8 чел.). Обслуживали техническое производство силовая станция, механико-монтажный отдел и электростанция, работу которых обеспечивали 23 специалиста (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 118).

Успешная работа ЭЗГБ во многом зависела не только от материальной базы и привлечения опытных специалистов. Большой проблемой стало решение бытовых проблем и обеспечение всем необходимым работников и специалистов. Основной костяк рабочих был эвакуирован из Омска и оказался на новом месте без жилья и имущества. Особенно это касалась военнопленных. В первое время с трудом решались вопросы размещения работников. Экспедиция находилась на окраине города, работы производились в три смены до 24 часов, что в условиях военного положения, которое было установлено в Иркутске, требовало размещения неподалеку от места работ. Ночевать в операционных комнатах, тем более, хранилищах было запрещено, а все свободные помещения были настолько уплотнены, что селить в них работников было невозможно. Даже сам управляющий и многие сотрудники были вынуждены снимать комнаты и углы в близрасположенных частных домах. Для решения проблемы жилья руководство Экспедицией неоднократно ставило вопрос о передаче в ее распоряжение находящегося напротив двухэтажного каменного здания бывшей учительской семинарии. В колчаковский период в этом здании размещался госпиталь белочехов. После его ликвидации в январе 1920 г. здание было передано под общежитие для работников ЭЗГБ, что позволило в основном решить жилищную проблему.

Не менее сложными были задачи организации питания и снабжения работников и служащих Экспедиции. Еще в Омске для работников была организована общая столовая с месячным содержанием в 50 тыс. руб. Однако стоимость продуктов и товаров в Иркутске оказалась значительно больше и утвержденных лимитов явно не хватало (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 33). В начале февраля в столовой отпускалось около 100 обедов и ужинов ежедневно, при этом стоимость одного набора составляла в среднем до 70 рублей в месяц, а общий расход на закупку продуктов доходил до 210 тыс. руб. Из-за дороговизны и нехватки самого необходимого обеспечение работников Экспедиции оставляло желать лучшего. Ситуацию несколько спасало то, что еще в марте 1920 г. они были поставлены на военное довольствие 5-й Армии, а учреждению была выдана чековая книжка на отпуск продуктов за наличный расчет. Но после выбытия отдела Опродкомармии 5 из Иркутска, отпуск продуктов был прекращен. Еще одной причиной тяжелого материального положения работников были низкие тарифные ставки печатников. К тому же деньги в это время значительно обесценились, и их просто не хватало на приобретение одежды и обуви, белья, покупки дров и т. п. Понимая это, администрация неоднократно ставила вопрос о зачислении всех работников Экспедиции как по питанию, так и по вещевому довольствию на красноармейский паек. Особенно тяжелым было положение военнопленных, многие из которых крайне нуждались в самых обычных вещах. Так, у многих из них просто износилась обувь, а заменить ее было нечем. В итоге Губраспред выдал для нужд военнопленных 12 пар обуви (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 108. Л. 33).

Судьба ЭЗГБ была решена в Москве. Разбросанные по всей стране бумажно-денежные заведения уже не соответствовали задачам финансовой политики республики Советов. Это прекрасно понимал управляющий иркутской фабрикой, поэтому еще в августе 1920 г. добился командировки в Москву для окончательного решения вопроса о ее дальнейшей деятельности. Как оказалось, более чем своевременно. Важный государственный заказ

по изготовлению денежных знаков для ДРВ лишь несколько отстрочил закрытие ЭЗГБ в Иркутске. Наркоматом финансов РСФСР уже весной 1920 г. в целях централизации эмиссионной политики в стране было принято решение закрыть все региональные учреждения, печатавшие советские деньги в Ростове-на-Дону, Перми, Пензе, Иркутске и Ташкенте. К концу года очередь дошла до Иркутска. 9 декабря 1920 г. все новые американские машины и другое оборудование в 23 вагонах были отправлены в Москву в распоряжения Госзнака. С этим составом из Иркутска выехало 30 наиболее квалифицированных работников с семьями, в том числе последние рабочие из военнопленных в количестве 17 человек. Руководитель иркутской Экспедиции С.С. Ермолаев был принят в штат Госзнака и назначен главным техником – управляющим художественно-графическим отделом Управления фабрик заготовления государственных знаков НКФ РСФСР, с осени 1922 г. был назначен заведующим издательской частью Российской академии художественных наук, а в 1928 г. «как исключительный специалист полиграфии» стал членом Декоративного комитета академии, войдя в группу полиграфической промышленности (Петин, 2018b. С. 362).

После отъезда команды С.С. Ермолаева в Иркутске остались лишь старые литографические машины, на которых печатались денежные знаки для Дальневосточной республики, да и то недолго. В начале 1921 г. их передали в распоряжение Минфина ДВР. Всего в Читу были отправлены оборудование и материалы на 58, 5 тыс. руб. золотом. Вместе с ними на восток выехали 15 специалистов и 7 представителей административного аппарата (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 222. Л. 89). Распоряжением Наркомфина РСФСР от 3 апреля 1921 г. ЭЗГБ в Иркутске была полностью ликвидирована. Для ее упразднения была сформирована специальная комиссия, в состав которой вошли сотрудники самой «фабрики», Министерства финансов ДРВ и представители органов власти Иркутской губернии (финансового отдела, совнархоза, РКИ). К 1 апреля 1921 г. Иркутская ЭЗГБ полностью прекратила свою работу (Петин, 2018a. С. 132). Процедура упразднения заняла еще несколько месяцев. Все оставшееся ценное имущество и оборудование было

Рис. 3. Денежный знак Дальневосточной республики номиналом в 500 руб.
Fig. 3. Monetary sign of the Far Eastern Republic with a nominal value of 500 rubles

отправлено в Москву. Особую заинтересованность столица проявила к вывозу остатков бумаги, акварели и других красок, электротехнического оборудования и медикаментов, «вследствие ощутимого там острого недостатка в них». С этим ценным грузом 15 июня 1921 г. в Москву выехали 7 сотрудников Экспедиции с членами семей во главе с последним ее управляющим М.К. Варгузовым. Всего 44 человека. С ними была также отправлена техническая документация и архив. В адрес Наркомфина был направлен итоговый доклад зав. губфинотделом В.И. Литвинова о деятельности ЭЗГБ в Иркутске.

В заключение можно привести общие итоги непродолжительной деятельности ЭЗГБ в Иркутске. За период с февраля 1920 г. по апрель 1921 г. на ней было огрифовано грифом РСФСР около 83,8 млн листов облигаций и купонов к ним американского образца на сумму в 1,15 млрд руб.; грифом «Временная Земская власть Прибайкалья» – 3,7 млн листов кредитных билетов в 25 и 100 руб. на сумму 228,5 млн руб.; напечатано более 18 млн экземпляров кредитных билетов ДВР на общую сумму 3,6 млрд руб. (рис. 3; рис. 4). Кроме того, по заказам различных учреждений отпечатано более 2,6 млн продовольственных карточек, около 20 тысяч плакатов агитационного характера, 79 брошюр, 144 990 портретов вождей пролета-

Рис. 4. Денежный знак Дальневосточной республики номиналом в 1000 руб.
Fig. 4. Monetary sign of the Far Eastern Republic with a nominal value of 1000 rubles

риата и 112 795 бланков. Всего фабрикой было выполнено заказов на 16 299 508 руб. 52 коп. (ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 11. Л. 162 об.).

Таким образом, эвакуация ЭЗГБ в Иркутск позволила создать здесь крупную техническую базу для изготовления бумажной наличности и тем самым в какой-то мере решить проблему денежного дефицита в Восточной Сибири. Особую роль сыграла иркутская фабрика для эмиссии денежных знаков вновь образованной Дальневосточной республики, содействовав решению важной политической и экономической задачи – обеспечения ее финансовой политики до момента вхождения в состав РСФСР и перехода на советскую денежную систему.

Библиографический список

Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2005. 334 с.

Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М.: Госфиниздат, 1940. 320 с.

Гражданская война в России, 1917–1922: Очерки экономической и политической истории / сост. и отв. ред. С.В. Карпенко. М.: Изд-во Ипполитова, 2011. 358 с.

Денисов И.Ю. Денежно-финансовая политика антисоветских правительств на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Анализ историографии (1930–2000-е годы) // Вестник Омского юридического института. 2010. № 1 (12). С. 3–6.

Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.). Новосибирск: Сибирь-Наука, 2013. 385 с.

Петин Д.И. Денежное обращение и финансовая политика советской власти в Сибири в 1919–1920 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 44–47.

Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки…»: Положение экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270.

Петин Д.И. К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018a. № 432. С. 130–137.

Петин Д.И. Сергей Степанович Ермолаев – организатор бумажно-денежного производства в Сибири в годы Гражданской войны // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / под ред. д-ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018b. С. 360–363.

Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин: Издание О-ва изучения

References

Alyamkin A.V., Baranov A.G. (2005) The history of money circulation in 1914–1924 (by materials of the Trans-Urals). Yekaterinburg: Ural State University. 334 p. (In Russ.)

Atlas Z.V. (1940) Essays on the history of monetary circulation in the USSR (1917–1925). Moscow: Gosfinizdat. 320 p. (In Russ.)

Karpenko S.V. (2011) Civil War in Russia, 1917–1922: Essays on the Economic and Political histories. Moscow: Ippolitov Publishing House. 358 p. (In Russ.)

Denisov I.Yu. (2010) Monetary and financial policies of anti-Soviet governments in the Urals, in Siberia and the Far East in 1918–1922. Historiography Analysis (1930–2000s years). *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta* = Bulletin of the Omsk Law Institute. No. 1 (12). P. 3–6. (In Russ.)

Kokoulin V.G. (2013) Everyday life of Siberian citizens in the military revolutionary years (July 1914 – March 1921). Novosibirsk: Sibir-Nauka. 385 p. (In Russ.)

Petin D.I. (2010) Money circulation and financial policy of the Soviet government in Siberia in 1919–1920. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* = Humanities in Siberia. No. 2. P. 44–47. (In Russ.)

Petin D.I. (2017) “Only a living word in place can quickly move this issue off the ground...”: Situation of the expedition for the procurement of government securities in Irkutsk in early 1920. *Noveishaya istoriya Rossii* = Recent History of Russia. No. 3. P. 256–270. (In Russ.)

Petin D.I. (2018a) On the issue of the production of banknotes of the Far Eastern Republic in Irkutsk (July 1920 – March 1921). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Bulletin. No. 432. P. 130–137. (In Russ.)

Petin D.I. (2018b) Sergey Stepanovich Ermolaev – the organizer of paper money production in Siberia during the Civil War. *Mavrodinskie chteniya 2018: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina* = Mavrodinsky Readings 2018. Materials of the All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg: Nestor-Istoriy. P. 360–363. (In Puss.)

Pogrebetskiy A.I. (1924) Money circulation and banknotes of the Far East for the period of the War and Revolution (1914–1924). Harbin: Publication of the Island of

Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского обва «Книжное дело», 1924. 419 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост. Н.В. Каликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1994. 560 с.

Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2006. 211 с.

Флеров В.С. Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI. Вып. 2. Томск, 1963. С. 11–20.

Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2009. 222 с.

Шахеров В.П. Регулирование кредитно-банковской системы Иркутской губернии в период политических трансформаций Гражданской войны // Вестник Бурятского научного центра сибирского отделения РАН. 2018. № 1. С. 46–54.

Шахеров В.П. Финансово-экономическое развитие Иркутской губернии в годы Гражданской войны: обзор фондов Государственного архива Иркутской области // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления совет. власти в Сибири (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.) / редкол. Д.И. Петин (отв. ред.) и др. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 305–310.

Шахеров В.П., Гаврилова Н.И. Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания. Иркутск: Оттиск, 2019. 372 с.

Шахеров В.П. Участие военнопленных Первой Мировой войны в эмиссионной деятельности сибирских правительств в 1919–1921 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 31. С. 13–23.

Шиканова И.С. Денежная реформа А.В. Колчака // Денежные реформы в России: история и современность. М.: Древлехранилище, 2004. С. 126–132.

Шиканова И.С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М.: Нумизматическая литература, 2005. 192 с.

Юровский Л.Н. Денежная политика Советской вла-

the Study of the Manchurian Territory and the Far East Siberian Society Book Publishing. 419 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994) The Irkutsk city chronicle for 1902–1924. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 560 p. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2006) The financial policy of the anti-Bolshevik governments of eastern Russia (second half of 1918 – early 1920). Novosibirsk: Novosibirsk State University. 211 p. (In Russ.)

Flerov V.S. (1963) From the history of money circulation in Siberia during the period of Foreign Intervention and the Civil War. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* = Proceedings of Tomsk Regional Museum of Local Lore. Vol. VI. Iss. 2. Tomsk. P. 11–20. (In Russ.)

Hodyakov M.V. (2009) Money revolution and Civil War: money circulation in Russia. 1917–1920. St. Petersburg: Peter. 222 p. (In Russ.)

Shaherov V.P. (2018) Regulation of the credit and banking system of the Irkutsk province during the period of political transformations of the Civil War. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra sibirskogo otdeleniya RAN* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No. 1. P. 46–54. (In Russ.)

Shaherov V.P. (2019) Financial and economic development of the Irkutsk province during the Civil War: a review of the funds of the state archive of the Irkutsk region. *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu vosstanovleniya sovet. vlasti v Sibiri (Omsk, 13–14 noyab. 2019 g.)* = Civil War in the East of Russia: a view through the documentary heritage: Proceedings of the III All-Russian Scientific-Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the restoration of the Soviet Authority in Siberia (Omsk, November 13–14, 2019). Omsk: Publishing house of Omsk State Technical University. P. 305–310. (In Russ.)

Shaherov V.P., Gavrilova N.I. (2019) State Bank in Irkutsk: from the Russian Empire to the present. To the 150th anniversary of its founding. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”. 372 p. (In Russ.)

Shaherov V.P. (2020) Participation of prisoners of war of the First World War in the issuing activity of Siberian governments in 1919–1921. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* = Bulletin of Irkutsk State University. Series History. Vol. 31. P. 13–23. (In Russ.)

Shikanova I.S. (2004) Monetary reform A.V. Kolchak. *Denezhnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'* = Monetary reforms in Russia: history and modernity. Moscow: Drevlehranilishche. P. 126–132. (In Russ.)

Shikanova I.S. (2005) Pages of domestic history in paper currency. Moscow: Numismatic literature. 192 p. (In Russ.)

Yurovsky L.N. (1928) Monetary policy of the Soviet

сти (1917–1927). М. : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1928. 278 с.

government (1917–1927). Moscow: Financial Publishing House of the NKF USSR. 278 p. (In Puss.)

Критерии авторства

В.П. Шахеров провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.P. Shaherov conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Шахеров Вадим Петрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: wodalis@yandex.ru

Information about the author

Vadim P. Shaherov,
Dr. Sci. (History), professor of the Department of Russia History,
Irkutsk State University,
1, K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: wodalis@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 159.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-192-200

Из истории психоаналитического движения в России, 1904–1932 гг.

© А.В. Васенкин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье дается аналитический обзор истории развития психоанализа в России в период с 1904 по 1932 годы, начиная от первого знакомства русских психологов с идеями З. Фрейда и его последователей, до полного запрещения психоаналитического движения. Интерес к новейшим течениям западноевропейской психологии был своеобразной реакцией на установку социального и духовного возрождения России, построения нового общества и создания принципиально новой культуры и нового человека. В указанный период на русском языке выходит множество переводов трудов зарубежных психологов, советские ученые активно участвуют в международных конференциях, поддерживают личные контакты с западными коллегами. Однако увеличивающееся идеологическое давление со стороны партийной власти впоследствии привело к ликвидации многих научных направлений в психологии, включая психоанализ. Первоначально революционность идей Фрейда была созвучна духу времени. Психоанализ начинал получать общественно-политическое измерение. Среди отечественных психологов возникает идея синтеза фрейдизма и марксизма, породившая обширную научную дискуссию. Этой идеей был увлечен и Троцкий. По всей стране создаются психоаналитические организации, активно осваиваются психоаналитические методы, основывается Русское психоаналитическое общество (РПСАО), учреждается Государственный психоаналитический институт. В Москве создается первый в мире Психоаналитический детский дом-лаборатория. В 1930-е годы восприятие академическим сообществом психологов идей З. Фрейда и его последователей резко меняется. Публикуются разоблачительные статьи, а те, кто придерживался психоаналитических идей, постепенно переходят на сторону критики. Полностью психоаналитическое учение возрождается только в 90-е годы на основании президентского указа.

Ключевые слова: история психологии, психология, история, психоанализ, история психоанализа, дореволюционная психология, психоаналитическая теория, фрейдизм, советская психология

Информация о статье: Дата поступления 4 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 6 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Васенкин А.В. Из истории психоаналитического движения в России, 1904–1932 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 192–200. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-192-200

From the history of psychoanalysis in Russia, 1904–1932

© Alexey V. Vasenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article provides an analytical review of the history of psychoanalysis development in Russia in the period from 1904 to 1932, starting from the first acquaintance of Russian psychologists with the ideas of Z. Freud and his followers to the complete prohibition of the psychoanalytic movement. Interest in the latest trends of Western European psychology was a peculiar reaction to the installation of social and spiritual revival of Russia, building a new society and creating a fundamentally new culture and a new person. During this period, many translations of the works of foreign psychologists were published in Russian, Soviet scientists began to play an active role in international conferences, and maintain personal contacts with their Western colleagues. However, increasing ideological pressure from the Party authorities subsequently led to the elimination of many scientific areas in psychology, including psychoanalysis. Initially, the revolutionary ideas of Freud were in tune with the spirit of the time. Psychoanalysis began to receive a socio-political dimension. Among Russian psychologists, the idea of a syn-

thesis of Freudianism and Marxism arises, which has generated an extensive scientific discussion. Trotsky was also interested in this idea. Across the country psychoanalytic organizations were appeared as well as psychoanalytic methods actively were developed, and Russian Psychoanalytic Society (RPSO) was based, the State Psychoanalytic Institute was established. The world's first Psychoanalytic Children's Home-Laboratory was being created in Moscow. In the 1930s, the perception of the academic community of psychologists of the ideas of Z. Freud and his followers changed dramatically. Expository articles were published, and those who adhere to psychoanalytic ideas gradually switch to the side of criticism. Fully psychoanalytic teaching was revived only in the 90s on the basis of a presidential decree.

Keywords: history of psychology, psychology, history, psychoanalysis, history of psychoanalysis, pre-revolutionary psychology, psychoanalytic theory, Freudianism, Soviet psychology

Article info: Received April 4, 2020; accepted for publication May 6, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Vasenkin A.V. (2020) From the history of psychoanalysis in Russia, 1904–1932. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 192–200. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-192-200

Психоанализ является одним из направлений в психологии, которое не только остается актуальным на сегодняшний день, но также выступает как основа формирования и возникновения психологии в России. По нашему мнению, существующая плюралистическая картина современного психологического пространства не может вытеснить психоаналитическую традицию, так как базовые положения, касающиеся функционирования иррациональной стороны человеческой психики, обозначены именно в рамках теории, основу которой заложил З. Фрейд (Фрейд, 2004).

Говоря о психоанализе как о парадигмальной научной теории, важно отметить, что основу ее составляют следующие положения:

– в психике нет ничего случайного; психическая жизнь является функцией аппарата, ответственного за расположение психических процессов в пространстве;

– ранние стадии психосексуального развития ребенка заметно сказываются на мышлении и поведении взрослого человека;

– события первых лет имеют первостепенное значение для всей дальнейшей жизни;

– эдипов комплекс является не только ядром неврозов, но и источником возникновения нравственности, морали, религии, общества, культуры;

– психический аппарат состоит из трех сфер или структурных образований – бессознательного Оно (включающего в себя все то, что наследуется, присутствует при рождении и заложено в конституции, т. е., прежде всего, влечения и инстинкты, берущие начало в соматической структуре и находящие свое психическое проявление в неосознаваемых формах), сознательного Я (наделенного функцией самосохранения и контроля над требованиями Оно, стремящегося к избежанию неудовольствия и получению удовольствия) и гиперморального Сверх-Я, олицетворяющего собой авторитет родителей, социальные идеалы, совесть;

– основополагающие влечения человека влечение к жизни (Эрос) и влечение к смерти, включающее в себя инстинкт разрушения;

– мышление и поведение человека осуществляются под воздействием различных психических механизмов и процессов, среди которых наиболее значимыми представляются такие, как вытеснение, подавление, регрессия, проекция, интроекция, идентификация, сублимация и другие (Лейбин, 2017b. С. 454).

На сегодняшний день актуальным остается не только расширение сферы применимости психоанализа. Исследование истории возникновения психоаналитической концепции также является весьма своевременным делом как с точки зрения исторической, так и с позиции психологической науки.

В данной статье рассматривается вопрос развития психоаналитического движения в России до формирования официальной идеологии – марксизма, дается характеристика и оценка этого течения в контексте отечественной историко-психологической специфики.

В первую очередь необходимо отметить, что психология в России развивалась не без влияния идей зарубежных ученых. И одним из первых направлений, которое проникло на территорию нашей страны, стал именно психоанализ. Разумеется, психоанализ в чистом виде, в котором его создал Зигмунд Фрейд, не распространялся на территории нашей страны. Специфика социально-политической ситуации в России обозначила и особые грани для преломления психоанализа. На протяжении своего развития, вплоть до 30-х годов XX века, ортодоксальный психоанализ испытал влияние не только социально-политической, но также экономической и культурной обстановки. Как культурное течение, психоанализ в России заслуживает отдельного рассмотрения, но здесь мы отметим достаточно важную мысль, о том, что «ряд историков психологии делают акцент на специфичности отечественной науки рассматриваемого периода вообще и психоаналитического течения в частности» (Артемьева, Синёва, 2018а. С. 149).

Специфичность развития психоанализа в России заключается в первую очередь в его периодизации. За тридцать лет своего существования до принятия официальной марксистско-ленинской идеологии психоанализ в своем развитии прошел несколько этапов, начиная от расцвета до полного забвения (Гуревич, Руднева, 2018. С. 146–147). Первый этап развития психоанализа (1904–1910) принято называть просветительским. На этом этапе многие работы З. Фрейда получают распространение в России и завоёвывают первую популярность. Русское общество знакомится с новым направлением в мировой психологии. Психоаналитические идеи очень быстро заинтересовывают русскую интеллигенцию и становятся важной частью культурной жизни России начала XX века. Начиная с 1904 года, после переиздания на русском языке работы Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений», интерес к психоанализу в обществе вырастает. На русском языке начинают выходить труды не только З. Фрейда, но и Карла Абрахама, Альфреда Адлера, Отто Ранка, Ганса Сакса, Вильгельма Штекеля. Сам З. Фрейд отмечал в одном из писем к К.Г. Юнгу в 1912 году: «В России началась … подлинная эпидемия психоанализа» (Шукуров, 2012. С. 66).

Наибольшую известность учение З. Фрейда приобретает в России с 1907 года благодаря просветительской деятельности русских врачей, в частности Н.Е. Осипова. «Н.Е. Осипов указывал, что именно ему принадлежала честь открытия и популяризации фрейдистского учения, одновременно отмечая, что до 1907 года труды З. Фрейда не были широко известны в нашей стране» (Шукуров, 2012. С. 66).

Особое распространение психоанализ получает в сфере культуры. Дело в том, что идеи З. Фрейда были оригинально восприняты представителями широких культурных слоев русского населения. «Романтизация любви и смерти (в психоаналитической парадигме – Эрос и Танатос), метафизика пола – темы, характерные для авторов этой эпохи» (Шукуров, 2012. С. 66). Следует отметить, что влияние психоанализа на культуру заслуживает отдельного рассмотрения в данной работе.

С одной стороны, исследователями отмечается, что отношение к психоанализу было положительным в русских культурных кругах начала XX века. Но с другой стороны, идеи З. Фрейда воспринимались резко негативно. Его обвиняли в натурализме, цинизме, профанации. Например, писатель В. Набоков испытывал антипатию к психоанализу, воспринимал З. Фрейда как вульгарного мыслителя, отрицал его влияние на собственное творчество и даже пародировал в своих произведениях (Кулагина, Ячина, Икрамов, 2011. С. 95).

Но как уже было сказано, вместе с критикой, существовал и интерес. Европейская часть России стала в один ряд с остальной Европой в направлении открытости эротическим идеям и пробуждения сексуальности. Угнетение собственной сексуальности, по З. Фрейду, есть главная причина развития неврозов, соответственно принятие и срывание запрета на сексуальность, есть причина избавления от неврозов. Даже революция в России воспринималась в эротико-апокалипсических ракурсах. Эротизм проявился в искусстве, литературе. Художник Сомов выступает с заявлением, что «эротизм есть сущность всего». Появляются эротические книги: «Учебник маркизы» К. Сомова. В. Иванов выпускает стихо-

творный сборник «Эрос». У писателей Арцыбашева, Каменского, Кузмина, Сологуба проблема пола выдвигается на первый план. В 1907 г. был опубликован роман М. Арцыбашева «Санин». Это скандальное произведение воплотило в себе эпоху распада, явилось воплощением эротического нигилизма (Кулагина, Ячина, Икрамов, 2011. С. 97).

Второй этап развития (1910–1914) называют адаптационным. Начинается активное тестирование и апробация идей З. Фрейда в практических интересах. Однако не все шло гладко. Психоанализ на этом этапе сталкивается с трудностями, связанными с отечественными социально-политическими тенденциями. В работе 1911 года «Гипноз, внушение, психотерапия» русский психиатр В.М. Бехтерев выгодно противопоставляет свой метод ведущим на тот момент западным психотерапевтическим методам: Дюбуа, Марциновского, Фрейда. Первые два, по мнению В.М. Бехтерева, можно было считать частями его подхода (Бехтерев, 1911)[1]. Психоанализ же критиковался наиболее резко. В.М. Бехтерев не отказал себе в удовольствии процитировать призыв профессора Г. Оппенгейма «бороться с психоанализом как с модным психозом» (Слабинский, Воищева, 2018. С. 1).

В.М. Бехтерев открыто поддержал Октябрьскую революцию и уже к началу 1918 года участвовал в деятельности Наркомпроса. Было восстановлено финансирование Психоневрологического института и входившего в его состав Второго Петроградского университета. А так как сотрудники данных учреждений активно занимались лечением раненых и больных защитников революции, то в мае 1918 года Петросовет передал Психоневрологическому институту военный госпиталь, разместившийся на территории института за Невской заставой. В том же году по инициативе В.М. Бехтерева открываются Психиатрический институт и Институт по изучению мозга и психической деятельности, а вскоре и Клинический психотерапевтический институт. По замыслу В.М. Бехтерева данное учреждение должно было дополнить триаду и стать университетской клинической базой, для чего были составлены соответствующие научные планы. Однако замыслу великого ученого не суждено было осуществиться, а Клинический психотерапевтический институт оказался в межведомственном подчинении (Слабинский, Воищева, 2018. С. 3).

В это же время начинает активно проявлять себя С.Н. Шпильрейн (1885–1942). Она получила образование в Швейцарии, закончив медицинский факультет Университета Цюриха. Впоследствии тесно сотрудничала с К. Юнгом и З. Фрейдом. Как психоаналитик, С.Н. Шпильрейн получила известность благодаря своей докторской диссертации «Деструкция как причина становления» (1912), где рассматривается проблема влечения к смерти, связанная, по мнению автора, с проблемой мазохизма. Считается, что именно Шпильрейн внесла в психоанализ понятие «стремление к смерти» (Шилкина, 2019. С. 121). Рассматривая данный феномен в контексте социальных отношений, становится очевидно, что он предвосхитил не только Первую мировую войну, но также стал предвестником многих исторических событий прошедшего и текущего века (Шпагин, 2015).

На адаптационном этапе, психоаналитические идеи начинают проникать в сопредельные области исследований. Психоаналитики концентрируются на соответствующем истолковании исторических событий. В частности, сам З. Фрейд в 1913 году издает «Тотем и табу», где выделяет мысль, что история человечества – это постоянно действующий Эдипов комплекс (Фрейд, 2005). К слову, эдипов комплекс разрабатывается З. Фрейдом в его самой знаковой работе «Толкование сновидений» (1899). В одной из глав данной работы для иллюстрации Эдипова комплекса Фрейд использует образ Гамлета. Как утверждает З. Фрейд, трагедия Шекспира покоится на том же базисе, что и трагедия Софокла. Эдипов комплекс показан в произведении Шекспира как нерешительность Гамлета решить задачу, внушенную ему тенью отца: «Гамлет способен на все, только не на месть человеку, который устранил его отца и занял его место у матери, человеку, воплотившему

[1] Бехтерев В.М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. Из лекций читанных врачам и студентам Императорской Военно-медицинской академии СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1911. 60 с.

для него осуществление его вытесненных детских желаний» (Ворожихина, 2012. С. 29–30).

В работе «Тотем и табу» З. Фрейд (Фрейд, 2005) обращает внимание науки на то, что любые крупные достижения человечества связаны с невидимыми, но серьезными силами, сокрытыми в массовой и индивидуальной психике, которые, с одной стороны, не определяют ход человеческой истории, но, с другой стороны, образуют ее постоянно действующий двигатель (Додельцев, Конов, 2013. С. 259). Психоаналитическое толкование истории строилось на методе аналогии между феноменами индивидуальной психологии, коллективными моделями поведения ранних обществ, особенностями социально-психологических феноменов общества начала двадцатого века. «Аналогия между мышлением ребенка и магическими представлениями архаического человека, между сном взрослого индивидуума и символическими формами древней мифологии и современного художественного творчества, бредом душевнобольного и психическими проявлениями толпы постепенно стала ключевым объяснительным принципом психоанализа» (Филатова, Филатов, 2017. С. 108).

Согласно социально-психологическим идеям З. Фрейда, цивилизации могут быть рассмотрены в качестве отдельных коллективных субъектов, официально-исторические представления которых о самих себе, явно не соответствующие реальному положению дел, могут быть истолкованы как попытки скрыть, вытеснив в бессознательное определенные реальные события. Речь идет о «детских» давних воспоминаниях, которые взрослое и достаточно искушенное коллективное «Я» вполне может целеустремленно и искренне забыть (Сунягин, 2006. С. 54).

Следует сказать, что сам З. Фрейд по-особому определял русскую цивилизацию. Сравнивая ее с европейской, он утверждал, что Россия всегда на протяжении своей истории ориентировалась исключительно на бессознательные аспекты психики (иррациональность), в то время как Европа – на сознательные (рациональность). «Своеобразно трактует З. Фрейд феноменологию русской души. Характерные особенности психики русского человека, по мнению З. Фрейда, это амбивалентность, сделки с совестью, бисексуальность. У русских механизмы «цензуры» малоощутимы, поэтому так они интересны для психоанализа» (Булгакова, 2009. С. 292).

Третий период развития психоанализа в России (1914–1922) называют дезинтегративным. Такое название происходит в результате характера общественно-политических процессов, приходящихся на выделяемый промежуток. В первую очередь речь идет о Первой мировой войне, которая прервала работу русских ученых и проведение исследований в области психоанализа.

Четвертый этап (1922–1932) выделяется как наиболее интенсивный в истории развития психоанализа и называется этапом институционализации. Данный этап является наиболее плодотворным в русской истории как с точки зрения расширения русской традиции психоанализа, так и в целом как развитие психологических идей. В период 1921–1930 гг. отмечается наибольшее количество публикаций монографий и сборников научных трудов по психологии. В первой половине 1920-х гг. публикуется около 15 монографий по педологической и психотехнической проблематике. Среди них «Опыт методики психологических наблюдений и ее применение к детям дошкольного возраста» (1923) М.Я. Басова, «Психологический анализ профессии наборщика» (1924) С.Г. Геллерштейна, «Психотехника и выбор профессии: конспект лекций» (1924) И.Н. Шпильрейна, «Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина» (1923) и «Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя» (1924) И.Д. Ермакова. Особого внимания заслуживает опубликованная в 1923 г. в Казани первая, обзорная работа А.Р. Лурии «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии» (Артемьева, Синёва, 2018b. С. 8).

В 1922 г. создается Русское психоаналитическое общество (РПСАО), просуществовавшее вплоть до 1930 г. По всей стране формируются различные психоаналитические организации. Психоаналитические методы осваиваются в крупных научных психологических центрах: Институте по изучению мозга и психической деятельности в Петрограде под руководством В.М. Бехтерева (Т.К. Розенталь), в Московском психоневрологическом институте (директор

А.Н. Бернштейн). В 1922 г. учреждается Государственный психоаналитический институт, просуществовавший до 1925 г. Советские ученые начинают принимать участие в работе международных психоаналитических конгрессов, публикуя свои материалы в специальных зарубежных журналах, становятся членами зарубежных психоаналитических организаций (Шилкина, 2019. С. 116–117).

Следует сказать, что сам Фрейд в своей клинической практике имел дело с русскими пациентами. Фрейд переписывался с врачами из России, следил за ее политической ситуацией. Ученый считал Москву третьим мировым психоаналитическим центром после Вены и Берлина. В «Очерке истории психоанализа» Фрейд написал: «В России психоанализ известен и распространен; почти все мои книги, как и других приверженцев психоанализа, переведены на русский язык. Но более глубокое понимание психоаналитических учений еще не установилось. Научные вклады русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительными. Только Одесса имеет в лице М.В. Вульфа представителя аналитической школы» (Шилкина, 2019. С. 116–117).

Пионером русского психоанализа был И.Д. Ермаков. Психиатр и ученик В.П. Сербского, еще до революции проявил интерес к психоанализу. Ермаков являлся директором Государственного психоаналитического института. Был известен как редактор многотомной «Психологической и психоаналитической библиотеки», в рамках которой на русский язык были переведены и опубликованы исследования многих зарубежных психоаналитиков. В издании «Библиотеки» было задумано 32 выпуска (издано 15). Даже после закрытия «Библиотеки» (1928), Ермакову удалось издать «Будущность одной иллюзии» Фрейда. Из-за своей лояльности к советской власти имел серьезные расхождения с деятелями психоаналитического движения. В своей известной статье «О белой горячке» Ермаков сформулировал кредо будущих советских психоаналитиков: «Мы живем накануне новой эпохи в развитии нашего общества. Не уходить от действительности, но расширить зрачки наши, постараться понять и разобраться в том, что нас окружает, и отдать все силы для того светлого будущего, которое (мы верим) ждет нашу страну» (Шилкина, 2019. С. 121).

Особое значение развитию психоанализа в Советской России придавал Л.Д. Троцкий. Л.Д. Троцкий оказывал всестороннюю поддержку психоанализу и немало способствовал его институционализации в стране. Видному большевику были идеологически близки и понятны авангардистские идеи жизнетворчества, переустройства мира и воспитания нового человека (Троцкий, 1923). Наряду с концепцией перманентной революции, Л.Д. Троцкий разрабатывал свою теорию создания «нового человека», истоком которой, безусловно, была ницшеанская идея «сверхчеловека» будущего (Шукуров, 2013. С. 186).

Но в 1925 году Троцкий был смещён с поста главы военного ведомства, через два года лишён всех должностей в партийных и государственных органах, выслан из страны и, в конце концов, убит сторонниками И.В. Сталина (1940). Считается, что И.В. Сталин санкционировал публичное разоблачение фрейдизма именно в силу глубокой личной неприязни к своему сопернику в борьбе за лидерство. «Никто иной, как Троцкий обосновывал идею объединения учений Фрейда и Павлова как основы психологии» (Корсаков, Данилов, 2017. С. 144). В результате в начале 30-х годов в Советском Союзе была начата широкая пропагандистская кампания против психоанализа. Многие отечественные психологи под давлением властей отстраняются от теории З. Фрейда (Синица, Кобзева, Сабаев, 2015. С. 574).

Советским психоаналитикам запрещается заниматься научной деятельностью, многие из них подвергаются аресту, ссылке и физическому уничтожению. Резко меняется восприятие Фрейда и его последователей советскими академическими психологами. Публикуются различные разоблачительные статьи. Например, лидер Ленинградской школы психологии Б.Г. Ананьев писал о том, что фрейдизм пытался превратить кризис буржуазной личности в естественное состояние людей, и ему удалось провести в этом отношении немало доверчивых советских психологов, не понявших исторически-классового характера психоаналитической диалектики (Шилкина, 2019. С. 125–126).

Судьбу психоанализа в Советском Союзе определила политическая идеология. Если в первые годы советской власти предпринимались попытки привлечения психологического знания и его носителей для организации работы государственных учреждений, то впоследствии отсутствие результатов практического характера обрекали психоаналитические течения на лишение финансовой поддержки. Неизбежные ошибки роста приводили к критике как теоретико-методологических основ, так и конкретных результатов психологических исследований. Близость ведущих психологов к власти, участие партийных лидеров в организации психологической практики в условиях партийной борьбы обернулась смертельным приговором для психоанализа (Артемьева, 2016. С. 148–149).

Только в 1985 году работы З. Фрейда и его последователей постепенно начинают переиздаваться, а психоанализ возникает как спецкурс в высших учебных заведениях страны. В качестве причин, по которым стал, наконец, возможен диалог советских исследователей с учеными, придерживающимися в той или иной степени психоаналитической ориентации, можно привести следующие:

1. Достижения советской психологии в создании своего собственного концептуального подхода к проблеме бессознательного и, тем самым, признание ее актуальности.

2. Эволюционные преобразования психоаналитических представлений, приведшие к расширению сферы их влияния.

3. Выявление весьма широкого круга областей знания, тормозимых в своем развитии отсутствием разработанных представлений о природе и закономерностях неосознаваемой психической деятельности (Сериков, 2013. С. 11).

С момента возрождения психоанализа в России прошло чуть более 25 лет. Начавшееся в конце 80-х годов прошлого столетия возрождение психоанализа в России сегодня набирает такие темпы, что по количеству психоаналитических центров, обществ, организаций, учебных институтов и курсов, а также их выпускников мы уже превзошли некоторые страны мира (Лейбин, 2017а. С. 365). В связи с этим, не следует умалять значение идей, сформулированных З. Фрейдом в отношении функционирования системы человеческой психики. Его мысли можно рассматривать как основу, объясняющую специфику поведения человека с точки зрения самых элементарных, фундаментных составляющих. Наиболее актуальны идеи психоанализа в современных условиях не только России и Европы, но и во всем мире, поскольку многие культурные течения и тенденции, относящиеся, например, к формированию новых моделей гендерного поведения человека, будут совершенно иначе звучать в текущий момент.

Библиографический список

Артемьева О.А. Социальные условия развития советской практической психологии в 1920–1930 гг. // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Московский государственный университет дизайна и технологии. 2016. С. 145–150.

Артемьева О.А., Синёва О.В. Интернационализм и самобытность психоаналитического течения в России в первой половине XX века // Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XVII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, 2018а. С. 149–152.

Артемьева О.А., Синёва О.В. Исследовательская и

References

Artem'eva O.A. (2016) Social conditions for the development of Soviet practical psychology in 1920–1930. *Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = The humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity. Collection of articles of the International Scientific-Practical Conference. Moskovskii gosudarstvennyi universitet dizaina i tekhnologii. P. 145–150. (In Russ.)

Artem'eva O.A., Sineva O.V. (2018a) Internationalism and the identity of the psychoanalytic trend in Russia in the first half of the twentieth century. *Problemy teorii i praktiki sovremennoi psikhologii. Materialy XVII Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Problems of the theory and practice of modern psychology: materials of the XVII All-Russian (with international participation) scientific-practical conference. P. 149–152. (In Russ.)

Artem'eva O.A., Sineva O.V. (2018b) Research and

практическая психология в России первой половины XX в.: анализ публикационной активности лидеров научно-практических течений // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018b. Т. 25. С. 3–13.

Булгакова И.А. Педагогическая антропология и психоанализ в России: история и современность // Гуманитарные проблемы современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2009. С. 291–294.

Ворожихина К.В. Лев Шестов и история психоанализа // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2012. № 3. С. 28–38.

Гуревич П.С., Руднева Е.Г. Психоанализ в России (на англ. яз.) // Философская школа. 2018. № 5. С. 145–153.

Додельцев Р.Ф., Конов В.И. Главный миф психоанализа: к столетию издания «Тотем и табу» З. Фрейда // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 254–262.

Корсаков С.Н., Данилов С.И. Из истории советской психологии 1920–1930-х гг.: А.А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131–150.

Кулагина Г.Н., Ячина Н.П., Икрамов А.Я. Тема Эроса в России в начале XX века // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4 (4). С. 95–100.

Лейбин В.М. Психоанализ: история, современность и перспективы // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2017. Москва, 2017a. С. 347–367.

Лейбин В.М. Психоаналитические идеи и философские размышления. М.: Когито-Центр, 2017b. 780 с.

Сериков Г.В. «Образы» психоанализа в советской критической литературе // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. Т. 11. № 1. С. 9–13.

Синица Д.А., Кобзева Н.А., Сабаев А.А. Из истории психоанализа в России // Молодой ученый. 2015. № 12. С. 573–575.

Слабинский В.Ю., Воищева Н.М. Рождение и развитие психотерапевтического метода (к 125-летию со дня рождения В.Н. Мясищева) // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 5 (52). С. 1.

Сунягин Г.Ф. Опыт психоанализа «русской идеи» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2006. № 4. С. 54–66.

practical psychology in Russia in the first half of the 20th century: analysis of the publication activity of leaders of scientific and practical trends. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* = Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology. Vol. 25. P. 3–13. (In Russ.)

Bulgakova I.A. (2009) Pedagogical anthropology and psychoanalysis in Russia: history and modernity. *Gumanitarnye problemy sovremennosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Humanitarian problems of the present: materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference. P. 291–294. (In Russ.)

Vorozhikhina K.V. (2012) Lev Shestov and the history of psychoanalysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* = Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy. No. 3. P. 28–38. (In Russ.)

Gurevich P.S., Rudneva E.G. (2018) Psychoanalysis in Russia (in English). *Filosofskaya shkola* = School of Philosophy. No. 5. P. 145–153. (In Russ.)

Dodel'tsev R.F., Konov V.I. (2013) The main myth of psychoanalysis: the centenary of the publication of “Totem and Taboo” by Z. Freud. *Vestnik MGIMO Universiteta* = Bulletin of MGIMO University. No. 6 (33). P. 254–262. (In Russ.)

Korsakov S.N., Danilov S.I. (2017) From the history of Soviet psychology of the 1920–1930s: A.A. Talankin. *Filosofskie nauki* = Philosophical Sciences. No. 10. P. 131–150. (In Russ.)

Kulagina G.N., Yachina N.P., Ikramov A.Ya. (2011) The theme of Eros in Russia at the beginning of the 20th century. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* = Bulletin of Vyatka State Humanitarian University. No. 4 (4). P. 95–100. (In Russ.)

Leibin V.M. (2017a) Psychoanalysis: history, modernity and prospects. *Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya. Ezhegodnik 2017* = Psychological and psychoanalytic research. Yearbook 2017. Moscow. P. 347–367. (In Russ.)

Leibin V.M. (2017b) Psychoanalytic ideas and philosophical thoughts. Moscow: Kogito-Tsentr. 780 p. (In Russ.)

Serikov G.V. (2013) “Images” of psychoanalysis in Soviet critical literature. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik* = North Caucasian Psychological Bulletin. Vol. 11. No 1. P. 9–13. (In Russ.)

Sinitsa D.A., Kobzeva N.A., Sabaev A.A. (2015) From the history of psychoanalysis in Russia. *Molodoi uchenyi* = Young Scientist. No. 12. P. 573–575. (In Russ.)

Slabinskii V.Yu., Voishcheva N.M. (2018) Birth and development of the psychotherapeutic method (on the 125th birthday of V.N. Myasishchev). *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* = Medical Psychology in Russia. Vol. 10. No. 5 (52). P. 1. (In Russ.)

Sunyagin G.F. (2006) The experience of psychoanalysis of the “Russian idea”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of

Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. 392 с.

Филатова Н.В., Филатов Ф.Р. О возможности исторического психоанализа // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 106–126.

Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. Мн.: Харвест, 2004. 432 с.

Фрейд З. Тотем и табу. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 253 с.

Шилкина И.С. Психоанализ в послереволюционной России (1920–1930-е годы) // Россия и современный мир. 2019. № 3 (104). С. 108–129.

Шпагин С.А. Феномен Сабины Шпильрейн: контекст эпохи и востребованность наследия // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. Т. 13. № 4. С. 15–17.

Шукуров Д.Л. Образы деструкции в психоанализе и в философии В.С. Соловьёва // Соловьевские исследования. 2012. № 2 (34). С. 65–80.

Шукуров Д.Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 175–188.

St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations. No. 4. P. 54–66. (In Russ.)

Trotskii L.D. (1923) Literature and revolution. Moscow: Krasnaya nov'. 392 p. (In Russ.)

Filatova N.V., Filatov F.R. (2017) On the possibility of historical psychoanalysis. *Novoe proshloe* = New Past. No. 4. P. 106–126. (In Russ.)

Freid Z. (2004) Dream interpretation. Minsk: Kharvest. 432 p. (In Russ.)

Freid Z. (2005) Totem and taboo. St. Petersburg: Azbuka-klassika. 253 p. (In Russ.)

Shilkina I.S. (2019) Psychoanalysis in post-revolutionary Russia (1920–1930s). *Rossiya i sovremennyi mir* = Russia and Modern World. No. 3 (104). P. 108–129. (In Russ.)

Shpagin S.A. (2015) The phenomenon of Sabina Spielrein: the context of the era and the relevance of heritage. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik* = North Caucasian Psychological Bulletin. Vol. 13. No. 4. P. 15–17. (In Russ.)

Shukurov D.L. (2012) Images of destruction in psychoanalysis and in philosophy V.S. Solovyov. *Solov'evskie issledovaniya* = Solovyov studies. No. 2 (34). P. 65–80. (In Russ.)

Shukurov D.L. (2013) Formation of a psychoanalytic approach to the study of culture in the West and in Russia. *Solov'evskie issledovaniya* = Solovyov studies. No. 2 (38). P. 175–188. (In Russ.)

Критерии авторства

А.В. Васенкин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

A.V. Vasenkin completed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyright on the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Васёнкин Алексей Вадимович,
кандидат философских наук, магистр психологии, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: vasenkinav@yandex.ru

Information about the author

Alexey V. Vasenkin,
Cand. Sci. (Philosophy), master of science in psychology, Associate Professor Department of history and philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: vasenkinav@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 930
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-201-210

Историография причин распада СССР

© Е.С. Оболкин

Российский государственный университет правосудия (Восточно-Сибирский филиал), г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье анализируется историография процесса распада СССР. Исследуются научные труды, в которых изучены различные аспекты периода распада СССР. Кроме этого, проанализированы различные виды источников по данной тематике и проблематике, среди которых выделяются диссертационные научные изыскания как кандидатские, так и докторские, причём в области не только исторических, но и политических, юридических и философских наук, мемуарная литература, монографии, а также сборники научных статей. Изучены как общие закономерности и тенденции в различных научных работах, так и характерные особенности и специфика в данных трудах. Большинство источников, представленных в данном историографическом исследовании, современные и хронологически укладываются в нулевые и десятые годы XXI века, но есть также и научные изыскания 1990-х годов. Для того чтобы более комплексно проанализировать историографию процесса распада СССР, понять причины этого периода, необходимо изучить генезис данной проблематики, а для этого целесообразно также рассмотреть истоки становления советской власти. С этой целью в данный историографический обзор логически была включена также книга 1929 года, в которой была исследована история экономического развития СССР первого десятилетия своего существования. В монографиях первого десятилетия уже XXI века проанализированы внутренняя логика преобразований 1985–1991 годов; изучена эволюция представлений партийно-государственной и хозяйственной элит о путях возможного реформирования общества; показано появление российского и прибалтийского факторов во внутрисоюзной политике; исследованы исторические предпосылки реформирования в СССР в середине 1980-х гг., политический кризис августа 1991 г., демонтаж союзной государственности, выбор моделей экономического развития, тенденция идейно-политического развития общества после августа 1991 г., легитимация распада СССР и рождение Российской Федерации.

Ключевые слова: Союз Советских социалистических республик, историография, причины распада СССР, мемуары лидеров, выводы исторических диссертаций, монографии, сборники статей, исторический контекст, политико-правовые аспекты, тенденции социального развития

Информация о статье: Дата поступления 31 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Оболкин Е.С. Историография причин распада СССР // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 201–210. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-201-210

Historiography of the causes of the collapse of the USSR

© Evgeny S. Obolkin

Russian State University of Justice (East Siberian Branch), Irkutsk, Russia

Abstract: The article analyzes the historiography of the collapse of the USSR. Scientific works are observed, and various aspects of the collapse of the USSR are studied. In addition, various types of sources on this topic and problems were analyzed, among which thesis scientific research, both candidate and doctoral, are distinguished, moreover, in the field of not only historical, but also political, legal and philosophical sciences, memoirs, monographs, and also collections of scientific articles. We studied both general patterns and trends in various scientific works, as well as characteristic features and specifics in these works. Most of the sources presented in this historiographic study are modern and chronologically fit into the zero and tenth years of the 21st century, but there are also scientific studies of the 1990s. In order to more comprehensively analyze the historiography of the

collapse of the USSR, to understand the reasons for this period, it is necessary to study the genesis of this problem, and for this it is also advisable to consider the origins of the formation of Soviet power. For this purpose, a book published in 1929 was also logically included in this historiographical review, in which the history of the economic development of the USSR of the first decade of its existence was investigated. The monographs of the first decade of the 21st century analyze the internal logic of the transformations of 1985–1991; studied the evolution of the ideas of the Party-State and economic elites on the ways of possible reform of society; the emergence of Russian and Baltic factors in intra-union politics is shown; the historical prerequisites of reforming in the USSR in the mid-1980s, the political crisis of August 1991, the dismantling of union statehood, the choice of models of economic development, the tendency of the ideological and political development of society after August 1991, the legitimization of the collapse of the USSR and the birth of the Russian Federation are investigated.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, historiography, reasons for the collapse of the USSR, memoirs of leaders, generalization of the historical dissertations, monographs, collections of articles, historical context, political and legal aspects, trends in social development

Article info: Received January 31, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Obolkin E.S. (2020) Historiography of the causes of the collapse of the USSR. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 201–210. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-201-210

Распад СССР сразу привлек научное внимание, опубликовано множество книг и статей. Предложены различные концепции «геополитической катастрофы XX века», одного из ключевых событий мировой истории. За разрушением СССР последовали изменение государственных границ, масштабные политические и социально-экономические изменения в существовавших и вновь возникших государствах, с исчезновением биполярного мира международные конфликты стали более острыми.

Проблематика деструкции СССР весьма обстоятельно отражена в зарубежной и российской общественно-политической литературе. Одним из ключевых исторических источников являются мемуары государственных служащих.

М.С. Горбачев в одной из книг своих мемуаров «В меняющемся мире» повествует о характерности постоянной смены идеологий, концепций, методологических подходов (Горбачев, 2018. С. 19). Автор настаивает, что социализм не утратил своей актуальности и востребованности, поскольку в западных странах сохранились такие явления как общество потребления и бедность отдельных социальных слоёв. При переходе к новой социальной структуре, как считает М.С. Горбачев, проявился симбиоз разных идеологических течений. Таким образом, Горбачев говорит о том, что его усилия как главы государства были направлены на усиление демократических основ, децентрализацию государственного управления и передачи части властных полномочий на места.

Во втором труде первый Президент СССР пишет о том, что он не сумел сохранить Советский Союз единым государством (Горбачев, 2017. С. 27). Автор делает акцент на то, что в СССР были запущены центробежные силы, коими являлись национальные конфликты в союзных республиках и набирающие мощь оппозиционные антисоветские силы внутри страны.

Третья работа М.С. Горбачёва посвящена проблеме глобализации (Горбачев, 2019. С. 6). В ней рассматривается уже слабость самих демократических механизмов. Горбачёв пишет о том, что он соотносил советские интересы с общемировыми, а значит, и с общечеловеческими. Также автор незыблемо стоял на позициях отстаивания ядерного разоружения, остановки гонки вооружений, национального разнообразия стран, усиления роли в решении глобальных международных вопросов и конфликтов таких организаций как ООН.

«Записки президента» – мемуары Б.Н. Ельцина. В них представлен самый драматичный период президентства, на который пришлись две попытки государственного переворота – в августе 1991 года и в октябре 1993 года (Ельцин, 2008. С. 11). Центральная тема этой книги – становление демократического строя и последовательность политических потрясений, которые стали безжалостным испытанием и

для страны, и для ее первого президента. Ельцин писал: «В августе 1991 г. случился путч. Это событие потрясло страну да, видимо, и весь мир. 19 августа мы были в одной стране, а 21 августа оказались совсем в другой. Три дня стали водоразделом между прошлым и будущим. Август 1991 г. и октябрь 1993 г. соединились в неразрывную цепь, разрушилась империя. Это были дни мучительного прощания с целой эпохой». Это событие сильно повлияло не только на страну, но и затронуло окраины зарубежья, также оставило огромный след в мировой истории многочисленных стран.

Также хочется выделить из мемуарной литературы труды Дж. Буша старшего (Bush, 1998. С. 5). Буш-старший признался в том, что он немало усилий приложил для развала Союза. При этом он считает распад СССР своим главным поражением, а не победой. Буш считает, что после распада СССР Россия начала свой подъем и восстановление собственной мощи. Его прогноз очень красноречив: «Россия преодолеет свои нынешние проблемы и станет гораздо более злой и могучей, и хорошо запомнит всех, кто ее нынче обидел» (Bush, 1998).

Важные свидетельства содержат воспоминания руководителей регионов СССР. Например, литературно переработанные высказывания первого секретаря Иркутского областного комитета КПСС В.М. Спирина (Хайрюзов, 2009).

Далее рассмотрим ряд диссертационных работ русских и зарубежных обществоведов: М.Е. Попова, И.И. Белашова, Ю.Ф. Лукина, Ю.Г. Шубиной, О.М. Михайленка, Д.А. Лукашевича. В первой главе диссертации М.Е. Попов анализирует теоретико-методологические аспекты анализа надэтнической идентичности. По его мнению, распад СССР отличается противоречивостью, так как вступили в противоборство две ценностно-мировоззренческие парадигмы, включающие в себя традиционную советскую идентичность и новую российскую этническую идентичность (Попов, 2004)[1]. Автор в данном случае говорит и о такой категории как национальное самосознание. Безусловно, что российское самосознание имеет свои истоки в советском, но бесспорно и то, что здесь имеет место быть столкновение цивилизационного характера, так как советская идентичность близка по своей специфике к восточной цивилизации с её коллективизмом, а новая российская идентичность начала тяготеть к западной цивилизации с её индивидуализмом и либеральными ценностями. В этом и заключается противоречивость распада СССР, которая, впрочем, логично также объясняется и Евразийским географическим фактором в происхождении и развитии, а значит и генезисе СССР, а затем и Российской Федерации. М.Е. Попов приходит к выводу, что главенствующие самосознание и идентичность в ходе выше обозначенного противоборства определяют государственную идеологию и характер действующей власти.

Во второй главе раскрыта тема механизмов социокультурной динамики советскости. М.Е. Попов выделяет дуалистичность советской идеологии, организации общества и культуры. Страна нуждалась в модернизации. Наблюдался кризис коммунистической идеологии и советского самосознания. В обществе и науке СССР распространилось убеждение о теоретической и практической ограниченности классового подхода. Попова изучал крушение союза с философской точки зрения, рассматривая различные аспекты идентичности.

И.И. Белашов раскрыл понятия основных взаимосвязей геополитических интересов и субъектов геополитических отношений (Белашов, 2004)[2]. С точки зрения автора, столкновение интересов и ценностей ведет к идеологическому противостоянию, что и могло способствовать разногласию между странами, входящими в состав Советского Союза. Происходит столкновение и борьба различных по своей направленности идеологий. Страны, сообразуясь с собственными национальными интересами, используют идеологии, в том числе и новые, для утверждения которых в обществе создаются теории и концепции, создающие также систему ценностей. С точки зрения геополитики, мировая карта подверглась кардинальной трансформации именно в связи

[1]Попов М.Е. Антропология советскости: Философский анализ : дис. ... канд. философских наук: 09.00.13. Ставрополь, 2004. 200 с.

[2]Белашов И.И. Геополитические интересы в структуре современного политического процесса: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь, 2004. 178 с.

с распадом СССР, что было в свою очередь финальной точкой в крушении мировой системы социализма, так как появились новые суверенные страны, а ранее произошло прекращение существования ОВД, крушение Берлинской стены объединение ГДР и ФРГ. Всё это в совокупности означало, что в ранге сверхдержавы осталось лишь одно государство на момент распада Советского Союза – это США. Таким образом, разрушению подверглась и биполярная система международных отношений, что, в свою очередь, таило в себе большую опасность для мирового сообщества, так как нарушался баланс сил и паритет между сильными мира сего.

Ю.Ф. Лукин изучал активность и протесты советского общества, а именно сопротивление тоталитаризму. В начале своей диссертационной работы он выделил основные признаки тоталитарного режима СССР: массовая партия имеет огромное влияние над властью, главенствующая роль идеологии и монополистический контроль территории. Лукин считает, что одна из главных причин переживаемого кризиса общества является отсутствие плюрализма в структуре власти. По его мнению, после крушения Советского союза в стране увеличились социальные настроения, стало проявляться стремление к объединению различных партий, движений на основе патриотизма (Лукин, 1992)[3]. Чаще всего недовольство носило негласный характер. В свой черед общественная активность является энергией масс. Но эта энергия может быть направлена как на укрепление существующего строя, так и на его разрушение. Значительную роль в изучении особенностей тоталитаризма в СССР выполняет внимательный анализ факторов протестов, сопротивление власти и конфликтные ситуации, и позиции сторон. Массовые движения повлекли за собой процесс возрождения и образования партий, а также новых формирований.

Проблематику геополитической культуры рассмотрела Ю.Г. Шубина в своей диссертационной работе. Большое значение эффективности продвижения по пути демократизации имеет осознание национальных интересов, изменений, которые произошли в результате распада СССР (Шубина, 2006)[4]. Большое значение приобретает способность к отстаиванию и защите национальных интересов, важнейшей из которых является обеспечение национальной безопасности. Геополитическая культура населения является необходимым условием и важным фактором становления российского общества после всемирной катастрофы. Геополитическая культура выполняет свою нормативную функцию, призывает способствовать разработке определенного геополитического законодательства. Крушение Советского Союза стало значительным фактором в изменении геополитической картины страны. Одна из главных проблем – необходимость сохранения границ самого государства, геополитическое самоопределение и модернизация. Одним из критериев политического развития, по мнению Шубиной, можно считать политическую культуру. Составляющей политической культуры является геополитическая культура как система устойчивых представлений о мировой политике и геополитической картине мира. Формирование и развитие геополитической культуры в СССР представляются значимыми, так как она способствует точному пониманию перспектив становления страны при сохранении ее права на идентичность, укрепление суверенитета.

О.М. Михайленок исследовал военно-политические проблемы национальной безопасности в переходной период (Михайленок, 2003)[5]. Он полагает, что мир постепенно движется к тесному и всестороннему единству, стремясь к социокультуре монополии. Это воплотилось в преобладающих центростремительных тенденциях одного прогресса – глобализации. Современный процесс глобализации характеризует негативную объективность преобразования, выражаясь в возникновении конфликтных ситуаций глобального масштаба. Многим государствам удалось обнаружить угрозу глобализации соб-

[3]Лукин Ю.Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01. Архангельск, 1992. 321 с.

[4]Шубина Ю.Г. Геополитическая культура как фактор современного политического развития российского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь, 2006. 183 с.

[5]Михайленок О.М. Военно-политические проблемы национальной безопасности России в переходный период: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Москва, 2003. 290 с.

ственному существованию. В результате начали образовываться социальные группы противодействия процессам глобализации. Реформирование не привело к установлению демократизации, а наоборот усилило авторитаризм. Главной целью советского режима была модернизация. Проблема заключалась в том, что невозможно было остановить социально-экономические и общественно-политические процессы. О.М. Михаленок выступил в качестве редактора сборника «Согласие в обществе как условия развития России» (Согласие в обществе…, 2013).

Тема нашла отражение и в юридических исследованиях. Проанализировав союзные акты, Д.А. Лукшевич пришел к выводу, что распад СССР был спровоцирован союзным центром (Лукашевич, 2013)[6].

В труде известного юриста З.А. Станкевича «История крушения СССР: Политико-правовые аспекты» помимо политического и правового анализа заявленной проблематики, также имеется и исторический контекст (Станкевич, 2001. С. 13). Автор считает, что модернизация Советского Союза была по своей природе консервативной и предпринималось несколько попыток её проведения. Постепенной трансформации советской государственности через правовые механизмы не произошло, так как конституционные поправки и законодательные реформы к началу 1990 года не привели к улучшению ситуации в СССР. З.А. Станкевич полагает, что РСФСР была цементирующим элементом в структуре Советского Союза. Поэтому уравнивание в правах данной республики с другими союзными республиками было прямым путём к распаду СССР, и, по мнению автора, именно в этом развале Союза была цель тех политических сил, которые затеяли выше обозначенное уравнивание в правах союзных республик.

Книга А.Е. Жарникова «Этногенез и социально-политические процессы» предлагает искать объяснения распада СССР через анализ сложившихся в стране межэтнических ситуаций. По мнению автора, в историческом катаклизме отразилось множество факторов. Однако среди них выделяются определяющие: это экономическая ситуация, сложившаяся в стране; действие геополитических центров силы; эволюция общественного сознания, созданная в господствующей идеологии; столкновение интересов различных общественных групп; фактор «этнических процессов», долгое время игнорируемый руководством Советского Союза; несовпадение интересов различных политических группировок, контролировавших ситуацию иррационального состояния общественного сознания, сформировавшегося к рассматриваемому периоду (Жарников, 2005). Необходимо признать, что теория этногенеза дает серьезные предпосылки для понимания ряда причин, ведущих к геополитическим кризисам мирового масштаба.

Книга «Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя» (Прорыв к свободе…, 2005. С. 4). Это сборник, в котором представлены наблюдения о переходном периоде страны. Большинство исследователей полагает, что перестройка была необходимостью для того, чтобы страна могла освободиться от тоталитарного наследия прошлого и открыть путь в будущее. Перестроечное руководство переоценило свои возможности в поддержании контроля в условиях предстоящих трудностей. Осложнения воспринимали как что-то временное, но все эти факторы стали причиной распада СССР. Экономическая реформа инициировала перестройку политической системы, партии, глубокую демократизацию общества. Исследователи считают, что распад Союза – результат не перестройки, а срыва. Сама же перестройка была направлена на укрепление и сохранение Союза путем его реформирования. С течением времени стало очевидно, что сохранение Союза в исходном виде в условиях демократизации и реформирования страны было невозможно. Современные убеждения и политическая история страны показывают, что при сохранении четырех форм основных элементов: социалистической идеи в обновленной демократической форме, системы Советов как конституционного источника политического суверенитета, государственной формы собственности и государственного благосостояния в соответствии с западом, союза России с другими социалистическими странами без возникновения конфликтных си-

[6]Лукашевич Д.А. Распад СССР: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2013. 26 с.

туаций – реформированная система осталась бы советской.

Историческая мемуаристика и публицистика очень многочисленна (Макашов, 2006; Шевякин, 2004; и др.). Интересна работа А.В. Логинова «Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской идентичности в XX столетии» Констатация кризисного состояния общества и государственных институтов на территории СССР стала общим местом отечественной политической публицистики и гуманитарных исследований. По взглядам автора, падение единой социокультурной системы привело к ускорению и реставрации первичных форм социальной организации (Логинов, 2013. С. 14). Явление замены цивилизационных механизмов регуляции выступали носителем универсального принципа объединения множества разноликих социальных и культурных структур. Советскому варианту империи удалось обеспечить огромный масштаб и длительную устойчивость сохранения и поддержания условий, необходимых для культурного взаимодействия народов различной цивилизационной принадлежности, несмотря на все неизбежные трагические издержки. Память о революционной трагедии была столь остра, что любая критика процессов в СССР нарочито враждебно воспринималось советским обществом.

А.И. Глущенко в работе «Россия-Украина: забытые и искаженные страницы истории», оценивая присоединение Западной Украины, указывает, что эта была большая стратегическая ошибка. Территория находилась под влиянием католической церкви, на протяжении многих веков противостоящей православию (Глущенко, 2015. С. 10). Изучая проблему историко-научного анализа причин и последствий Чернобыльской катастрофы, работая в различных научно-производственных организациях, Глущенко изложил собственную позицию о том, что это событие стало непосредственной причиной крушения Советского Союза. Он убежден в том, что в контексте рассматриваемых духовно-нравственных аспектов русско-украинской истории именно современники бесчисленных кровавых событий имеют нравственный приоритет и право независимой оценки событий, происходивших как в дореволюционной, так и в советской и постсоветской России. Последним актом исторической драмы, по мнению автора книги, является развал великой страны.

Р.Х. Симонян исследует роль Прибалтики в распаде СССР (Симонян, 2009. С. 17). Автор считает, что в 1980-е гг. прибалтийские союзные республики по собственной инициативе пытались найти пути решения, связанные с федеративной идеей внутри общего союзного государства. По трактовке Р.Х. Симоняна, изначально в Прибалтике отсутствовали сепаратистские тенденции, так как политические и общественные круги Латвии, Литвы и Эстонии полагали, что идея федерализма, выдвинутая ещё В.И. Лениным, была неверно истолкована. Действительно, на первых порах прибалты не хотели отсоединяться от СССР, но позднее данное требование уже стало реальностью. По мнению Р.Х. Симоняна, выдвижение этого требования прибалтийскими союзными республиками было «заслугой» (конечно же, в отрицательном смысле) высшего политического руководства СССР, так как автор считает серьёзным просчётом и ошибкой действия центральной советской власти в отношении данного вопроса.

Таким образом, Р.Х. Симонян пришёл к нетрадиционному для историографии причин распада СССР выводу о том, что причиной развала Советского Союза на прибалтийском направлении была не местная власть, а политическая элита из центра страны. В канву данных выводов логично укладываются уже выше проанализированные предложения Эстонии, и этим самым Р.Х. Симонян объясняет парадокс, который касается того, что, по мнению автора, союзные республики Прибалтики не просто пытались найти, а именно нашли реальный способ сохранения союзного государства.

В сравнении с предыдущим автором, иной позиции придерживается А.Н. Сытин (Сытин, 2009. С. 37). Данный автор исследовал значение внешнего фактора как определяющего в прибалтийском вопросе и его ключевой роли в поиске причин распада СССР. В данном аспекте А.Н. Сытин имеет в виду отношение западных государств, и в целом так называемого коллективного Запада к Прибалтике в составе Советского Союза. Естественно и логично, что западные страны хотели любыми способами

ослабить СССР. По мнению автора, прибалтийские союзные республики хотели постепенно получить независимость, а сама идея нового договора среди союзных республик была опять же прибалтийского происхождения.

Книга «Согласие в обществе как условие развития страны». В этом издании представлено описание общественных и морально-политических конфликтов, результатом которых становится изменение капиталистического государства (Согласие в обществе…, 2011. С. 6). Речь здесь идёт о том, что если в социуме нет согласия и общество расколото, а в стратах превалируют различные мировоззренческие парадигмы, то в таких условиях именно государство должно объединить граждан страны. Данный опыт просматривается и в советском прошлом, но имеет мировые примеры, которые только подтверждают выше обозначенные причинно-следственные связи и тенденции. Для капитализма эти вопросы и проблемы тоже весьма актуальны и даже стоят наиболее остро, ведь появляется ещё большее социальное расслоение, а значит, на повестке дня встаёт вопрос социальных гарантий граждан и, как следствие, социальной ответственности власти и капитала. Конечно же, при такой политике необходимо учитывать и национальные особенности. Решения связанных с этим задач отталкивается от проблем макроэкономической оптимизации. Таким образом, как это ни парадоксально, но после окончания холодной войны, поражения в ней социалистической модели развития и распада СССР, а соответственно и прекращения существования биполярной системы международных отношений, противоречия, которые по логике, казалось бы, должны были нивелироваться, наоборот только усилились. То есть, правомерно говорить о том, что глобализация обострила внутриполитические проблемы во многих государствах. Различные компромиссные пути решения данных проблем привели к противоположному результату. В частности, провалилась так называемая политика мультикультурализма, так как в мире наблюдалось усиление протестного движения, роли националистических партий и сил в некоторых странах, а также проявление актов терроризма. Таким образом, после распада СССР закончилось идеологическое противостояние систем, но идеологический вакуум заполнили политические течения, воспитывающие религиозную нетерпимость и разобщающие людей.

Широко описаны кризис наций и актуализация этноса в эпоху глобализации в книге А.Л. Сафонова и А.Д. Орлова «Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций» (Сафонов, Орлов, 2017. С. 14). Главной целью социальной философии всегда было осмысление ведущих тенденций исторического развития, которые определяли судьбу не только общества, но и отдельного человека, происходил процесс нахождения ключевых закономерностей. Главным фактором усложнения процесса является глобализация, благодаря которой происходит переход от социальной и технической адаптации, предшествующей к неуправляемости и глобальной катастрофе. Это появление всемирной информационной открытости непосредственно влияет на массовое и индивидуальное сознание. Таким образом, глобализация как ведущий социальный феномен современности представляет собой качественное нарастание связности глобальной среды, в частности, затрагивая все сферы жизнедеятельности социума. С точки зрения этой работы, этнизацию массового сознания и политики государств бывшего СССР можно рассматривать с позиции социального конструктивизма, интерпретируя актуализацию этничности как целенаправленное усовершенствование народности в интересах, создающих идеологическую базу для своего национально-государственного проекта.

Раскрытие таких тем как межнациональные отношения и международные конфликты, можно увидеть в книге «Между Грузией и Россией: исторические корни и современные факторы Абхазо-Грузинского конфликта», автором которой является Григорий Платонович Лежава (Лежава, 1997. С. 24). В поисках выхода из затруднительного положения на территории СССР руководство опиралось на путь реформы, которая в последствии стало одной из главенствующих причин краха союза и получила название «перестройка». Автор утверждает, что наряду с другими сферами социально-экономической жизни перестройка началась и в области нацио-

нальной политики. Он предполагает, что государственное становление является одной из проблем выражения сути межнациональных отношений. Неразрешимость противоречий в национальных отношениях и, как следствие, их межнациональные конфликты, явились наиболее чувствительным и масштабным выражением общественного кризиса. Национальная принадлежность стала определяющим признаком в политической мобилизации граждан и в создании организаций, радикальных по провозглашаемым ими целям изменения политической системы государства на всей территории СССР. Лежава подчеркивает, что вся сложность разрешения межнациональных конфликтов состоит в том, что время и социально-политические явления вносят дополнительные коррективы в эту проблему, в попытки ее решения средствами и методами, отражающими определенный уровень развития научного знания.

В монографии А.С. Барсенкова исследуется причинно-следственная связь реформ 1985–1991 гг. (Барсенков, 2001. С. 4). Проанализировано развитие взглядов высших эшелонов власти о шагах, направленных на социальные реформы.

Автор считает, что выступление ГКЧП вписывается в канву планов по реформированию СССР, так как данное выступление трансформировало скрытые тенденции, связанные с распадом Советского Союза, в более явные проявления этого процесса, который всё равно бы закончился планомерной дезинтеграцией советской государственности.

Противоположной точки зрения придерживается А.В. Шубин, исследовавший проблематику «перестройки» (Шубин, 2005. С. 18). Автор, в отличие от Барсенкова, считает, что полномочия СССР по договору во многих аспектах и по многим направлениям были достаточно большими.

Если же вернуться к новому Союзному договору, на разработку которого согласился первый Президент СССР, то, по мнению А.В. Шубина, это было ошибочно со стороны главы государства. Здесь автор апеллирует к прибалтийскому аспекту и его роли в распаде СССР, имея в виду то, что именно в Прибалтике в силу исторических причин началось большое национальное антисоветское движение во главе с местными лидерами. Хотя и стоит напомнить, что для реформирования СССР руководство страны приняло план, который был предложен Компартией Эстонии и народным эстонским фронтом.

И.Я. Фроянов в своём научном труде «Погружение в бездну» более категорично и даже жёстко отзывается о М.С. Горбачёве (Фроянов, 2002. С. 34). В частности, автор считает, что в 1991 году в Ново-Огарёво был сговор Президента СССР и республиканских сепаратистов. Сговором данный процесс И.Я. Фроянов называет по причине того, что нарушались итоги мартовского референдума 1991 года, в котором большинство советских граждан высказалось за сохранение Советского Союза, а новый Союзный договор как раз шёл вразрез с народным плебисцитом. Автор также говорит о том, что центробежные силы, ведущие к развалу СССР, были настолько мощные, что в данной ситуации необходимо было применять экстренные и даже чрезвычайные меры, а не терять время в Ново-Огарёво, разводя дискуссии, тем самым, с одной стороны, преуменьшая глобальные геополитические последствия будущего распада СССР, а с другой стороны, разжигая тенденции сепаратистского характера. И.Я. Фроянов распад Советского Союза рассматривал как предательство, которое совершили высшие властные органы, партия, а также представители интеллектуальной элиты.

Таким образом, в данной статье проанализирована историография процесса распада СССР. Исследованы научные труды, в которых изучены различные аспекты периода распада СССР. Кроме этого, проанализированы различные виды источников по данной тематике и проблематике, среди которых выделяются диссертационные научные изыскания, как кандидатские, так и докторские, причём в области не только исторических, но и политических, юридических и философских наук, мемуарная литература, монографии, а также сборники научных статей. Изучены как общие закономерности и тенденции в различных научных работах, так и характерные особенности и специфика в данных трудах. Большинство публикаций, анализируемых в данном историографическом исследовании, современные и

хронологически укладываются в десятые годы XXI века, но есть также и научные изыскания 1990-х годов. Для того чтобы более комплексно проанализировать историографию процесса распада СССР, понять причины этого периода, необходимо изучить генезис данной проблематики, а для этого целесообразно также рассмотреть истоки становления советской власти.

Библиографический список

Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991 гг. М.: Изд-во Московского университета, 2001. 362 с.

Глущенко А.И. Россия – Украина: забытые и искаженные страницы истории (988–2015). Духовно-нравственные аспекты: в 2 т. Т. 2. – Москва; Брянск, 2015. 363 с.

Горбачев М.С. Остаюсь оптимистом. М.: АСТ, 2017. 416 с.

Горбачев М.С. В меняющемся мире. М.: АСТ, 2018. 352 с.

Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 28. Сентябрь – октябрь 1991 / Горбачев-Фонд. М.: Весь мир, 2019. 656 с.

Ельцин Б.Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 375 с.

Жарников А.Е. Этногенез и социально-политические процессы: (концепции, теории, полит. практика) / А.Е. Жарников; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Российская академия государственной службы, 2005. 378 с.

Лежава Г.П. Между Грузией и Россией: Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского. конфликта (XIX–XX вв.) / Г.П. Лежава; отв. ред. М.Н. Губогло; РАН. Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии (ЦИМО). Москва, 1997. 380 с.

Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии: [монография]. Москва: Большая российская энциклопедия, 2013. 551 с.

Макашов А.М. Знамени и присяге не изменил! М.: Алгоритм, 2006. 288 с.

Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / сост. В.Б. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 435 с.

Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций: монография. Санкт-Петербург: ЛИТЕО, 2017. 335 с.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. М., 2009. 257 с.

Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность / отв. ред. О.М. Михайленок. М.: ИС РАН, 2013. 293 с.

Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) /

References

Barsenkov A.S. (2001) Gorbachev's Reforms and the Fate of the Union State 1985–1991. Moscow: Moscow State University. 362 p. (In Russ.)

Glushchenko A.I. (2015) Russia – Ukraine: forgotten and distorted pages of history (988–2015). Spiritual and moral aspects: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; Bryansk. 363 p. (In Russ.)

Gorbachev M.S. (2017) I remain an optimist. Moscow: Publishing house “AST”. 416 p. (In Russ.)

Gorbachev M.S. (2018) In a changing world. Moscow: Publishing house “AST”. 2018. 352 p. (In Russ.)

Gorbachev M.S (2019) Collected works. Vol. 28. September – October 1991. Gorbachev Foundation. Moscow: Publishing house “All World”. 656 p. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (2008) Notes by the President: Thoughts, Memories, Impressions... Moscow: Russian Political Encyclopedia. 375 p. (In Russ.)

Zharnikov A.E. (2005) Ethnogenesis and socio-political processes: (concepts, theories, polit. practice). Moscow: Rossiiskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby. 378 p. (In Russ.)

Lezhava G.P. (1997) Between Georgia and Russia: Historical roots and modern factors of the Abkhazian – Georgian conflict (XIX–XX centuries). Moscow: RAS. Study Center int. Relations Institute of Ethnology and Anthropology (CIMO). 380 p. (In Russ.)

Loginov A.V. (2013) Russia and Eurasia. Eurasian vector: the search for Russian civilizational identity in the XX century. Monograph. Moscow: Big Russian Encyclopedia. 551 p. (In Russ.)

Makashov A.M. (2006) He did not betray Banner and Oath! Moscow: Algoritm. 288 p. (In Russ.)

Kuvaldin V.B. (2005) A Breakthrough to Freedom: Reconfiguration twenty years later (critical analysis). Moscow: Alpina Business Books. 435 p. (In Russ.)

Safonov A.L. (2017) Ethnos and globalization: ethnocultural mechanisms of the collapse of modern nations. Monograph. St. Petersburg: LITEO. 335 p. (In Russ.)

Simonyan R.X. (2009) Russia and the Baltic countries. Two models of social development. Moscow. 257 p. (In Russ.)

Mikhailenok O.M. (2013) Consent in society as a condition for the development of Russia. Vol. 3. Political consent: Strategies and reality. Moscow: IS RAS. 293 p. (In Russ.)

Mikhailenok O.M. (2011) Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and

отв. ред. О.М. Михайленок: Ин-т социологии РАН. М., 2011. 335 с.

Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М.: Изд-во Московского университета, 2001. 318 с.

Сытин А.Н. Проблемы истории стран Балтии и их взаимоотношений с Россией, конец 80-х – нач. 90-х гг. XX в. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 247 с.

Фроянов И.Я. Погружение в бездну. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2002. 608 с.

Хайрюзов В.Н. Последний первый: Документально-художественное повествование. Иркутск: Сибирская книга, 2009. 264 с.

Шевякин А.П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945 –1991). М.: Вече, 2004. 464 с.

Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 286 с.

Bush G. A world transformed: The Collapse Of The Soviet Empire. The Unification Of Germany. Tiananmen Square. The Gulf War / George Bush. – Publisher: NY, 1998. – Alfred A. Knopf. ABorzoiBook. – 587 с.

social aspects). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 335 p. (In Russ.)

Stankevich Z.A. (2001) The history of the collapse of the USSR: Political and legal aspects. Moscow: Publishing House Moscow University. 318 p. (In Russ.)

Sytin A.N. (2009) Problems of the history of the Baltic countries and their relations with Russia, late 80s – early 90s XX century. Moscow: Publishing house of the Moscow State Educational University. 247 p. (In Russ.)

Froyanov I.Ya. (2002) Immersion in the abyss. Moscow: EKSMO-Press. 608 p. (In Russ.)

Khairyuzov V.N. (2009) Last First: Documentary Art Discourse. Irkutsk: Sibirskaya kniga. 264 p. (In Russ.)

Shevyakin A.P. (2004) The mystery of the death of the USSR. (History of conspiracies and betrayals. 1945–1991). Moscow: Veche. 464 p. (In Russ.)

Shubin A.V. (2005) Paradoxes of Perestroika. Lost chance of the USSR. Moscow: Veche. 286 p. (In Russ.)

Bush G. A world transformed: The Collapse Of The Soviet Empire. The Unification Of Germany. Tiananmen Square. The Gulf War / George Bush. – Publisher: NY, 1998. – Alfred A. Knopf. A Borzoi Book. – 587 p.

Критерии авторства

Е.С. Оболкин провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.S. Obolkin made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Оболкин Евгений Сергеевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный университет правосудия (Восточно-Сибирский филиал),
664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А, Россия,
✉ e-mail: eobolkin@inbox.ru

Information about the author

Evgeny S. Obolkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Russian State University of Justice (East Siberian Branch),
23A, Ivan Franko street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: eobolkin@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 502
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-211-221

Этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии

© А.С. Куклина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии (СВА) в 90-е гг. прошлого века и фундаментальные принципы региональной экологической концепции, выработанной в рамках работы субрегиональной программы природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии (НЕАСПЕК). Представлены материалы, раскрывающие общую вовлеченность акторов СВА в процесс выстраивания как многостороннего экологического сотрудничества, так и отдельных его элементов: работу Трехсторонних встреч министров экологии Японии, Южной Кореи и Китая и Плана действий для северо-западной части Тихого океана. Статья рассматривает роль концепции устойчивого развития в формировании многосторонней экологической дипломатии стран СВА, позиции стран в отношении этой концепции и возможности ее внедрения в общерегиональный контекст. Отдельное внимание уделяется региональным проблемам сотрудничества, среди которых выделяют геополитическую нестабильность, нерешенные проблемы общего исторического прошлого, разные уровни экономического благосостояния, а также отсутствие доверия между акторами. Анализируются структурные проблемы, которые лежат в плоскости между политическим режимом, экономическим ростом и экологической политикой государства. В заключение говорится о роли природы, как главного государственного актива, и взаимосвязи между экономическим развитием и охраной окружающей среды. В качестве примера приводятся экологические концепции Европейского Союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), как региональных объединений с устоявшимся представлением о направлении своей природоохранной деятельности, а также рассматривается возможность внедрение их опыта в экологическую деятельность стран СВА. Основное решение проблемы видится в ликвидации экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также в формировании глобального экологического партнерства.

Ключевые слова: экологическая дипломатия, концепция устойчивого развития, сотрудничество стран Северо-Восточной Азии, региональная экологическая политика, субрегиональная программа природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии, зеленая дипломатия, устойчивый экономический рост, региональные экологические организации, охрана окружающей среды

Информация о статье: Дата поступления 27 марта 2020 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Куклина А.С. Этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 211–221. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-211-221

The stages of formation of the Northeast Asian regional environmental cooperation

© Aleksandra S. Kuklina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article discusses the stages of formation of the Northeast Asian (NEA) regional environmental cooperation in the 90-s, and examines the fundamental principles of the regional environmental concept developed as a core idea of the subregional program of environmental cooperation in Northeast Asia (NEASPEC). Presented data reveal the general involvement of NEA actors in the process of building both multilateral regional environmental cooperation and its individual elements – the

work of the Tripartite Environment Ministers Meeting between Japan, South Korea and China and the North-West Pacific Action Plan. The article pays close attention to the role of sustainable development in the formation of multilateral environmental diplomacy, the perception of this concept by NEA countries and the possibility of its implementation in the region-wide context. The article also analyses regional problems of cooperation – geopolitical characteristics of the region, common historical past, different levels of industrialization of the NEA countries and the lack of mutual trust between actors. It considers the structural problems that lie in between political regime, economic growth and environmental policy of a state. In conclusion it touches upon the role of nature as the main state asset and correlation between economic development and environmental protection. It takes the environmental concepts of the European Union and The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) as an example of established environmental policy in regional cooperation and introduces the possibility of implementing their experience in the Northeast Asian practice. The main solution of the problem is in bridging the economic gap between developed and developing countries, as well as in the formation of a global environmental partnership.

Keywords: Environmental diplomacy, sustainable development, Northeast Asian cooperation, regional environmental policy, subregional program of environmental cooperation in Northeast Asia, green diplomacy, sustainable economic growth, regional environmental organizations, environmental protection

Article info: Received March 27, 2020; accepted for publication April 20, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Kuklina A.S. (2020) The stages of formation of the Northeast Asian regional environmental cooperation. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 211–221. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-211-221

Введение

Концепция устойчивого развития, институциональное регулирование охраны окружающей среды и многоступенчатый подход к проблемам экологии в реалиях глобального мира отнюдь не новы для региональных исследований, затрагивающих интересы Европейского Союза или стран Юго-Восточной Азии. Но, анализируя перечисленные выше проблемы через призму региональной деятельности стран СВА, можно столкнуться с рядом спорных вопросов, которые препятствуют становлению эффективной многосторонней экологической дипломатии в регионе. Объяснить это можно во многом противоречивым направлением экологической политики в региональном контексте, где геополитическая напряженность не препятствует сотрудничеству в рамках региональной программы природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии (НЕАСПЕК). Эта организация, играя роль фундамента в решении трансграничных экологических проблем, сотрудничества в сфере зеленых технологий, а также в обсуждении перспективных проектов, сталкивается с рядом вопросов экономического и геополитического характера, которые качественно замедляют становление институциональной составляющей экологической политики в СВА. В этой работе была предпринята попытка переосмыслить роль экологической дипломатии и политики в СВА, проследив этапы становления многоступенчатого сотрудничества и создания регулирующих институтов, а также проанализировав первоначальные причины, затрудняющие этот процесс.

Одной из главных проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователям Северо-Восточной Азии, была и остается размытость рамок региона, в который включают шесть действующих акторов и больше. Чтобы избежать недопонимания при дальнейшем анализе экологической политики стран СВА, необходимо обозначить конкретные рамки этого региона. По определению Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), СВА включает в себя шесть основных государств: Китай, Южную Корею, Северную Корею, Монголию, Российскую Федерацию и Японию, с выделенными в отдельную группу Макао и Гонконгом (UN ESCAP)[1]. Политическая история взаимоотношений этих стран насчитывает столетия, в то время как вопросы экологии сравнительно недавно

[1] About Subregional Office for East and North-East Asia. UN ESCAP. Available at: https://www.unescap.org/subregional-office/east-north-east-asia/about (accessed March 3, 2020).

стали предметом активного обсуждения на региональной арене.

Становление основных принципов региональной экологической политики

Отправной точкой в открытом обсуждении глобальной экологической повестки принято считать Стокгольмскую Международную конференцию по проблемам окружающей среды 1972 г., в ходе которой представители ряда государств смогли обсудить тему растущего глобального экологического кризиса и пути выхода из сложившейся ситуации. В отчете по итогам конференции были сформулированы фундаментальные принципы взаимоотношений между растущими потребностями человечества и обязательствами, которое оно должно взять на себя перед будущими поколениями и окружающей средой. Однако в отдельном пункте отмечалось, что основные экологические проблемы развивающихся стран являются прямым следствием отсутствия социального и экономического роста в них. На конференции эту проблему подняла премьер-министр Индии Индира Ганди в своем знаменитом выступлении, где она высказалась в защиту жителей развивающихся стран, которым ежедневно приходится сталкиваться с нуждой, отмечая, что даже при меньшем количестве населения развитые страны являются большим потребителем и, соответственно, загрязнителем (Indira Gandhi's Speech…, 1972)[2].

В большей степени этот разрыв между развитыми и развивающимися странами в вопросах выстраивания экологической политики заметен на примере стран Восточной Азии, а в особенности ее северного региона. Однако на момент проведения Стокгольмской конференции ни одна из стран региона не могла похвастаться наличием эффективной экологической политики, что объясняет более длительные сроки формирования многосторонней экологической дипломатии по сравнению с европейскими странами.

Сама ситуация, сложившаяся в первые послевоенные десятилетия, значительно затруднила плавный переход к устойчивому индустриальному развитию. Быстрый промышленный скачок и преодоление послевоенной разрухи стали причиной ощутимого урона для окружающей среды. В этот период перед Советским Союзом встала острая необходимость переосмысления сталинской идеи «покорения» природы с ее просчетами в многочисленных грандиозных проектах, которые повлекли за собой затопление сельскохозяйственных местностей, опустынивание ранее плодородных земель, вырубку лесов (Kelley, Stunkel, Wescott, 1976. P. 23). Япония, которая позднее стала позиционировать себя лидером экологического движения в регионе, в процессе восстановления промышленных мощностей стала ассоциироваться сразу с несколькими заболеваниями, вызванными антропогенным загрязнением – болезнью Минамата, астмой Йокати и итай-итай (Куклина, 2018. С. 128). Остальные страны Северо-Восточной Азии проходили через схожие процессы, усугубленные политическими и геополитическими кризисами. И вплоть до середины 1980-х гг. контакты между странами региона в большей степени ограничивались двусторонними встречами. Но на волне гражданского экологического движения 70–80-х гг. вопросы устойчивого экологического развития стали неотъемлемой частью этих встреч (Tsunekawa, 2005).

В условиях быстро меняющейся геополитической обстановки в регионе были сделаны первые шаги на пути построения многосторонней экологической дипломатии с участием Китая и Советского Союза. В 1988 г. по инициативе Южной Кореи и в сотрудничестве с ЮНЕП состоялся первый совместный японо-корейский симпозиум по вопросам защиты окружающей среды. Позднее Китай был приглашен в качестве участника, а Монголия и СССР присутствовали как наблюдатели (Northeast Asian Conference on Environmental Cooperation)[3].

[2] Indira Gandhi's Speech at the Stockholm Conference in 1972. Available at: http://lasulawsenvironmental.blogspot.com/2012/07/indira-gandhis-speech-at-stockholm.html (accessed November 11, 2019).

[3] Northeast Asian Conference on Environmental Cooperation (NEAC). Available at: https://www.env.go.jp/earth/coop/coop/neac_e.html (accessed November 15, 2019).

В апреле 1991 г. в ходе советско-японских переговоров произошло не менее важное событие, а именно подписание двустороннего договора, который непосредственно затрагивал проблемы защиты окружающей среды и дикой природы спорных территорий. Несмотря на то, что договоренности поднимали узкую часть проблемы, этот шаг стал прямым доказательством того, как бывшие геополитические противники готовы идти на взаимодействие в вопросах экологии. Можно в целом отметить, что в этот переходный период японские премьер-министры Нобору Такэсита, Тосики Кайфу и Киити Миядзава активно поддерживали международную экологическую повестку и лидирующее положение Японии в ней (Smith, 1999. P. 304). В начале 1990-х гг. министерство экономики, торговли и промышленности Японии начало реализацию проекта помощи развивающимся странам, главной целью которого стала финансовая и технологическая помощь в вопросах построения устойчивой экологической политики; одним из основных реципиентов стали страны Восточной Азии (Revision of Japan's Official Development Assistance Charter)[4].

Внедрение нового проекта происходило на волне результатов конференции по изменению глобального климата в Рио-де-Жанейро в 1992 г., которая смогла собрать делегатов из более 170 стран мира. На конференции впервые была представлена концепция устойчивого развития, в дальнейшем сыгравшая важную роль в формировании экологической политики стран СВА, и «Повестка дня на 21 век».

Эффективность и открытость подобного формата мероприятий вдохновили региональные суборганизации ООН провести собственные конференции, посвященные проблемам окружающей среды. Сразу после окончания конференции в Рио-де-Жанейро японское экологическое агентство пригласило представителей стран СВА для обсуждения назревших проблем в контексте экологического урегулирования. Встреча прошла под эгидой Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана и представляла собой форум между представителями правительственных организаций, исследователями и активистами экологических движений. В ходе работы был выработан новый план по созданию единой региональной экологической организации с ежегодными встречами на межправительственном уровне.

И уже в следующем, 1993 г., этот план вступил в силу вместе со стартом первого симпозиума Субрегиональной программы природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии. На встрече НЕАСПЕК присутствовали представители пяти стран за отсутствием представителей от Северной Кореи, которая, тем не менее получила приглашение для участия в форуме. На первых заседаниях были озвучены приоритетные задачи, среди которых можно выделить борьбу с трансграничным загрязнением атмосферного воздуха в регионе, решение энергетической проблемы, внедрение концепции устойчивого развития в национальные экологические планы и создание четкой институциональной структуры организации.

В последующем эти встречи стали регулярными и проходили раз в год или раз в два года, среди них хотелось бы отметить форум 1994 г., на котором впервые присутствовали все 6 стран региона, и встречу 1998 г. в Москве, где поднимались вопросы финансирования организации, создания общего трастового фонда, а также было принято решение об открытии двух исследовательских центров в Южной Корее (North-East Asian Subregional Programme for Environmental Cooperation)[5].

Первая встреча в XXI в. состоялась в Сеуле, на ней были согласованы внутренние механизмы работы организации, а также принято решение о создании собственного целевого фонда, основой которого были добровольные пожертвования от стран-участниц и неправительственных организаций. А в 2010 г. было открыто постоянное представительство НЕАСПЕК в г. Инчхон, что только утвердило особую

[4] Revision of Japan's Official Development Assistance Charter. Available at: https://www.env.go.jp/en/press/2003/0828a.html (accessed November 7, 2019).

[5] North-East Asian Subregional Programme for Environmental Cooperation. Available at: http://www.neaspec.org/about-neaspec (accessed November 11, 2019).

роль Республики Корея в организации работы ведущего экологического агентства региона.

Совместная работа в НЕАСПЕК не означала сокращение двусторонних контактов, и в то время как отношения Японии с Россией и Южной Кореей продвигались в русле сотрудничества, Китай также не остался в стороне. В 1996 г. был открыт японо-китайский научный центр по защите окружающей среды, строительство которого было спонсировано японской стороной, а также предоставлено необходимое оборудование совместно с консультациями от японских специалистов (Japan's Environmental Cooperation for China)[6].

Уже к середине 90-х гг. в рамках переговоров НЕАСПЕК сложился более тесный диалог между Японией, Китаем и Южной Кореей. Для дальнейшего поддержания плодотворного сотрудничества был создан новый формат встреч, который получил название Трехсторонние встречи министров экологии (TEMM). Первое подобное собрание состоялось в Сеуле в январе 1999 г. В ходе переговоров были выделены приоритетные направления работы, среди которых стоит выделить распространение точной и правдивой информации о состоянии экологии в регионе; укрепление сотрудничества перед лицом глобальных экологических катастроф; выработка эффективной стратегии по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха и морского пространства; привлечение передовых технологий и исследовательских центров в своей деятельности (The Tripartite Environment Ministers Meeting among Japan, China and Korea)[7]. Формат этих встреч до сих пор остается актуальным, и они проводятся ежегодно.

Характеризуя этот период, нельзя не отметить деятельность более узко специализированных организаций, таких как План действий по охране, управлению и развитию морской и прибрежной окружающей среды северо-западной части Тихого океана (НОУПАП), в котором участвуют 4 страны Северо-Восточной Азии: Китай, Япония, Россия и Южная Корея. Эта организация была создана для охраны прибрежных зон и морских территорий и преследовала цели рационального использования морских ресурсов региона. НОУПАП отличалась от других подобных региональных проектов наличием постоянного представительства и собственной финансовой структуры, что позволяло ей более эффективно подходить к решению поставленных задач. Этим она отличалась от НЕАСПЕК, которая охватывала сразу несколько природоохранных направлений, но, действуя на добровольных началах, организация теряла большой процент эффективности.

В целом, характеризуя переходный этап, завершившийся с началом XXI века, можно отметить открытость акторов региона к диалогу и их готовность идти на компромисс в некоторых экологических направлениях. Даже разразившийся в Азии экономический кризис 1998 г., не стал поворотным моментом для этого перспективного сотрудничества. Япония, будучи основным кредитором, выполнила изначально взятые на себя обязательства, определив экологическую дипломатию, как одно из приоритетных направлений своей внешней политики и инструмент для повышения своего международного статуса (Стапран, 2003. С. 102).

Как уже говорилось выше, 1999 г. стал ключевым для трехстороннего сотрудничества Китая, Южной Кореи и Японии, а заинтересованность экологическими вопросами со стороны общественности только росла. Не отставали частные компании и неправительственные организации. Японские компании проявили интерес к инвестированию в ряд экологических проектов по всему миру, только в 1998 г. они выделили около 600 миллиардов долларов, поделив их таким образом: 33,4 % – США, 38,7 % – Европе, 16,00 % – Азии (Environmental policy in Japan, 2005 P. 139). Прослеживается более низкий по сравнению с Европой и Америкой процент для Азии, который может быть объяснен недостаточной вовлеченностью региона в мировой рынок экологических инноваций, на долю которых и пришлись вышеуказанные суммы для западных стран.

[6] Japan's Environmental Cooperation for China. Creation of Comprehensive Base and Framework. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/category/environment/pamph/2001/coop-1.html (accessed November 15, 2019).

[7] The Tripartite Environment Ministers Meeting among Japan, China and Korea (TEMM). Available at: https://www.env.go.jp/earth/coop/coop/english/dialogue/temm.html (accessed November 18, 2019).

Новой точкой отсчета стал 2003 г. и ядерный кризис Северной Кореи. В условиях нарастающей напряженности государства региона объединились для обсуждения путей выхода из конфликта. Встреча НЕАСПЕК в Пекине в 2007 г. проходила в атмосфере открытости. Обсуждались проекты по техническому переоборудованию теплоэлектростанций для предотвращения загрязнения атмосферного воздуха, повышения экологической эффективности существующих предприятий и предотвращения желтых пыльных бурь, поднимались вопросы финансирования. Главный фонд НЕАСПЕК был основан в 2001 г. с уставным капиталом, не превышающим миллиона долларов. На встрече 2007 г. Китай предложил увеличение финансирования организации и внес около 50 тысяч долларов. (New Linkage of Northeast Asian Regional Cooperation, 2007. P. 130–132). Однако в условиях приближавшегося мирового экономического кризиса эти меры не принесли ощутимой пользы.

Как никогда остро стоял вопрос антропогенной экологической катастрофы в Китае: непрекращающиеся пыльные бури в Южной Корее были следствием опустынивания северной части Китая и большей части Монголии, а Дальний Восток России был захвачен в кольцо лесных пожаров. Финальной точкой стала катастрофа на АЭС Фукусима-1 в марте 2011 г., когда Япония столкнулась с несколькими крупнейшими стихийными бедствиями, повлекшими одну из самых масштабных техногенных аварий в истории.

Основные проблемы регионального сотрудничества

В определении основных проблем регионального сотрудничества нельзя забывать про ряд традиционных характеристик Северо-Восточной Азии. Центральное положение в регионе занимает развитое ядро, в то время как ресурсная часть находится на периферии и зачастую не включена в общерегиональный процесс. Это отражается в первую очередь в высокой социальной и экономической контрастности стран СВА (Природопользование Дальнего Востока России…, 2005. С. 39–40).

При всей многогранности региональных экологических планов 90-х гг., в новом тысячелетии все чаще вставал вопрос эффективности предлагаемых проектов, отмечалось недостаточное финансирование и отсутствие общей заинтересованности и вовлеченности стран в процесс реализации намеченных целей, а также нерациональное распределение обязательств между НЕАСПЕК и другими экологическими организациями региона (Kim, 2009).

Трансграничность экологических проблем могла сплотить акторов региона в общей борьбе с кризисом, но в последние годы отношение к проблеме кардинально изменилось, став катализатором для взаимных обвинений. Наблюдается рост числа пыльных бурь по всей территории региона: они зарождаются в Монголии и северных районах Китая и переносят желтую пыль, которая может наносить значительный вред дыхательной системе человека. Многие эксперты видят причины столь частых бурь в экстенсивной хозяйственной деятельности человека и отмечают масштабность проблемы, указывая на границы, простирающиеся вплоть до берегов Японии.

Все вышеуказанные причины препятствуют становлению региональной экологической системы, помимо этого существуют и структурные проблемы. Профессор Акихиса Мори из университета Киото отметил роль традиционных политических режимов в становлении экологических концепций Восточной Азии. Он указал, что в истории Восточной Азии на протяжении долгого времени преобладали авторитарные режимы, ситуация практически не изменилась после Второй мировой войны, которая разделила власть на два лагеря: капиталистический и социалистический. В обоих случаях послевоенный рост экономики был возможен в первую очередь за счет природных и человеческих ресурсов. Устанавливая легитимность своей власти, недавно созданные правительства стремились отвлечь людей от вопросов демократических прав и свобод, удерживая курс на быстрый экономический рост. Экономические успехи и стабильность были призваны служить показателем благосостояния народа, а создание многочисленных экономических ведомств на макро- и микро-уровне и разветвленной инфра-

структурной сети в большинстве случаев отвлекали внимание от экстенсивной эксплуатации ресурсов и отдельных случаев катастрофических экологических последствий данной политики (Mori, 2013. P. 18–20).

В этих условиях вся внешняя политика государства сосредотачивалась на поддержании авторитета и захвате новых сфер влияния. Акторы, находясь в постоянной атмосфере недоверия, не стремились выстраивать дружеские и добрососедские отношения с другими странами региона, а любое вмешательство во внутренние дела государства рассматривалось как нарушение суверенитета. С подобной ситуацией столкнулось и зарождающее экологическое движение в СВА в начале нового тысячелетия, когда северокорейская проблема стала приоритетным направлением многостороннего сотрудничества. Двусторонние проекты между Россией и Японией замораживались на этапе проверки специалистов, когда японские исследователи не могли получить доступ к предприятиям, занимавшимся реализацией совместных проектов. Китай и Япония столкнулись с подобной проблемой, когда стало понятно, что большая часть японских капиталовложений тратится не по прямому назначению. Случай с жестоким разгоном студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г. стал поводом для ограничения финансовой помощи со стороны Токио. Но основным вызовом для регионального сотрудничества в 2000-х стали военные и политические процессы, происходившие в Северной Корее, а также постепенное превращение Китая в регионального гегемона (О проблемах безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии, 2012. С. 89). Нельзя забывать, что Северо-Восточная Азия – это регион, в котором большинство акторов претендует на статус великой державы, тем самым порождая дефицит взаимного доверия и невозможность переоценки общего исторического прошлого (Лукин, 2010. С. 85).

Из первого пункта напрямую вытекает второй – нерешенность исторических проблем между региональными акторами. В первой половине XX века милитаристская политика Японии в Корее и Китае стала ассоциироваться с военными преступлениями. После окончания Второй мировой войны напряженность в отношениях акторов остается нерешенной. Исторический национализм – один из знаковых компонентов региональной политики, подкрепленный неоднозначной оценкой ответственности Японии за оккупационную политику (Стрельцов, 2009. С. 29). Периодически это приводит к нарастанию напряженности по вопросам спорных территорий в регионе, а также к экономической дезинтеграции, что было недавно продемонстрировано в ходе торговой войны между Южной Кореей и Японией. Проявления гибкости трактуются как измена национальным интересам.

Нельзя забывать про экономические факторы. Все, из представленных стран СВА, обладают совершенно различными экономическими характеристиками и уровнями индустриального развития. Если Япония и Южная Корея стабильно занимают высокие позиции в рейтинге развитых стран, то Россия и Китай выступают в роли передовых развивающихся стран. Отдельного внимания заслуживают Монголия и Северная Корея, которых сложно оценить, исходя из параметров индустриального развития.

В данном случае стоит обратиться к эколого-экономической концепции под названием Кривая Кузнеца, которая наглядно доказывает, что уровень индустриального развития непосредственно влияет на рост экологического общественного самосознания. Еще в 1990-х гг. эта гипотеза была представлена Д. Гроссман и А. Крюгером, интерпретировавшими идею взаимозависимости экономического роста и экологической устойчивости, рассматривая ухудшение экологической обстановки как одну из неотъемлемых характеристик экономического роста. Однако, достигнув определенной высокой точки или так называемого поворотного момента, когда экономика начинает демонстрировать определенные успехи, должен последовать целый ряд нормативных актов, призванных регулировать рост экономики и экологическую устойчивость, тем самым снижая риски для экологии (Grossman, Krueger, 1995).

Можно отметить, что на данный момент страны региона проходят через разные этапы формирования собственных экологических концепций. И, если в ряде стран уже действует устоявшаяся система, то развивающиеся страны занимаются прямой

оценкой экономических рисков при проведении новой экологической политики.

Не стоит забывать, что параллельно с парадом экологических конференций 80-х гг., мир сотрясли сразу несколько системных экономических кризисов, не обойдя стороной и крепнувшие азиатские экономики. Экономические процессы в регионе были переведены на экспортно-ориентированное направление, в котором государство стимулировало определенные сферы производства, а также поддерживало конкуренцию на внутреннем и внешних рынках. С одной стороны, это укрепляло интеграционные процессы в регионе, способствующие быстрым передвижениям капитала по всей Азии; с другой стороны, привлечение капитала и инвестиций из-за рубежа повлекло за собой частичную потерю контроля государством над рыночными процессами, поставив тем самым проблемы экологии в статус трансграничных. Такая бессистемная интеграция в глобальные экономические процессы поспособствовала интенсификации экологической деградации региона.

Ситуация породила новый формат экологических взаимоотношений между странами региона, который действует по принципу «донор-реципиент», где одна сторона занимается финансированием или технологической помощью, а другая сторона принимает на себя обязательства максимально эффективно распорядиться полученными ресурсами. В общей экологической концепции Японии заложена основа для так называемой экологической дипломатии, когда устойчивая экология выступает в качестве механизма реализации внешней политики страны, а страна берет на себя обязательства лидера в природоохранном пространстве. Подобная позиция не всегда удовлетворяет «принимающую» сторону, где грань между экологической помощью и вмешательством во внутренние дела может легко стираться. Однако есть и положительные примеры подобной помощи. В 1998 г. японские власти решили сократить экологические дотации, предоставляемые Южной Корее, по причине выхода страны на новый этап устойчивого экономического роста. Теперь страна могла собственными силами решать назревшие экологические проблемы.

Несмотря на довольно большое количество перечисленных проблем, главное препятствие лежит в функциональном русле. Низкая эффективность региональных экологических отношений напрямую зависит от отсутствия регулирующих механизмов и недостаточности финансирования. В условиях отсутствия регионального лидера часто происходят ситуации с перекрестным несением обязанностей. Например, НОУПАП имеет сразу два секретариата – один в Тояме, другой в Пусане. Это касается также и структурной неразберихи. В Южной Корее деятельность НЕАСПЕК находится под руководством министерства иностранных дел, а ТЕММ входит в круг обязанностей министерства экологии (Jung W., 2016).

Меры, предпринимаемые НЕАСПЕК и другими региональными экологическими организациями, носят рекомендательный характер и остаются только в кругах, непосредственно заинтересованных в решении вопроса. Региональная же общественность либо не получает необходимых сведений, либо не заинтересована в устранении возникших проблем.

Заключение

Разгадка многих спорных вопросов кроется в интерпретации экологической дипломатии в странах СВА. Китай выделяет экологическую дипломатию в отдельное направление, в то время как Япония включает ее в общий дипломатический процесс. Южная Корея видит в основе экологической дипломатии консенсус для сотрудничества, а Россия рассматривает ее как часть своей внешнеполитической повестки (Кондратенко, 2016. С. 50). Разные направления преследуют разные цели и, пожалуй, единственным связующим звеном в этой гонке может стать экономический фактор. Если суммировать общие концепции Белых книг по окружающей среде, издаваемых в Японии, можно проследить, что окружающая среда и экономика – два неразрывно связанных понятия. Экономическая деятельность улучшает жизнь человека только в том случае, когда сопровождается активными действиями по сохранению окружающей среды. Более того, экономическая система страны должна быть инкорпорирована с окружающей средой, где последняя является са-

мым главным активом страны (Тимонина, 2001. С. 90).

Многие международные организации и их подразделения, прекрасно понимая роль окружающей среды, призывают активно имплементировать экологические концепции во внутриполитические и экономические механизмы. К примеру, ЮНЕП под устойчивым развитием понимает целую систему мер государственного регулирования: эко-налоговые реформы, устойчивый рост инфраструктуры, ответственность бизнеса за озеленение и умеренное потребление. Но возможно ли в полной мере интегрировать новые правила и предложения в реальность восточноазиатских государств?

Для примера проведения устойчивой экологической политики стоит обратиться к опыту Европейского Союза. Развитые страны обладают многоуровневой системой экологической безопасности, а в условиях экономической глобализации, эти уровни все сложнее рассматривать без привязки друг к другу. Государственные институты тесно сотрудничают с региональными институтами Союза, где приоритет отдается решению именно региональных объединений. Помимо этого, особое внимание уделяется роли таких крупных организаций, как Мировой Банк и Валютный Фонд. Они регулируют деятельность крупных компаний, а также создают многосторонние стандарты для инвестирования. В этих условиях создается плодотворная почва для вовлечения гражданского общества и негосударственных акторов в процесс продвижения идей устойчивого развития (Razzaque, 2013. P. 14).

Рассматривая экологическое сотрудничество внутри Восточной Азии, зачастую приводят пример Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и возможность урегулирования экологических проблем микрорегиона через внутриуставные механизмы регионального объединения. В 2017 г. АСЕАН выбрал ключевое слово для характеристики своего видения будущей экологии региона, им стало слово «устойчивый» (sustainable), что подразумевает строительство «экологически устойчивых» городов, достижение «устойчивого» климатического состояния планеты, устойчивое потребление и производство товаров в регионе (ASEAN Cooperation on Environment)[8].

В первом случае, полномочия в вопросах экологического баланса распространяются гораздо дальше за границы собственно государственной концепции, и регулятивные механизмы и нормативно-правовые акты Европейского Союза стоят выше, нежели подобные внутригосударственные структуры. АСЕАН, изначально созданный для экономической интеграции региона, все чаще в своих официальных документах и концепциях затрагивает вопросы охраны окружающей среды. Однако на первое место в списке приоритетов все же ставит первоначальные экономические цели, а вмешательство органов АСЕАН во внутренние дела государств не приветствуется.

И, если опыт других региональных объединений будет сложно перенести в СВА, то универсальная концепция устойчивого развития, предполагающая стабильный экономический рост, может стать платформой для нового этапа регионального сотрудничества. Необходимый промышленный толчок был дан, возросла потребительская способность во всех странах региона. Наступает этап обращения к вопросам сохранения окружающей среды и вовлечение общественности в решение этого вопроса. Основная проблема лежит во временном промежутке между первой ступенью и следующей. Если проблемы экологии не решать в процессе постоянного роста потребления, это приведет к деградации природных ресурсов и поставит под вопрос их возобновляемость (Terao, 2007. P. 40).

Возвращаясь к словам Индиры Ганди, стоит обратиться к Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию 2002 г., провозгласившей фундаментальные принципы свободы, равенства, солидарности, терпимости и уважения к природе. В основе достижения этих целей лежат не столько вопросы охраны окружающей среды, сколько сокращение экономического разрыва между странами, ликвидация нищеты и неграмотности, формирова-

[8] ASEAN Cooperation on Environment. Available at: https://asean.org/wp-content/uploads/2018/02/50.-December-2017-ASEAN-Cooperation-on-Environment-At-A-Glance.pdf (accessed March 6, 2020).

ние глобального партнерства (Экологические проблемы стран Азии и Африки, 2012. С. 26). Подобные цели стоят также и перед странами Северо-Восточной Азии при будущих попытках построения многосторонней экологической дипломатии.

Библиографический список

Кондратенко Г.В. Экологическая дипломатия стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного Института. 2016. № 2 (30). С. 47–64.

Куклина А.С. История становления основных принципов экологической политики Японии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 26. С. 127–137. DOI: https://doi.org/1026516/2222-9124.2018.26.127

Лукин А. Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 82–88.

О проблемах безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 87–92.

Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции устойчивого развития. Под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток: Дальневосточное отделение Российской академии наук, 2005. 526 с.

Стапран Н.В. Экологическая безопасность Японии: внешнеполитический аспект // Япония 2002–2003. Ежегодник. 2003. С. 101–120.

Стрельцов Д.В. Российский вектор японской внешнеполитической стратегии в АТР // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. 2009. С. 28–42.

Тимонина И.Л. Экономические аспекты экологической политики: современные подходы и проблемы // Япония 2000–2001. Ежегодник. 2001. С. 86–110.

Экологические проблемы стран Азии и Африки. Под ред. Д.В. Стрельцова и Р.А. Алиева. М.: Аспект Пресс, 2012. 271 с.

Environmental policy in Japan. Ed. by Hidefumi Imura, Miranda A. Schreurs. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2005. 406 p.

Grossman G.M., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quarterly Journal of Economics. 1995. No. 2. P. 353–377.

Jung W. Environmental Challenges and Cooperation in Northeast Asia. Focus Asia: Perspective & Analyses. March 16, 2016, No 16. Available at: https://isdp.eu/content/uploads/images/stories/isdp-main-pdf/2016-jung-environmental-challenges-cooperation-

References

Kondratenko G.V. (2016) Environmental diplomacy of North-East Asian countries. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* = News of the Oriental Institute. No. 2 (30). P. 47–64. (In Russ.)

Kuklina A.S. (2018) History of Establishment of Japanese Environmental Policy's Major Principles. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya* = News of Irkutsk State University. Series: History. No. 26. P. 127–137. DOI: https://doi.org/1026516/2222-9124.2018.26.127 (In Russ.)

Lukin A. (2010) Perspectives of North-East Asian cooperation. *Mezhdunarodnye protsessy* = International processes. No. 8. 82–88. (In Russ.)

(2012) About problems of security and cooperation in North-East Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. No. 12. P. 87–92. (In Russ.)

Sheingauz A.S. (2005) Nature Management in the Russian Far East and North-East Asia: Potential for Integrating Development Studies. Vladivostok: Dal'nevostochnoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk. 526 p. (In Russ.)

Stapran N.V. (2003) Japanese environmental security: foreign policy aspect. *Japonija 2002–2003. Ezhegodnik* = Japan 2002–2003. Yearbook. P. 101–120. (In Russ.)

Strel'cov D.V. (2009) Russian vector of Japanese foreign policy strategy in the Asia–Pacific region. *Japonija v Aziatsko-Tihookeanskom regione: politicheskie, jekonomicheskie i social'no-kul'turnye aspekty* = Japan in the Asia-Pacific Region: Political, Economic, and Socio-Cultural Aspects. P. 28–42. (In Russ.)

Timonina I.L. (2001) Economic Aspects of Environmental Policy: Current Approaches and Problems. *Japonija 2000–2001. Ezhegodnik* = Japan 2002–2003. Yearbook. P. 86–110. (In Russ.)

Strel'cova D.V., Alieva R.A. (2012) Environmental problems of Asian and African countries. Moscow: Aspekt Press. 271 p. (In Russ.)

Environmental policy in Japan. Ed. by Hidefumi Imura, Miranda A. Schreurs. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2005. 406 p.

Grossman G.M., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quarterly Journal of Economics. 1995. No. 2. P. 353–377.

Jung W. Environmental Challenges and Cooperation in Northeast Asia. Focus Asia: Perspective & Analyses. March 16, 2016, No 16. Available at: https://isdp.eu/content/uploads/images/stories/isdp-main-pdf/2016-jung-environmental-challenges-cooperation-

northeast-asia.pdf (accessed November 15, 2019)

Kelley D.R., Stunkel K.R., Wescott R.R. The economic superpowers and the environment: the United States, the Soviet Union, and Japan. San Francisco: W.H. Freeman, 1976. 335 p.

Kim C.-W. Northeast Asian Environmental Cooperation: from a TEMM's Perspective. Korea Review of International Studies. Vol. 12 (1), 2009, pp. 19–36. Available at: https://gsis.korea.ac.kr/wp-content/uploads/2015/04/12-1-02-Chan-woo-Kim.pdf (accessed November 7, 2019)

Mori A. Environmental governance for sustainable development: East Asia perspectives. Tokyo: United Nations University Press, 2013. 384 p.

New Linkage of Northeast Asian Regional Cooperation. Ed. by Kyuryoon Kim. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2007. 244 p.

Razzaque J. Environmental governance in Europe and Asia: a comparative study of institutional and legislative frameworks. London: Routledge, 2013. 142 p.

Smith K.S. Environment and Cooperation. // Japan and Russia in northeast Asia: partners in the 21st century. Vladimir I. Ivanov and Karla S. Smith (ed.). Westport, Conn.: Praeger. 1999. pp. 303–318.

Terao T. Industrial Policy. Development and Pollution Control. // Development of Environmental Policy in Japan and Asian Countries. Tadayoshi Terao, Kenji Otsuka (eds.). Basingstake: Palgrave Macmillan, 2007. 290 p.

Tsunekawa K. Why So Many Maps There? Japan and Regional Cooperation. // Remapping East Asia: the construction of a region. Ed. by T.J. Pempel. Cornell University Press: London. 2005. 101–138 pp.

Критерии авторства

А.С. Куклина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Куклина Александра Сергеевна,
преподаватель кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: kuklinasasha.hk@gmail.com

northeast-asia.pdf (accessed November 15, 2019)

Kelley D.R., Stunkel K.R., Wescott R.R. The economic superpowers and the environment: the United States, the Soviet Union, and Japan. San Francisco: W.H. Freeman, 1976. 335 p.

Kim C.-W. Northeast Asian Environmental Cooperation: from a TEMM's Perspective. Korea Review of International Studies. Vol. 12 (1), 2009, pp. 19–36. Available at: https://gsis.korea.ac.kr/wp-content/uploads/2015/04/12-1-02-Chan-woo-Kim.pdf (accessed November 7, 2019)

Mori A. Environmental governance for sustainable development: East Asia perspectives. Tokyo: United Nations University Press, 2013. 384 p.

New Linkage of Northeast Asian Regional Cooperation. Ed. by Kyuryoon Kim. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2007. 244 p.

Razzaque J. Environmental governance in Europe and Asia: a comparative study of institutional and legislative frameworks. London: Routledge, 2013. 142 p.

Smith K.S. Environment and Cooperation. // Japan and Russia in northeast Asia: partners in the 21st century. Vladimir I. Ivanov and Karla S. Smith (ed.). Westport, Conn.: Praeger. 1999. pp. 303–318.

Terao T. Industrial Policy. Development and Pollution Control. // Development of Environmental Policy in Japan and Asian Countries. Tadayoshi Terao, Kenji Otsuka (eds.). Basingstake: Palgrave Macmillan, 2007. 290 p.

Tsunekawa K. Why So Many Maps There? Japan and Regional Cooperation. // Remapping East Asia: the construction of a region. T.J. Pempel (ed.). Cornell University Press: London. 2005. 101–138 pp.

Attribution criteria

A.S. Kuklina conducted research, made a compilation and prepared the manuscript for publication. She has copyrights of the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Aleksandra S. Kuklina,
Lecturer of Department of World History and International Relations,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: kuklinasasha.hk@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(470)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-222-231

Становление немедийных коммуникаций религиозных организаций в России в 1990–2010 гг.

© Е.С. Другова, М.Ф. Желновакова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена становлению системы немедийных коммуникаций религиозных организаций в России в 1990–2010 гг. С момента законодательного разрешения свободы совести в 1990 г. религиозные организации активно включились в процесс взаимодействия с общественностью, постепенно внедряя в свою деятельность различные коммуникативные практики. Немедийные коммуникации в религии и массовом сознании – процесс, исключающий использование классических (медийных) каналов распространения информации, предполагающий передачу необходимых данных в конкретное время при помощи личного контакта или же взаимодействия с группой лиц. Этот микропроцесс уникален, так как накладывает отпечаток на те или иные события, происходящие в обществе. В работе обосновывается актуальность, новизна и практическая значимость исследования, обобщаются принципы немедийных коммуникаций в религии, выделяется типология включений. Обосновывается логичность распределения затрат при обращении к немедийным коммуникациям, а также даются авторские оценки их использования как приема и инструмента трансляции коммуникативного обращения. Приводится информация о сущности немедийных коммуникаций, их типах и возможностях применительно к религиозным организациям, перечисляются их основные формы, применяемые духовными институтами России с 1990-х гг. Поднимается вопрос о повышении имиджа религиозной организации. Немедийные коммуникации – понятие или термин, которому не дается конкретного и «твердого» определения в современной науке, соответственно, каждый исследователь трактует его согласно собственному опыту, или опираясь на исследования предшественников. В одном специалисты имеют схожую точку зрения: в данном типе коммуникации любой направленности (торговой, коммуникативной, религиозной и т. д.) отсутствуют традиционные массовые средства и каналы распространения информации. Есть и другое объяснение, что данные каналы предназначены для узкого круга заинтересованных лиц (или людей, которых необходимо заинтересовать) и предполагающие обратную связь. В религиозных немедийных коммуникациях прослеживаются: связи с общественностью, взаимоотношения с государством и его структурами; спонсоринг и меценатство; межконфессиональный диалог.

Ключевые слова: религиозные коммуникации, немедийные коммуникации, коммуникативные средства, религиозные организации, коммуникативное послание, диалог церкви и общества, межрелигиозный диалог, массовое мероприятие, духовные институты, связи с общественностью, Российская Федерация

Информация о статье: Дата поступления 4 мая 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Другова Е.С., Желновакова М.Ф. Становление немедийных коммуникаций религиозных организаций в России в 1990–2010 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 222–231. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-222-231

The formation of non-media communications of religious organizations in Russia in 1990–2010

© Elena S. Drugova, Margarita F. Zhelnovakova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the establishment of a system of non-media communications of religious organizations in Russia in 1990–2010. Since the legislative resolution of the freedom of conscience in 1990, religious organizations have been actively involved in the process of interaction with the public, gradually introducing various communicative practices into their work. Non-media communications in religion and public consciousness is a process that excludes the use of classical (media) channels of information dissemination, involving the transfer of the necessary data at a particular time through personal contact or interaction with a group of individuals. This microprocess is unique, as it leaves an imprint on certain events taking place in society. The work substantiates the relevance, novelty and practical significance of the research, summarizes the principles of non-media communications in religion, and identifies a typology of inclusions. Authors justifies the consistency of the allocation of costs when referring to non-media communications, and estimates their use as a method and tool for the transmission of communicative circulation. Authors provide information about the nature of non-media communications, their types and capabilities in relation to religious organizations, list their main forms used by the spiritual institutions of Russia since the 1990s The question of raising the image of a religious organization is raised. Non-media communications – a concept or term that is not given a concrete and "hard" definition in modern science, respectively, each researcher interprets it according to his own experience, or based on the research of his predecessors. In one, experts have a similar point of view: in this type of communication of any orientation (commercial, communicative, religious, etc.) there are no traditional mass media and channels for disseminating information. There is another explanation that these channels are intended for a narrow circle of interested persons (or people who need to be interested) and suggest feedback. Religious non-instant communications can be traced: public relations, relations with the state and its structures; sponsorship and patronage; interfaith dialogue.

Keywords: religious communications, non-media communications, communication tools, religious organizations, communication message, dialogue between the church and society, inter-religious dialogue, a public event, spiritual institutions, public relations, the Russian Federation

Article info: Received May 4, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Drugova E.S., Zhelnovakova M.F. (2020) The formation of non-media communications of religious organizations in Russia in 1990–2010. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 222–231. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-222-231

Российское общество за последние двадцать лет пережило значительную трансформацию во многих областях, в том числе и в религиозной сфере. Был осуществлен переход от атеистической идеологии и маргинализации религиозных практик к плюрализму мнений и свободе совести (Бабосов, Трусь, 2015. С. 97). С 1990 г. после законодательной гарантии свободы совести различные религиозные организации начали процесс создания системы взаимодействия с обществом или отдельными его группами, что позволяет говорить о формировании в России системы религиозных коммуникаций, осуществляемых через разные каналы (Почепцов, 2000. С. 56).

На данный момент система религиозных коммуникаций, несмотря на вовлечение значительного числа людей в такие практики, фактически не исследуется. Если религиозные коммуникации и рассматривались рядом ученых как лингвистический феномен, то его исследования как коммуникативного явления, встроенного в исторический процесс, до сих пор произведено не было. Еще меньше данному вопросу уделено внимания в контексте российской действительности 1990–2010 гг., что на современном этапе делает такие междисциплинарные исследования востребованными.

Целью статьи является рассмотрение процесса становления немедийных коммуникаций религиозных организаций Российской Федерации в 1990–2010 гг. и их основных особенностей.

Религиозные коммуникации последних десятилетий, особенно в контексте внешних коммуникаций, можно разделить по назначению:

– связи с широкой общественностью (PR);

– связи с государственными органами власти (GR);

– связи со спонсорами (IR);

– связи с другими религиозными организациями (межконфессиональный диалог, но по каналам коммуникации – медийные и немедийные коммуникации) (Желновакова, 2013).

Прежде всего, необходимо дать определение немедийным коммуникациям и выделить специфику их воздействия на аудиторию, а затем рассмотреть российский опыт построения такого рода системы взаимоотношений религиозными организациями.

Процесс формирования немедийных коммуникаций напрямую связывают с возникновением условного деления коммуникативных средств на медийные и «остальные», так как в XIX в. – первой половине XX в. возникла необходимость расширения границ доступности коммуникации для общества, поиска «иных средств» для привлечения внимания целевой аудитории к объекту, в том числе и религиозной информации, которая, с точки зрения массовой коммуникации, мало чем отличается от других объектов продвижения, будь то товары, услуги или политическая идеология (Катернюк, 2001. С. 57)[1].

Немедийная коммуникация предполагает отсутствие базовых (традиционных) средств массовой информации в процессе формирования имиджевой политики организации (Ванд, 2013. С. 101). Отметим, что в настоящее время данному определению исследователи в области коммуникативных процессов не нашли детального объяснения, а термин «немедийная коммуникация» трактуется лишь поверхностно. Основополагающим считается пояснение, что немедийные коммуникации – это процесс, исключающий контакт с аудиторией через массовые / медийные каналы распространения информации, рассчитанный на небольшое число представителей целевой аудитории (Почепцов, 2001. С. 121). В большинстве своем такой вид коммуникации предусматривает обоюдную инициативность коммуникатора и реципиента (Перелыгина, 2003. С. 24).

Логичность распределения затрат при помощи немедийных способов распространения коммуникативного послания определяет ряд неоспоримых преимуществ перед медийными носителями: эффективность контакта, персонифицированность воздействия, интерактивность, низкозатратность (в отличие от телевидения, например), эмоциональность (Доронина, 2016. С. 247).

Эффективность немедийной коммуникации определяется в ее очевидном результате. Принято считать, что немедийная коммуникация воздействует на интимную атмосферу «мишени» аудитории и она, в свою очередь, не оценивает состоявшуюся коммуникацию как рекламный акт, а относится к действию как к игре, участником которой становится по собственному желанию (Егоричев, 2016. С. 687). Другая сторона эффективности данной коммуникации складывается из нестандартности канала распространения. Сегодня классические медиа испытывают особые трудности в преподнесении материала с точки зрения креативности и новизны, тогда как немедийным каналам они доступны в полном объеме (Конушкина, Федорова, 2015. С. 249).

Возможность поэтапного планирования немедийной коммуникации также является критерием ее эффективности. Планирование позволяет процессу коммуникации, в том числе религиозной, определить круг проблем и возможностей, оперативно принять решение во внезапно возникшей (возможно критической) ситуации (Данилова, 2016. С. 43). Всесторонний подход к организации немедийных коммуникаций приводит к активизации эффекта «сарафанного радио» среди уже достигнутой целевой аудитории и тех представителей, которых еще предстоит завоевать, что также является интересом религиозных организаций.

Интерактивность сегодня – фактически самое основное требование к структурной организации коммуникативного послания (Никитина, 2014. С. 76). Такое требование обусловлено, прежде всего, потребностями современного общества. В ситуации передачи послания посредством традиционного медиа взаимодействие религиозной организации и общества происходит в одностороннем порядке, и лишь в редких случаях подобный контакт имеет обратную связь (Почепцов, 2008. С. 113). Важное отличие критерия интерактивности немедийных каналов – возможность индивидуального

[1] Катернюк А.В. Современные рекламные технологии: коммерческая реклама: учеб. пособ. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 132 с.

подхода как к отдельному человеку, так и к группе, объединенной по определенным признакам[2].

Обращение к популярным медиаканалам по праву считается сформировавшимся, устоявшимся и эффективным способом привлечения внимания массовой публики. Однако такая коммуникация требует значительных финансовых вложений, которыми не всегда располагают небольшие религиозные организации (Ореховская, 2014. С. 51). Кроме того, современное российское законодательство значительно ограничивает возможности религиозных организаций в сфере распространения своих идей через традиционные медиа. Верно обозначенные цели и задачи позволяют сформировать малозатратные немедийные коммуникативные мероприятия и инструменты, помогающие сократить расходы на реализацию задуманного[3].

Эксперты условно подразделяют немедийные коммуникации на персонализированные технологии и массовые мероприятия (Барнетт, Мориарти, 2001. С. 67). Массовые мероприятия проводятся, конечно, не без помощи средств массовой информации, однако базовым набором инструментов служат все-таки коммуникации немедийного плана. К массовым мероприятиям можно отнести форумы, конференции, консультативные и экспертные площадки, выставки, благотворительные, спортивные и развлекательные мероприятия и т. д. (Рыбаков, 2015. С. 197).

С персонализированными технологиями немедийных коммуникаций связывают наиболее продуктивные мероприятия религиозных организаций, среди которых неформальные встречи с руководством и лидерами мнений в конкретной сфере; встречи «от двери к двери»; френдинг на базе добровольной межличностной коммуникации, учитывающей потребности каждого из участников; сувенирная и другая продукция (Тараненко, 2015. С. 273).

Формированию и укреплению имиджа религиозной организации с начала 1990-х гг. уделяют особое внимание. Главным критерием восприятия такой организации и создания ее позитивной оценки в современном обществе является впечатление, которое она производит на людей. Комплекс точечных усилий, направленных на подкрепление существующего образа, позволяет занять свое место среди других религиозных организаций и создать предпосылки для развития социальной деятельности (Шарков, Горохов, 2016. С. 63). Немедийные коммуникации направлены в первую очередь на долгосрочное формирование имиджа (Перелыгина, 2003. С. 53). Религиозные организации, которые прилагают все возможные усилия для того, чтоб их имидж был положительным, в большинстве своем выбирают именно немедийные технологии (Бугаева, 2019. С. 178).

Вопросы формирования имиджа религиозной организации становятся особенно актуальными для духовных институтов, осуществляющих свою деятельность на территории различных регионов России, поскольку наличие нескольких крупных религиозных формаций переводит регион в разряд «конкурентных», где тяготение населения к той или иной вере зависит не только от этнической и культурной принадлежности, но и от активных действий самих религиозных организаций, в том числе в сфере коммуникаций. Достаточно подробное исследование религиозной «переориентации» регионов проводил Р.Н. Лункин в конце 2000-х гг. (Лункин, 2008).

Говоря о становлении немедийных коммуникаций религиозных организаций в России, следует начать с 1990 г., когда был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях». Это стало толчком для легитимизации деятельности религиозных организаций, в том числе и по взаимодействию с обществом и отдельными его группами и членами посредством различных каналов коммуникации (как медийных, так и немедийных). Действующее в настоящее время законодательство открывает возможности для различных форм взаимодействия, поэтому проведение такой рабо-

[2] Синяева И.М. Паблик рилейшнз в коммерческой деятельности: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 414 с.
[3] Данченок Л.А. Маркетинг по нотам. Практический курс на российских примерах: учебник. М.: Маркет ДС Корпорейшн, 2004. 758 с.

ты зависит в первую очередь от самих организаций.

Следует отметить, что теоретической базы и кадрового потенциала для осуществления коммуникативной деятельности в 1990 гг. и начале 2000-х гг. религиозные организации не имели, поэтому такая работа осуществлялась или на интуитивном уровне, или как адаптация западных практик, где они использовались в течение длительного времени (Бугаева, 2016. С. 102). С годами опыт построения системы религиозных коммуникаций был освоен российскими духовными институтами и сегодня он является объектом для изучения, а также способствует передачи информации в учебных заведениях, коммуникационных службах и отделах религиозных организаций.

Здесь следует акцентировать внимание на том, что имело место быть неоднозначное отношение руководства религиозных организаций к осуществлению разных форм коммуникаций. В начале 1990-х гг. многие конфессии рассматривали связи с общественностью как деятельность, чуждую религии и отвлекающую от основного назначения организации – отношений с Богом. В настоящее время ситуация значительно изменилась и большинство крупных религиозных организаций имеет в своей структуре отделы, занимающиеся взаимодействием с различными группами общественности. Более того, ряд конфессиональных учебных заведений готовят PR-специалистов и журналистов, к ним можно отнести Российский православный университет святого Иоанна Богослова или Московский теологический институт.

Первой религиозной организацией, начавшей планомерную работу по построению системы коммуникаций, стала Русская православная церковь (РПЦ). Так, при Московском патриархате работает Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. Непосредственно этот отдел был создан в 2015 г., однако предшествовавшие ему структуры, выполнявшие по сути те же функции, действовали с 1997 г. Этот отдел осуществляет работу с органами законодательной власти, политическими партиями, профессиональными и творческими союзами, иными институтами гражданского общества.

Как было отмечено ранее, одна из основных форм немедийных коммуникаций религиозных организаций – проведение мероприятий и участие в деятельности различных консультативных структур. Пожалуй, это одна из важнейших форм взаимодействия, которые используют духовные институты. Так, представители РПЦ являются активными членами Общественной палаты Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями, участвуют в профильных мероприятиях Федерального собрания РФ и т. д. Кроме того, они выступают консультантами различных форумов и конференций по вопросам нравственного и духовного воспитания, сохранения культурных ценностей, передачи исторического опыта, прав личности и др.

Помимо того, что Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации принимает участие в различных мероприятиях, проводимых органами власти и общественными организациями, он сам проводит ряд мероприятий, например, международный фестиваль «Вера и слово» или Международные Рождественские образовательные чтения. Следует отметить, что в рамках фестиваля «Века и общество» осуществляется общение и оценка деятельности представителей РПЦ, которые работают над имиджем религиозной организации (Завершился VII Международный фестиваль «Вера и Слово»)[4].

Активную работу с обществом ведет и Римская католическая церковь, при Римско-католической архиепархии Божией Матери в Москве работает информационная служба.

Аналогичную работу осуществляет и Федерация еврейских общин России, при которой работает Департамент общественных связей. Помимо установления взаимодействия с широкой общест-

[4] Завершился VII Международный фестиваль «Вера и Слово» [Электронный ресурс]. URL: http://sinfo-mp.ru/zavershilsya-vii-mezhdunarodnyj-festival-vera-i-slovo.html (Дата обращения: 29.04.2018).

венностью, департамент курирует Отдел по взаимодействию с Вооруженными силами, МЧС и правоохранительными учреждениями, целью которого посредством планомерной консультативной работы является обеспечение для военнослужащих-евреев необходимых условий, соответствующих религиозным правилам, а также борьба с ксенофобией в этих структурах. Одной из форм немедийных коммуникаций, запущенных Федерацией в 2012 г., стал Еврейский музей и центр толерантности, где в интерактивной форме рассказывается не только об истории еврейской общины в России, но и еврейском искусстве, современном положении иудаизма и т. д. (Еврейский музей и центр толерантности)[5]. Как отмечалось ранее, именно интерактивные методы являются ядром немедийного взаимодействия религиозных организаций и общественности.

С начала 2000-х гг. аналогичные структуры по связям с общественностью работают практически при всех крупных религиозных объединениях буддистов, мусульман, протестантских и других конфессий.

Немедийные коммуникации весьма важны не только для выстраивания контактов между религиозными организациями и обществом, но и для ведения межрелигиозного диалога (Шарков, Горохов, 2016. С. 63).

Одной из организаций, призванных обеспечить такое взаимодействие, является Межрелигиозный совет России. Он был создан 23 декабря 1998 г. на совместном заседании глав православной, мусульманской, иудейской и буддистской религиозных общин России. Как отмечено на официальном сайте организации, цель создания Совета – укрепление межрелигиозного и межнационального мира, противодействие использованию религиозных чувств для разжигания межэтнических конфликтов, утверждение в обществе традиционных нравственных ценностей, согласия и стабильности (О Совете)[6].

Одно из основных направлений работы Совета – составление совместных заявлений по различным актуальным вопросам: защита жизни нерожденных детей и профилактика сиротства, противодействие нападениям на верующих и совершению терактов на религиозной почве, внешнее выражение религиозности и свобода совести. В среднем Межрелигиозный совет составляет одно – два обращения в год. Следует отметить, что создание подобных документов и их размещение на официальном сайте также является одной из форм немедийных коммуникаций.

Однако работа подобных консультативных площадок не единственный пример осуществления межрелигиозных коммуникаций немедийными средствами. В различных регионах России используются технологии проведения неформальных мероприятий, например, спортивных или творческих с целью преодоления непонимания и розни между представителями различных религиозных течений.

Так, одним из удачных примеров такого взаимодействия можно назвать ежегодный межконфессиональный турнир по мини-футболу, организатором которого выступает Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников) при поддержке Департамента национальной политики и межрегиональных связей г. Москвы. В турнире принимают участие различные команды, представляющие различные христианские конфессии (католическая, протестантская церкви) и мусульманские общины. Многолетний опыт проведения мероприятия показывает, что такие турниры укрепляют связи между конфессиями (Межконфессиональный турнир по футболу предварил чемпионат мира)[7].

[5] Еврейский музей и центр толерантности [Электронный ресурс]. URL: http://www.feor.ru/museum.html (Дата обращения: 29.04.2018).

[6] О Совете [Электронный ресурс]. URL: http://interreligious.ru/about/ (Дата обращения: 29.04.2018).

[7] Межконфессиональный турнир по футболу предварил чемпионат мира [Электронный ресурс]. URL: https://www.cef.ru/infoblock/news/read/article/1468639 (Дата обращения: 29.05.2018).

Как уже было обозначено, участие представителей тех или иных конфессий в массовых мероприятиях является одной из основных форм немедийных коммуникаций на протяжении последних двадцати лет. Персонализированные немедийные технологии значительно реже встречаются в практике религиозных организаций, хотя тоже имеют место быть.

Следует отметить, что в классической теории немедийных коммуникаций одной из форм является межличностное общение «лицом к лицу» (Картер, 2000. С. 34). Для духовных институтов это самая древняя форма взаимодействия, которую в религиозном контексте называют миссионерской работой, это огромный пласт деятельности, поэтому в данном исследовании она не рассматривается.

Формой персонализированных технологий также является раздача сувенирной и печатной продукции[8]. Сегодня практически в любом культовом здании, будь то церковь, мечеть или синагога, для бесплатного распространения предлагаются напечатанные молитвы, четки и другие предметы религиозного культа, иногда волонтеры религиозных организаций раздают их вне пределов здания. Одними из первых практику распространения печатной продукции в 1990 гг. предложили протестантские церкви, активно предлагая небольшие буклеты с информацией об основных духовных принципах жизни, например «4 основных духовных закона», «Как мне спастись?» и т. д., также обычно на одной из страниц буклета указывался адрес ближайшей общины, куда мог прийти любой желающий. Волонтеры распространяли такую продукцию на самых оживленных улицах крупных городов. Многолетние наблюдения за подобной практикой позволяют сделать вывод, что бесплатное распространение печатной продукции в настоящее время встречается все реже, это обусловлено как общей усталостью населения от подобной формы информирования, так и законодательными ограничениями миссионерской деятельности.

Также активно распространением бесплатной печатной продукции малых форм занимались приходы Римской католической церкви, однако обычно их продукция находилась при входе в храм, и любой посетитель мог брать то, что ему было интересно. Такая практика повсеместно используется в западных католических приходах, но вызывала значительный интерес прихожан в России в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

Помимо реализации взаимодействия отдельных религиозных организаций в России есть и межконфессиональные проекты, осуществляемые преимущественно с использованием немедийных средств коммуникации. Так, с 2003 г. в России в разных городах (порядка пятидесяти) в рамках проекта «Сила перемен» действовали телефоны горячей линии, куда мог позвонить любой желающий и поделиться своей трудной жизненной ситуацией. Подготовленные специалисты контакт-центра старались дать совет на основе христианских ценностей, звонивший также получал DVD-диск и книгу с историями людей, успешно преодолевших трудные ситуации. Для каждого города, участвовавшего в проекте, готовилась отдельная книга с историями людей, живущих именно в этом регионе. Следует отметить, что этот проект межконфессиональный, действовавший при поддержке комитета глав протестантских церквей при Президенте РФ, поэтому цели присоединения к конкретной общине не ставилось. Всего в рамках акции было распространено несколько миллионов экземпляров книг и дисков (Скальский[9]; Акции социального медиа-проекта «Ощути силу перемен»[10]).

Кроме того, религиозные организации и объединения верующих людей распространяют различную религиозную атрибутику, направленную на привлечение внимания людей к какому-то празд-

[8] Антипов К.В. Основы рекламы: учебник. М.: Дашков и К°, 2015. 328 с.

[9] Скальский А. Ощути силу перемен [Электронный ресурс]. URL: http://babr24.com/irk/?IDE=98070 (Дата обращения: 24.05.2018).

[10] Акции социального медиа-проекта «Ощути силу перемен» прошли в 12 городах России [Электронный ресурс]. URL: http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=28156 (Дата обращения: 24.05.2018).

нику или значимому явлению в религиозной жизни. Опыт широкого распространения символьной продукции начался с акции «Георгиевская ленточка» в честь Дня Победы. Этот опыт был перенесен и в религиозную практику. Наиболее подходящим религиозным событием для раздачи памятных ленточек является Пасха. Во многих храмах и на улицах городов (Санкт-Петербург, Хабаровск) в последние несколько лет раздавались ленточки с надписью «ХВ» или «Христос Воскресе!».

Таким образом, за последние несколько десятилетий религиозные организации прошли сложный путь, связанный со становлением системы коммуникации с обществом и освоением новых средств коммуникации, в том числе немедийных. Более того, в ходе изменения условий функционирования современного общества, меняются религиозные представления, а вместе с этим происходит смена предпочтений и отношения общества к конкретным религиозным организациям и их позициям. Сегодня общество более избирательно и разборчиво в своих духовных предпочтениях, непостоянно в следовании религиозным догмам и правилам и готово выбирать религию не только исходя из этнической принадлежности, но и того, как та или иная религиозная организация взаимодействует с обществом в целом и его отдельными членами.

Описанные процессы и коммуникативные средства демонстрируют в полной мере возможности использования немедийных коммуникаций в деятельности религиозных организаций России, указывают на глубину данного вида взаимодействия, основанного на обоюдном интересе и отсутствии принуждения к контакту, раскрывают его потенциал.

Подчеркнем, что ресурсы для изучения объекта, исследуемого в данной статье, еще не исчерпаны, и в последующие годы религиозным организациям предстоит продолжить работу в этом направлении.

Библиографический список

Бабосов Е.М., Трусь А.А. Особенности коммуникации в организационных моделях различных типов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 3. С. 95–114.

Барнетт Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход. СПб.: Питер, 2001. 864 с.

Бугаева И.В. Особенности описания религиозных концептов // Хрестоматия теолингвистики. Т. 2: Сб. статей / под ред. А.К. Гадомского. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. С. 176–188.

Бугаева И.В., Стилистические особенности рекламы с религиозным компонентом // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Факультет журн. МГУ, 2016. С. 101–104.

Ванд Л.Э., Муратова А.С. Теоретические основы духовной коммуникации. М.: Ленанд, 2013. 448 с.

Данилова А.С. Развитие корпоративной культуры посредством эффективных коммуникаций организации / А.С. Данилова, О.М. Федорова, С.В. Здрестова-Захаренкова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2016. № 2. С. 42–47.

Доронина Е.Б. Повышение эффективности создания и функционирования сложных систем на основе

References

Babosov E.M. (2015) Features of communication in organizational models of different types. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* = Bulletin of the Moscow University Series 18: Sociology and political science. No. 3. P. 95–114. (In Russ.)

Barnett Dzh., Moriarti S. (2001) Marketing Communications: An Integrated Approach. St. Petersburg: Piter. 864 p. (In Russ.)

Bugaeva I.V. (2019) Features of the description of religious concepts. Khrestomatiya teolingvistiki. T. 2: Sb. statei = Anthology of theolinguistics. Vol. 2. Collection of articles. Ulyanovsk: Master Studio. P. 176–188. (In Russ.)

Bugaeva I.V. (2016) Stylistic features of advertising with a religious component. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Stylistics today and tomorrow: materials of the IV International scientific conference. Moscow: Journalism Department of MSU. P. 101–104. (In Russ.)

Vand L.E. (2013) Theoretical foundations of spiritual communication. Moscow: Lenand. 448 p. (In Russ.)

Danilova A.S. (2016) Development of corporate culture through effective communications of the organization. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* = Bulletin of the North Caucasus Federal University. No. 2. P. 42–47. (In Russ.)

Doronina E.B. (2016) Increase of efficiency of creation and functioning of complex systems on the basis of the

анализа коммуникативных процессов // Science Time. 2016. № 4. С. 244–254.

Егоричев В.А. Системный подход в исследовании организационных коммуникаций / В.А. Егоричев, П.И. Малярчук, Н.К. Семенова // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 686–688.

Желновакова М.Ф. Система внешних религиозных коммуникаций в России // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 406. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9389 https://elibrary.ru/item.asp?id=20909417 (Дата обращения 29.04.2018).

Картер Г. Эффективная реклама. Путеводитель для малого и среднего бизнеса. М.: Бизнес-Информ, 2000. 244 с.

Конушкина А.О., Федорова А.В. Современные коммуникации: организационный подход // Инновационная наука. 2015. № 3. С. 247–252.

Лункин Р.Н. «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. 2008. № 4 (288). С. 27–36.

Никитина Е.С. Социология коммуникации. М.: Palmarium Academic Publishing, 2014. 636 с.

Ореховская Н.А. Социальные коммуникации. М.: Инфра-М, 2014. 224 с.

Перелыгина Е.Б. Механизмы функционирования имиджа как феномена интерсубъектного взаимодействия. М.: Интеллект-Центр, 2003. 200 с.

Почепцов Г.Г. Коммуникативный инжиниринг. Теория и практика. М.: Альтерпрес, 2008. 416 с.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Ваклер, 2000. 352 с.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Ваклер; К.: Рефл-бук, 2001. 656 с.

Рыбаков В.А. Коммуникация как социальный механизм организационного управления // Образование и наука в современных условиях. 2015. № 3. С. 196–198.

Тараненко А.И. Коммуникативный аспект в деятельности современных организаций / А.И. Тараненко, Г.В. Панасенко // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2015. № 6. С. 271–275.

Шарков Ф.И., Горохов А.М. Социальные технологии управления коммуникациями в профессиональной деятельности // Коммуникология: электронный научный журнал. 2016. Том 1. № 1. С. 62–67.

Критерии авторства

Е.С. Другова, М.Ф. Желновакова выполнили исследовательскую работу, на основании полученных резуль-

analysis of communicative processes. Science Time. No. 4. P. 244–254. (In Russ.)

Egorychev V.A. (2016) System approach in the study of organizational communications. *Molodoi uchenyi* = Young scientist. No. 10. P. 686–688. (In Russ.)

Zhelnovakova M.F.(2013) The system of external religious communications in Russia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education. No. 3. P. 406. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=20909417 (accessed April 29, 2018).

Karter G. (2001) Effective advertising. Travel Guide for Small and Medium Businesses. Moscow: Biznes-Inform. 244 p. (In Russ.)

Konushkina A.O., Fedorova A.V. (2015) Modern communications: organizational approach. *Innovatsionnaya nauka* = Innovative science. No. 3. P. 247–252. (In Russ.)

Lunkin R.N.(2008) "Russian" regions of Russia: the degree of Orthodoxy and political orientations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. No. 4 (288). P. 27–36. (In Russ.)

Nikitina E.S. (2014) Sociology of communication. Moscow: Palmarium Academic Publishing. 636 p. (In Russ.)

Orekhovskaya N. A. (2014) Social communications. Moscow: Infra-M. 224 p. (In Russ.)

Perelygina E.B. (2003) Mechanisms of functioning of the image as a phenomenon of intersubjective interaction. Moscow: Intellect-Center. 200 p. (In Russ.)

Pocheptsov G.G. (2008) The Communicative engineering. Theory and practice. Moscow: Alterpress. 416 p. (In Russ.)

Pocheptsov G.G. (2000) Communication technologies of the twentieth century. Moscow: Wakler. 352 p. (In Russ.)

Pocheptsov G.G. (2001) Theory of communication. Moscow: Wakler; K.: Refl-Buk, 656 p. (In Russ.)

Rybakov V.A. (2015) Communication as a social mechanism of organizational management. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh* = Education and Science in Modern Conditions. No. 3. P. 196–198. (In Russ.)

Taranenko A.I. (2015) Communicative aspect in the activity of modern organizations. *Upravlenie cheloveche-skimi resursami – osnova razvitiya innovatsionnoi ekonomiki* = Human resource management – the basis for the development of innovative economy. No. 6. P. 271–275. (In Russ.)

Sharkov F.I., Gorohov A.M. (2016) Social technology of management of communications in professional activities. *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurna* = Communicology: electronic scientific journal. No. 1. P. 61–67. (In Russ.)

Attribution criteria

E.S. Drugova, M.F. Zhelnovakova completed the research work, based on the results obtained, conducted a

татов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Другова Елена Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и журналистики,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: alena-svetlaya@mail.ru
Желновакова Маргарита Федоровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и журналистики,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: m.zhelnovakova@gmail.com

synthesis, prepared a manuscript for publication, have copyright on the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Elena S. Drugova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Advertising and Journalism,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: alena-svetlaya@mail.ru

Margarita F. Zhelnovakova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Advertising and Journalism,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: m.zhelnovakova@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(470)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-232-240

Становление и развитие системы профессионального образования правоохранительных учебных заведений Иркутской области

©В.В. Черных

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история зарождения и развития системы учебных заведений Иркутской области, готовящих специалистов для органов внутренних дел Сибири и Дальнего Востока. Эмпирическую базу исследования составили несколько групп источников: архивные материалы, нормативные правовые акты, исследования учёных на протяжении двух столетий, позволяющие отслеживать изменения исторического процесса рассматриваемого вопроса. Результаты проведённого автором анализа позволяют отметить исторические особенности и тенденции системы подготовки кадров для системы органов внутренних дел и выявить складывание жёсткой централизации, что обусловлено характером сложных задач, борющихся с такими негативными проявлениями как преступность и пожары. Наряду со столицами Иркутск являлся флагманом в организации пожарной безопасности. Специфика пожаротушения заключается в необходимости знаний технического характера, причём с развитием научно-технического прогресса усложняются все процессы пожаротушения и успешность борьбы с пожарами переходит от стадии ремесленного знания к знанию техника, а затем и инженера. В 2013 г. в Восточно-Сибирском институте МВД состоялся последний выпуск инженеров пожарной безопасности. Подготовка данных специалистов возложена на МЧС и решено обучать будущих пожарных в г. Железногорске Красноярского края. Двухвековой опыт комплектования и развития правоохранительного образования в Иркутске позволил заложить базу подготовки высокопрофессиональных специалистов в области органов внутренних дел, включая пожарную безопасность для Сибири и Дальнего Востока, а свёртывание подготовки инженеров и техников пожарного дела в Иркутске является государственной ошибкой, приведшей к недостатку и ухудшению качества специалистов данного профиля, что отразилось и на эффективности борьбы с огнём.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, милиция, система профессионального образования, школы милиции, пожарные курсы, пожарное училище, учебные пункты, Иркутский факультет Высшей инженерной пожарно-технической школы (ИФ ВИПТШ) Министерства внутренних дел СССР, двухступенчатая подготовка пожарных, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России (ВСИ МВД)

Информация о статье: Дата поступления 5 декабря 2019 г.; дата принятия к печати 13 января 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Черных В.В. Становление и развитие системы профессионального образования правоохранительных учебных заведений Иркутской области // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 232–240. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-232-240

Origin and development of professional education system of law enforcement educational institutions of Irkutsk region

© Vladimir V. Chernykh

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract: The article deals with the history of the origin and development of the system of professional education of educational institutions of the Irkutsk region, training specialists for the Internal Affairs bodies of Siberia and the Far East. The empirical base of the study was made up of sources that can be divided into several groups: archival materials, normative legal acts,

research by scientists over two centuries, allowing to track changes in the historical process of the issue under consideration. The results of the analysis conducted by the author allow us to note the historical features and trends of the training system for the system of Internal Affairs bodies and identify the formation of strict centralization, which is due to the nature of complex tasks that are fighting such negative manifestations as crime and fires. Along with the capitals, Irkutsk was the flagship in the organization of fire safety. The specifics of fire fighting is the need for technical knowledge, and with the development of scientific and technological progress, all the processes of fire fighting become more complicated and the success of fire fighting goes from the stage of craft knowledge to the knowledge of a technician, and then an engineer. In 2013, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs held the last graduation of fire safety engineers, the training of these specialists was entrusted to the Ministry of emergency situations and it was decided to train future firefighters in Zheleznogorsk, Krasnoyarsk region. Two centuries of experience in the acquisition and development of law enforcement education in Irkutsk helped to lay the Foundation of training highly qualified specialists of Internal Affairs bodies, including fire safety for Siberia and the Far East, and curtailing the training of engineers and technicians in fire in Irkutsk is a government error that led to the shortage and deterioration in the quality sector, which was reflected in the effectiveness of fighting fires.

Keywords: agencies of Internal Affairs, police, militia, vocational education system, militia schools, fire courses, Fire College, training points, Irkutsk Faculty of the Higher Engineering Fire-Technical School (IF HEFTS) of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, two training firefighters, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Article info: Received December 5, 2019; accepted for publication January 13, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Chernykh V.V. (2020) Origin and development of professional education system of law enforcement educational institutions of Irkutsk region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 232–240. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-232-240

Несмотря на то, что полиция в Иркутске была организована 17 (29) 1757 г. (Во власти истории, 2009. С. 87) пройдёт ещё более 1,5 века прежде чем станет вопрос об организации образовательных учебных заведений для органов внутренних дел.

Данная статья открывает цикл публикаций о создании в Иркутске образовательных правоохранительных заведений, сложившихся в 1993 г. в Восточно-Сибирский институт. Заведение готовит следователей-юристов, судебных экспертов и пожарных среднего и высшего звена. Цель – проследить основные этапы становления подготовки кадров для органов внутренних дел (Вехи славного пути, 2013. С. 40–41; ВСИ МВД России – 10 лет…, 2003. С. 3–6; ВСИ МВД России. 15 лет…, 2008. С. 30–31).

Иркутск наряду с Москвой и Санкт-Петербургом с момента образования Министерства внутренних дел Российской Империи стал флагманом в организации пожарной безопасности, что выразилось в создании в Иркутске практически одновременно со столицами пожарно-полицейских команд, пожарных депо, в техническом их оснащении. И не случайно пожарные команды г. Иркутска неоднократно признавались на «Сибирских съездах пожарных» образцовыми, а брандмайоры и брандмейстеры Иркутска становились наставниками в создании и организации пожарной охраны таких губернских городов как Верхнеудинск, Чита, Красноярск, не говоря уже об уездных городах (Журнал заседаний…, 1889; Чехов, 1892; Иркутское добровольное пожарное общество…, 1894; Жарников, Голенев, 1903; Пуляев, 1910; Пуришкевич, 1909; Романов, 1994a; Романов, 1994b; Романов, 1994c; Ларионов, 1880; Черных, 1998; Ильин, Мешалкин, 2003[1]; Иркутские повествования, 2003; Агапитов, Чащин, 2006; Черных, 2010).

К началу XIX века созрели предпосылки перехода к созданию Министерства внутренних дел и профессиональных правоохранительных специализированных подразделений, что в свою очередь ставило на повестку дня специальную подготовку людей, избравших своей специальностью профессию огнеборца.

И тем не менее до напрашивающегося подхода комплектования пожарных из людей военного

[1] Ильин В.В., Мешалкин Е.А. История пожарной охраны России: учебник. М.: Академия ГПС МЧС России, 2003. 348 с.

ведомства (что произойдёт в 1853 г.) и отказа от комплектования данных команд из «людей праздношатающихся», что фиксировали указы (Бородин, 1913. С. 51) предыдущего века, понадобится осознание того, что с эпидемией пожаров должны бороться профессионалы.

Специфика пожаротушения заключается в необходимости знаний технического характера, причём с развитием научно-технического прогресса усложняются все процессы пожаротушения и успешность борьбы с пожарами переходит от стадии ремесленного знания к знанию техника, а затем и инженера, что сопряжено с организацией специальных образовательных учреждений (Васильев, 1997. С. 174–177).

Первый опыт создания такого учреждения был осуществлён ещё императором Павлом I, учредившим в 1797 г. в селе Никольском Новоторжского уезда училище «Земляного битого строения под ведением некого Львова» (Пуришкевич, 1909. С. 50–51). Инициатором уникального государственного проекта стал «русский Леонардо» – Николай Александрович Львов. Человек весьма и весьма разносторонний, известный такими оригинальными архитектурными постройками, как Невские ворота Петропавловской крепости, дом поэта Г.Р. Державина в Петербурге, Борисоглебский собор в Торжке, Приоратский дворец в Гатчине и др. Путешествуя за границей, он обратил внимание на повсеместное распространение там построенных из прессованной земли, то есть землебитных, домов. Вернувшись в Россию, он занялся распространением и пропагандой землебитного строительства.

Если бы его задумка увенчалась успехом, в России практически решены были бы сразу две важнейшие проблемы: пожарной безопасности зданий и сохранности лесных массивов[2]. Перед училищем была поставлена задача готовить будущих профессионалов пожарного дела, хорошо разбирающихся в огнестойком строительстве. Губернии поставили по 1–2 учеников с обязательством возвращения в свои губернии (Пуришкевич, 1909. С. 114). К сожалению, этот опыт не нашёл продолжения по горячим следам, пройдёт столетие, прежде чем в 1897 г. в Стрельне под Петербургом будут организованы краткосрочные курсы повышения квалификации брандмейстеров. Симптоматично, что осуществил этот проект внук Львова Александр Дмитриевич Львов. В 1906 г. курсы перемещаются в Санкт-Петербург и получают новое название – Курсы пожарных техников. К преподаванию были привлечены известные инженеры: Э.Э. Лунд, А.А. Пресс, П.К. Яворовский, Н.П. Требезов, П.А. Федотов, М. Колесник-Кулевич и др. (Черных, 1998. С. 114; Черных, Соколов, 1994. С. 59; Черных, 2010. С. 251).

Надо отдать должное Советской власти, ощущая дефицит в правоохранителях, она уже с 1918 г. начинает готовить через сеть различных школ и курсов сотрудников для системы органов внутренних дел, в первую очередь милиционеров и пожарных (Черных, 2019. С. 264–273)[3]. К 1922 г. сложилась разветвлённая система подготовки будущих сотрудников ОВД, охватившая все регионы. Профессиональное обучение включало три уровня. Начальную подготовку будущие милиционеры получали на 6–8-недельных курсах в резервах при губернских управлениях милиции. Вторым уровнем выступали губернские милицейские школы, готовившие за срок до 8 месяцев младших командиров. Третий уровень – подготовка будущих городских и губернских начальников милиции в течение двух лет.

В Иркутске аналогичная сеть подготовки стала складываться в 1923 году. Сыграла определённую роль отдалённость и затянувшееся освобождение края от колчаковщины. С октября 1923 г. функционируют (на непостоянной основе – набираемые по мере потребности в кадрах) школа резерва для поступивших в органы милиции и Иркутская губернская школа подготовки младшего командного состава милиции. Кадры для Иркутской губернии готовила и Омская школа среднего командного

[2] «Земляное битое строение» [Электронный ресурс]. URL: http://vladimir.bezformata.com/listnews/zemlyanoe-bitoe-stroenie/7086926/ (Дата обращения: 01.12.2019).

[3] Черных В.В. История органов внутренних дел: учебник / В.В. Черных. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 455 с.

состава милиции. 28 марта 1925 г. приказом начальника административного Отдела ГИК и начальника милиции губернии было официально объявлено о создании Иркутской губернской школы младшего командного состава милиции.

Большевики в мае 1918 г. преобразовали курсы в Пожарно-техническое училище (ПТУ). Однако набор был незначителен (20–30 чел.) и их было недостаточно даже для европейской части страны, поэтому появление на окраинах специалистов пожарного дела в этот период носило случайный характер, а быстрое индустриальное развитие страны требовало специалистов инженерного плана. Отчасти потребность в пожарных кадрах перекрывалась организацией сети различных по продолжительности курсов, создававшихся в крупных республиканских, краевых и областных центрах, особенно при крупных промышленных предприятиях. В Иркутске такие курсы благодаря настойчивости в этом деле начальника городской пожарной охраны Лебедева открылись при 1-й пожарной станции. Но ещё в 1931 г. состоялся первый выпуск Восточно-Сибирских краевых 4-х месячных пожарно-технических курсов с набором в 40 человек. В 1933 г. был осуществлён первый выпуск годичных курсов и набран следующий одногодичный пожарно-технический курс. В 1932 г. намечалось открыть в Иркутске пожарный техникум, но планы остались нереализованными (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 85. Оп. 1. Д. 537).

С 1962 г. в Иркутске начало действовать отделение факультета заочного обучения Высшей школы Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР, которое стало готовить юристов для ОВД, а в 1989 г. был образован филиал Красноярской специальной средней школы милиции, который приступил к обучению специалистов юридического профиля по очной форме обучения.

Начало систематическому пожарному образованию в Иркутской области положила организация в 1955 г. в городе Ангарске Школы младшего начальствующего состава (учебный пункт), готовившей командиров отделений и помощников инструкторов профилактики. Обучение проходило по программе двухмесячных курсов. Весомый вклад в организацию и развитие пункта внесли руководители с большим практическим опытом: В.С. Бурмистров, О.Б. Ярополов, А.Е. Сомойлов, А.А. Попов, В.Н. Ганьшин, А.В. Лесенков; добрые воспоминания о себе оставили В.А. Ямолдин, Ю.И. Соловьёв, Н.А. Тюкавкин, Л.Г. Белобородова, А.Ф. Люсенко, В.В. Филиппов и др.

Ангарский пункт продолжает осуществлять подготовку для МЧС: специальная подготовка – двухмесячные курсы; сборовая подготовка (повышение квалификации); подготовка командиров отделений – 6 месяцев; подготовка младших инспекторов – 2 месяца. Количество обучаемых в год: специальная подготовка – 190–200 чел., сборовая – 400–430, командиров отделений – 30, младших инспекторов до 90 человек (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 844).

В 1995 г. был открыт аналогичный учебный пункт в г. Братске. В 1997 г. в двух учебных пунктах Иркутской области прошло обучение 1097 человек, в том числе по первоначальной подготовке 614 чел., по сборной 483. В среднем на протяжении последних 30 лет ежегодно проходили профессиональную подготовку государственной противопожарной службы по Иркутской области порядка 1000 чел., что признано достаточным для стабильной деятельности противопожарных подразделений области. В сложные 90-е годы в связи с финансовыми трудностями приходилось проводить подготовку непосредственно по месту службы.

Профессиональная подготовка личного состава ГПС осуществлялась в соответствии с приказом МВД РФ № 100 от 10 июля 1991 г.

Повышение квалификации начальствующего состава с открытием в Иркутске Иркутского факультета Высшей инженерной пожарно-технической школы (ВИПТШ) МВД СССР становится упорядоченной и более качественной, чему способствовало привлечение к преподаванию в ВИПТШ профессиональных учёных технического профиля и опытных практиков.

Прорывным моментом в организации подготовки пожарных кадров стало создание в Иркутске

в 1968 г. Пожарно-технического училища, а через десять лет (в 1978 г.) ИФ ВИПТШ МВД СССР. Созданный в Иркутской области мощный образовательный кластер готовил пожарных специалистов всех уровней для всей восточной части СССР.

Среди выпускников Иркутского учебного заведения – ряд известных руководителей. Так, успешно несут службу на высоких должностях – министр внутренних дел по Республики Бурятии генерал-майор полиции Олег Филиппович Кудинов, заместитель начальника регионального центра по Государственной противопожарной службе генерал-майор внутренней службы Александр Николаевич Еремеев, начальник УФСИН России по Кировской области генерал-майор внутренней службы Владимир Иннокентьевич Никитеев. 11 августа 2008 года после тяжелой и продолжительной болезни на 52-м году жизни скончался выпускник Иркутского ПТУ генерал-майор внутренней службы Николай Николаевич Батуро – первый заместитель начальника Сибирского регионального центра МЧС России (по Государственной противопожарной службе).

Более 200 выпускников этих образовательных учреждений в разное время занимали ответственные посты в структурах МВД страны.

Огромная заслуга в организации, а затем успешном функционировании Иркутского пожарно-технического училища принадлежит руководителям Управления государственной пожарной службы по Иркутской области В.В. Шеховскому, М.Н. Агапитову, К.Н. Шейчику.

Быстрому становлению ПТУ и ВИПТШ способствовала конструктивная кадровая политика и умение выстраивать деловые отношения с руководством города и МВД, основанные на государственных интересах по подготовке кадров для МВД и развитии Иркутской области первого начальника ПТУ А.П. Алифанова (1968–1978 гг.), его же – в должности начальника ВИПТШ (1978–1986 гг.), сменившего его на посту начальника ПТУ М.Н. Агапитова, А.А. Деревского, в ВИПТШ – О.М. Волкова.

Заслуженный авторитет и добрую память курсантов ПТУ снискали руководители и преподаватели Н.Ф. Кузнецов, В.З. Баренгольц, В.В. Лыхин, С.С. Зырянов, Б.А. Соложеникин, О.Г. Тарнопольская, В.Г. Шелковникова, Н.С. Тутурин, у слушателей ВИПТШ – А.А. Топорищев, К.В. Пашин, В.С. Ануфриев, Л.В. Ущаповский, В.П. Удилов, А.С. Абрамов, Н.Н. Ялымов и др.

Иркутский факультет ВИПТШ, созданный в 1978 г., уже к 1985 г. насчитывал 14 кандидатов и одного доктора наук, что составило 70 % преподавателей, имеющих степень. Неплохой результат за такой короткий срок. Большой удачей для факультета стал приход на службу доктора технических наук, профессора Якова Степановича Киселёва, подготовившего более десяти кандидатов наук, из которых шестеро (А.А. Топорищев, А.С. Абрамов, В.П. Удилов, А.В. Корнилов, Ю.Х. Исмагилов и Н.Н. Лученок) стали преподавателями факультета. С уходом Я.С. Киселёва в Санкт-Петербургский университет МВД России на должность заместителя начальника по науке, научная школа, заложенная им, была подхвачена его учеником Удиловым, который продолжил научные разработки по методикам профессора Киселёва и также преуспел в подготовке группы кандидатов наук и сам стал доктором технических наук, профессором.

ПТУ и ВИПТШ развивались: совершенствовалась материально-техническая база, создавались специализированные лаборатории, нарабатывались традиции, заметны были и спортивные достижения, особенно в пожарно-прикладном виде спорта.

Летом 1989 г. ИФ ВИПТШ, ранее занимавший два небольших здания, перемещен в новый отдельный комплекс по адресу: ул. Гончарова, 30. Выросла площадь учебно-лабораторных зданий в 3,5 раза, учебная площадь для слушателей – почти в 6 раз, число учебных помещений увеличилось с 17 до 28, слушатели получили просторное общежитие (Черных, 1998. С. 117–118).

Однако специалистов пожарной охраны в Восточной Сибири не хватало. Причинами были высокие темпы жилищного и промышленного строительства, потребовавшие увеличивать набор огнеборцев в 2–3 раза, но эти планы оказались труднореализуемыми по целому ряду причин. Здесь и финансовые, и материальные, и людские пробле-

мы, связанные с переходным периодом завершения строительства социализма и вхождением страны в рыночную формацию. Но возникла ещё и проблема неоправданно длительного обучения специалистов высшего звена инженеров пожаротушения, связанная с тем, что филиал ВИПТШ продолжал готовить инженеров на базе Пожарно-технического училища. Между средней и высшей ступенью обучения требовался стаж практической работы не менее двух лет. Таким образом, получение высшего специального образования растягивалось на срок до 9 лет, а возраст молодого специалиста выпускника ВИПТШ достигал 30 лет. Всё это вызывало неудовлетворённость у обучающихся, количество желающих обучаться на таких условиях резко упало. Как неоправданные оценивались затраты государства. Негативную роль играло и обязательное разделение специального образования на ступени с дублированием учебных планов.

Проблемы с набором, а, следовательно, и с обеспечением подразделений специалистами высшего звена нарастали и в 1991 г. достигли апогея – плановый набор слушателей на 1 курс ИФ ВИПТШ выполнить не удалось. В следующем году в подразделении специальная группа занялась установлением причин срыва приемной кампании. Автору этой статьи довелось принимать участие в проведении исследования социальных вопросов подготовки кадров. Проведённое социологическое исследование показало остро отрицательное отношение респондентов (обучающихся, профессорско-преподавательского состава и практиков) к большому сроку учёбы. Уже к моменту поступления в ВИПТШ слушатели имели значительный возраст. Так, на ИФ ВИПТШ в 1992 г. 8,7 % слушателей имели возраст до 25 лет, более 78 % до 30 лет, около 11 % до 35 лет, 2 % старше 35. В этом возрасте ослабевает восприятие людьми учебного материала, большинство слушателей имеют семьи, а, следовательно, добавляются бытовые проблемы, ну и наличие выслуги 10–15 лет также не убеждает в том, что образовательный процесс инженеров-пожарных был тщательно продуман.

Количество лиц, имеющих право поступления в ВИПТШ, не обеспечивало качество выбора и снижало уровень профессиональной подготовки в ходе учебного процесса. Слабая подготовка инженеров пожарной безопасности снижала их ценность для практической деятельности, где реальное инженерное образование оказалось невостребованным. Так, изначально была заложена сомнительная, на наш взгляд, ведомственная практика подготовки специалистов, приведшая к падению престижа высшего образования и снижению его качества.

В начале 1990-х годов во многих гражданских вузах России была введена система многоуровневого образования по образцу США (Высшая школа: проблемы, исторический опыт…, 1992. С. 17).

Но потребность в пожарных специалистах для Сибири и Дальнего Востока по-прежнему оставалась высокой, о чём свидетельствовали недостаточная укомплектованность кадрами этих регионов и постоянные обращения местных кадровых территориальных органов, требующих специалистов высшего звена. Так, в начале 90-х сложилась курьёзная ситуация: часть офицеров откровенно отказывались получать высшее образование по вышеуказанным причинам. Статистическая потребность в кадрах становилась угрожающей: в Кемеровской области из 378 должностей, требующих специальной квалификации, был замещен 191 (50,5 %), в Алтайском крае 130 из 270 (48,2 %), в Челябинской области – 194 из 303 (36,6 %), в Иркутской области 197 из 278 (70,9 %) (Черных, 1998. С. 119). Сама жизнь требовала перехода к новой системе подготовки.

Разработка единого учебного плана преемственной двухступенчатой подготовки пожарных техников и инженеров на Иркутском факультете ВИПТШ началась в 1988 г. в ходе работы над научно-исследовательской темой «Оптимизация содержания учебных программ применительно к специфике деятельности пожарной охраны». Итогом стал проект сквозного учебного плана: двухлетнее обучение на первой ступени завершалось присвоением квалификации пожарного техника. На второй, высшей ступени, за три года обучения готовились инженеры. Часть выпускников первой ступени, показавшая высокие результаты и готовая

продолжить обучение, зачислялась на вторую ступень. Нахождение в Иркутске ПТУ и факультета ВИПТШ обеспечило взаимодействие педагогических коллективов. Аргументом в пользу объединения стала разработка единого учебного плана, которая рассматривалась как средство повышения качества и уменьшения расходов на подготовку специалистов.

Перед нами один из немногих случаев в истории образовательных учреждений, когда была реализована инициатива снизу, что можно объяснить общими условиями реформ 1990-х гг. В 1993 г. с организацией в Иркутске высшей школы МВД РФ, одним из факультетов стал пожарно-технический (Высшая школа: проблемы, исторический опыт…, 1992. С. 22–23). Так воплотилась идея двухступенчатой подготовки специалистов. Дальнейшая практика обучения подтвердила преимущества новой системы, но и показала недостатки: не удалось полностью избавиться от дублирования дисциплин. Зависимость получения высшего противопожарного образования от среднетехнического обострила объективные методологические различия между направленностью подготовки на первой ступени и теоретическими подходами к целям обучения на второй.

Двухступенчатая система подготовки пожарных специалистов, реализованная в ВСИ МВД России, оставалась дорогостоящей: на первой ступени выпускнику присваивалось офицерское звание – лейтенант. И поступая на инженерный факультет, он уже (зачастую не прослужив на практике ни одного дня), получал достаточно высокое жалование и само обучение растягивалось на 8 лет. Для устранения этого предлагалось создать два отдельных направления обучения: техников – 3 года и инженеров – 5 лет, – на базе средней школы. Выпускники, получившие техническое образование, могли продолжить обучение через заочную форму, без отрыва от службы. Инженерам же, отучившимся 4 года, присваивалось офицерское звание младший лейтенант, а через год по завершению всего срока обучения – лейтенант. Этот подход был более экономичным, а подготовка курсантов и слушателей более соответствовала разной ролевой направленности, так как часть техников довольствовалась по службе ролью техника, не стремясь к получению высшего образования.

Двухвековой опыт подготовки пожарных кадров под руководством ОВД региона способствовал созданию в Иркутске разветвлённой системы образования специалистов-пожарных. К сожалению, в 2013 году ВСИ МВД России был осуществлён последний выпуск инженеров пожарной безопасности, подготовку данных специалистов возложило на себя МЧС и обучение будущих пожарных ими было решено осуществлять в г. Железногорске Красноярского края. Решение – явно сомнительное и отдающее несогласованностью двух ведомств – МЧС и МВД. Отказ от сложившейся, обладающей соответствующей материально-технической базой и высококвалифицированным персоналом с высоким научным потенциалом, – едва ли можно считать продуманным государственным решением. Конечно, обучение под одной крышей юристов и инженеров-пожарных выглядело весьма экзотичным, но площади, занимаемые ВСИ МВД России, позволяли создать два вуза, юридический и готовящий сотрудников для МЧС, но возобладали интересы, не имеющие ничего общего с интересами региона, да и государства в целом.

Библиографический список

Агапитов М.Н., Чащин С.Н. Пожарное дело в истории освоения и развития Восточной Сибири (1661–1950 гг.): научно-популярное издание. Иркутск, 2006. 504 с.

Бородин Д.Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых (1613–1913) / Д. Бородин. Санкт-Петербург: Имп. Рос. пожар. общество, 1913. 154 с.

Васильев А. Общественная опасность последствий влияния техногенных факторов на природу, общество и

References

Agapitov M.N., Chashchin S.N. (2006) Fire business in the history of peopling and development of Eastern Siberia (1661–1950): popular Scientific publication. Irkutsk. 504 p. (In Russ.)

Borodin D.N. (1913) Fire business in the reign of the house of Romanov. (1613–1913). St. Petersburg: Imperatorskoe Rossiiskoe pozharnoe obshchestvo. 154 p. (In Russ.)

Vasil'ev A. (1997) Public danger of consequences of influence of technogenic factors on the nature, society and

человека // Право и жизнь. Независимый журнал. 1997. № 12. С. 173–188.

Вехи славного пути. ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. 173 с.

Во власти истории: Евгений Шободоев: сборник статей и публикаций / сост. А.В. Шободоева. Иркутск: Оттиск, 2009. 340 с.

ВСИ МВД России – 10 лет. 1993–2003: (Сборник) / МВД РФ; сост. А.В. Данеев. Иркутск, 2003. 263 с.

ВСИ МВД России. 15 лет (1993–2008). Иркутск ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2008. 155 с.

Высшая школа: проблемы, исторический опыт, сравнительный анализ. Иркутск: РИО ИГУ, 1992. 26 с.

Жарников В., Голенев И. О сооружении в г. Иркутске хозяйственно-противопожарного водопровода. Иркутск: Типо-литография К.И. Витковской, 1903. 203 с.

Журнал заседаний первого съезда представителей городских обществ взаимного страхования от огня. СПб., 1889. 162 с.

Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. / автор-составитель А.К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 1. 463 с.

Иркутское добровольное пожарное общество за 13 лет его существования. Иркутск, 1894. 170 с.

Ларионов Д.Д. Губернский город Иркутск. (Пожары 22-го и 24 июня 1879 г.). Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1880. 4, 110, IV с.; 1 л. пл.

Пуляев И.М. Очерк двадцатипятилетней деятельности Иркутского общества взаимного страхования имуществ от огня. (XXV – 1884 г. 27/X 1909 г.): с общими краткими сведениями о страховании. Иркутск, 1910. 108 с.

Пуришкевич В. Национальное бедствие России. (О сел. пожарах) / Вл. Пуришкевич. СПб.: Изд. Рус. народ. Союза им. Михаила Архангела; тип. «Россия», 1909. 263 с.

Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994a. 429 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994b. 544 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. Изд-во, 1994c. 560 с.

Черных В.В. История борьбы с огнём в России: Монография. Иркутск: Оттиск, 2010. 592 с.

Черных В.В. История пожарного дела Иркутской области (1800–1990-е гг.): Монография. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 1998. 224 с.

Черных В.В., Соколов А.И. На рубеже веков (из истории Иркутской городской пожарной охраны) // По-

the person. *Pravo i zhizn'. Nezavisimyi zhurnal* = Law and life. Independent magazine. No. 12. P. 173–188 p. (In Russ.)

(2013) Milestones of the glorious path. FGKOU VPO “the TNI of the MIA of Russia”. 173 p. (In Russ.)

Shobodoeva A.V. (2009) In the power of story: Eugene Soboloev: a collection of articles and publications. Irkutsk: Ottisk. 340 p. (In Russ.)

Daneev A.V. (2003) TNI of the MIA of Russia is 10 years. 1993–2003: (Collection). Irkutsk, 2003. 263 p. (In Russ.)

(2008) ESI the Ministry of Internal Affairs of Russia. 15 years (1993–2008). Irkutsk FGKOU VPO “VSI MVD Russia”. 155 p. (In Russ.)

(1992) Higher school: problems, historical experience, comparative analysis. Irkutsk: Irkutsk State University. 26 p. (In Russ.)

Zharnikov V., Golenev I. (1903) On the construction in Irkutsk of economic and fire-fighting water supply. Irkutsk: Typo-lithography of K.I. Vitkovskaya. 203 p. (In Russ.)

(1889) Journal of the first Congress of Representatives of the city mutual fire insurance societies. St. Petersburg. 162 p. (In Russ.)

Chernigov A.K. (2003) Irkutsk narratives. 1661–1917 years. In 2 vol. Irkutsk: “Ottisk”. Vol. 1. 463 p. (In Russ.)

(1894) Irkutsk volunteer fire society for 13 years of its existence. Irkutsk. 170 p. (In Russ.)

Larionov D.D. (1880) The Provincial city of Irkutsk. (Fires of June 22 and 24, 1879). Irkutsk: Type. N.N. Sinitsyna. 4, 110, IV p. (In Russ.)

Pulyaev I.M. (1910) An outline of twenty-five years of activity of the Irkutsk society of mutual insurance of property from fire. Irkutsk. 108 p. (In Russ.)

Purishkevich V. (1909) National disaster of Russia. (About the villages. Fires). St. Petersburg: Ed. Fair-haired. people. Union them. Michael the Archangel; type. “Russia”. 263 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994a) Irkutsk chronicle 1857–1880. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 429 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994b) The Chronicle of the city of Irkutsk for 1881–1901. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 544 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994c) The Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924 Irkutsk: East Siberian book publishing house. 560 p. (In Russ.)

Chernykh V.V. (2010) History of fire fighting in Russia. Monograph. Irkutsk: Ottisk. 592 p. (In Russ.)

Chernykh V.V. (1998) History of fire-fighting in Irkutsk region (1800–1990-ies): Monograph. Irkutsk: VSI MVD trades abroad. 224 p. (In Russ.)

Chernykh V.V., Sokolov A.I. (1994) At the turn of the century (from the history of Irkutsk city fire protection).

жарное дело. 1994. № 5. С. 58–59.

Чехов А.П. Исторический опыт пожарного дела в России. СПб., 1892. 196 с.

No. 5. P. 58–59. (In Russ.)

Chekhov A.P. (1892) The historical experience of the fire service in Russia. St. Petersburg. 196 p. (In Russ.)

Критерии авторства

В.В. Черных выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.V. Chernykh performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Черных Владимир Васильевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
✉ e-mail: tchernykhsa@mail.ru

Information about the author

Vladimir V. Chernykh,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines,
East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
110, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: tchernykhsa@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 355.48
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-241-245

Сохранение исторической памяти: рецензия на сборник документов «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946)»*

© П.А. Новиков[a], Ю.А. Петрушин[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В рецензии дана оценка общественному значению и фактическому содержанию сборника документов «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946)». В ней отмечена новизна и актуальность публикации, подчеркнута широчайшая источниковая база и высочайший научный уровень, вклад сборника – вклад осмысления и сохранения исторической памяти. Раскрыта структура издания и те перспективы, которые она открывает для читателя.

Ключевые слова: Россия, Монголия, СССР, сотрудничество, армия, военные конфликты, документы, архивы, дипломатия

Информация о статье: Дата поступления 27 мая 2020 г.; дата принятия к печати 15 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Новиков П.А., Петрушин Ю.А. Сохранение исторической памяти: рецензия на сборник документов «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946)» // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 241–245. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-241-245

Preserving historical memory: review of the collection of documents “Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946)”*

© Pavel A. Novikov[a], Yurii A. Petrushin[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract: The review assesses the public significance and actual content of the collection of documents “Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946)”. It notes the novelty and relevance of the publication, emphasizes the widest source base and the highest scientific level, the contribution of the collection to the understanding and preservation of historical memory. The structure of the publication and the prospects that it opens for the reader are revealed.

Keywords: Russia, Mongolia, USSR, cooperation, army, military conflicts, documents, archives, diplomacy

Article info: Received May 27, 2020; accepted for publication June 15, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Novikov P.A., Petrushin Yu.A. (2020) Preserving historical memory: review of the collection of documents “Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946)”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 241–245. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-241-245

---

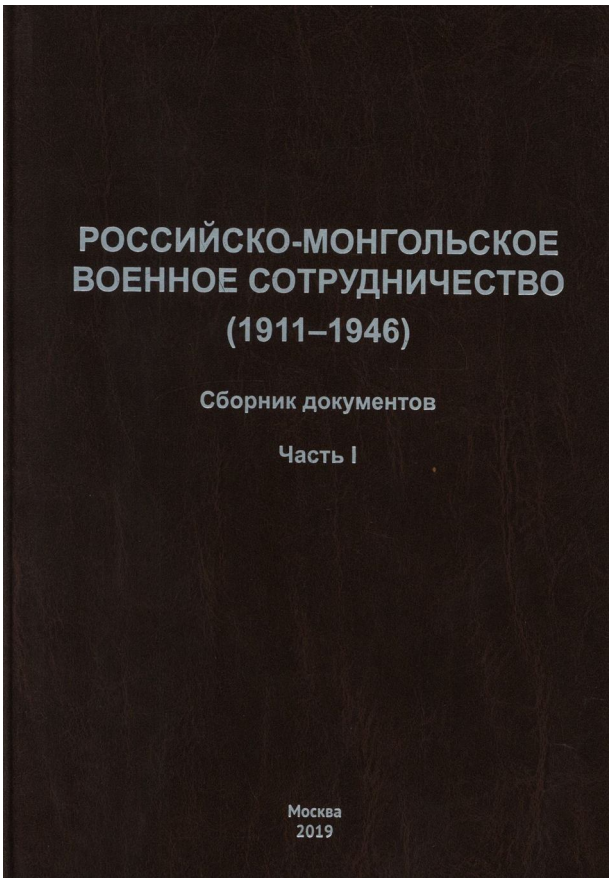
* Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. документов. В 2 ч. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Граница, 2019. 360 с. + 328 с.

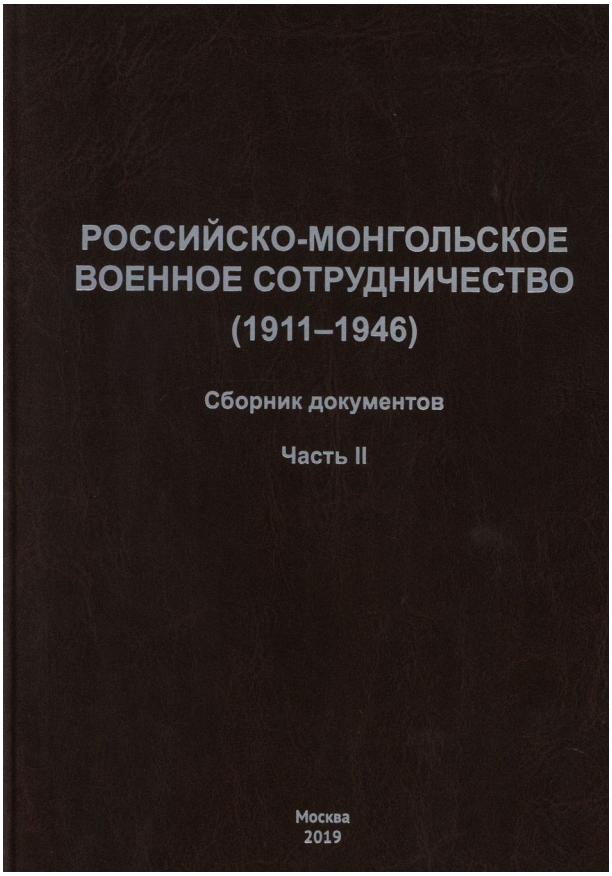
* Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946): a collection of documents. In 2 parts. Second edition, supplemented and corrected. Moscow: publishing house “Granitsa”, 2019. 360 p. + 328 p.

Задача распространения достоверных исторических знаний ответственна и почетна. Глубокое знание прошлого позволяет уверенно ориентироваться в настоящем и строить осмысленное будущее. Хранилищем богатейшего жизненного опыта является военная история нашей страны, уважительное обращение к которой помогало, помогает и будет помогать общественному развитию. Не проанализировав военный фактор, нельзя получить комплексной картины политического, социального, экономического и культурного развития любой державы или народа. Масштаб и приоритетность военного строительства определяющим образом влияют на национальное самосознание, на долгосрочные цели государств. Многие поколения предков образуют прочнейшую цепь национальной преемственности.

Разнообразное влияние войн на развитие государств – фактор, значение которого невозможно переоценить. Опыт политического, военного и хозяйственного строительства, накопленный в прошедшие исторические периоды, заслуживает научного и общественного осмысления, скрупулезной реконструкции исторического фона и непредвзятых оценок альтернатив. Исключительные перспективы открывает анализ проблем взаимодействия государственного и военного руководства, сюжеты осмысления и творческого использования военного опыта, взаимосвязь военного строительства в мирных условиях и боевой работы на войне, их краткосрочные и долгосрочные последствия.

Подчеркнем, что прежняя историографическая интерпретация, прежние историографические трактовки уже сами стали историей, обеспечили социально-политические и экономические последствия, развившиеся позднее в управленческие решения, в пропаганду, в общий интеллектуальный фон и т. п. и т. д. Вызванные идеологическим давлением пробелы в освещении событий позволили западным и части постсоветских отечественных авторов развернуть широкую критику и аргументированное опровержение коммунистических трактовок. Распад СССР разрушил многие стереотипы, изменил ценностные ориентиры, усилив дискуссионность в оценках прошлого. Облечен доступ к ар-





хивным материалам, выросли возможности международного сотрудничества.

Засвидетельствованное разрушение прежних догм и стереотипов лишь подчеркивает значимость подлинного национального опыта. Его детальное изучение необходимо для сохранения исторической памяти и извлечения уроков. В этой связи исключительную ценность представляет любой вводимый в широкий оборот документ, свидетельство, высказывание, рассказ. Важнейшую миссию выполняет сборник документов «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946)», выпущенный в Москве издательским домом «Граница» летом 2019 г.

Коллектив составителей включает признанных специалистов, высочайших профессионалов, историков и архивистов: И.И. Кудрявцев и С. Энхбаатар (ответственные составители), Б.В. Базаров (руководитель проекта), В.Ц. Ганжуров, Е.Н. Дмитроченкова, Л.В. Курас, И.М. Нагаев, Н.С. Тархова, В.Н. Шепелев, Е.Б. Шободоев, Ж. Гантулга, Д. Гомбосурэн, Н. Хишигт. К сожалению, двое коллег (В.Ц. Ганжуров и Е.Б. Шободоев), много сделавших для выявления документов, ушли из жизни прежде выхода издания, ставшего достойным их памяти. Непосредственно в подготовке сборника участвовали: Федеральное архивное агентство России, Национальное архивное управление Монголии, шесть архивов, историко-документальный департамент МИД России, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Ученым советов которого он и утвержден к печати). Сборник опубликован по решению Межправительственной Монголо-Российской Комиссии по сотрудничеству в области архивов. В рамках совместной работы выявлено свыше 1500 документов, из которых составителям пришлось выбрать 460, в т. ч. 408 впервые вводимых в оборот. Со вступительным словом к читателям обратился министр обороны Российской Федерации, Герой России генерал армии С.К. Шойгу.

В центре содержания каждого из публикуемых источников российско-монгольское военное сотрудничество в 1911–1946 гг. Материалы отражают пять тесно взаимосвязанных и хронологически последовательных сюжетов:

Во-первых, как царская Россия, исходя из своих национальных интересов и интересов региональной безопасности, поддерживала стремление монголов получить статус государства и создать свою национальную армию. Оказывалась финансовая помощь в виде займов и кредитов, поставлялось оружие и военное снаряжение, направлялись инструкторы, в том числе для военной школы в Хужир-Булаке. Весьма объемистые отчеты и доклады ярко передают специфику российского дореволюционного делопроизводства, одновременно показывая зарождение двухстороннего военного сотрудничества, отраженного в 73-х, ранее не публиковавшихся документах.

Во-вторых, события 1920–1921 гг. вокруг своеобразной личности генерал-лейтенанта барона Р.Ф. Унгерна. Как известно, эпизоды российского гражданского противоборства совпали с национально-освободительными процессами в Монголии, а наступление летом 1921 г. из Монголии на Западное Забайкалье белых частей во главе с Унгерном стало ярким финалом крупномасштабных сражений в Сибири. При этом и белые, и большевики стремились использовать стремление монгол обрести независимость. Сборник в более чем 140 документах (номера 74–215) раскрывает деятельность всех столкнувшихся сил.

В-третьих, советско-монгольское сотрудничество в межвоенный период: предоставление СССР кредитов, займов и безвозмездной помощи, помощь в подготовке кадров, дипломатическое взаимодействие, ввод советских войск в Монголию. Документы с 216 по 317, которые и завершают первый том. Отметим, что во многом развитие событий 1937–1945 гг. в Монголии повторило положение вещей 1911–1917 гг. Опять «северный сосед» вводил войска, размещал гарнизоны, обучал и снабжал оружием монгольскую армию. Но был и ряд отличий: в разы возросли масштабы военного присутствия; вместо враждебно-нейтрального Китая противником нашей страны выступала открыто агрессивная Япония; если русские войска группировались на юго-западе в рай-

оне Кобдо, то советские (57-й особый корпус) на северо-востоке.

СССР вел в Монголии масштабное железнодорожное строительство. В 1939 г. от станции Борзя через Соловьевск до Чойбалсана сооружена железная дорога. Затем построена узкоколейная дорога 750 мм Чойбалсан – Тамцакбулаг. В 1940 г. закончено строительство ветки Улан-Удэ – Наушки.

В-четвертых, отражение нападения японо-маньчжурских войск летом 1939 г. в районе р. Халхин-Гол (документы № 318–390) и помощь монгольского народа Красной армии в борьбе с фашистской Германией. Значение этих событий, наглядно показавших Японии военную мощь СССР, трудно переоценить. Недаром известный мыслитель А.А. Керсновский в работе «Философия войны» еще в 1932 г. особо подчеркивал: «Нападают лишь на слабых – на сильных – никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно своей силы и производящих со стороны впечатление слабых… Надо вовремя показать свою силу, чтоб избежать впоследствии ее применения. Это положение должно лечь в основу всякой здоровой политики».

Интересна и поучительна панорама распоряжений по совершенствованию армейской структуры. Приведены и сведения о боевой подготовке соединений, которую затруднял отрыв личного состава на работы в народном хозяйстве, а также рассмотрены проводившиеся вышестоящими инстанциями инспекции.

В-пятых, совместные усилия по разгрому японской Квантунской армии в августе 1945 г. (документы № 431–460). Быстрая победа продемонстрировала зрелость и эффективность коммунистических режимов СССР и Монголии, исключительные способности в мобилизации людских и материальных ресурсов. Коммунисты всегда подчеркивали свое тяготение к методам штурма, атаки и соответствующим образом идейно готовили народные массы. Тяготы в условиях войны являются не только минусом – причиной революций и восстаний, но и перспективным путем сплочения населения, способом напомнить тылу об идущих на фронте сражениях.

Сборник «погружает» в минувшие эпохи, увеличивает детальность рассмотрения, обеспечивает гармоничный баланс между показом общего исторического контекста и выявлением важных деталей и красноречивых подробностей. Реконструкция подробностей обеспечивает предельную отчетливость, очевидность, ясность. Документы пронизывают читателя «духом эпохи», не предопределяя умозаключений, не навязывая трактовку, выводов, обеспечивая возможность самостоятельных выводов. Дорогого стоит право читателя самостоятельно расставить ключевые акценты, выделить самое главное в череде наглядных частностей, осознать драматизм прошлого. Выверенная и логичная структура и строгое соблюдение археографических правил облегчает восприятие. Созданы все условия, чтобы выявить причинно-следственные связи и полнее осмыслить исторический опыт. Остается выразить глубокую признательность всем составителям и пожелать читателям вдумчивого чтения.

Критерии авторства

П.А. Новиков и Ю.А. Петрушин провели научное рецензирование, обобщили полученные оценки и написали рукопись, имеют на статью авторские права, и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Attribution criteria

P.A. Novikov, Yu.A. Petrushin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: novikov710@yandex.ru

Петрушин Юрий Александрович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
✉ e-mail: yurypetrushin@mail.ru

Information about the authors

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: novikov710@yandex.ru

Yurii A. Petrushin,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevsky street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: yurypetrushin@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)084/3(571)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-246-249

Дискурс как инструмент формирования социальной реальности: рецензия на монографию «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка…»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России» Д.Н. Шевелева*

© Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В рецензии охарактеризована нижеуказанная монография Д.Н. Шевелева. В ней отмечена новизна и актуальность монографии, широкая источниковая база, её вклад в историографию Гражданской войны на Востоке России. Работа оценивается как междисциплинарная. Отмечены сильные стороны теоретической части исследования, посвященной роли идеологии и инструментов воздействия на сознание масс. Дана положительная оценка выводам автора о недостатках пропагандисткой деятельности властей Белой Сибири.

Ключевые слова: Гражданская война, Первая мировая война, антибольшевистские правительства, дискурс, пропаганда, агитация, информационное воздействие, осведомительный аппарат

Информация о статье: Дата поступления 16 мая 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Скорикова Н.А. Дискурс как инструмент формирования социальной реальности: рецензия на монографию «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка…»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России» Д.Н. Шевелева // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 246–249. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-246-249

Discourse as an instrument of forming social reality: review of the monograph of Dmitriy N. Shevelyov: “Printed word in modern war as bullet and bayonet…”: Ideology, informant work and political propaganda of anti-Bolshevik governments in the east of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920)”*

© Natalya A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The review described the following D.N. Sheveleov’s monograph. It noted the novelty and relevance of the monograph as well as a broad source base and its contribution to the historiography of the Civil War in the East of Russia. The work is

---

* Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка…»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России / под ред. д.-ра ист. наук С.Ф. Фоминых, канд. ист. наук Е.В. Лукова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 268 с.

* Dmitriy N. Shevelyov: “Printed word in modern war as bullet and bayonet…”: Ideology, informant work and political propaganda of anti-Bolshevik governments in the east of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920) / Edited by Doctor of History, Professor S.F. Fominykh, Candidate of History, Associate Professor E.V. Lukov. Tomsk: University Publishing House, 2017. 268 p.

rated as interdisciplinary. The strengths of the theoretical part of the studies on the role of ideology and tools for influencing the consciousness of the masses are noted. A positive assessment is given of the author's conclusions about the shortcomings of the propaganda activities of the authorities of White Siberia.

Keywords: Civil War, World War I, anti-Bolshevik governments, discourse, propaganda, agitation, informational impact, information apparatus

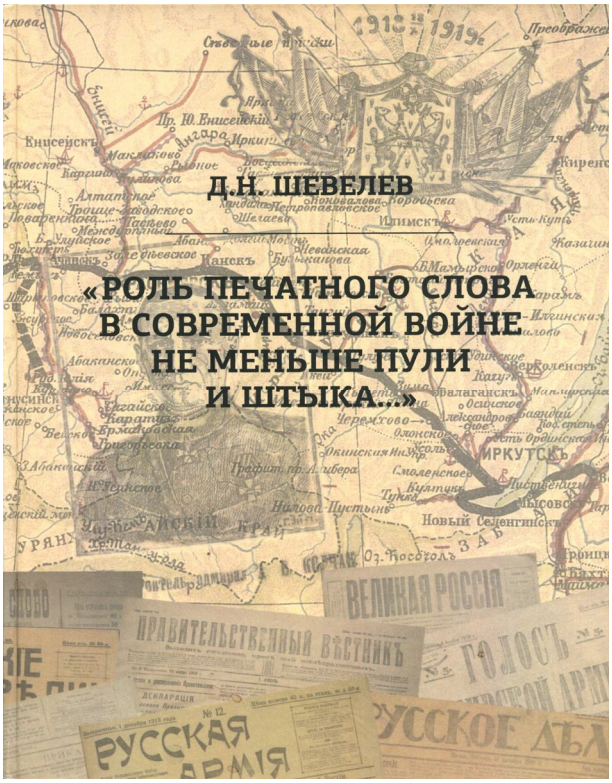
Article info: Received May 16, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Skorikova N.A. (2020) Discourse as an instrument of forming social reality: review of the monograph of Dmitriy N. Shevelyov: “Printed word in modern war as bullet and bayonet…”: Ideology, informant work and political propaganda of anti-Bolshevik governments in the east of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920)”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 246–249. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-246-249

Монография Д.Н. Шевелева – основательный труд в области исследования осведомительной работы антибольшевистских правительств Востока России. Источниковая база монографии обширна: материалы более 40 архивных фондов, сведения 156 газет и журналов, многочисленные воспоминания. Автор подробно изучил структуру, кадровый состав и функции осведомительных органов Белой Сибири, проанализировал методы политической пропаганды и основные идеологические установки, а с помощью схем и таблиц проиллюстрировал динамику их развития.

Исследование Д.Н. Шевелева с полной уверенностью можно отнести к междисциплинарным, организованным на стыке истории, социологии, политологии. Такой подход видится оправданным, позволяющим сформировать максимально полную картину происходящих событий, улучшить понимание содержания описываемых процессов и явлений.

Работа содержит весомую теоретическую часть, органично вплетенную в историческое повествование. Исследователь не просто ссылается на работы именитых философов, социологов, политологов, экономистов, таких как П. Бурдье, К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Грамши, Л. Альтюссер, К. Маннгейм, Г. Лассуэл и многих других, но и представляет читателю обзор и анализ их идей о сущности идеологии и ее роли в жизни общества. Для демонстрации того как теория работает на практике, автор прибегнул к схематичным изображениям структуры информационного пространства и каналов информационного воздействия в условиях Гражданской войны.



По справедливому замечанию Д.Н. Шевелева, Гражданская война в России стала внутренним конфликтом, в котором на первый план выдвинут антагонизм мировоззрений. Именно идейный раскол многомиллионного российского сообщества привел к необходимости использовать в борьбе за власть не только силу оружия, но и силу слова.

В современном мире на практике применяются информационные технологии, разработанные на основе многочисленных научных изысканий,

позволяющих с определенной степенью достоверности оценить их результативность. Работа же осведомителей и пропагандистов времен Гражданской войны выстраивалась во многом интуитивно, методом проб и ошибок. Тем не менее им удалось «нащупать» некоторые действенные способы завоевания симпатий населения.

В этом контексте автор уделяет особое внимание содержанию и значимости дискурса – сложному коммуникативному явлению, который кроме текста включает в себя целый ряд нелингвистических факторов: цели участников дискурса, их мировоззренческие установки, оценку ситуации, самоидентификацию и самооценку. В ходе дискурса информация не просто проговаривается, а анализируется, интерпретируется, наполняется эмоциями, обосновывается позиция оппонентов. И этот факт принципиально важен, ведь мобилизация масс возможна только при условии, что ее члены идентифицируют себя с определенной стороной (лагерем) в гражданском противостоянии.

В идеологической борьбе «белых» и «красных» дискурс стал основой информационного воздействия на сознание масс, инструментом формирования социальной реальности. С помощью речевых оборотов, метафор, идеологем пропагандисты пытались воздействовать на общественные настроения и восприятие действительности. В связи с этим наиболее ярко в работе дано описание так называемым «контрастным альтернативам»: Мы – свои, все честные граждане России; Они – чужие, враги, шайка изменников.

Противопоставлялись и цели борьбы. В отличие от белых властей, у большевиков имелась программа будущего переустройства общества. Антибольшевистские же правительства ставили перед собой задачу уничтожить советскую власть, а планы на будущее носили весьма абстрактный характер. Вероятно, в этом кроется причина того, что антибольшевистская пропаганда, по мнению автора, была несколько наигранной и страдала излишней драматизацией. Уходя от конкретики, белые власти использовали для обозначения цели борьбы расплывчатые, но достаточно красноречивые формулировки, которые можно свести к следующему: Мы – боремся за закон, порядок и справедливость, Они (большевики) – несут варварство, насилие и беззаконие.

Одним из самых болезненных для обеих сторон идеологического противостояния был вопрос о характере Первой мировой (Великой) войны и участии в ней России. Однако «обойти» эту тему в тех условиях было просто невозможно. С одной стороны, в руках «белых» был «козырь» – Брестский мир, подписанный большевиками и вызвавший у большинства россиян недоумение и раздражение. С другой – им необходимо было внятно разъяснить причину и важность вмешательства стран Антанты во внутренние дела России и оправдаться за присутствие их вооруженных сил на ее территории.

Д.Н. Шевелев в своей работе достаточно подробно разобрал риторику антибольшевистских сил по этому вопросу и представил их пропагандистские действия в виде алгоритма. В упрощенном виде его можно представить так:

– Россия – часть мирового сообщества;

– русский народ совершил подвиг во имя победы над «великим злом» совместно с «просвещенным Западом»;

– отказ от Брестского мира – залог того, что Россия встанет в один ряд с победителями, и к ее мнению будут прислушиваться на международной арене;

– большевиков необходимо приравнять к пособникам Германии и призвать к ответу за преступление против русского народа.

Основная роль в пропаганде естественно отводилась прессе. Д.Н. Шевелев в своей работе представил подробный анализ содержания многочисленных газет, брошюр и журналов. Ему удалось выявить особенности способа подбора, подачи и размещения материала, использования наглядной агитации. Причем здесь затрагивается культурно-осведомительная и пропагандистская деятельность как среди гражданского населения, так и в войсках.

Автор оценил результативность «белой» пропаганды как невысокую и выявил тому причины. Разбирая организационные моменты, он указывает на кадровый дефицит и недостаточно продуманную логистику формирования осведомительных и

культурно-просветительных организаций белой Сибири. Они не смогли дотянуться до уровня партийно-политической работы большевиков. Особенно слабо была поставлена работа на периферии. Немаловажное значение имело и недостаточное материальное обеспечение, банальный дефицит бумаги, типографского оборудования.

Д.Н. Шевелев справедливо указывает на то, что белые власти слишком поздно включились в информационную войну, а их тактика «непредрешения» не нашла отклика в массах. Население, уставшее от войн, нуждалось в конкретных мерах по решению насущных вопросов, связанных с повседневной жизнью. На этом фоне большевикам удалось увлечь массы идеей социальной справедливости, сформировать идейную основу консолидации масс в борьбе за светлое будущее. Антибольшевистские же правительства не справились с этой задачей. Недостатки в пропагандисткой деятельности только усугубили их положение, увеличили разрыв с населением и обрекли на поражение.

Критерии авторства

Н.А. Скорикова провела научное рецензирование, обобщила полученные оценки и написала рукопись, имеет на статью авторские права, и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

Attribution criteria

N.A. Skorikova made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Information about the author

Natalya A. Skorikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований. Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 200–250 words, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 2 (35) 2020

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.06.20. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 32,25.
Тираж 500 экз. Заказ 133. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83